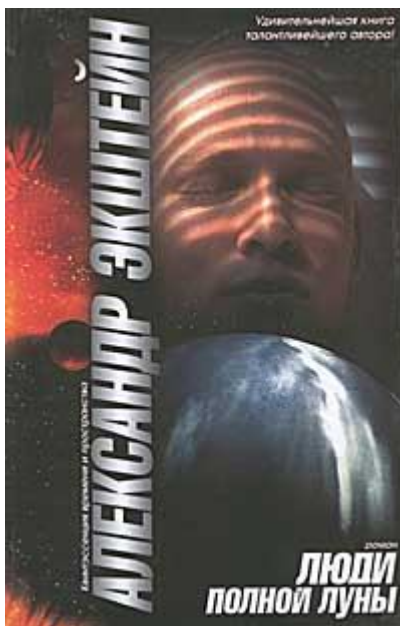

Александр Экштейн Люди полной луны

ЛПЛ – 1

«Люди полной луны: Роман / А. Экштейн»: АСТ; М.; 2002
ISBN 5-17-008806-X

Аннотация

Вы полагаете, что пришельцы, живущие рядом с нами и среди нас, — это бред воспаленного воображения уфологов-любителей?

Вы полагаете, что древняя, скрытая от глаз непосвященных Шамбала — это всего лишь легенда, всего лишь философская символика, суть которой уже утрачена для нас?

Возможно, вы правы. А возможно — просто НЕ ЗНАЕТЕ?

Перед вами — странная книга. Странная — и мистически-притягательная. Философская притча, стилизованная под остросюжетную смесь детектива, триллера и фантастики, — и визионерское откровение, ключ к пониманию которого зашифрован внутри повествования. Книга-калейдоскоп, книга-лабиринт, играющая смысловыми и стилистическими уровнями — и захватывающая читателя с первой страницы.

Это — своеобразный «Твин Пикс» по-русски.

Читайте — и разгадывайте!

Александр Экштейн Люди полной луны

Автор благодарит Николая Оскаровича Гусмана за помощь и поддержку в трудные минуты жизни

**Книга первая
СОЛНЕЧНЫЙ УБИЙЦА**

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В это брызжущее солнцем утро Глассик проснулся с ощущением гордости за свою жизнь. Он гордился собою всегда, но в это утро особенно. В солнечные дни это приятнее, чем в пасмурные. Первым делом он высунул из-под одеяла свою ступню и увидел, что эта ступня была красивой, впрочем, как и сами ноги, которые он начал осматривать сразу же после ступни. И все тело у Глассика было красивым. Он гладил себя по бедрам, животу, ягодицам и понимал, знал, что он красив, умен и к тому же обладает тайной, знание которой неподъемно для остальных из-за их врожденной неполноценности. Глассик встал, подошел к зеркалу и еще раз оглядел свое прекрасное тело, свои кривоватые, покрытые волосами тонкие ноги. Затем приблизил лицо вплотную к зеркалу и оскалился, любуясь желтоватыми, крупными до изумления, зубами, прижался губами к зеркалу и страстно поцеловал их отражение...

Глория Ренатовна Выщух даже вздрогнула, ей показалось, что из зеркала, в которое она взглянула мельком, проходя мимо, ее кто-то возжелал. Как и все красивые, чувственные женщины, она безошибочно угадывала тот момент, когда ее желали и раздевали мужские глаза. Глория Ренатовна даже ойкнула от неожиданности и оглянулась, ей показалось, что в комнате кто-то есть, но в комнате никого не было. «Ого!» — решила она, взглянула в зеркало, висящее на стене в прихожей, и тут же громко, с подвизгом, заорала. За ее спиной, отобразившись в зеркале, на вешалке висело чудовище. «Сволочь! — оборвала свой неизящный крик Глория Ренатовна и тут же исправилась: — Дурачок». Все эти мысленные сентенции относились к маске-страшилке, висящей на вешалке и оформленной старым плащом Глории Ренатовны, и к семнадцатилетнему оболтусу-сыну, который иногда шутил таким вот образом. Поправив прическу и с удовольствием отметив свой шарм, она открыла дверь квартиры и завизжала уже чисто по-бабьи, присев от ужаса и тут же падая на пол прихожей от тяжести навалившегося на нее электрика ЖЭКа Буйнова и лестницы, которую этот идиот прислонил к открывающейся внутрь двери квартиры.

— я... — начала было Глория Ренатовна, слегка покряхтывая под разлегшимся на ней электриком, но электрик оборвал ее:

— Да нет, это я щиток подкрасить после ремонта хотел. — Неохотно поднимаясь, он буркнул: — Извините, Глория Ренатовна.

— Сволочь! — на этот раз четко определилась Глория Ренатовна и, захлопнув дверь квартиры, направилась к лифту.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Труп пятнадцатилетней Оли Останской был тщательно сфотографирован и увезен в судебно-экспертный морг. Игорь Барка-лов находился в полнейшем недоумении и пытался привлечь к нему Степу Басенка, который выглядел раздраженным. На самом деле все эти чувства были побочными, за ними прятался самый настоящий страх. Нет, не тот унижительный, вызывающий жалость, а иногда и презрение страх, а четкий и хладнокровный страх профессионалов. Маньяк! Вздрогнет любой профессионал сыска. Это значит, что весь профессиональный опыт можно бросить псу под хвост. Никакие разработки и логические версии не пройдут. Самый лучший метод против маньяка — это стать самому маньяком. У привернутого дилетанта гораздо больше шансов обезвредить привернутого преступника, чем у закоснелого в жестком профессионализме сыщика.

Труп пятнадцатилетней Ольги Останской тому доказательство. Дело в том, что она уже

была оплакана и похоронена сутки назад. Оля утонула в бассейне Дворца спорта завода «Прибой». Оля плавала, одноклассник случайно вынырнул и ударил ее головой в живот. Девушка вскрикнула, наглоталась воды; легкий переполох и несообразительность взрослых. Когда ее извлекли из воды, она была уже мертвой, сердце оказалось слабым...

— Что за этим стоит? — недоумевал Игорь.

— Сумасшествие! — категорично заявил Степан.

Сумасшедшие ритмы современности. Глория Ренатовна Выщух сидела за столиком ресторана «Морская гладь», спрятавшись в уютной полутьме углового столика, и поедала экзотическое блюдо «Эскимос в Африке»; официант прямо из кухни мчался к столику Глории Ренатовны и ставил перед ней блюдо с пышущими жаром блинами. Глория Ренатовна сразу же накалывала блин двумя остро заточенными ореховыми палочками и отправляла в рот, вздрагивая нёбом от намека ожога и тотчас же погружаясь в сладостную прохладу двух шариков клубнично-сливочного мороженого. Шарик как бы взрывался внутри раскаленного блина, в котором пробегали не до конца объяснимые мурашки кулинарного риска и в котором угадывался косвенный экстаз повара Самвела Тер-Огонесяна, намертво, навечно, до дрожи в коленях влюбленного в Глорию Ренатовну Выщух.

Когда Глория Ренатовна шла по улице, то в ней как бы действовали тысячи тысяч микроскопических пружинок, отчего из двадцати проходивших мимо мужчин лишь один не обратил на нее внимания, сорокалетний художник Леня Светлогоров, хронический алкоголик с антиженскими наклонностями. Не выдержав выпитой дозы, Леня Светлогоров упал при входе на лестницу ресторана «Морская гладь» и не сразу поднялся, его внимание было сосредоточено на нижней ступеньке лестницы и на окурке сигареты «Столичной», прилипшей к ней. Глория Ренатовна нечаянно привлекла внимание Лени к себе тем, что наступила на него. На ее «ой!» Светлогоров мягко отреагировал:

— Под ноги, жаба, смотри.

— Сволочь! — осталась недовольной вниманием Лени Глория Ренатовна.

Город, в котором происходили вышеописанные события, был удивительным, южным, приморским и русским в той части, которая свойственна вообще южнорусскому городу на берегу далеко не Черного моря. Во-первых, как нигде, в нем чувствовалось присутствие столицы с нагловатым именем Москва, а во-вторых, в этом городе было нечто такое, от чего на его улицах редко слышалась матерщина, а если она и возникала в подходящей для этого ситуации, то несла в себе элементы высокохудожественного анализа.

Город необыкновенный, это неоспоримо. В нем хватает всего, но основные, вернее, самые живописные, события происходят вокруг уголовного розыска. Но это, как говорится, национальная особенность русских городов, а южнорусских тем более...

— Интересно, — проговорил начальник городского уголовного розыска полковник Самсонов и, печально взглянув на сидящих в его кабинете Степана Басенка, Игоря Баркалова и Славу Савоева, уточнил: — Впервые встречаюсь с таким паскудством.

— Да, — невнятно поддержал его Басенок и неожиданно предложил: — А давайте всех кришнаитов в городе разгоним, труханем их как следует?

— Что с тобой, старший инспектор? — вяло поинтересовался Самсонов. — Они тебя во время обеда обидели или что?

— Да нет, — смутился Басенок. — У них хари благодные, к тому же лысые, и рожи цэрэушные вдобавок. Уверен, среди них пару-другую трупопоклонников запросто найти можно.

— Я поддерживаю, — вставил свое слово Слава Савоев и снова впал в дрему. Он был после ночного дежурства.

Городская община кришнаитов уже целых полгода писала на Басенка и Савоева

жалобы во все мыслимые инстанции и даже далай-ламе в Индию. Они обвиняли их в беспределе по отношению к верующим, а всего-то и делов, что двух кришнаитов Басенок и Савоев задержали за незаконные валютные операции с применением фальшивых долларов и они отправились в зону с законным трешником.

— Не мути, Степа, — отмахнулся от предложения Басенка Самсонов. — Не нравятся тебе кришнаиты — это ясно, но к данному делу ты их не пристегивай, не выйдет.

— Да, — уточнил на секунду проснувшийся Савоев. — Не выйдет.

— Итак, Ольга Останская! — провозгласил Самсонов и с интересом посмотрел на Игоря Баркалова.

Игорь раскрыл папку и стал докладывать:

— Ольга Останская училась в девятом классе тридцать второй школы. По словам классного руководителя, учителя физики Шاپоваленко Анатолия Григорьевича, и других педагогов, она была дисциплинированной и прилежной ученицей, хорошо одевалась, нравилась мальчикам, занималась общественной работой и была старостой класса... — Игорь перевел дыхание и вновь скучным голосом забубнил: — По словам родителей, была послушной, веселой, ласковой, доброй и умной дочерью. Это по словам родителей, — как бы отмахнулся от характеристики Игорь Баркалов. — По словам соседей, обыкновенная, хотя и красивая, девочка, вежливая и отзывчивая, никогда позже часу ночи домой не возвращалась...

— Ничего себе девочка! — восхитился сразу же проснувшийся Савоев. — И где же она до часу, интересно, шлялась?

— Слава! — стукнул ладонью по столу Самсонов и, кивнув, инспектору, сказал: — Продолжай, Баркалов.

— Так, значит... — откашлялся и воодушевился Игорь. — Эта хорошая, ласковая и дисциплинированная девочка за два дня до своей случайной гибели в бассейне завода «Прибой» попала в поле зрения оперативников из первого отделения, курирующих гостиничный комплекс «Темеринда». Они обратили внимание на новую девочку под кличкой Школьница, которая обслуживала шведов и контролировалась братьями Рогонян. Только они хотели взять ее и братьев в оборот (ее — как несовершеннолетнюю потерпевшую, а братьев — за растление несовершеннолетней), как она исчезла из поля их зрения. Оперативники успели ее сфотографировать, и я по фотографии опознал Школьницу. Это была Ольга Останская.

— Ни хрена себе! — возмущенно вскрикнул Басенок. — Ты почему мне не сказал об этом? Друг называется!

— Ренегат, — подтвердил перевозбужденный Савоев.

— Вы меня сегодня до доклада видели? — спросил у друзей Игорь.

— Нет, — успокоился Степа Басенок.

— Так, издалека, — неопределенно помахал рукой в воздухе Савоев.

— А вчера я сам этого не знал, ясно?

— Понятно, — поставил точку Степан и тут же, потеряв интерес к кришнаитам, предложил: — А что, если братьев Рогонян втихаря свинтить и утопить в канализации где-нибудь? Я думаю, нормально может получиться, и вообще...

— Степан! — стукнул ладонью по столу Самсонов и резюмировал: — К следующему понедельнику жду конкретных результатов. Можете идти.

Три оперативника уныло покинули кабинет начальника.

Луна была похожа на яблоко, выращенное в саду у Бога, и, несмотря на вопиющую банальность такого сравнения, это действительно так. Она по-прежнему напоминала яблоко, имеющее непосредственное отношение к разбросанным по всей территории бесконечности яблонам.

За шесть лет работы в уголовном розыске стало совершенно понятно, что со временем Игорь Баркалов станет классным сыщиком. А Слава Савоев, как бы так помягче выразиться,

был в принципе талантливый и нестандартный молодым человеком с элементами живописного разгильдяйства, которое, как это ни странно, помогало ему в работе...

Луна — таинственное яблоко, выращенное в садах бесконечности, и южнорусский город на берегу древнего моря были если и не прямыми, то, без сомнения, косвенными творцами судьбы Игоря, Степана и Славы. Впрочем, как и всех остальных жителей этого удивительного города.

«Братья» Рогонян на самом деле не братья, а однофамильцы, занимающиеся общим криминальным бизнесом — сутенерством. Сама идея этого бизнеса, напоминавшего профессию, неизбежна, как дыхание живого человека, и безнравственна, как сам человек. Сутенер — нечто среднее между Пигмалионом, Нарциссом, властелином гарема и Гобсеком, которые затерялись в современности и получили образование по порножурналам. Если еще проще, сутенер — это политик с нездоровой тягой к гипертрофированной эстетике. Но «братья» Рогонян, однофамильцы неопределенной национальности, под это определение не попадали. Как не попадали под него и все остальные сутенеры советского разлива, потому что специфика наших бывших имперских просторов не позволяла стать сутенерам на путь сутенерствующего Запада в силу не до конца осознанных, но конкретно болезненных возмездий со стороны не совсем цивилизованного населения южнороссийского воспитания.

Отдельная и совершенно невменяемая субстанция мистической части бесконечности, женщина несет в себе частицы бликующей насмешки. Насмешка, без сомнения, принадлежит Дьяволу, но вот ее бликование имеет прямое отношение к Богу, и поэтому чародейское пророчество о том, что Бог, Дьявол и женщина состоят в сговоре, отрицающем сообщничество, вполне обоснованно.

Оля Останская попала под опеку «братьев» Рогонян неисповедимыми путями эмоционального характера. Уже в десять лет в Оле было нечто такое, что смущало мужчин. Это нечто было хорошо знакомо мужчинам, и от этого их смущение было сродни панике. Им казалось, что в них заложен безобразный порок.

Тридцать вторая школа, где училась в девятом классе Ольга, находилась в Октябрьском районе, который в городе был известен под более старинным названием Собачеевка...

Города, в которых нет обширного частного сектора, — ущербные города. Люди, выращенные в многоэтажных коробках, — это люди, склонные к сообществу на основе «сиамственности». Они так заиклены на привычках и повторении друг друга, что все остальное многообразие снующих вокруг них миров видят лишь в форме предположений, а невозможность совокупляться в этих мирах вызывает у них насмешку и вполне обоснованное чувство враждебности.

Огромный, портовый, классически южнорусский город был наполнен частным жилым сектором под самую завязку. В эту наполненность попадал и Октябрьский район, внутри которого находилась тридцать вторая школа, где некогда в девятом классе училась Оля Останская.

Когда в гости к Останским приходили друзья родителей и десятилетняя Ольга, по-детски непосредственно вскрикнув, радостно бросалась к ним на шею, гости мужского пола чувствовали, как от этого объятия их консервативная, здоровая нравственность дрожала, пятилась и воровато оглядывалась, а их жены как-то странно косились на ребенка и поспешно отводили мужей подальше от нее. Женский инстинкт предупреждал их, что детство Ольги приняло опасные таинственно-чувственные формы.

В девятом классе сексуальность Ольги достигла такого высокого градуса, что она действовала на пожилых мужчин как совершенное лекарство от импотенции, а на молодых — как красная тряпка на быка. Эту неправомерную зрелость заметил в Ольге классный руководитель Анатолий Григорьевич Шаповаленко, учитель физики. Однажды, вызвав ученицу Останскую к доске, он почувствовал в себе непонятное волнение и напрягся всей силой воли. После осознания этого волнения паника педагога достигла предела, когда он

поймал себя на мысли, что готов пойти на все, вплоть до насилия, дабы потискать и углубиться в это обаятое Дьяволом детское и вызывающе чувственное тело. Впрочем, через две недели Анатолий Григорьевич был хладнокровно спокоен и педагогически строг к Ольге Останской. Никто, включая самых близких родственников Анатолия Григорьевича, так и не узнал, что он совершил педагогический подвиг. Поймав себя на преступной, с элементами маниакальности, мысли, что он желает свою ученицу, Анатолий Григорьевич сразу же жестко наказал себя. Этим же вечером он стал принимать препарат «Ф», которым стерилизуют психически больных в спецбольницах. По его просьбе этот препарат ему привезла родная сестра, главврач спецбольницы, еще два месяца назад.

— Зачем тебе стерилизатор? — задала главврач вопрос брату.

— Хочу кошку бесплодной сделать, — сообщил Анатолий Григорьевич.

— Дурак, — объяснила ему сестра. — Он на кошек не действует.

На Анатолия Григорьевича препарат подействовал, ибо он принимал его три раза в день и в три раза выше нормы. Именно поэтому через две недели он стал пренебрежительно-брезглив к женщинам и устало-равнодушен к жизни...

О подвиге педагога так бы никто и не узнал, если бы не вездесущий уголовный розыск, который собирал сведения об Ольге Останской. Именно Игорю Баркалову все как на духу рассказал Анатолий Григорьевич, по-прежнему считая, что во всех без исключения поступках надо быть искренним до конца. После того как об этом узнала оперативная группа, занимающаяся расследованием нестандартного выкапывания трупов из могил, наступило короткое шоковое молчание.

— Лучше бы он ее зарезал, — первым прервал молчание Савоев и признался: — Если бы где-то поблизости строчил пулемет, я бы после этого сообщения бросился на него грудью...

Но родные и близкие о подвиге Анатолия Григорьевича так и не узнали. Лишь жена Анатолия Григорьевича смутно о чем-то таком догадывалась, но в силу обыкновенной житейской озабоченности не углублялась в эти догадки и как-то незаметно для Анатолия Григорьевича, да и для себя самой, ушла от него, оказавшись женой Василия Сергеевича, учителя производственного обучения школы № 32, а тот, столкнувшись с этим неожиданным для него фактом, сразу же погрузился в мрачную депрессию, запил и через четыре года от этого умер.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Братья» Рогонян занимались неблагоприятным делом ненавязчиво, а в некоторых случаях и вполне навязчиво, если не сказать агрессивно. Они осуществляли посредническую миссию между двумя порочными и вечно соприкасающимися группами людей с нестандартной для здорового общества тягой к удовлетворению — болезненно жаждущих и корыстно утоляющих эту жажду, равнодушно дающих и дрожаще берущих. «Братья» Рогонян неплохо на этом зарабатывали и делились заработанным с окружающим их миром, то есть с той его частью, которая непосредственно контролирует их не до конца респектабельную деятельность.

— Где ты берешь таких талантливых девочек, армянская морда? — восхищался оперуполномоченный Слава Савоев, насмешливо глядя на белобрысого Арама Рогоняна, более известного под кличкой Армян.

— А где это ты видел курносую армянскую морду? — задал Арам вопрос Савоеву и воровато нахмурился.

Дело в том, что Арам Рогонян по кличке Армян был латышом по отцу и русским по матери. Откуда у него взялась такая фамилия, объяснить трудно, но в России это случается.

— Я тебе сейчас рыло подрифтую, и вся твоя курносость примет формы обыкновенной грушеобразной носастости, — не стал вдаваться в подробности Савоев.

— Гражданин лейтенант! — возмутился Армян и, сникая, спросил: — Я не прав?

— Прав, — оправдал его Савоев и четко сформулировал это оправдание: — Хватит брехать, гони деньги.

Савоев был «взяточником» со странными интонациями, которые брали свое начало в его личном и достаточно неординарном профессионализме...

Обвиняя милицию во взяточничестве, общество ведет себя некорректно. За редким исключением, действительно редким, как тяжкое преступление, которых сейчас много, мздоимство в органах милиции не является таковым. Это скорее гибкая, мгновенно реагирующая на события форма действующего наказания. Этакий портативный и незлобивый упрек возмездия, который заделывает дыры в несовершенных законах государства. Милиция, в профессиональной ее части, отлично ориентируется в определениях тех или иных пороков и отлично понимает, что можно изжить, а что нельзя. Если вдруг и сразу — страшно представить! — милиция перестанет брать взятки и начнет следовать букве закона во всех, даже самых незначительных, деталях, то стон прокатится по всей России, от края до края.

...Савоев взял деньги, положил их в карман и, глядя на Рогоняна в упор, спросил:

— Где второй Рогонян?

— В бане, — не стал задерживаться с ответом Рогонян и, усмехнувшись, добавил: — Финской.

У Роберта Рогоняна отец был армянином с ярко выраженным талантом путешественника, и следы его существования не задержались в памяти Роберта, а мать — русская, но с несвойственной для русских тягой к авантурным приключениям на не совсем нравственной основе.

— Роберт! — притворно изумился Савоев, выбивая двери в сауне при яхт-клубе и объясняя: шел мимо, думаю, дай зайду.

Роберт Рогонян слегка напоминал спившегося Аполлона, перепуганного итальянца и разъяренного турецкого грузчика одновременно.

— Савоев! — вполне искренне изумился он. — Двери на себя открываются, я их никогда не закрываю.

— Молчи, — посоветовал ему Савоев, с интересом рассматривая удивительно фигурной красоты девушку, которая была голой, но с лицом, обмотанным полотенцем. — Ты что, насилуешь ее? — неуверенно встал на путь дознания оперуполномоченный.

— Делать мне нечего! — возмутился Роберт. — У нее фигура богини, а рожа как у бомжа небритого. У нас любовь с воображением. Я ее спрашиваю, кто она, а она мне отвечает, что Мэрилин Монро.

Савоев сдернул с девушки полотенце и, вздрогнув от отвращения, приказал:

— Пошла вон отсюда. Полотенце снова на лицо накинь и не снимай, а то на пятнадцать суток посажу.

Сутенерство было, есть и будет. До той поры, пока на земле рождаются женщины и мужчины с неуправляемым либидо, сутенеры, эти труженики криминального, а в некоторых случаях и официального, бизнеса, будут пытаться собрать таких людей в некое подобие организации и будут делать на этом деньги. Среди них есть вожди, гении и свои пророки. Это сообщество, государство, возникшее, как птица феникс, из пламени похоти, гордо шествует по планете и завоевывает ее. Светлые лики Мазоха, де Сада и Фрейда заполнили алтари этого государства. Изогранный Восток вкинул в них скрижали «Камасутры», злонамеренно не сделав Западу прививку, не дав ему вакцину своей тщательно замаскированной культуры. Всеобъемлющая тяга к организованной проституции стала доминирующей политикой человечества, в гордыне своей оно забыло, кто есть кто, и стало холодно относиться к проституткам, а сутенеров, как диктаторов, даже преследовать по закону...

— Трудно жить, — печально вздохнул Роберт Рогонян и, на всякий случай отойдя в сторону, поглядел на Савоева.

— Трудно, говоришь? — странно посочувствовал Роберту Савоев и, протянув ему фотографию некогда живой Ольги Останской, зловеще прервал свое сочувствие: — Рассказывай все, и по порядку.

— Убойная гимназистка. Где она сейчас? — обрадовался Роберт и затараторил: — Врожденный талант, подогретая малина на помповой основе неразработанной молодости. Ее не остановить, приманка для сексуальных маньяков, ей в одиночку нельзя сниматься, только под «крышей», а не то влюбятся и зарежут...

— Стой! — заорал Савоев. — Я тебя убью! Какая малина, что за помпа, какой братишка?

Выкопанная из могилы и беспечно брошенная в сквере больницы оболочка Ольги Останской доставляла уголовному розыску и полковнику Самсонову лично массу забот. Были непонятны акценты преступления, которое могло и не быть таковым. Слух о нем уже влез в уши горожан и распространился по городу с вездесущностью юго-западного ветра. Об этом говорили везде: на пляжах, в парке, на работе, знакомые при встрече сразу же спрашивали: «А вы слышали?» — и в ответ получали: «Конечно же». Ужас, что наделал нестандартный труп Ольги Останской, так безнаказанно возникший из земли и незаконно выброшенный в сквере городской больницы. Горожане были переполнены негодования, все настаивали на возмездии, но никто точно не знал, как это возмездие должно выглядеть. Выкапывание умерших девочек из земли еще не стало привычным для провинциального обывателя, его психика еще была достаточно ранимой и наивно-сопереживающей.

«Гадство какое-то, — думал Самсонов и, постукивая кончиком ручки по столу, добавлял в свои мысли: — Оскотинеть можно».

Полковника совершенно не интересовало, что об этом могильном выкапывании говорили на пляжах, в парке и на работе, но ему было интересно, что об этом говорит начальство, а несколько часов назад он в полной мере узнал об этом.

— Самсонов! — как бы увидев его в новом свете, воскликнул начальник областного Управления внутренних дел комиссар Кияшко. — У тебя там что, кладбище под картошку перекапывают?

— Да нет, товарищ комиссар... — замялся Самсонов и подумал про себя: «Ничего себе ирония».

— Случай, конечно, единичный, но, судя по нестандартности, демонстративный. Так что, Самсонов, не мне тебя учить: если еще раз у тебя в городе потревожат мертвых, то готовься к инфаркту, это визитная карточка маньяка.

Сказав это, комиссар встал из-за стола, подошел к массивному сейфу, быстро, за десять минут, открыл его и, вытащив из-под груды документов сигарету, закурил ее. Закрыв сейф, он снова сел за стол и, коротко взглянув на Самсонова, объяснил:

— Сердце.

— И все-таки как она попала к вам в команду? — продолжал настаивать на своей заинтересованности Савоев, разминая уставшую руку.

— Это порода такая, она родилась, чтобы стать проституткой или женой парализованного миллионера, — объяснял Роберт, растирая покрасневшее и опухающее лицо, на котором, кроме опухания, были заметны следы вынужденной вежливости.

В удивительном городе, впрочем, как и по всей России, вежливость всегда давалась через силу.

— Ну?! — понукал Савоев Роберта.

— Городскую баню знаешь? — спросил Роберт и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Иду мимо нее, уже стемнело. Вижу, кто-то в окна подсматривает. Обошел с тыла это место, вижу, бабеч молочный в окна подсматривает. Глаза расширенные, красивые. Вся дрожит!...

Рассказывая, Роберт возбудился и чем-то стал напоминать молодого политика Кикиренко. Если того раздеть догола, обмотать простыней, скинуть лет десять, дать выпить стакан водки, обклеить ноги, грудь и спину волосами, приставить вызывающе кавказский нос, он был бы точной копией Роберта Рогоняна.

— ...В общем, классика — мой контингент. У меня ведь девочки разной квалификации. Есть ремесленницы, есть мастера, а Школьница была талантливой. Я это сразу понял, у нее большое будущее, — загрустил Роберт и, потянувшись к Савоеву, горячо спросил: — Где она, лейтенант, куда пропала?!

— Так! — стал заводится Савоев. — Я тебе скажу!... Подлец! — От возмущения Савоев стал пошлым и раздражительным, и лишь произведя два удара — правой рукой пробив пресс, а левой отправляя в нокдаун, — он успокоился.

— Когда-то, давным-давно, были произнесены вполне равнодушные пророчества. Пророки не могут быть пристрастными или чрезмерно эмоциональными. Этим они здорово отличаются от лжепророков, которые истекают любовью к людям, к жизни и времени. Работа лжепророков не выдерживает никакой критики, она рассчитана на дураков, изначально безбожных, обуянных страстью к жизни. Пророки на то и пророки. Они знают цену пророчествам, знают, что основная масса живущих их не услышит, и лишь в силу врожденного инстинкта к передаче информации произносят их, а потом, спокойно сплюнув, скучающе зевают. Пророчества в общем-то и предназначаются для пророков, этакий обмен опытом или беседы спасенных душ, если хотите, — произнес Леня Светлогоров и тоскливо, с собачьей преданностью в глазах, посмотрел на Самвела Тер-Огоняна, шеф-повара и владельца ресторана «Морская гладь».

— Как ты мог, Леня? — укорял его Самвел, сокрушенно цокая языком. — Такую женщину ты назвал жабой, как ты мог?

— Да, но она попирала меня ногами, — оправдывался Леня. — Она прошла по мне, как по вафельному полотенцу в душе для грузчиков, а мне там не место, — сделал неожиданный вывод Леня и, посмотрев на Самвела глазами раздраженного хулигана, напомнил: — Буксы горят, дай на пиво, будь другом.

— Эх, Леня... — недоумевал Самвел. — Я все помню. Я тебе уже с пятого класса деньги одалживаю, и ни одного перерыва в этом процессе еще не было...

— Привычка — как вторая кожа, — посочувствовал ему Леня и, спохватившись, смягчил формулировку: — Ну ты даешь!

— Не дам я тебе денег, Леня, — удивил Светлогорова Самвел и стал доставать из холодильника продукты класса «Ничего себе!». — Ты назвал Глорию жабой.

Как ты мог, Леня? — Самвел поставил на стол бутылку коньяка «Наири» десятилетней выдержки. — Не получишь от меня денег на этот раз.

— Не надо, — пошел навстречу Самвелу Светлогоров и, не обращая на него внимания, стал разливать по рюмкам коньяк.

— Извинись перед Глорией Ренатовной, а то я тебе морду набью, Леня, — пригрозил Самвел и, приподняв рюмку, сурово взглянул на хулиганистого представителя городской богемы.

— Прямо-таки морду? — возмутился Леня и, опрокидывая в рот коньяк, добавил: — Ладно, уговорил.

Ольге Останской снились странные сны. В этих снах все было многоцветным, грубым и нежным. Она не могла понять своего томления, но оно ей нравилось своей бархатистостью и какой-то особой, пронзительной, ласковой теплотой, располагающей к восторженному и всхлипывающему крику. В одиннадцать лет она, конечно, не могла знать, что это называется гипертрофированной предрасположенностью к оргазму, но это незнание ничего не меняло в снах Ольги Останской. Они по-прежнему были многоцветными, грубыми и нежными...

— Ты платил ей? — спросил Савоев у Роберта.
— Да, — ответил Савоеву пришедший в себя Роберт.

...В седьмом классе среди мальчишек-одноклассников распространилась удивительная форма ухаживаний под лозунгом «Дай пощупать». Стоило девочке слегка отвлечься, как ее сразу же прощупывали шаловливые руки созревающих подростков. Как-то само собой Ольга сделалась рассеянной и непроизвольно податливой. Целомудренные руки подростков щупали груди юных одноклассниц из озорства и любопытства. Именно щупали. Секунда, и рук на вострепенувшейся груди уже нет, они исчезали вместе с их обладателем, который, обалдев от своей смелости, лихо прятался за угол школы. И так всегда, и так во веки веков мужчина не в состоянии понять женщину. Ольга испытывала досаду, но пока не понимала этого.

— Роберт, падла носатая... — стал официальным Савоев. — Я тебя на срок пуцу за совращение малолетней и за эксплуатацию детского труда.

— Я тебе говорю! — защищался Роберт. — Я ее к дисциплине смолоту приучал, чтобы она стихийной шалашовкой не стала.

...И вот они, пятнадцать неподсудных лет. Когда Роберт оторвал Ольгу от просмотра мужских, достаточно уродливых тел через окно бани, она уже была в том состоянии, после которого начинается сумасшествие. В исторической медицине (психиатрия) это называется «ред бад блю». Как это переводится, не знают даже психиатры, но в просторечии это звучит «и хочется, и колется, и мама не велит». Супруги Останские воспитывали дочь в строгости и с чувством меры, то есть консервативно. Они не могли знать, хотя и смутно догадывались, что Ольга уже в будущем, уже свободна. Ольга Останская, вглядываясь в свой внутренний мир, совсем не обращала внимания на мир внешний, но когда перед ней явился Роберт, то он был вылитый, именно так он ей виделся, идеал ее внутреннего мира.

— ...Смотри у меня, — пригрозил Савоев.
— Обижает, начальник, — успокоил его Роберт.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда принимаешь душ, попеременно меняю горячую воду на холодную, то через некоторое время чувствуешь себя тем, кто ты есть на самом деле. Если говорить обо мне, то это очень опасно. Я телохранитель класса «солнечный убийца», хотя мой отец называет меня частным сыщиком государственного уровня. Его заблуждение основано на незнании, поэтому он прав. Он прав и потому, что он мой отец. Я натягиваю поверх мокрого тела халат и направляюсь в кухню. Открываю холодильник и восторженно вздрагиваю от предвкушения завтрака. В холодильнике, как всегда, пусто, и предвкушение продлевается до обеда. Это же надо, мир переполнен продуктами, а в моем холодильнике пусто. Я подхожу к окну и разглядываю город с высоты первого этажа. Пустота в холодильнике и в моем желудке не может испортить радостного настроения. Несмотря ни на что, мир достаточно прекрасен. Неожиданно звонит телефон, и я беру трубку. «Алло? Да, конечно, Алексей Васильевич, уже вы _хожу». Я же говорим, что я — убийца, сыщик-палач по особо важным поручениям. Обыкновенный столичный суперментяра с гипертрофированной тягой к справедливости. Я убиваю по приказу в одном случае и по вдохновению в другом. У меня есть четко обозначенные пристрастия, по которым я определяю возможность вдохновенной казни. По приказу убиваю неохотно, но обязательно. Мне претит в приказах несоответствие с моими симпатиями, а также излишняя щепетильность к интеллектуалам. Но ничего не поделаешь — служба: убивать, как и

жить, необходимо. Этого оспорить нельзя. В дверь позвонили. Открываю и вижу расширенные от негодующего восторга глаза соседки по площадке, профессорши из раскинувшегося неподалеку университета. Она отпрыгнула от двери и молча (зачем приходила?) стала отступать к своей квартире, сменяя негодующий восторг в глазах на возмущенное восхищение. Черт, опять распахнулся халат. Где мои плавки? В форме зада соседки есть нечто, что отличает образованную женщину от асфальтоукладчицы. Соседка читает лекции по древнеиндийской физиологической пластике. Такое ощущение, что она мне будет звонить в двери каждое утро, такова сила восторга, который преобразовался в ее глазах в восхищение. По-моему, она сумасшедшая. Впрочем, это не имеет никакого значения, я сегодня улетаю в Сочи...

— И все-таки Каин убил Авеля, Иуда предал Христа. Так было всегда. Иуда свят, как и все остальные апостолы. Без него не осуществилось бы христианство. Абель знал о том, что Каин совершил предательство, и только поэтому погрузился в ложь и низость. Абель был упреком беспощадной нравственности, и Каин убил его. У него, как в дальнейшем у Иуды, не было выбора. Все предопределено, мир погрузился в ложь лишь благодаря воинственной нравственности. Любое действие подпитывается противодействием. Если нравственность непримирима, то она не нравственность, а разновидность безнравственности, фашизм тому пример. — Так говорил заместитель Аскольда Борисовича Иванова Байбаков Сергей Иванович по прозвищу Карандусик. Выпив рюмку водки, он виновато посмотрел на сидящих за столом.

— О да, конечно! — поддержал Карандусика Аскольд Иванов и ласково, с легким хлопком, положил руку на колено сидящей рядом с ним Ирочки Васиной.

Красота не в состоянии спасти мир, а мир не имеет возможности для спасения красоты, и поэтому, со свойственной для мира бесшабашностью, он ее выдумал, придал этой выдуманной красоте свои, развращенные, критерии. Ирочка Васина совсем недавно, пять дней назад, завоевала титул «Мисс курорта Сочи», а полчаса назад вылезла из постели, где ее со вчерашней ночи пытался сделать женщиной Аскольд Иванов, председатель Азово-Черноморского банка из города Таганрога, но с постоянным местом проживания в Москве. Ирочка в свои восемнадцать лет оказалась нетронутой, и это настолько удивило Аскольда Иванова — а он уже давно ничему не удивлялся, — что у него на почве потрясенного удивления снизилась потенция. Аскольд Иванов не расстроился — днем раньше, днем позже, но Ирочка Васина, к своей досаде, оставалась девственной. Она была вне себя. Ее девственное тело вступило в прямой конфликт с ее внутренним миром, который во весь голос требовал наслаждений с хорошо обеспеченными партнерами.

Аскольд Иванов был не первым, кто пытался сорвать печать ангела со входа во внутренний мир Ирочки Васиной. Претенденты осаждали ее с шестнадцати лет, но все их приступы оканчивались провалом и позором, а также тихим отчаянием обладательницы этого двусмысленного входа. Впрочем, после того как Ирочка стала Мисс курорта Сочи, она считала такое положение со своей затянувшейся девственностью неким особым знаком. И верила, что придет настоящий мужчина, весь осиянный роскошью стати, власти и свободно конвертируемой валюты, и сделает все, что обычно делают с девственницами люди, желающие взять их в жены. Ирочкина наивность имела под собой основание и поэтому не являлась наивностью; она училась в ЛГУ, знала, и неплохо, три европейских языка, разбиралась в музыке и литературе, увлекалась горными лыжами плюс к этому несла в себе великолепные гены России и Греции, которые соединились в ней благодаря отцу курского рода и матери-гречанки из русского города Анапы. То есть Ирочка вполне могла рассчитывать на то, чтобы всю жизнь прожить в безмятежности, любви и роскоши. Ей было ровно столько лет, когда не думают об ироничной даме с насмешливым именем Судьба, и поэтому Ирочка восторженно примеряла у зеркала пляжный костюм фирмы Валентина Юдашкина, который подарил ей Аскольд Иванов. После этого, с таким же удовольствием и восторгом, сидела в дорогом ресторане и благосклонно принимала грубоватые ласки подвыпившего банкира. Она примирилась и с ним, и с оставшейся с нею девственностью.

До конца идут лишь поэты и влюбленные женщины. У них нет выбора.

Это произошло с банальной неожиданностью, которую можно принять за предопределенность. Он был маленького роста, сутулый, одетый в дорогой, но какой-то опереточно белый костюм, его лицо неординарное, все в каких-то ускользающих, бликующих выражениях, нос слегка кривоват и, по странной ассоциации, насмешлив, но не это, совсем не это поразило Ирочку Васину. Ее порастил взгляд, глубинный, смотрящий сквозь нее, и смесь безумия и высшей мудрости. Если бы Ирочка верила в существование Сатаны, то этого относительно молодого человека она бы сделала символом веры. Женщины, особенно красивые, а еще больше красивые девственницы, мечтают об объятиях мужчины с сатанинскими предпосылками. Чистота чувства и порядочность божественного этих женщин не вдохновляет.

Он подошел к ней в ресторане с букетом цветов и, не обращая внимания на Аскольда Иванова и других бизнесменов, сидящих за столом, преподнес его Ирочке. Цветы, экая важность, хотя и приятно. Но такие цветы, голубые тюльпаны и черные розы, заставляют вздрагивать. Ирочка вздрогнула и напряглась. Аскольд и его самоуверенные друзья тоже притихли, даже слегка опешили. Маленький человек со странным бликующим лицом и жутковатым взглядом, в смешном костюме, с чудесным и страшноватым букетом цветов, был столь отстранен от каких-либо высказываний в свою сторону, что их и не последовало.

— Глассик! — представился он и усмехнулся, и в этой усмешке мелькнула гримаса ужаснувшейся судьбы. Так показалось, хотя ни словами, ни мыслью она не смогла бы этого объяснить Ирочке Васиной. Она хотела назвать свое имя, но он уже уходил, и вся его уходящая бликующая фигура уже забыла ее, а она, об этом ей сказала ее восторженное тело, уже желала его...

— Кто это такой? Напоминает Люцифера с гомосексуальными наклонностями, — спросил у Ирочки пришедший в себя Карандусик.

— Я не знаю, — задумчиво ответила Ирочка и непроизвольно добавила: — Честное слово.

Ресторан «Лимпопо» был излюбленным местом для отдыхающих в Сочи представителей шоу-бизнеса, банкиров, шулеров и политических деятелей, состоящих заместителями у лидеров второго эшелона власти. Живой, колоритный, дорогой и с легким налетом порочной гнильцы, что придавало ему неповторимое обаяние респектабельного вертепа. На эстраде, выполненной в форме площадки с антуражем предполагаемого кораллового острова, сладкоголосо выступал талантливый певец не до конца понятного пола.

— Вот так в жизни всегда, — усмехнулся Аскольд Иванов. — Напрягаешься, идешь к какой-то цели, строишь, зарабатываешь деньги, пытаешься овладеть понравившимися тебе женщинами, а приходит какой-нибудь эксцентрик с мордой серийного убийцы, и ты понимаешь, что есть люди, которым на все это начхать.

Аскольд наклонился и что-то шепнул сидящему рядом с ним начальнику службы безопасности банка. Тот понятиливо кивнул и, встав из-за стола, направился к выходу.

— Я бы ему тоже морду набил, — догадливо произнес Карандусик.

— Бросьте выдумывать глупости, Сергей Иванович. — Аскольд с видимым интересом уставился на эстраду, где пара профессиональных танцоров из московского театра «Варьете без границ» великолепно танцевала танго.

Сочи — лукавый город с армяно-греческим лицом на фоне русской самобытности. Я медленно шел по улице и улыбался своим мыслям. Мой путь от отеля «Рэдиссон-Лазурная» к гостинице «Жемчужина» и ресторану «Лимпопо» напоминал путь изнывающего от скуки бездельника. Но на самом деле — я самый высокооплачиваемый и самый надежный телохранитель в России. Вот и ресторан «Лимпопо». Где-то здесь рядом, недалеко от гостиницы, в доме номер восемь живет эта бабушка, «хитрый одуванчик». Жуть до чего

смешная. Алексей Васильевич быстро ее разгадал. Доктор селекционных и сельскохозяйственных наук («Ах, голубые тюльпаны попеременно с черными розами!» — впечатляюще, конечно, как и всякая ложь с научным обоснованием). Покрасила цветы, как куриные яйца на Пасху, и ни в одном глазу, морда диссертационная. Алексей Васильевич ничего, лишь усмехнулся и попер с этим букетом на randevu в «Лимпопо». Я все видел, я обязан все видеть. Ну и рожица была у этой пластмассовой штучки околоподиумного мировоззрения, и цветы ей как нельзя к лицу, крашенные. Алексей Васильевич спокоен и благодушен, он своего добился, закодировал дитя цветами. Он говорит, что девственницы с генотипом проститутки вырабатывают фермент, необходимый для создания психобиологического препарата. У Алексея Васильевича фантазия — как у таганрогского таксиста, попавшего в ночную аварию в собственном гараже при включенной сигнализации. О! Это что такое?! Ну да, конечно, этот богатый парень решил, что вот так, на почве уязвленного самолюбия, можно избить выдающегося ученого-генетика, который находится под защитой УЖАСа. Он — этот богатый банковский парень — дурак. А его пес — ишь ты, как сосредоточенно готовится выполнить приказ шефа, — уже покойник. Я не выдерживаю и смеюсь...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Начальник службы безопасности банка, телохранитель и друг детства Аскольда Иванова Сергей Васильев был рад. Желание шефа совпало с его желанием. Этот клоун в белом костюме, напоминающий карточного каталу, которые слетаются в Сочи со всех краев страны, вызывал в нем раздражение и конкретную тягу к мордобойу. «Накажу его как Сидорову козу», — простодушно подумал Сергей и поспешил к выходу. Несмотря на самоуверенность мыслей, свойственную людям, имеющим спецподготовку десантных войск офицерского уровня и чемпионский титул по таэквондо, Сергея кое-что насторожило. Это «кое-что» имело расплывчатые черты человека, смотрящего в зал ресторана через стекло двери, ведущей на территорию администратора. Это «кое-что» проскользнуло в движениях и лице опереточного шулера.

— Видите того клоуна карликовых пропорций, что по лестнице спускается? — указал Сергей Васильев на Глассика.

— Видим.

— На улице его остановите и слегка подрифтуете. Вас трое, И вы большие, а он один и маленький.

Ребята направились к широкой лестнице парадного входа, которая с голливудской пышностью стекала к непрекращающемуся шуму очарованного югом моря.

Сергей Васильев проводил взглядом «шулера» и ребят. Неожиданно его взгляд наткнулся на человека, стоящего у подножия лестницы, в нем он инстинктивно признал профессионала и те же черты лица, что насторожили его еще там, в зале, за стеклом двери, ведущей на территорию администрации ресторана.

— Стой! — крикнул Сергей своим подчиненным и взмахом руки вернул их обратно. — Все отменяется, идите на место.

Уже уходя, Сергей остановился и оглянулся через плечо. На лестнице стоял «шулер» и так же — через плечо — смотрел в сторону Сергея Васильева. «Чертовщина какая-то», — подумал Сергей и быстрым шагом вошел в ресторан.

— Это какой-то крупняк, поверь мне, Аскольд, его нельзя трогать.

— Да?... — удивился Аскольд и, помрачнев лицом, жестко произнес: — Я тоже крупняк, и меня тоже нельзя трогать.

Как бы то ни было, а оскорбленное самолюбие сродни оборванному проводу высоковольтной линии, оно опасно для жизни. Самолюбие Аскольда Иванова было оскорблено до самых высших пределов. И дело даже не в том, что некто, с идиотскими

замашками неангажированного клоуна, загипнотизировал его до явного испуга, а в том, что все видели, как *его* женщине за *его* столом, не обращая на *него* внимания, пренебрежительно вручили букет цветов и при *нем* не проявили к *его* женщине элементарной вежливости. Но даже не это задело самолюбие Аскольда Иванова, а то, что его лучший друг и подчиненный не выполнил его просьбы по той причине, что посчитал хама, оскорбившего его, носителем права на такое оскорбление. Аскольд уже отдал приказ об увольнении Сергея Васильева и о назначении на должность начальника СБ банка другого, пока еще неизвестного, человека.

Как работодатель и как человек, имеющий на это право, Аскольд Иванов, увольняя Сергея Васильева, был прав, но как стратег проигрывал. Обладание безукоризненной овчаркой никак не компенсирует отсутствие умного и достаточно прозорливого друга.

Аскольда Иванова можно понять, ему было обидно, но председателя правления Азово-Черноморского банка, Аскольда Борисовича Иванова, понять было трудно. Ни хрена себе шишка государственной значимости, да кто он такой! Конечно, кто он такой, знали многие. Знали устроители конкурса «Мисс курорта Сочи», еще бы не знать, кто платит деньги. Знали деловые партнеры, но на то они и деловые партнеры. Знал главный администратор гостиницы «Даго», как не знать человека, который платит за номер семьсот пятьдесят гринов в сутки. С Аскольдом Ивановым был в хороших отношениях и Саркис Вазгенович Ольгерт, детально-спекулятивный мафиози южного разлива по кличке Резаный, но он был в хороших отношениях со всеми до определенного момента и на соответствующем уровне. Заместитель главы администрации города Сочи полковник Краснокутский, одновременно начальник УВД города, здоровался с Аскольдом за руку. Знали его и москвичи, более того, они специально прибыли в Сочи для встречи с ним, и это хорошо, это правильно, Аскольд отмывал их деньги от противозаконной грязи законными методами провинциальной непосредственности. На этих можно было рассчитывать, но не дальше границ взаимовыгоды. Аскольда Иванова знали художники, скульпторы, поэты, интеллектуальная элита, эстрадные звезды, но эти ребята знают всех, кто платит им деньги. И что? Это же Сочи в хорошее для делового отдыха время. Здесь все как в Москве осенью, зимой и весной. Здесь в любое время подойдет кто-то в белом и кривоногий, плюнет в лицо и свалит, то бишь уйдет, а ты, весь оплеванный, останешься. Короче, Аскольд Иванов слишком уж возвысил возможности своего самолюбия, но после невыполнения его просьбы Сергеем Васильевым он просто-напросто закусил удила.

— Ты для меня уже не Сергей, вы для меня Сергей Андреевич, и вы уволены, прощайте, — сообщил он пришедшему к нему за объяснением Сергею Васильеву.

— Аскольд...

— Борисович, — напомнил ему Аскольд Иванов.

— Опустись на землю. В любом государстве были, есть и будут люди, за которых оно растопчет десяток-другой банкиров, даже не задумываясь, а то был именно такой человек. Ты понимаешь, Аскольд...

— Борисович. Вы уволены, Сергей Андреевич.

Аскольд Иванов еще не дорос до истинного хозяина жизни, и поэтому поле действия для его недоброжелателей было обширным. Он еще не понимал, что планка обиды должна быть на той высоте, которую можно преодолеть.

Покинув номер оскорбленного банкира, Сергей Васильев вышел на улицу. «Хорошая была работа, денежная», — запоздало пожалел он и радостно улыбнулся, увидев прямо напротив себя взорвавшуюся восторженными цветами-ми магнолию...

Ну конечно, у этого финансиста с бычьим именем Аскольд разнуздалось самолюбие, и он уволил своего начальника службы безопасности. Ладно начальника, друга уволил. Преданного и умного друга. Хотя кто его знает? Как можно сочетать преданность и ум? Ну ладно, проницательного друга уволил с должности начальника службы безопасности. Мне смешно. Вот он вышел, этот Аскольд, из своих гостиничных пенатов с лицом разъяренного онаниста, и рядом с ним эта разъяренная своей девственностью

девственница. Два разъяренных хищника. «Вы оторвали мне рукав пальто». Он и она хотят и могут, но не получается. Еще та ситуация. Я стою на балконе и рассматриваю синее море в бинокль, даже не море, пляж рассматриваю. Вот он снял халат, вот она сняла халат, вот они... Что это такое? Она имеет свой бинокль и тоже глядит в него куда-то в море. Потрясающая в своей аккуратности задница. Впрочем, нет, это не ее, это рядом с ними две девицы из обслуживающего персонала гостиницы принимают заказы у постояльцев на пляже и доставляют им прямо в шезлонги. «Принесите мне, пожалуйста, гранату с выдернутой чекой». Мне смешно. Ага, ты куда смотришь? Ирочка Васина, смотри в свой бинокль прямо на мой балкон, прямо на меня, прямо в меня! Ну да, конечно, где мой халат? Стою один, голый, балкон высокий, по бокам защищенный, впереди пространство, море, и все равно нашла баба, которая рассматривает меня в бинокль и, я почти уверен в этом, считает извращенцем. Мне смешно...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Этот клоун, как вы выражаетесь, Аскольд Борисович, к цирку не имеет никакого отношения. Никаких особых данных по нему нет. Прибыл на отдых из Москвы, и это единственное, что настораживает даже больше, чем криминальное прошлое.

Полковник Краснокутский сделал шаг к окну своего кабинета и сосредоточенно замолчал, рассматривая двор управления. Неожиданно он напрягся, с изумительной ловкостью вскарабкался на подоконник, открыл форточку и раздраженно закричал кому-то:

— Какого хрена, Степанчук! Убери эту бандуру от моей машины, совсем осатанели, убери, кому говорю! — Полковник спрыгнул с подоконника и, коротко взглянув на Аскольда Иванова, уточнил: — Фамилия этого клоуна Чебрак, Алексей Васильевич Чебрак, ученый-генетик. Больше ничего не известно.

— Ученый? — пренебрежительно хмыкнул Аскольд Иванов. — Значит, никто.

— Возможно, — уклончиво произнес Краснокутский. — Но приехал на отдых с деньгами, с охраной и броней в «Домик». Приехал, как вы знаете, из Москвы, а оттуда все, что угодно, может заявиться, любая пакость.

Кабинет Краснокутского был похож на самого Краснокутского. Обыкновенный кабинет начальника УВД города. Единственной странностью была мексиканская шляпа сомбреро, висящая на том месте, где обычно висит портрет руководителя государства, и чучело игуаны на сейфе. Когда-то полковник Краснокутский по линии Интерпола работал в Мексике и с тех пор относился к этой стране с трепетом влюбленного, а к людям, не любящим Мексику, с явным подозрением.

— Вам не приходилось бывать в Акапулько? — вскользь поинтересовался он у Аскольда Иванова.

— Какое там, к черту, Акапулько, полковник, тут на родине все лицо, можно сказать, заплевали, а вы со своим Акапулько лезете. Умный человек туда без дела не поедет, а у меня там дел нет.

— Ага, — произнес полковник Краснокутский и бросил виноватый взгляд на сомбреро. — Ну... — неопределенно предположил он, нажимая кнопку срочного вызова. И, как бы отбросив в сторону все сомнения, обрисовал ситуацию вбежавшему в кабинет сержанту: — Вот этого субчика в камеру!

— Есть! — восторженно воскликнул сержант и, схватив опешившего Аскольда Иванова за затылок левой рукой, а правой вывернув ему руку к лопатке, уволок пытающегося затормозить ногами банкира из кабинета.

— Так, — уточнил вслух оставшийся один полковник и презрительно добавил: — Проклятые гринго.

Полковник был старомодным и поэтому смелым. Он знал, что его ждут крупные, фактически катастрофические, неприятности по службе, но он не мог избавиться от

уверенности, что все банкиры — жулики, а банкиры, пренебрежительно отзывающиеся о Мексике, не просто жулики, а позорные извращенцы.

Аскольда Иванова освободили из-под стражи через шесть часов. А через десять, утром следующего дня, полковнику Краснокутскому звонил его друг по школе милиции и по юридическому факультету МГУ полковник Хромов, один из заместителей начальника МУРа по оперативно-разыскной работе, то есть классный сыщик Ленька Хромов, который проработал двадцать лет в уголовном розыске, вследствие чего о нем с нескрываемым раздражением и скрытым восхищением вспоминали лихие хлопцы на разных режимах, в разных тюрьмах и в разных колониях.

— Честно мне скажи, Палыч, ты сдурел или у тебя пуля в голове шевельнулась? Насколько мне известно, у тебя ранений в голову нет, значит, вероятность первого предпочтительней. Ты одурел, признайся?

— А в чем дело? — возмутился Краснокутский. — Ты глянь на его физиономию, точно сексуальный маньяк, на Чикатило похож, только выше, моложе и черты лица другие, а так вылитый.

— Ох, Палыч, Палыч, — посетовал Хромов. — Я-то за тебя, но ведь его адвокат к министру пробивается.

— А что министр? — насторожился незнакомый с новым министром Краснокутский.

— Хороший парень, — успокоил его Хромов. — Но они выше лезут, к президенту. А ты ведь не прав, Палыч, честное слово, не прав. Скажи, он плохо об Акапулько отзывался?

— Хуже некуда... — начал было Краснокутский, но спохватился и недовольно одернул друга: — При чем тут Акапулько, Хромов?

— Вот и я говорю, ни при чем. Ты бы на месте все уладил, извинился бы что ли?...

— Ты хочешь, чтобы я его застрелил? — удивился Краснокутский.

— Юрка! — Теперь уже Хромов одернул друга и сразу же посочувствовал: — Лучше бы он сам застрелился.

Полковник Юрий Павлович Краснокутский любил юмор, но не всегда точно ориентировался в его возникновении.

— Да! — громогласно рявкнул он в трубку.

— Ты что, зараза такая?! — возмутился оглушенный Хромов.

— Ничего! — радостно рявкнул в трубку полковник и положил ее на место. Он знал, что это не обидит привыкшего к его неординарному юмору полковника Хромова.

Предупреждение Хромова насторожило Краснокутского. Он понимал, что банкир, как квинтэссенция крупного бизнеса, похож на компромат, хранящийся до времени в сейфе начальства вместе с заявлением об уходе по собственному желанию. Если с банкиром не договориться, то все. Полковник стал перебирать на столе свежую прессу и, раскрыв местную газету «Зори над Хостой», увидел на первой странице заголовок: «Банкир-маньяк!» С нарастающим удовольствием он прочитал статью до конца:

«Вчера вечером был задержан председатель правления Азово-Черноморского банка А.Б. Иванов, прибывший к нам по делам бизнеса из города Таганрога. Новоявленный хозяин жизни оказался сексуальным маньяком на почве вседозволенности. Его задержали работники правоохранительных органов в парке «Ривьера», основанном уроженцем Москвы Хлудовым сто лет назад, во время неблагоприятного действия. Банкир-монстр, спрятавшись в зарослях кустарника, мастурбировал, подглядывая за школьницами младших классов, играющими в бадминтон на аллеях парка, в котором более 240 видов растений. Теперь так называемый новый русский будет обслуживать своих клиентов в местах не столь отдаленных и другими, в отличие от банковских, методами».

«Что за прелесть!» — восхитился про себя полковник Краснокутский и вызвал в кабинет майора Абрамкина, отвечающего в управлении за связи с общественностью.

— Что за поклеп на уважаемого человека? — Полковник постучал пальцем по газете «Зори над Хостой». — Я прочел и ужаснулся!

— Лучший способ защиты — это нападение. Суворова знаете? Пусть Рабинович доказывает, что у него нет дочерей.

Майор Абрамкин был изощрен и хорошо знал способы защиты от возможных нападений. Обязанности «по связям с общественностью» выполнялись им безупречно и обещали ему продвижение по службе.

— Нравишься ты мне, Рабинович, молодец! — Полковник достал из сейфа бутылку и протянул майору: — Глотни текилы, заслужил.

— Я Абрамкин, а не Рабинович.

— Да какая разница, Абрамкин, Рабинович, Кузнецов, разве дело в этом, — отмахнулся от майора полковник. — Нужно нападение усилить и расширить, пусть горит земля под маньяками и другими проходимцами. Пусть им тошно будет на земле древних инков... — Полковник поперхнулся и, строго взглянув на невозмутимого Абрамкина, официально спросил: — Что будешь делать дальше, майор?

— Есть у меня одна задумка, а с вами я согласен полностью. Таких людей, как Иванов, вообще не понимаю. Это ж надо, куча денег, а он в кустах...

— Абрамкин! — оборвал увлекшегося майора Краснокутский и уже спокойнее, но с модуляциями предупреждения продолжил: — Я когда тебе текилу давал, то ясно произнес «глотни». Так что глотни и верни бутылку на место. Я твой начальник, а не общественность, с которой ты работаешь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Если бы в тот момент, когда бывший десантник и друг Аскольда Иванова Сергей Васильев увидел на другой стороне улицы цветущую, как бы взорвавшуюся цветами магнолию, пошел в номер своей гостиницы, собрал вещи и уехал бы как можно скорее домой, в уютно устроившийся на берегу Азовского моря город, то все бы обошлось. Если бы Сергей Васильев, фронтовик-афганец и капитан ВДВ, спецназовец этих войск, вот так бы просто, махнув рукой на обиды и расчеты, увидел эту демонстративную магнолию и поехал бы домой, на необъяснимо милую, тенистую улицу-переулок с наивно-угрожающим названием Ружейный, то все было бы хорошо. Если бы он улыбнулся на прощание взбесившемуся курортному дереву, сплюнул бы, обернувшись, в сторону вертепа «Лимпопо» и широким энергичным шагом пошел в сторону вокзала, а затем вошел бы в калитку своего двора и строго сказал бросившемуся к нему с радостным визгом Преферансу «фу!» — это было бы хорошо. Но Сергей Васильев не сделал этого. Он уже не мог жить без очередной дозы сильнодействующего наркотика «Жизнь при деньгах». Выйдя из ресторана «Лимпопо», он направился в гостиничный номер, переоделся, проверил свой «ПММ», прикрепил к ноге десантный нож разведчика (НРС) по кличке «Я пришел, а вы не ждали» и решил выполнить, с расчетливым опозданием, просьбу Аскольда. Сергей был другом без извивов, как сенбернар, ориентированный на убийство. Он решил убить «клоуна в белом» именно сейчас. Тем самым он выполнял просьбу друга и убирал параллели, которым могли связать происшествие в ресторане и смерть его наглого виновника. Сергей в силу своего десантного воспитания не мог понимать предупреждений, которые подсовывает людям их ангел-хранитель под видом неожиданно бросившейся в глаза цветущей магнолии...

Дружба, как и любовь, внезапна. Дружба бывает лишь мужской. Женщины в силу своего нервного и двусмысленного происхождения вносят в понятие «дружба» столько нового и необычного, что все разговоры о дружбе между женщиной и мужчиной, а также между двумя женщинами не имеют смысла. Словосочетание «женская дружба» режет слух точно так же, как «светлое будущее».

Уже в девятом классе в Аскольде Иванове проклюнулись ростки теневого —

шепчущего — лидера. Если попроще, то Аскольд уже в девятом классе понял, что из тысячи стремящихся в первые девятьсот девяносто девять ломают шеи и не попадают даже во вторые. Первый всегда один, и оставшиеся девятьсот девяносто девять ему нужны как заноза. Лучше всего, так понимал Аскольд, толкать лидера сзади и любыми методами, сделаться ему необходимым и привычным, как собственные недостатки, а затем использовать его возможности публичного лидера в своих нешумных лидерских устремлениях. То есть уже тогда, в девятом классе, в Аскольде проявился банкир, а сволочью он стал по другим, видимо, нажитым причинам.

Сволочизм Аскольда был естествен, как сама жизнь. Ни он, ни те, кто его окружал, не обращали на это внимания в силу своего личного, неизбежного, как естественная потребность, сволочизма. Ибо тот, кто воскликнул или подумал: «Какая же ты сволочь!» — уже сам, по сути, становится сволочью для той категории людей, о которых он так подумал.

Сергей Васильев все это время сидел за спиной Аскольда на задней парте, жил с ним по соседству, забор в забор, в одном переулке, и возможности его в те времена были куда обширнее. Во-первых, уже в шестом классе Сергей выделялся какой-то искристой восприимчивостью школьной программы и был единственным отличником в школе, которого уважали двоечники и «трудные» подростки. Сергей, кроме искристой восприимчивости, обладал отменно поставленными ударами правой и левой рук, хладнокровной и расчетливой смелостью, разумной жестокостью и умением вовремя распознать опасность. То есть Сергей Васильев в то время был лидером, но тяготился этим из-за врожденной тяги к сольным действиям.

Аскольд это сумел распознать и, не прилагая особых усилий, применил достоинства Сергея на пользу своим недостаткам, тем самым создавая себе характеристику безупречного человека. Сергей всегда был телохранителем Аскольда, с «младых ногтей».

Пришла пора расставания. Сергей поступил в высшее военное училище ВДВ в Рязани, а Аскольд поступил в МИСИ, намереваясь освоить профессию квалифицированного градостроителя.

— До встречи, Серега, — всплакнул Аскольд, провожая Сергея Васильева в училище.

— Ну да, до встречи, — вполне искренне согласился с ним Сергей...

Сергей Васильев окончил военное училище, ушел на войну, овладел искусством профессионального убийства, отшлифовал его опытом и не заметил, как все изменилось. Изменилось настолько, что в какой-то, уже погасший в прошлом, момент Сергей понял, что Родина, интересы которой он защищал в Афганистане, подсунула ему под нос любимое кушанье народа — хрен с маслом.

К этому времени Аскольд Иванов уже настолько овладел Родиной, что о хрене с маслом забыл начисто. Он к этому времени освоил зернистую икру, омаров, шампанское с приставкой «де», игру в гольф, столкнулся с надоевшей ему готовностью женщин обнажаться перед ним и вел образ жизни глубоко и широко порядочного человека. Забыв о хрене с маслом, он не забыл о Сергее, тщательно прослеживая его боевой путь и все его успехи и неудачи фиксируя в памяти. Это было не сложно. Родители Аскольда и Сергея Васильева по-прежнему жили по соседству, забор в забор, душа в душу, телескопический эффект привязанностей, и несколько раз в год они встречались. В конце концов наступил день, когда Аскольд спросил у Сергея:

— Ну что?

— Хреново, — ответил ему Сергей.

Нужно было окончить высшее военное училище ВДВ с отличием, прокомандовать два года взводом и вместе с ним отправиться в знойную мясорубку Афганистана; нужно было получить роту, звание капитана и три тяжелых ранения вместе с двумя боевыми орденами, очнуться после тяжелой контузии и узнать о предательстве жены, чтобы вот так, задеревеневшими от недельного пьянства губами, ответить Аскольду.

— Вот так-то, — назидательно похлопал его по плечу Аскольд и объяснил: — Пойдешь

ко мне, будешь начальником службы безопасности и моим телохранителем. Четыре тысячи зеленых в месяц и остальное, напоминающее дивиденды.

Месяц назад Аскольд учредил Азово-Черноморский банк и возглавил его. Для этого было нужно совсем немного: не закончить МИСИ, стать заместителем директора Елисеевского гастронома, жениться на московской прописке, бросив провинциальную жену, и отсидеть в лагере три года за участие в махинациях — классика торговли, — основную тяжесть наказания за которые понес директор.

— Вечно ты, Серега, куда-нибудь вляпаешься, — попенял Аскольд своему другу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Круг людей, особо приближенных к председателю правления Азово-Черноморского банка, был прихотлив, профессионален и живописен. Это в первую очередь Байбаков Сергей Иванович по прозвищу Карандусик, обладающий магнетическим обаянием с полным отсутствием нравственных основ. Он мог сделать подлость, покусать вашу собаку, соблазнить вашу жену, обмануть лично вас и воспользоваться вашими деньгами. Все это не имело никакого значения, все теряло смысл, отступало перед его потрясающе наглым, наступательно-агрессивным обаянием. Он улыбнется, сделает глаза виноватыми, разведет руками, робко склонит голову, и хрен с ней, с покусанной собакой, соблазненной женой, деньгами, и «как тебе не стыдно, плут ты этакий». Обаяние — страшная вещь. Аскольд Иванов познакомился с Карандусиком в колонии усиленного режима. Сергей Иванович Байбаков изволил в ней мотать срок за ограбление с убийством и изнасилованием тридцатилетней потерпевшей, известной скупщицы краденого Натальи Манохиной по кличке Люся. Карандусик признался судье, что потерял голову от возбуждения, и поэтому, кроме ограбления, он изнасиловал и зарезал Люсю. Карандусик разводил руками и опускал голову. Судья счел объяснения подсудимого смягчающими обстоятельствами, достаточными для вынесения мягкого приговора... Аскольд это качество Карандусика отметил и зафиксировал в памяти. Когда пришло время новой жизни, Карандусик обрел в ней свое законное место, стал заместителем Аскольда, своего рода пресс-секретарем, отвечающим за безмятежное спокойствие солидных вкладчиков банка. Спокойный и безмятежный солидный вкладчик — это то же самое, что блистательно красивая и сексапильная любовница без капризов и запросов. Сергей Иванович Байбаков справлялся с этим.

Банк, в котором Аскольд являлся председателем правления, несмотря на то что делал деньги из воздуха, имел в штате триста человек служащих и хорошо оснащенную, разветвленную сеть службы безопасности, начальником которой некогда был Сергей Васильев. Вообще-то учредителями банка считались три известных академика, накаченных мощными дозами заслуженности, наград и прожитых лет. Аскольд не обманывался на этот счет, он знал, что истинные хозяева банка — люди без имен, не зафиксированные в документах и потрепывающие академиков властной рукой по многомудрой холке.

Правление банка состояло из шести человек: начальник отдела кредитования был толстым, честным, умным и улыбочивым; начальник биржевого отдела — честным, умным, неулыбочивым и худым. Остальные члены правления были точно такими же, если не считать легких индивидуальных отклонений в ту или иную сторону. Так, начальник юридического отдела имел на затылке родимое пятно, напоминающее географическое очертание Италии, и не умел плавать, а начальник инвестиционного отдела любил жену и мечтал о любовнице африканского происхождения.

Аскольд Борисович Иванов, банкир, выглядел беспристрастным, а вот Аскольд Иванов, родом из жуликоватого таганрогского детства, рвал, метал и впадал в депрессию. «Он уже спился, я его из дерьма вытащил, — со злостью плакал Аскольд невидимыми, сухими слезами. — Он меня фактически предал. Эх, Серега!» Отбросив слезы, Аскольд перешел к

размышлениям: «Но он был прав в том смысле, что нельзя унижать тех, кто может унижить тебя». «Нет, все равно он не прав», — вновь поглупел Иванов. — У меня будет новый начальник службы безопасности, а Сергей пусть поработает простым инкассатором, понюхает службы», — перешел к полному разброду мыслей Аскольд и, зевнув, перевернулся на бок, сталкиваясь взглядом с лежащей рядом Ирочкой Васиной, которая неусыпным оком похотливой и ярко-красивой девственницы ждала конкретного и болезненного внедрения Аскольдовой плоти в себя. Аскольд нервно зевнул еще раз. В эту ночь он уже в который раз не смог пробить вход в Ирочкино междуножье, несмотря на то что был напряженным, стремительным и мощным. «Сюда шахтера с кайлом надо», — мелькнула в нем циничная мысль. Но Ирочка Васина все же нравилась Аскольду своей замаскированной интеллигентностью и хорошо прочерченными формами тела, а ее неуступчивое лоно даже вызывало в Аскольде уважение. Он ласково поцеловал Ирочку в шею и подумал: «Я все равно буду первым». «Все мужики козлы», — подумала в свою очередь Ирочка, но энергичное упорство Аскольда ей нравилось все больше и больше.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Далеко не каждый сочинец знает о том, что в их городе существует уютное трехэтажное здание, которое в реестре отдела учета городской собственности горисполкома значится как здание № 7. Это гостиница «Домик». В ней все, от фронтальной строгости линий до толщины стен, от оформления трех номеров до роскошной тенистости двора, поставлено на службу Тайне. Гостиницу окружает высокий кованый забор, небольшой, по-южному густо сплетенный лес и незаметные глазу серебристые проволочки-колокольчики, сообщающие куда надо о том, что кто-то, незванный, ходит там, где не должен ходить. Официально «Домик» принадлежит МНИЦ (Международному научно-исследовательскому центру им. Вавилова), а неофициально — кто его знает кому. В нем останавливаются для отдыха ученые-генетики, представители наиболее изощренной и наиболее засекреченной науки с далеко идущими и необратимо зловещими целями. Еще в этой гостинице останавливаются люди, одного взгляда на которых достаточно, чтобы понять — это власть. Официальная она или нет, явная или скрытая, не вопрос. Власть! Этого достаточно, чтобы обходить здание гостиницы «Домик» стороной. Во дворе гостиницы был «пятачок» для вертолета, а на «пятачке» сам вертолет, был бассейн с морской водой, вокруг которого росли высокие, в два человеческих роста, борнеовские пушистые азалии голубовато-розового цвета с волокнистыми вкраплениями зеленого. Когда дул сильный ветер, азалии начинали медленно раскачиваться, распушиваться и напоминали ленивых птиц, неохотно и жутковато размахивающих крыльями. Человек со здоровой психикой и нормальным отношением к отдыху предпочел бы вырубить эти азалии, но таких людей в Сочи уже не бывает, они где-то там, с «метлой, киркой лопатой», занимаются работой, и не только общественной.

Сергей был сосредоточен и спокоен. Он обошел по внешнему периметру высокий кованый забор, окружавший странноватое трехэтажное здание. Только что на охраняемую территорию вошел объект, уродливый карлик в стиле а-ля Паганини. Сергей проследил его путь от прогулки по обочине шоссе до часового стояния, с устремленным вдаль взором, на берегу внепляжного моря, там его можно было бы ликвидировать незаметно, но это на взгляд дилетанта. Сергей же — профессионал. Он сразу засек парня, постоянно находящегося в ненавязчивой близости от объекта. Его ненавязчивость и постоянное, то и дело ускользающее от наблюдения присутствие выдавали в нем настоящего, опасного, как снежная лавина, телохранителя.'

Сразу же после того, как объект вошел на охраняемую территорию, парень исчез. Сергей прислушался к себе и, не услышав сигнала опасности, забыл о парне. Здание было какой-то привилегированной гостиницей. Поднявшись на находящуюся рядом

возвышенность, Сергей, тщательно замаскировавшись, стал рассматривать местность через панорамную обзорную трубку. Эту штучку Сергей контрабандно привез с войны. Ему «подарил» ее парень, лейтенант ГРУ, убитый во время вылазки на территорию Пакистана. Именно туда сопровождала его группа, которой командовал Сергей. В тот раз они не достигли цели, разведчик погиб. Сергея удивила не смерть разведчика, а ее непредсказуемость. Они наблюдали за нарядом только что сменившихся пакистанских пограничников. Шесть человек с оружием садились в брезентовый фургон грузовика. Малорослый, нескладный солдатик положил ствол автомата на борт грузовика и, нечаянно зацепив гашетку, произвел одиночный выстрел в пространство. Оторвавшись от бинокля, Сергей оглянулся и увидел, что пуля обрела покой в парне из ГРУ, аккуратно проделав вход в центре лба. Парня похоронили там же, не было никакой возможности транспортировать тело на свою часть земли. Документов с собой не брали, а все разведывательные изыски, упаковав в рюкзак, забрали с собой. Все сдали по описи. Все, кроме вот этой обзорной трубки.

Осмотрев гостиницу, Сергей повернул небольшой винтик сбоку трубки, и весь декоративный лес внутри забора осветился росчерками хорошо продуманной системы защиты. Низкие «травяные» проволоочки были протянуты по всему леску с интервалом в шесть-семь метров, а между ними расположился искусно сплетенный стальной «спотыкач». Несколько видеокамер, работающих в агрессивном инфракрасном режиме, пульсировали зелеными точками на стволах деревьев. «Так, так, так... — подумал Сергей. — А за леском минное поле, а в бассейне подводные лодки, а на первом, втором и третьем этажах разместились суперсолдаты «Альфы», «Беты» и «Призраков», и лишь глубоко под землей, в комфортабельном, бронированном чулане, мой драгоценный объект». Самолюбие его было задето. Он уже не столько хотел убить урода, сколько узнать, кто он...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Насмешливость — это одна из разновидностей злобы, а я добр и красив, следовательно, нужно исключить из своего окружения насмешливость. Добро всегда серьезно, неулыбчиво и мрачно. Гимн добра — это похоронный марш Шопена. У меня либидо добра...

Глассик чувствовал, как в нем просыпается чувство, напоминающее вдохновение. Оно стремительными мурашками разбегалось по телу, наполняло сердце и вены блаженной истомой.

Я акцент высшего духа на этой земле, в этом проклятом городе, в этой холодной стране, и я согрею, освещаю ее своим присутствием.

Так думал Глассик, стоя перед зеркалом. Он всегда был окружен зеркалами, даже в этой гостинице добавил к трем имеющимся еще четыре... Казалось, что в зеркалах зашифровано какое-то послание лично ему. Глассик поправил галстук и вышел во двор гостиницы. На площадке возле входа уже стояла машина. Шофер отложил газету в сторону и предупредительно открыл заднюю дверцу.

— Благодарю, Тимофеевич, — произнес Глассик и улыбнулся, почувствовав уверенность, превышающую

человеческие возможности. Это означало, что его телохранитель готов сопровождать его за пределами гостиничного бункера. Его не было видно, но Глассик знал, что он уже сосредоточен.

Автомобиль тронулся, и по мере движения черты Глассика смягчались. Исчезли трагические и властные складки возле губ, ушел в глубину блеск глаз, и вместо него из той же глубины выплыли ум и сосредоточенность. Да и сам Глассик куда-то исчез, уступив место Алексею Васильевичу Чебраку, доктору наук генетики и генной инженерии.

Человечество уже сказало достаточно громких слов о науке. В этой громкости преобладают славословия типа *О, наука!* Хотя, конечно же, — ведь существуют же умные люди! — не обошлось без хулительных слов. Чего стоят одни упреки в сторону науки, дескать, она жестока в своих экспериментах и абсолютно невменяема в устремлениях — как Бог...

Алексей Васильевич Чебрак принадлежал к могучему международному ордену ученых-генетиков. Наука, любое ее направление, может по-настоящему развиваться лишь под определением «международная», все другие деления — русская, немецкая, французская, американская, аргентинская, урюпинская, рязанская — это еще не наука в цельнокупном понимании, а введение в нее. Алексей Васильевич Чебрак, русский, был признан миром генетики гением и поэтому находился под опекой самого мощного силового подразделения России УЖАС — Управление по жизненно актуальным ситуациям, которое, в свою очередь, являлось русским филиалом Мирового охранного агентства гениальных ученых — МОАГУ, финансируемого всеми без исключения странами мира, независимо от строя и идеологий. На счет МОАГУ деньги шли всегда и ото всех вот уже около семидесяти лет. Так что все разделения на разные страны, лагеря, мировоззрения и нации чистейшей воды фикция, анестезия для толпы и национального сознания. Большие Дяди уже давно договорились: мир должен быть единым и устремленным к одной цели — бессмертию. Мир обычных людей, как навоз для роз, служит для кристаллизации из своей среды гениев, а гении, как известно, служат только Большим Дядям и их целям...

Штаб-квартира МОАГУ находилась в горах Тибета, и правительство Китая отлично знало, что МОАГУ, как и швейцарские банки, неприкосновенно в любой ситуации. Наш УЖАС находился в Ясене-2, но, в виде самостоятельной, хотя и неизвестной стране, мощной структуры...

Когда УЖАС обнаружил, что Алексей Васильевич Чебрак гений и вместе с тем шизофреник — обычное профессиональное заболевание гениев, как язва желудка у водителей-дальнобойщиков, — то вместо обычной многочисленной охраны было решено не только охранять придурочного ученого, но и следить за тем, чтобы его больные, иногда и жуткие, фантазии воплощались в жизнь, это положительно влияло на качество основной научной работы. Если бы Чикатило был гением в области практической науки, то УЖАС всячески содействовал бы его больным желаниям, и вряд ли бы мы узнали об этом... К счастью, Алексей Васильевич был более приемлем на шизанутом уровне. Его лишь изредка посещал Глассик, с которым он предпочитал общаться один на один. Глассик всегда выходил из какого-либо зеркала, его появление нельзя было предугадать, и входил прямо в Алексея Васильевича, вместе со своими причудами и желаниями...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Глория Ренатовна Выщух вздрогнула и во второй раз. Она боязливо посмотрела на окно, но ничего не увидела. Шестой этаж девятиэтажного дома не располагал к подсматриванию в окно с той стороны, где не было балконов. При росте сто девяносто сантиметров Глория Ренатовна имела пугливую натуру, длинные ноги, живописные ягодицы, пышное и манящее лоно, головокружительную талию и роскошный бюст — захватывающие дух возвышенности упругих, по-девичьи целинных грудей, что само по себе являлось оптическим обманом. Грудь Глории Ренатовны уже гладила — и даже мяла — мужская рука. При росте сто девяносто сантиметров весила Глория Ренатовна восемьдесят девять килограммов, и поэтому ее вышеназванные формы были жизнеутверждающими, притягательными и напроць несопоставимыми с безжизненной «воблистостью» подиумных женщин товарной ориентации, более напоминающих прекрасно упакованные продукты питания, чем то, что называют женщиной.

Глория Ренатовна вздрогнула еще один раз и окончательно проснулась. Она встала с

постели и потянулась, подняв руки вверх и слегка выгибаясь, смачно и как-то беззащитно зевая. Во всех этих движениях было столько плоти и грации, что солнце — это оно подсматривало в окно — замерло и навсегда осталось возле окна в спальню Глории Ренатовны, любуясь ее голым и абсолютно индивидуальным телом.

Солнце осталось, но Глория Ренатовна, накинув халат и привлекая к ногам тапочки, ушла. Ей надо было выпить кофе и совершить все остальные наполняющие утро действия. Сына, как всегда, не было дома. Еще вечером он позвонил и сказал, что останется ночевать у друга.

— Надеюсь, сынок, ты не гомик? — спросила у него Глория Ренатовна.

— Нет, что ты, мама, друга зовут Лена, ей семнадцать, и она дочь твоего бывшего одноклассника Шведова Олега Петровича, преподавателя музучилища.

— Славик, как тебе не совестно?! — воскликнула Глория Ренатовна. — Оставь ее в покое, она хорошая девочка.

— Мама, — укоризненно проговорил сын. — Насчет «хорошая» — согласен, но не девочка же?

— Во всяком случае, не мальчик, — отпарировала Глория Ренатовна и, перед тем как повесить трубку, сердито добавила: — Эти сучки тебя до добра не доведут. Чтобы завтра был дома...

Войдя в ванную, Глория Ренатовна подошла к большому зеркалу и с удовольствием застыла возле него. Зеркало излучало странное тепло и понятное для красивой женщины притяжение. Вот уже два месяца, как она купила это зеркало на аукционе по продаже нетипичной для современности мебели, оно смущало ее. Было в этом зеркале что-то живое, поэтичное и блудливое. Так казалось Глории Ренатовне. Когда она по утрам принимала душ, у нее создавались странные ощущения; иногда ей казалось, что из зеркала ею кто-то любит, а иногда — что из зеркала кто-то выйдет, даст ей кулаком по загривку, грубо изогнет и, по всей вероятности, изнасилует. И тогда она выскакивала из ванной как ошпаренная. Все это, особенно последнее, связанное с выскакиванием из ванной, нравилось Глории Ренатовне...

Она открыла холодильник и вспомнила, что ее страстно, безоглядно и нежно любит мужчина с прямолинейной фамилией Тер-Огонсян, подчеркнутой именем Самвел. Холодильник своим содержимым напоминал внутренний мир добропорядочного мещанина, получающего высокую зарплату. Две морозильные камеры были заполнены до полной забитости. В одной аккуратными штабелями уложены коробочки с мороженым «Я хочу тебя», а во второй расположились пакеты со свежеморожеными омарами длительного хранения. Далее в холодильнике начинались полки, и они не пустовали. На них лежали плотные и таинственные бруски бастурмы, небольшое корытце красной икры и чуть побольше — черной, банальное сливочное масло деревенского происхождения слегка слезилось на белоснежном капустном листе, сливки шести сортов расположились на круглом блюде вокруг продрогших кусков жареного кролика, глиняный горшочек с мацони был накрыт виноградным листом, а семь сортов кавказского сыра живописными глыбами рассредоточились по всему объему холодильника, в котором совсем уж затерялись и выглядели непрезентабельными тарелка с куриными котлетами, корзина яиц, открытая банка с паштетом из морского ежа и на самой нижней полке — вставная челюсть покойного отца, с жадностью впившаяся в уже надрезанный и слегка пожухлый ананас. «Боже мой, какой дурачок, — с нежностью подумала о сыне Глория Ренатовна. — Уже девок теревит, а все играет». Яростные и пожелтевшие зубы вставной челюсти отбили у нее охоту к завтраку. Глория Ренатовна вздохнула, засыпала в бронзовую кофемолку зерна кофе и со вздохом начала вращать рукоятку своей нежной, и не сказать, чтобы слабой, рукой...

Кофе взбудрил Глорию Ренатовну, а начинающийся солнечный день пробудил в ней

неясные, но вполне объяснимые желания. Войдя в ванную, она стала под теплую ласку душа и, подставив груди под упругость струй, вздохнула глубоко и чувственно. Это был фирменный вздох Глории Ренатовны. Фирменный и опасный для мужчин. Благодаря этому вздоху она пробудила безумную страсть в своем первом и последнем муже, который тогда, восемнадцать лет назад, был вторым мужем таганрогской секс-бомбы Софьи Андреевны Сычевой, артистки Театра имени А.П. Чехова, более известной не по сцене, а по городскому пляжу. Когда она в купальнике модели «Стыдливая нудистка» появлялась на многолюдном берегу моря, мужчины, после некоторого оцепенения, как по команде переворачивались со спины на живот, чтобы присутствующие с ними подруги и жены не увидели мощно зашевелившийся созидательный мускул.

Такой была Софья Андреевна Сычева, таганрогский секс-символ, артистка и предупреждение женщинам, ослабившим контроль за мужчинами. Глория Ренатовна Выщух была совершенно другой. Морские пляжи города претили ей, она предпочитала тенистые аллеи городского парка и вечерние прогулки по наполненным старинным очарованием улицам южного города. Летом город напоминал огромный парусный корабль, и если бы не бросающаяся в глаза хулиганистость ужаленных летом подростков и утомленных зноем равнодушных прохожих, этот корабль можно было бы назвать праздничным. Глория Ренатовна любила вечерами зайти в кафе или небольшой ресторанчик, которыми был пронизан вдоль и поперек вечерний город, и выпить стаканчик сухого донского вина. В одном из таких ресторанов, с названием «Старая крепость», и влип по самые уши таганрогский плейбой, красавец Саша Кракол с очаровательной кличкой Крокодил, второй муж Софьи Андреевны Сычевой.

Саша Крокодил бросил Софью Андреевну сразу же после того, как увидел Глорию Ренатовну в ресторане «Старая крепость». Она сидела в левом углу первого зала за затемненным столиком на двоих. Когда Саша подошел к столику и спросил: «Можно присесть?», он еще не знал, что ему все — кранты. Когда же Глория Ренатовна, глубоко и чувственно вздохнув, сказала: «Садитесь», Саша Крокодил уже едва мог вспомнить черты лица своей жены, у которой был вторым мужем. Так приходит любовь, за которой тянется шлейф из запахов хорошего вина и дорогих сигарет, вокруг этой любви раздаются звуки поедания, выпивания и удовольствия, она находится в самом центре неугомонной южнорусской ночи, а ее душа пробуждает самые высокие устремления в нижней части мужского и женского тел. Конечно, любовь может зародиться и в другом оформлении запахов и звуков, но воздействие на нижнюю часть тела неизменно. Саша Кракол утонул в любви и даже не заметил этого.

Любовь Крокодила и Глории Ренатовны была программной со стороны Глории Ренатовны и безоглядной со стороны Крокодила. Высокую, пропорциональную, мускулистую и голубоглазую статью Крокодила Глория Ренатовна заметила давно, и столь же давно она задумала впустить в себя семя этой стати, чтобы воспроизвести нечто свое, личное и никому не подвластное. Крокодил же просто, и даже в какой-то мере по-дурацки, любил.

Вскоре Глория Ренатовна забеременела, а в тот день, когда она, крича от боли, выталкивала из себя сопротивляющегося насилию сына, Саша Кракол погиб, сорвавшись с водосточной трубы на уровне третьего этажа родильного отделения 50-й городской больницы. Так и лежал — навзничь, с зажатым в зубах букетом цветов и раскинутыми, как бы в огорчении, руками: вот, мол, так и не узнал, кто родился — сын или дочь...

После гибели Саши Крокодила Софья Андреевна Сычева сорок дней подряд подходила вечерами к дому Глории Ренатовны и, задрав голову, смотрела на окна ее квартиры, держа в руке горящую церковную свечу. Видимо, простая и дурацкая любовь Крокодила чего-то стоила, что-то в ней было такое, что трудно объяснить словами, но, по всей видимости, хорошо запоминалось, так как после его смерти Глория Ренатовна отвергала все мужские притязания на свое тело и жила лишь воспоминаниями, беспощадно и всеобъемлюще посвятив себя сыну. А Софья Андреевна на сорокой день уронила огарок свечи на асфальт, и

более ее возле дома Глории Ренатовны не видели. Видели ее после этого всего лишь один раз, и то на городском пляже. В своем знаменитом купальнике «Стыдливая нудистка» она, посмеиваясь над своими мыслями, гордо прогуливалась по берегу, но это был ветреный и морозный январский день, и поэтому она исчезла с поля зрения горожан уже навсегда. Доносились глухие слухи о том, что якобы она находится в загородной психиатрической больнице Дарагановка, но так как она исчезла навсегда, то на слухи не обратили внимания, тем более что на пляже появилось новое и многочисленное поколение юных секс-бомб, обходящихся вообще без верхней части купальника. Так проходит, как рябь на воде, сексуальная и любая другая популярность.

Конечно же, мужчины не прекращали домогаться любви Глории Ренатовны, но она не допускала их до столь возвышенного чувства к себе.

— Вы все напоминаете мне вшей. От вас один зуд и никакого удовольствия, — однажды разоткровенничалась она перед особенно назойливым поклонником, начальником сортировочного цеха городского пивоваренного завода.

— Ага, вшей, — буркнул обиженный пивовар и, уходя, произнес непонятную фразу: — Это у лопаты держак, а я творец, мужчина...

Но с недавнего времени все переменилось. Вот уже пять месяцев Глория Ренатовна чувствовала беспокойство во всем теле. Самвел Тер-Огонесян!...

Ресторан «Морская гладь» находился посреди набережной, между памятником А.С. Пушкину и яхт-клубом, потому что там должен был находиться именно такой ресторан, а не какие-то емкости с нефтью, оформленные неряшливой железной дорогой. Это совсем недалеко от гостиничного комплекса «Темеринда», где «братья» Рогонян держали в организационной узде некие устремления приморских девушек с исключительно многогранными способностями. В ресторане «Морская гладь» ничего такого, конечно же, не было. Это респектабельное и знаменитое на весь город заведение. В ресторане хорошо и нестандартно кормили благодаря высокому искусству шеф-повара и хозяина Самвела Тер-Огонесяна...

Маленькие, гораздо меньше мотыльков, золотистые ангелы начали кружиться перед глазами Самвела Тер-Огонесяна, и нежный звон их серебристых колокольчиков заполнил его уши, когда он увидел, как грациозно Глория Ренатовна входила в ресторан и садилась за столик. Боже, как она садилась! Самвел потряс головой, но добился лишь более хаотичного мелькания ангелов перед глазами и более концентрированных звуков нежности в звучании небесных колокольчиков.

— Отойди в сторону, — приказал Самвел одному из поваров. — Я буду создавать шедевр.

Самвел Тер-Огонесян достиг такого изумительного искусства в кулинарном деле, что становился к плите лишь по собственному желанию и только в минуты эмоционального потрясения. Последний раз это произошло, когда в город приезжал набитый деньгами грек Онассис вместе с молодой женой Жаклин Кеннеди. Грек вбил себе в голову, что его кровные предки — выходцы из древнего и уже не существующего города Танаиса, развалины которого отрыли археологи в десяти минутах езды от Таганрога в станице Сущенково. Приехав поклониться корням, он заодно посетил и город, видимо, посчитав его правопреемником древнегреческого Танаиса. Странно, конечно, но супружеская чета неисповедимыми путями решила утолить голод в ресторане «Морская гладь», и Самвел, потрясенный этой неисповедимостью, стал к плите. Неизвестно, что думала по этому поводу Жаклин, она берегла фигуру и ничего не ела, но простоватый миллиардер съел все и повторил заказ... лт

Глория Ренатовна заказала бокал донского «Суховоя», жареные колбаски и мороженое, а ей принесли блюдо из фаршированной перепелиными яйцами стерляди, сваренной в молодом вине, бутылку настоящего красного «Бли» и золотистое дорогое мороженое «Версаль». Она слегка вскинула в удивлении бровь и невозмутимо попробовала от всего

понемногу. А после того как официант вместо счета принес ей букет колокольчиковых роз и записку «Ваш раб Самвел», она впервые со времени гибели Крокодила захотела ощутить бесцеремонность мужской руки на своей груди, и лишь внутренняя дисциплина Глории Ренатовны подсказала ей, что в таких вопросах, как порабощение одного из самых богатых и известных в городе людей, спешить не стоит. Глория Ренатовна приняла букет, прочитала записку, вторично вскинула в удивлении бровь и, уже с продуманной и контролируемой грациозностью, покинула ресторан...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сообщение о том, что в сквере городской больницы № 7 обнаружен еще один труп без признаков насилия на теле, поступило в отделение милиции в 1 час 40 минут. Игорь Баркалов в это время, пытаясь от напряжения, вталкивал в камеру временного содержания разбушевавшегося слесаря-наладчика кислородных полуавтоматов местного оборонного завода. Слесарь настолько разбушевался, что даже задержание, применение дубинки и наручников не успокоили его гневную, бунтующую и налитую водкой до немыслимых пределов натуру. До прибытия патруля он со всей силой неосознанного протеста бил по лицу своего коллегу по профессии за то, что встретил его на улице Панфилова в повязке дружинника. Затем он по инерции всеотрицающей злости стал бить по лицам прибывших на место происшествия милиционеров и был остановлен жесткими и болезненными методами. После этого он слегка застыл и успокоился в накоплении ударной силы противодействия и находился в таком состоянии до прибытия в отделение. В отделении обманутый его подавленным состоянием дежурный капитан приказал снять наручники, и слесарь-наладчик с чудной фамилией Павлинов стал бить по лицам потерявшего бдительность дежурного и находящегося в его комнате Игоря Баркалова, заскочившего туда с невинным вопросом «Машина в сторону центра есть?». Каким-то странным образом, в тесном пространстве дежурной комнаты, не сразу удалось применить успокаивающие агрессию приемы, тогда как стихийные размахивания кулаками неукротимого слесаря дали эффектные и болезненные результаты на лице Игоря и на лице дежурного капитана. В конце концов все образовалось, и последним штрихом этой битвы стал заключительный аккорд: ладонью по спине вбивание слесаря в камеру временного содержания.

— От года до трех, — констатировал Игорь, захлопывая дверь камеры.

— Пятнадцать суток и штраф, — усмехнулся дежурный, проворачивая ключ в захлопнувшейся за Павлиновым двери.

В это время и поступило сообщение. Второй труп в сквере городской больницы.

— Опять девочка? — спросил Игорь у дежурного.

— Нет, мальчик, — усмехнулся дежурный и спросил: — Кто поедет? Самсонов уже там.

— Я, конечно, — заспешил Игорь и с надеждой добавил: — А где Басенок?

— В Сочи, — перечеркнул надежды Игоря дежурный.

Игорь, конечно, знал, что у Степана был отпуск и родственники в пятизвездном городе, а спросил он просто так, машинально, мысль его работала уже в строго профессиональном направлении. В это время из камеры временного содержания раздался боевой клич и послышался интенсивный шум разразившейся битвы. Это слесарь Павлинов стал бить по лицам находящихся в камере двух местных алкоголиков, одного устроившего погром в гостинице командированного и пьяного в дым чемпиона города по боксу, студента последнего курса радиотехнического института Николая Ванюкова.

— Ну, я поехал, — заспешил Игорь.

— Давай, — махнул рукой дежурный, не обращая внимания на раздающиеся из камеры звуки яростного боя. — Прокуратура тоже уже там.

В ночном сквере больницы № 7 былолюдно. Начальник горотдела полковник Самсонов и заместитель городского прокурора Миронов стояли чуть в стороне от работающих на месте происшествия экспертов и о чем-то неспешно беседовали. По их лицам было видно, что они говорят о будущем. Это будущее начнется завтра с утра, и оно будет шумным и неприятным для начальника горотдела и, в какой-то мере, косвенно, для зампрокурора Миронова. Второй труп молодой девушки в сквере больницы — уже слишком. Болтливые горожане сделают из этого трагедию национального масштаба, а местная пресса всеми силами поддержит версию.

— Как все-таки неприятно, — с досадой произнес Миронов.

— Да что вы говорите? — с легкой ехидцей удивился Самсонов и этим удивлением выразил свою прямую неприязнь к зампрокурора Миронову, которого считал выскочкой, дилетантом и козлом по жизни.

— Вас это удивляет? — в свою очередь удивился Миронов и посмотрел на Самсонова с таким видом, с каким обычно смотрит воспитанная дама на замордованную жизнью женщину, недостаточно вежливо толкнувшую ее в переполненном троллейбусе.

Игорь подошел к врачу-эксперту, высокому и сутулому Эльмиру Кречугину, с видом проходящего мимо зеваки.

— Что вы тут делаете? — с любопытством спросил он и поздоровался за руку с Эльмиром.

— Нефть ищем, — неохотно ответил Эльмир и разразился длинной тирадой: — Это труп, но дело в том, что этот труп я уже обследовал раньше. Помнишь, три дня назад самоубийство, девушка повесилась, медсестра, прямо у себя в ванной?

— Помню, — ответил Игорь и похолодел от предчувствия.

— Ну так и радуйся, это она. Опять выкопали и положили на то же место, что и Останскую.

— Да-а... — «обрадовался» Игорь. — Счастья-то привалило. А ты не в курсе, почему медсестра повесилась?

— Нашла веревку, а выбрасывать жалко было, — сердито пробурчал Эльмир. — Это не я, а ты сыщик.

— Я в основном по грабёжам специализируюсь, но если не хочешь говорить, то и не говори, я не настаиваю.

— Не настаиваешь?... — Эльмир закурил свой любимый «Казбек». — Я бы тоже на ее месте повесился. Двадцать лет, в семнадцать попала на обложку журнала «Силуэт» как самая красивая девушка региона. Лицо, фигура, чтоб я умер. Хирурги пятой больницы, где она операционной сестрой работала, друг на друга со скальпелями бросались, и вот... — Эльмир резко оборвал свое повествование и спросил у проходящего мимо фотографа: — Закончили?

— Да, — исчерпывающе ответил ему фотограф.

— Что «вот»? — неторопливо напомнил о себе Игорь, зная манеру Кречугина заинтриговывать собеседника.

— Повесилась дура, — равнодушно произнес Эльмир. — Пожар был в доме, крыша горела. Все целы, и лишь ей одной на лицо горящий битум попал и превратил из самой красивой девушки региона в ночной кошмар. Одним словом, понять можно, а вот то, что ее через сутки после погребения кто-то из могилы вытащил, я не понимаю.

— А почему ее сюда, а не по месту работы отправили? — поинтересовался Игорь.

— Какой работы? — опешил Кречугин.

— Ну как же? Она в пятой больнице работала, а ее в седьмую подкинули. — Игорь коротко взглянул на готовящегося ответить Кречугина и, опередив его, официально спросил: — Некрофилия или другие следы на теле есть?

— Ничего, в том-то и дело, что ничего. Все как в случае с Останской. Выкопали, принесли сюда и аккуратно положили.

— Да-а... — тоскливо протянул Игорь.

— Кхм... — кашлянул Эльмир и с сочувствием посмотрел на Игоря.

У полковника Самсонова были все основания осторожничать с заместителем городского прокурора Мироновым по нескольким причинам. Одна из этих причин бросалась в глаза. Высокий, могучий и вспыльчивый Миронов обладал боксерскими навыками на уровне мастера спорта. «Как гвозданет, и пистолет не успею выхватить», — подумал Самсонов и ужаснулся своим собственным агрессивным мыслям. Вторая причина опасений полковника заключалась в том, что Миронов был женат на дочери комиссара Кияшко, а муж его подруги, майор Пластолец, спал и видел себя начальником горотдела. Самсонов даже в кошмарных снах не допускал такого варианта.

— Ну и что вы думаете по этому поводу? — спросил он у Миронова.

— Да так, — поежился Миронов. — Слишком уж все это необыкновенно. Кто этим делом занимается?

— Все занимаются, — буркнул Самсонов. — А Баркалов, Басенок и Савоев в частности.

— Почему же тогда Басенок в отпуске?

«Все знает, гад!» — возмутился про себя Самсонов и объяснил:

— Указом президента старший инспектор Басенок награжден орденом за проявленное мужество во время задержания группы особо опасных преступников, где он получил ранение, а по приказу министра внутренних дел ему ежегодно выдается путевка в Сочи, и обязательно в летнее время. В связи с сегодняшним случаем я отзываю его из отпуска на службу, и вообще дело принимает самый нежелательный оборот.

— Какой же? — спросил Миронов и опять поежился, как от холода, хотя вокруг него была душная, густая и наполненная южными шорохами летняя ночь.

— Маньяк! — отчеканил Самсонов. — И маньяк с претензией. Не трахает, не душит, не режет, а просто выкапывает мертвых. Значит, это нечто культовое, а раз нечто культовое, значит, организация. Организация маньяков, вы представляете, Миронов?! — воскликнул непонятно от чего возбудившийся Самсонов. — Да если это окажется так и мы это дело не раскроем, то не только я, но и вы, и ваш протеже, и все, что сверху вас, полетит вниз.

— Вы про что, полковник? — опешил Миронов.

— Я про маньяков, — отмахнулся от него Самсонов и громко позвал Игоря Баркалова, стоящего возле экспертов...

Зов начальника оторвал Игоря от недоуменного разглядывания трупа девушки. Его поразило несоответствие лица и тела мертвой. Лицо было увенчано жуткими язвами ожога, которые от удушья при повешении лопнули, а от кратковременного пребывания под землей наполнились желтоватой влагой. Тело же поражало четкостью совершенной фигуры, не пострадавшей от ожога и ставшей более «струнной» от напряжения на добровольной виселице.

— Я вас слушаю, шеф, — подошел Игорь к Самсонову и поздоровался за руку с Мироновым: — Здравствуйте, Сергей Миронович.

— Красивый синяк у тебя под глазом! — заметил полковник Самсонов и, показав рукой на Игоря, объяснил Миронову: — Парень в схватке с бандитами пострадал.

Подавленный увиденным Игорь молчал, тоскливо перебирая в мыслях призрачные звенья версий.

— Значит, так, — стал сосредоточенным Самсонов. — Басенка из отпуска я отзываю немедленно. Заканчивай осмотр, отправляй труп в морг и вместе с Савоевым ко мне.

— У Степана отпуск через два дня заканчивается. Он уже в поезде домой едет... — сообщил Самсонову Игорь и, улынувшись, вспомнил: — А меня вы отзывали из отпуска в прошлом году через два дня после начала.

— Это хорошо, — не услышал воспоминаний Игоря Самсонов. — Это хорошо, что возвращается. В общем, я жду. — Самсонов широким шагом направился к своей «Волге». Открыв дверцу, он повернулся к Игорю и крикнул: — Пусть Савоев материалы по сутенерам

возьмет с собой!

Полковник сел в «Волгу», захлопнул дверцу и уехал, оставив растерянного Миронова в окружении экспертов. Игорь сел в салон микроавтобуса и завел оживленный разговор с Кречугиным, который до этого оживленно разговаривал с водителем микроавтобуса. Подъехал грузовик, и двое пятнадцатисуточников, сопровождаемые милиционером, погрузили многострадальное тело в кузов. Эксперты шумно влезли в микроавтобус, и он, фыркнув, уехал, оставив расстроенного Миронова в полнейшем одиночестве, ибо грузовик с трупом, пятнадцатисуточниками и сопровождающим их милиционером тоже уехал. Миронов оглянулся вокруг и зябко поежился, вокруг него была глубокая и тихая ночь. Самсонов уговорил его не брать служебную машину прокуратуры и заехал за ним на своей. Миронов раздраженно сплюнул в темноту и услышал шум автомобильного двигателя. Вспыхнул свет фар, и голос Самсонова крикнул:

— Эй, Миронов, давай сюда! Я про тебя совсем забыл, столько дел, что не грех и себя забыть, не то что тебя.

— Спасибо! — поблагодарил Миронов Самсонова. — Я пешком, тут рядом. — Он развернулся и, слегка ссутулившись, быстрыми шагами пошел к выходу с территории седьмой больницы.

— Как же, рядом, — хмыкнул в пространство Самсонов и крикнул вслед: — Ты по дороге «Спикере» купи, и порядок, к утру дойдешь...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Это может показаться неправдой, но это правда. В городе на берегу Местийского моря всегда лето. Осень, которая начинается в ноябре и под видом зимы добирается

до самого марта, не имеет в городе естественных корней. Она напоминает нефа, невеста каким образом родившегося от чукчанки на берегу Чукотского залива в непосредственной близости от проплывающего мимо айсберга. Так и осень, иногда маскирующаяся под зиму, не к лицу Таганрогскому заливу. Сам город спроектирован, построен и обжит людьми, влюбленными в лето, он весь пронизан им и прогрет от макушки и на много сотен метров в глубь земли под своими фундаментами. Все, включая дом Воронцова, старые ступени Каменной лестницы, солнечные часы, каштановые улицы и вишневые переулки, порт, люди и время, городская тюрьма и городской театр, парк, ларек с пивом у пивзавода, запутанный хаос переулков Никольской балки и даже пьяный вусмерть Леня Светлогоров по кличке Клод Моне, лежащий на полукруге под памятником Чехову, и сам памятник, — все это, да простит меня Господь, освящено летом. В это время город напоминает римский Колизей, весенний Париж и дачный поселок Нахимовский под Старой Феодосией одновременно. Самая живописная курортная провинция России — город Таганрог, который без лета уныл, болен и раздражителен.

Оперуполномоченный Слава Савоев заскочил в кабинет инспектора уголовного розыска Игоря Баркалова с вытаращенными глазами.

— Я только что из морга! — радостно сообщил он.

— Поздравляю... — с недоумением поддержал радость экспансивного Славы Игорь.

— Слушай же... — Савоев пропустил иронию мимо ушей. — Она, как и Останская, лежала под Робертом Рогоняном, он трахал и ту и другую под странными предложениями.

— Да ты что?! — моментально заинтересовался Игорь. — Почему странными?

— Останская, по его словам, подглядывала за голыми мужиками в окна городской бани по Двдцатому переулку, и когда он отвлек ее от этого зрелища, то увидел и полюбил ее, чисто по-сутенерски полюбил... — Савоев слегка волновался. — Но это все есть в деле, и ты об этом знаешь, а вот эту удавленную выкопанную я видел у него в яхт-клубовской бане, заметь, опять в бане, он ей голову полотенцем обмотал, чтобы лица не видеть, хитрый, зараза... — невольно восхитился Савоев. — Все остальное, пожалуйста, как у молодой

Лоллобриджиды. В общем, баня и в том, и

в другом случае, хотя я думаю, что это он, а не Останская, в окна заглядывал... — неуверенно предположил Слава.

— Старайся не думать, — осторожно посоветовал ему Игорь.

— А что? — вскинулся Савоев. — И ту и другую он пилил, и та и другая трагически ушли из жизни, молодые девчонки... — загрустил Слава. — Даже в могиле не дали спокойно полежать, выкопали и по всему городу к скверу тащили, ужас... Рогонянов надо брать, и того и другого. Как следует и по закону, и, естественно, от души допросить, чтоб жизнь медом не казалась, и все, мы окажемся на правильном пути.

— Это ты на правильном пути, Савоев, а я на бездорожье... — задумчиво произнес Игорь. — Роберт — сутенер, он всех баб своих сам проверяет в первую очередь, чтобы знать характеристики товара, и проверяет, как ты правильно заметил, в бане, там удобнее... — Игорь развивал мысль медленно, но неотвратно. — А брать их нужно обязательно, хотя бы для того, чтобы набить морду... — Он коротко взглянул на Савоева и объяснил: — По закону, естественно. Но вот в том, что они к выкапыванию приложили руку, я совсем не уверен.

— Я тоже в принципе не уверен, — уныло согласился с ним Савоев. — Но опять-таки, сам понимаешь, баня и остальное...

— Ладно, пошли к Самсонову, — решился Игорь и тут же сурово поинтересовался: — Они платят?

— А куда они денутся? — даже слегка обиделся Савоев.

Игорь, Степан и Слава были взяточниками со странными интонациями. Они были не только хорошими и молодыми сыщиками, но и неисправимыми романтиками, то есть приступообразными «идиотами». Деньги брали со всех держателей безнравственных акций преступного бизнеса. Брали, но не прикрывали, кропотливо собирая на них достаточный для ареста и суда материал. Взятые деньги накапливались, делились на шестьдесят равных частей, и один раз в два месяца ровно столько пенсионеров МВД получали неплохую, часто превышающую пенсию добавку к ней. Во время первой выплаты Басенок предложил объяснить письмом каждому ветерану суть этой добавки, чтобы они не стали выяснять это официальным путем. Письма были написаны и доставлены адресатам. Пенсионеры поняли суть дела и, судя по тому, что никто не проболтался, одобрили это.

Полковник Самсонов дал разрешение на задержание «братьев» Рогонян с лукавой оговоркой:

— Если что случится, то вы меня неправильно информировали по этому поводу.

— А если ничего не случится? — вяло поинтересовался Игорь.

— Получите выговор за неправильное ведение допроса, — строго проговорил Самсонов и спросил: — Когда Степан приезжает? Беспокоюсь я за него. Сочи — это не курорт, а место сбора преступных авторитетов. Еще узнает его кто-нибудь из бывших крестников.

— Завтра и приезжает. В девять вечера я его встречу. У нас в городе, между прочим, тоже не филателисты собираются. Вчера Кошечкин из первого отделения рассказывал, что за прошедшую неделю они в районе центра города тридцать один кабинет по излечению людей от неправильной кармы и точечной импотенции закрыли.

— Это точно, — согласился с Игорем Самсонов. — Прямо вторжение нечисти всякой. По сводке за месяц задержали десять насильников, двух убийц, восемнадцать злостных хулиганов, шестьдесят семь ясновидящих, восемь магов, двух инопланетян и четырех экстрасенсов. Не город, а столица аферистов, все КПЗ ими забиты.

— Да вы что?... — живо заинтересовался молчащий до этого Савоев. — Я бы одного такого колдуна выдернул из КПЗ и очную ставку с Рогонянами устроил, вдруг он их на явку с повинной раскрутит.

— Оставь свои мысли невостребованными, Слава, — посоветовал Савоеву Игорь.

— Молчи, Савоев, — поддержал Игоря Самсонов и пригрозил обоим: — Если появится еще один самовыкапывающийся труп, я окажусь на пенсии, тебе, Игорь, не видать московских курсов по повышению как своих ушей, а ты, Савоев, будешь улицы патрулировать в лучшем случае, а в худшем подметать их.

Самсонов, как всегда, преувеличивал, но доля истины в его преувеличениях не превышала разумных стандартов.

Пассажирский поезд Адлер — Москва, как и все пассажирские поезда России, по уровню обслуживания был точно таким же, как и сами пассажиры. Если взять самых возмущенных качеством сервиса в поезде и назначить их проводниками и бригадирами, то не пройдет и полгода, как они с удивлением обнаружат, что пассажиры не по чину капризны и требуют от них, в общем-то хороших работников, невесть какого внимания к себе, а сами жрут водку, поедают тонны продуктов, курят где попало, ходят мимо унитаза, матерятся, грубят и требуют вежливого отношения к себе.

Степа Басенок на сервис не обращал внимания точно так же, как не обращал внимания и на качество чая, доставленного проводником в купе. Он его не пил. У него был литровый термос, наполненный густо заваренным цейлонским чаем, в который вылили два стакана кубинского рома. Это была идея Ивана, старшего брата Степы, который жил в Сочи вместе с женой Наташей и дочерью Ирой. Иван был владельцем двух прогулочных катеров, лодочной станции и охранного агентства «Рекс». Вместе со Степаном под нижней полкой купе следовал мешок орехов фундук, чемодан сушеного винограда и корзина копченого адыгейского сыра, настойчивый дар Ивана и Марины, родной сестры Степана, которая также жила в Сочи вместе с мужем Толей, работавшим в охранным агентстве «Рекс», и сыном Геней. Еще у Степы был томик писателя Александра Сэна «Русское танго с Адольфом Гитлером», в котором сюжет развивался с динамичностью экстаза. Это было молчаливое «до свидания» Толика, мужа Марины. Он был уникальным и талантливым молчуном. Он играл своим молчанием как на скрипке, то есть умел молчать радостно, вежливо, эмоционально, горестно, раздраженно, нежно и даже в бешенстве...

Пассажирский поезд Адлер — Москва пересекал на пути своего следования много живописных, достойных восхищения мест, но Степа Басенок лежал на второй полке и самозабвенно спал всю дорогу, до самого города. Не того, изменчивого, города, в названии которого присутствует большая и смысловая буква М, а другого, удивительного, в названии которого М отсутствует, но зато есть два маленьких «а» и большая, похожая на раскрытые объятия, буква Т, вокруг которой слышится напоминающий шорох прибрежной степи нежный шелест ассоциаций. Степа спал, и по его лицу было видно, что сон на второй полке в купе движущегося пассажирского поезда — это нечто ни с чем не сравнимое. Разве что с детством и возможностью его повторения в таком вот сне, на второй полке движущегося по югу России пассажирского поезда...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Если вы никогда не были в Сочи, то и не приезжайте туда. Это точно так же, как если бы вы не курили, а затем закурили, и в итоге вам не хватает пачки сигарет на день. Все летит и рушится: сердце, легкие, незамутненный взгляд на жизнь, все молит о снисхождении. «Не посещайте курортов!» Этот лозунг актуален как «Не пейте водку!», «Не употребляйте наркотиков!». К сладкому и нежному легко привыкнуть и очень трудно постоянно оплачивать. С таких привычек начинается настойчивая и насмешливая неудовлетворенность. Все это кончится тем, что вы блудливо и затравленно начнете интересоваться объявлениями: «Лечу от запоев, запоров и энурезов», «Уберу все виды порчи и любую форму простатита», «Красиво оформим погребение», «Пошлю всех на... Звонить утром до пяти и вечером после двенадцати. Спрашивать Колю». Любая форма отдыха, связанная с морским

высокозатратным побережьем, напичканным всем тем, чтобы отдых стал привычно высокозатратным, — это форма разврата на уровне совращения малолетних. Половая распущенность, наркомания, склонность к предательству, журнал «Плейбой», гомосексуализм, старческий онанизм, московская регистрация граждан России, педофильство, кругосветные круизы, похищение с целью выкупа, занятие большим теннисом и умение все объяснить — это звенья одной цепи. Так что если вы еще не были на средиземноморских курортах, то и не рыпайтесь, лучше посетите Азовское море в районе Таганрога, будете здоровыми, отдохнувшими и неограбленными, а самое главное, у вас вырастут шансы получить все вместо иллюзии всего.

Лучший вариант смерти — быть убитым неожиданно и быстро. Так, чтобы жизнь покинула вас с обидной поспешностью и даже вздох облегчения, предшествующий началу смерти, не достиг бы ничьих ушей. Рождение сопровождается криком отчаяния, а смерть вздохом облегчения, и если первое по-суетливому демонстративно, то второе по-беспристрастному незаметно. Сергей Васильев умер неожиданно и быстро, как и полагается грешникам, на грехи которых не обратил внимания Бог. Голова Сергея, сорванная с плеч какой-то чудовищной силой, лежала в шести метрах от туловища и с любопытством пыталась что-то рассмотреть в начинающем набухать утренней зарей небе. Туловище, лишенное своего основного оформления, выглядело расслабленным и умиротворенным, как бегун-марафонец, сошедший с дистанции, наплевавший на далекий финиш и прилегший возле ручья в придорожном леске.

Начальник сочинского УВД полковник Краснокутский стоял возле обезглавленного тела и выслушивал доклад старшего оперативной группы, следователя по особо тяжким преступлениям Нерсисяна, с задумчивым видом. То, что говорил Нерсисян, нельзя назвать речью разумного человека, но так как следователь был умным и опытным, то и задумчивость на лице Краснокутского не была скептической.

— Так откусить голову может только крупная акула... — заявил Нерсисян и выжидательно посмотрел на полковника.

— Акула? — удивился Краснокутский и слегка принюхался в сторону следователя, но тотчас же взял себя в руки и напомнил: — Мы не на берегу Мексиканского залива, а в лесу тело нашли.

— Нашли в лесу, но убит он был в другом месте, сюда его доставили на автомобиле и бросили. Если бы он был убит здесь, то кровь бы под ногами хлюпала, а так ничего, сухо. Судя по одежде и некоторым предметам, обнаруженным в карманах убитого, это бывший профессиональный военный, имеющий какое-то отношение к спецслужбе. При нем обнаружен «ПМ», какой-то незнакомой конструкции прибор ночного видения, чехол для десантного ножа, но самого ножа не было. Документов, удостоверяющих личность, не обнаружено. Все остальное узнаем после экспертизы и вскрытия... — закончил свой доклад Нерсисян и, бросив взгляд на лежащую невдалеке голову, добавил: — По-моему, тут и без вскрытия все ясно. Странное убийство: чтобы оторвать голову, времени хватило, а от тела избавились бездарно, без заинтересованности, как будто уголовный розыск не принимался во внимание.

По мере того как Нерсисян докладывал, лицо полковника светлело, а сам он становился спокойнее. Все, что говорил Нерсисян, объясняло лишь одно: они — Управление внутренних дел города Сочи — этим заниматься не будут, а вот они — Федеральная служба безопасности — поломают себе голову...

Действительно, Федеральная служба безопасности заинтересовалась этим делом и приняла его к производству, не мешая при этом МВД вести собственное расследование. Причиной заинтересованности ФСБ явилась даже не обзорная трубка, находящаяся на вооружении в ГРУ, а метод, которым убили Сергея Васильева...

Вскоре сочинское УВД выяснило, что погибший — Сергей Андреевич Васильев,

уроженец города Таганрога, капитан-десантник в отставке, находящийся в Сочи на деловом отдыхе. Его часто видели в окружении Аскольда Иванова, председателя правления Азово-Черноморского банка, который, как ни удивительно, также был уроженцем города Таганрога. Аскольда Иванова пригласили для опознания тела убитого и попутно выяснили у него об отставке Сергея Васильева с должности начальника службы безопасности банка. Когда Аскольду продемонстрировали голову Сергея, он сразу же опознал его и, сказав: «Да, это он», упал в обморок на издававший-переиздававший виды пол судмедэкспертного морга.

— Никогда не поверю, что он банкир, — с негодованием произнес патологоанатом, с пренебрежением глядя на лежащего Аскольда Иванова.

— Почему? — с интересом спросил находящийся здесь же следователь Нерсисян.

— Ну что это? — устало указал патологоанатом на валяющегося Аскольда. — Банкиры при виде трупов в обморок не падают. Помоги мне...

Они взяли Аскольда за руки и водрузили на кушетку, стоящую в углу операционной: «разделочный цех» судмедэкспертного морга.

Вскоре ФСБ выяснила, что Сергей Васильев был убит приемом «короткое замыкание». Это когда голову человека запрокидывают, подойдя сзади, резко вверх, при этом разрывается горло в районе кадыка, и, запустив руку в разрыв, пропуская между пальцами шейные позвонки, сильным рывком срывают ее с плеч. Прием выполняется в течение полутора секунд и состоит на вооружении спецподразделения, специализирующегося на убийствах лидеров экстремистских движений с целью деморализации остальных активистов. Этого знания вполне хватило ФСБ, чтобы забрать дело у сочинских сыщиков и засекретить его.

Тело убитого Сергея Васильева было обнаружено в десяти километрах от гостиницы «Домик», и она не упоминалась даже в виде предполагаемого места убийства.

«Понятно, — думал ничего не понимающий следователь ФСБ Веточкин, разглядывая обзорную трубку. — Начальник службы безопасности банка имеет право на какую-то техническую новинку, которая помогает ему исполнять свои обязанности. Все банковские силовые структуры, — Веточкин хмыкнул, — тяготеют к тому, чтобы иметь в своем арсенале нечто такое, чего нет у других, но не до такой же степени. Откуда у начальника службы безопасности банка, притом бывшего начальника, суперприбор, который не имеет аналогов в мире и состоит на балансе ГРУ?»

Веточкину не дано было додумать путь обзорной трубки. Дверь в его кабинет открылась, и вошел секретарь шефа со словами:

— Давай сюда прибор. Он там нужен.

Секретарь ткнул пальцем в сторону предполагаемого неба. Веточкин протянул ему трубку и, покачав головой, произнес:

— Занятная штукавина.

По мере изучения обзорной трубки обнаружилось, что в нее был заложен схематический чип РА-800 и алгоритмарный микропередатчик, который специалисты шутя называют «ябеда», после чего метод убийства Сергея Васильева, сами личности убитого и убийцы стали объектами пристального внимания ФСБ, ГРУ и кремлевского куратора этих изощренных силовых ведомств.

Я улыбаюсь, и пространство вокруг моей улыбки наполняется нежностью ко всему происходящему. Любая, даже самая незначительная, смерть заслуживает пристального уважения к себе. Мне жаль этого парня, у него такое непредвзятое православное имя Сергей, в этом имени слышатся интонации Нагорной проповеди. Я весь в слезах, я наполнен улыбкой. Вот его нож. Красивый, десантный. Он хотел им защититься, чудака. Я бы одел лезвие этого ножа в белое и голубое. Чехол-тельняшка для ножа. Царство тебе небесное, Сергей, хотя бы какое-нибудь, но царство. Он даже пытался что-то предпринять, наивный профессионал. Я постарался убить его быстро и освободил от сорокадневных мук

расставания с жизнью, оторвал голову, открыл вход в пространство. Люди глупы и беззаботны, они издеваются над своими мертвыми, кидают их в ямы и засыпают землей. Это меня веселит. Глупость, словно добротный юмор, всегда обаятельна и злонамеренна. В земле энергия души ждет, пока проржавеет корпус тела, и не выходит, а просачивается наружу. И в это сорокадневное время сгусток пространства, оставшийся на месте некогда живого человека, скулит от боли и ужаса. Когда же энергия души выползает на поверхность и наполняет этот сгусток собою, то они в этом соединении вносят элемент дисгармонии в земной эфир. Мертвым нужно отделять голову от туловища, желательно в первые секунды ухода, а через три дня, сопроводив звуками мантры, сжигать.

Сергей с милой фамилией Васильев доволен мной.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Алексей Васильевич Чебрак, самый талантливый ученый-генетик России, был тщательно и глубоко законспирированным шизофреником, но ни он, ни окружающие его люди не знали об этом...

Алексей Васильевич подошел к окну своего номера в гостинице «Домик». За окном была кромешная тьма, ярким пятном в которой выделялся освещенный бассейн. Бассейн не интересовал Алексея Васильевича. Его интересовала дальняя перспектива. Он чувствовал, что где-то рядом, сразу же за оградой гостиницы, кто-то болезненно интересуется им. «Неужто меня хотят убить? — с удовольствием подумал Алексей Васильевич и печально решил: — Вряд ли это у кого-нибудь получится».

Алексей Васильевич Чебрак был настолько защищен от каких-либо посягательств на свою жизнь и настолько уверен в этой защищенности, что в глубине души даже желал опасности и тосковал по незащищенности, в которой — Алексей Васильевич почему-то знал это точно — находятся очертания самой загадочной прописной истины по имени Бог. Алексей Васильевич тряхнул головой и пристальней взгляделся в то место за забором, где, по его мнению, кто-то возжелал его смерти. «Любопытные люди сделали нашу жизнь подозрительной. Сейчас этому любопытному что-то сделают». Мысли Чебрака прервал писк радиотелефона.

— Да, — негромко проговорил он в трубку. По этому номеру мог звонить только его телохранитель.

— Я засек человека, который интересуется вами. Он служит, точнее, служил, у этого пристебая-банкира. Я вычеркну его?

— Вычеркни, — согласился Алексей Васильевич, — но сделай это по-доброму, озари его солнцем божественного правосудия, пусть он будет счастливым.

— Пусть, — ответили в трубке.

Алексей Васильевич отключил радиотелефон, подошел к встроенному в стену бару, открыл дверцу, и прямо из зеркала, за разномастными и дорогими бутылками, ему улыбнулся Глассик.

Лаборатория, которую возглавлял Алексей Васильевич Чебрак, находилась совсем рядом, восемьсот метров от известного всей стране ГУМа. Через восемьсот метров начиналась крыша из трехслойного бетона, замешенного на яичных желтках и янтарной пыли. Он имел толщину в тридцать шесть метров, и через каждые двенадцать метров в нем была прослойка из свинца, золота и платины. Потолок лаборатории сделан из дерева Рассела в виде панно, изображающего полную луну в обрамлении странного и лохматого вида звезд. Лаборатория умещалась на шестистах пятидесяти квадратных метрах. Вход в нее шел из Кремля. Внутри Спасской башни, рядом с караульным помещением, есть лифт, он спускает вас на глубину триста метров, и вы попадаете в руки ребят, которые должны знать о вас все, вплоть до появившегося сегодня утром прыщика за левым ухом. Те, кого ребята не знают так

досконально, завершают свой жизненный путь именно на этой отметке — триста метров. Далее вы попадаете еще в один лифт — очень удобный и красиво оформленный красным деревом — и не спеша опускаетесь еще на пятьсот метров, где перед вами появляется зеленый, семьдесят два вида растений, вестибюль лаборатории. Подносите свое лицо к объективу электронного вахтера, притрагиваетесь ладонью к изучившей ваше тепло и ритм пластинке пропускной системы, садитесь в уютный вагончик спецметро и катите, собственно говоря, на работу. Это вход, выйти через него не сможет ни один человек, а выход, через который невозможно войти, находится в самом центре тренировочного лагеря спецназа ГРУ в Подмосковье. Далее все обыденно. Выходите и в сопровождении положенной вам охраны едете домой.

Программа-максимум ученых-генетиков, мнящих себя независимыми, а на самом деле строго контролируемых спецслужбами, была похожа на конвульсии эпилептика, как и сама наука. Программа лучших генетиков мира гласила:

1. Для увеличения жизнестойкости человечества во время начавшегося глобального изменения климата и возможных космических катастроф ученым-генетикам предстоит выработать новый генотип человека, основанный на синтезе рас и пола.

2. Настоятельно объяснять главам государств и ведущим политикам, что существование национальностей в чистом виде губительно для этих национальностей, и государственная политика должна поощрять смешанные браки.

3. Во время процесса смешения необходимо внедрить в человечество несколько искусственных эпидемий под видом прививок: СПИД, медикаментозный гепатит, наркомания. В результате через несколько смешанных поколений численность населения сведется к разумному минимуму и будет обладать мощной иммунной системой и жизненной уместностью в создавшихся климатогеополитических условиях.

4. Во время процесса смешения языков и рас рекомендуется проведение жестко управляемой и предсказуемой ядерной войны. На этом фоне в создаваемом человечестве должна развиваться необходимая для жизни на Земле мутация, в которую, после некоторых научных разработок генетиков, можно запустить механизм физического бессмертия. Порочная практика примитивного размножения прекратится, а качество и численность населения будут легко и разумно планироваться Высшим генетическим советом — ВГС.

— Боже мой, Боже мой, Боже мой, я изумителен!

Глассик стоял перед зеркалом и радостно, во всю ширь своих тонких губ, улыбался. Затем он оскалился и сделал по номеру несколько энергичных, в стиле аргентинского танго, движений, затем остановился, выгнулся, как тореадор перед ударом быка бондерильеро, и застыл в такой позе перед вторым зеркалом. Он напоминал воздевающий в ужасе руки к небу вопросительный знак, но радостная улыбка на его лице отрицала этот ужас. Глассик танцевал в полнейшем одиночестве, танцевал между двумя зеркалами и оформлял это танго движениями тореадора. По тому, как он держал в этом танце руки, можно было понять, что он представлял себя с партнером, а вот как выглядел партнер, понять, впрочем, как и представить, нельзя. Глассик был похож на эскиз гениальности.

Глория Ренатовна Выщух вошла в подъезд номер два своего дома и закричала от ужаса. Прямо на нее из щели между косяком и открытой дверью смотрел замутненный глаз. В подъезде номер два был полумрак, а Глория Ренатовна впустила туда игривую бесцеремонность летнего солнца, которое тотчас же осветило этот глаз, смотревший на Глорию Ренатовну из просвета открытой второй двери. Продолжая кричать от ужаса, Глория Ренатовна стремительным и грациозным движением отпрянула из подъезда назад, в летний день и в объятия подошедшего к двери с улицы электрика ЖЭКа Буйнова, который под напором непереносимой стремительности упругого и полнокровного женского тела рухнул навзничь и закричал. Около них стала собираться толпа обескураженных граждан, а на

балконах десятиэтажного дома появились озадаченные криком люди. Кто-то из взволнованной толпы предположил, что Глория Ренатовна упала на электрика из окна дома, и немедленно были вызваны «скорая помощь» и почему-то пожарная служба. Диспетчер станции «Скорой помощи», отправляя бригаду на место происшествия, сразу же сообщила о случившемся в милицию. Когда Глория Ренатовна пришла в себя и замолчала, она увидела лежащее между своих ног тело в синей спецовке и осознала всю неприглядно-смехотворную ситуацию, сложившуюся вокруг нее. Она энергично вскочила на свои длинные ноги и с негодованием воззрилась на подавленное тело электрика Буйнова, который лежал вниз головой на ступеньках и с видимым наслаждением на лице вдыхал свежий воздух свободного и солнечного пространства.

Милиция, пожарные и «скорая» приехали одновременно, а через некоторое время выяснилось, что причиной переполоха оказался Леня Светлогоров, талантливый и вследствие этого сильно пьющий городской художник. Влекомый смутным духом алкогольного демона, он шел куда-то без цели и попал в подъезд Глории Ренатовны, где и присел отдохнуть в тени и полумраке за внутренней дверью. Именно глаз Лени Светлогорова и привлек столь потрясающее внимание Глории Ренатовны, так неосторожно осветившей его солнцем при входе в подъезд.

Электрика Буйнова с переломом ребра, сотрясением мозга и психическим шоком увезла «скорая помощь», так ничего и не понявшего Леню Светлогорова — милиция, а Глория Ренатовна надменно оглядела переполненные людьми балконы десятиэтажного дома, гордо вскинула голову и шагнула в неосвещенное чрево подъезда номер два.

Когда Леню Светлогорова доставили в орджоникидзевское УВД города, он по-прежнему был в полнейшем и беспросветном недоумении. Сосредоточенная и тернистая дорога пьянства наложила на его внешность отпечаток досадной деградации, облагороженной чертами стареющей одаренности. Дежурный по отделению взглянул на Леню профессиональным взглядом и строго выговорил молодому сержанту патрульной службы:

— Почему сюда, а не в медвытрезвитель?

— Так ведь... — начал было объяснять патрульный, но заглянувший в дежурку Савоев с пирожком в руке не дал ему договорить.

— Это Леня, я его знаю. Даю сто процентов, он опять где-то не там прилег, а его не за того приняли. Он у нас знаменитость, рисует в два раза быстрее и смешнее Репина. Лучше всего положить его под лестницу в коридоре, он проспит и тихо уйдет, а если закрыть в камеру, то потом его отсюда без опохмелки не выгонишь.

Савоев, обескуражив дежурного и съев пирожок, ушел, а дежурный сержант и дремлющий в углу Леня Светлогоров остались.

— Может, на природу его вывезти? — предложил сержант.

— Нет! — строго оборвал дежурный. — Положи его под лестницу.

Савоев вернулся в кабинет и задумчиво спросил у Степы Басенка:

— У тебя есть еще один пирожок?

Степа, доедая последний пирожок и с интересом читая газету, в которую они были завернуты, ничего не ответил, лишь с сожалением помахал в воздухе рукой.

— Понятно, — огорченно констатировал Савоев и, подойдя к Игорю Баркалову, многозначительно спросил: — Ну и?...

Игорь, погруженный в заполнение рутинных бумаг, преследующих каждого сыщика как кошмарный сон, ответил ему также исчерпывающе:

— Да вот...

Сочинские, испеченные руками сестры, пирожки были завернуты в газету «Зори над Хостой». Степе бросился в глаза заголовок: «Банкир-маньяк». Он пробежался по тексту и чуть не поперхнулся от удовольствия. Аскольда Иванова он знал давно. Во-первых, они учились в одной школе, хотя и в разных классах — Аскольд был на два года старше, — а во-

вторых, жили в одном районе, несколько раз встречались на уличных вечеринках, но Степа его почему-то не любил, просто так, без причины. Ему не нравились его лицо, походка, одежда... и вообще. Степа не поверил газетной заметке, но симпатию к ее автору испытал. Он знал, что Аскольд не сделает того, что о нем написано. Уж Степа-то точно представлял, как выглядят люди, подглядывающие за девочками. Еще в школе милиции они шугали таких в парках почти каждое патрулирование. Это или психи, или блеклые, жалкие, слюнявые мужички, отвратительные, но не опасные, ибо они трусливы до клинки. Аскольд был не из таких, но Степе казалось, что глубинная суть Аскольда именно так и выглядит. Одним словом, Аскольд Иванов Степе не нравился.

Степа дочитал газету «Зори над Хостой», снял трубку и позвонил в редакцию газеты «Таганрогская правда» своему другу Александру Павловичу Ермакову, заместителю редактора по общим вопросам. Он стал говорить измененным голосом, но Ермаков его перебил:

— Говори нормально, Степан, из тебя имитатор, как из меня главный редактор газеты «Подпольщики Подмосковья».

Ермаков, как всегда, был под легким шофе и, как всегда, не обращал на это внимания. Степу, впрочем, как и Степа его, он знал до зевоты. Они вместе ходили в один детский сад, в одну школу и жили на одной улице. В приморском городе, несмотря на его мистическую огромность, все друг друга знают. Стоит поглубже копнуть, и оказывается, что мэр города учился в одном классе с председателем городской Думы, а знаменитый городской рецидивист Юра Зак живет по соседству с недавно отправленным в колонию для малолетних карманником Сашей Ногиным по кличке Нога со Второго Артиллерийского. Весь город повязан круговой порукой вот уже триста лет.

— Я к тебе заеду, или ты ко мне? — спросил у Ермакова Степан.

— Ты ко мне и вместе с пивом, — не упустил возможности Ермаков.

— Ага, — непонятно выразил свое согласие Степан, положил трубку и, посмотрев на Игоря, сказал: — Я заскочу в газету, потом вернусь, и вечером будем брать Рогонянов.

— Ага, — непонятно согласился с ним Игорь и, посмотрев на Степана, заметил: — Они и сами могут прийти.

— Нет, Игорь, надо именно брать, тогда с ними легче будет общаться.

Степа напустил на себя важный вид, взял промасленную газету из-под пирожков и покинул кабинет.

— Итак, — решительно начал Ермаков, — Азово-Черноморский банк, председатель правления, сидел в зоне, живет в Москве, получил московское гражданство еще до отсидки и не потерял его, значит, имеет мохнатые связи, зовут Аскольд Борисович Иванов. — Ермаков говорил тоном диктора из фильма «Семнадцать мгновений весны» и тем же тоном продолжил: — На самом деле он как был Хомяком с Ружейного переулка, так и остался. Он, по-моему, с Серегой Васильевым, десантником, по соседству жил. Слушай, — отбросил в сторону ерничество Ермаков, — ты думаешь, Хомяк действительно пистолет передергивал на девчонок из-за кустов? Что-то мне не верится.

— Да нет, — лениво отмахнулся Степан. — Не думаю, но резон какой-то в этой газетной заметке есть. Понимаешь, Ер-мила, если Иванова смутить до предела, он начнет нервничать, делать резкие движения и где-то совершит ошибку. Его банк под нашим наблюдением, там нечистые дела и люди шевелятся, это раздражает. Какой-то Хомяк с Ружейного будет ворожать иностранным и московским капиталами и не приносить никакой пользы выращившему его городу, так, что ли?

— Нет, не так! — поддержал его Ермаков и сразу же вдохновился. — Совсем не так. Я его начинаю с этого дня доводить до следственной кондиции. Он у меня не только нервничать будет, он у меня в сплошной припадок эпилепсии превратится. Девочек ему захотелось, не банкир, а Оноре де Бальзак какой-то.

От обуявшего его журналистского пыла Ермаков стал выражаться ахинсйными метафорами, но Степа, привыкший к странным сравнениям своего хронически подвыпившего друга, не вдавался в смысл произносимой Ермаковым бессмыслицы.

— Ну вот и хорошо, я пошел на службу.

Степан встал из-за столика, они сидели в парковом пивбаре «У Клавы», но Ермаков, оборвав свой энтузиазм, остановил его:

— Как там движется дело с девушками из могил? По городу только и разговоров об этом. На твоего Аскольда всем начхать, а вот это всем интересно, даже городская Дума об этом вчера весь день проговорила.

— Ну... — неуверенно начал Степан, — как тебе сказать? — Он хитро посмотрел на Ермакова. — Про известного банкира, занимающегося в Сочи онанизмом, так заговорят, что не только о девушках выкопанных забудут, а вообще обо всем на свете.

— Забудут, — согласился с ним Ермаков и, направив палец на Степана, добавил: — До той поры, пока не выкопают еще одну, а тогда только держитесь, я первый подниму шум.

У Любы Савеловой все складывалось хорошо. Она окончила городское медучилище и подала документы в Академию имени Сеченова в Москве. Как минимум три человека, заслуживающих внимания, были до икоты влюблены в нее и, яростно отталкивая друг друга, умоляюще протягивали Любе свои сердца, руки, покровительство и толстые бумажники. После того как снимок Любы появился на обложке журнала «Силуэт», количество рук, сердец, предложений и умоляюще протянутых к ней толстых кошельков выросло в несколько раз.

Однажды возле Любы, она шла по Итальянскому переулку в сторону городского пляжа, резко затормозил джип с тонированными стеклами, и, не успев вскрикнуть, она оказалась в салоне, где буквально сразу, стянув джинсы, стал заниматься с чей любовью невменяемый от вожделения парень. Через некоторое время ее выставили из салона с расстегнутыми джинсами и пятьюстами долларами в руках, что в какой-то мере повлияло на ее решение не обращаться в милицию. Любе это так понравилось, что она стала садиться в салоны автомобилей добровольно. Как-то Любу остановил на улице Роберт Рогонян и сказал:

— Дура, ты рискуешь жизнью и здоровьем. Разве можно с твоими данными заниматься автомобильной проституцией? Поверь, пока ты будешь работать на меня, под моим контролем, я тебе найду такого мужа, что уровень твоих финансовых возможностей прыгнет высоко.

Люба Савелова от всей души рассмеялась и согласилась с доводами Роберта, принимая его покровительство...

Пожар начался днем. Люба Савелова спала после ночной смены в больнице. Пятиэтажный блочный дом загорелся с крыши, плотно залитой увеличивающимся от ремонта к ремонту слоем битума. Странного строительного качества пятиэтажка была не готова к шапке огня, вознесшегося на ее крыше. Плиты поплыли именно над квартирой Любы, и именно над тем местом, где она спала, в потолке образовалась широкая трещина. На лицо спящей Любы сползла большая капля горящего битума, навсегда прекратившая ее карьеру фотогеничной проститутки и навсегда избавившая ее от предложений рук, сердец, толстых бумажников и систематических, ставших ее профессией, изнасилований. Врачи города сделали все, что смогли, спасли на лице Любы все, что можно было спасти. Психиатры вывели ее из психологического шока, но все-таки легкая придуристь после перенесенного в Любе осталась. Вместе с красотой лица исчезло и женское самолюбие, и желание жить...

В последний путь Любу Савелову проводили мать, отец, бабушка, три хирурга с места работы в пятой горбольнице и «братья» Рогонян, с другого места работы. Именно они оплатили похороны, выплатили родителям Любы компенсацию за утерю кормилицы. Вот и

все — Любу опустили в землю. Из нее она появилась уже в оформлении общественного негодования и досады сыщиков и была более известна как мертвое тело, обнаруженное в сквере седьмой городской больницы...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Для расследования нестандартного убийства гражданина Васильева Сергея Андреевича была создана следственно-оперативная группа. В состав группы, руководителем которой назначили начальника Управления ФСБ по Краснодарскому краю Лапина, вошли следователь ФСБ Веточкин, следователь прокуратуры и одновременно зампрокурора города Таганрога, откуда был потерпевший, Миронов, следователь и заместитель начальника Петровки по оперативно-разыскной работе полковник Хромов, два оперативника из ФСБ и два из МВД, криминалист и два эксперта ГРУ. Группе придали мощное техническое и финансовое обеспечение с широким кругом полномочий.

В первую очередь были установлены люди из спецгрупп ГРУ, которые могли выполнять прием «короткое замыкание» и другие, граничащие с безумием, приемы высокохудожественного устранения человека из жизни. Таких специалистов оказалось всего шесть человек, и все они входили в УЖАС, которое относилось к структуре ГРУ, но с автономными и неподконтрольными руководством ГРУ полномочиями. Двое из них были ветеранами на пенсии, трое действующих, а шестой погиб, и никто из ГРУ не мог объяснить, по какой причине. И вообще Хромов и Лапин заметили с первых шагов, что, когда заходил разговор об УЖАСе, все как-то мялись и не могли ничего объяснить. Именно смерть шестого насторожила и обратила на себя внимание группы.

Управление по жизненно-актуальным ситуациям оказалось настолько специальным, изощренным и многоплановым, что стояло особняком от целей и задач ГРУ, ФСБ, не говоря уже об МВД. В действиях спецподразделений УЖАСа было столько самостоятельности, что Хромов, а за ним и следователь Веточкин решили более скрупулезно и пристрастно ознакомиться с его деятельностью. Но как это сделать?

— Странное подразделение, вам не кажется, Леонид Максимович?

— Странное не странное, но я по опыту знаю, что там, где начинаются странности, сразу же появляются и подянки, отчего все хочется послать подальше.

Хромов не зря работал в МУРе. Если уж он о чем-то высказывался, то высказывался исчерпывающе. Веточкин понимающе хмыкнул и стал читать бумагу из ГРУ во второй раз. Официальный ответ на официальный запрос гласил:

«Физическое устранение человека демонстративно жестоким способом отрыва головы от туловища приемом «короткое замыкание» осуществляется лишь спецподразделениями УЖАСа по борьбе с крайне экстремистскими и террористическими движениями. УЖАС входит в структуру ГРУ, но имеет автономные полномочия, неподконтрольные руководству Главного разведывательного управления. Тем не менее на его запрос командование УЖАСа сочло нужным ответить, что экстраординарные методы отстранения индивидуума от активных действий может осуществить лишь человек, имеющий прямое отношение к их спецподразделениям. Самостоятельное проникновение в эти методы невозможно из-за особой специфики подготовки к ним. Прием «короткое замыкание» были оснащены всего лишь шесть человек за все время существования управления. В данный момент двое из шести не владеют этим приемом по возрасту, они уже на пенсии, трое находятся на службе и вне подозрений, один человек погиб в результате трагического стечения обстоятельств.

Руководство УЖАСа ставит следственно-оперативную группу в известность о том, что оно начинает параллельное расследование обстоятельств убийства Сергея Андреевича Васильева в связи с осуществлением этого убийства суперприемом «короткое замыкание».

Заместитель директора ГРУ по контактам с ФСБ и МВД, генерал-лейтенант Эппель А.С.».

К официальной бумаге была прикреплена неофициальная и дружеская записка для Хромова:

«Леня, готовьтесь к головной боли. Параллельное расследование УЖАСа означает лишь то, что они будут находить и уничтожать все, что может иметь к ним отношение. Вас они не тронут, ребята хоть и страшноватые, но государственники, закон чтут. А погибший «в результате трагического стечения обстоятельств» этим трагическим обстоятельством стек на оголенный провод после пива. Эту записку съешь, ментяра, а то и нам головы поотрывают. Ты не забыл, что в сентябре на Маныч едем? Я уже соскучился по рыбалке, чехоням и чебакам. Обнимаю. Артур».

Неприятности в оформлении предрекаемых Хромовым подлянок начались с первых шагов. Оказалось, мешало работе не то, что люди из группы принадлежали к разным ведомствам, а то, что она была составлена из представителей двух недолюбливающих друг друга миров — провинции и столицы. Краснодарский Лапин и таганрогский Миронов косились на московских Хромова и Веточкина, два оперативника из сочинского УВД слегка опасались двух столичных фээсбэшников. Сами москвичи, держа марку, делали вид, что не замечают этого, но где-то в глубине души ехидно посмеивались над деревней. Тем не менее группа работала самоотверженно. Почти сразу же акценты расследования переместились из Сочи в Москву и уже оттуда время от времени перемещались за недостающими деталями в Сочи и Таганрог — жемчужины Черного и Азовского морей.

Начали расследование с ветеранов УЖАСа. Одного, по разрешению руководства управления, посетил Веточкин, а другого Хромов. И тот и другой ждали чего угодно от этих бесед, но только не того, что получилось.

Веточкину пришлось посетить Большой театр, что в какой-то мере потрясло его и заставило задуматься о роли искусства в жизни. Суперсолдат УЖАСа, владевший приемом «короткое замыкание» и неоднократно его применявший в разных местах земного шара, работал в Большом гардеробщиком.

Гардеробщик не выглядел благостным пенсионером — среднего роста, с седым ежиком на голове, худой, как засушенная вобла. Но, взглянув в его глаза, сразу же становилось понятным, что речь идет не о засушенной вобле, а о заснувшей кобре.

— Здравствуйте, Игорь Александрович! — поздоровался Веточкин с гардеробщиком. — Вы уже в курсе, я Веточкин из ФСБ. Нельзя ли с вами поговорить?

— Можно, — спокойно сказал старик и кивнул на два стула в углу гардеробной. — ФСБ... — пренебрежительно хмыкнул. — Ну давай, разговаривай со мной.

Выслушав Веточкина, уснувшая кобра усмехнулась и произнесла:

— Ты спрашиваешь, может ли кто-нибудь из управления, владеющий экстремальными, демонстративно-шоковыми методами нейтрализации, заниматься этим самостоятельно, без приказа? Не может, даже если бы захотел.

— Почему? — заинтересовался Веточкин.

— Не скажу, — остудил его любопытство государственный убийца. — Еще ты хочешь знать, кто мог оторвать голову этому парню? Никто из тех, кто жив.

— Вы хотите сказать... — начал было Веточкин, но был прерван прямолинейностью ветерана:

— Я молчу. Чему вас учат на Лубянке, если вы даже очевидное воспринимаете как высшую тайну?

— Да вот, что поделаешь? — пожал плечами Веточкин.

От этого признания жутковатый пенсионер развеселился и посоветовал на дорожку:

— Будь внимательным, сынок, смотри, чтобы и тебе голову не оторвали.

У Хромова беседа с ветераном прошла еще унижительней.

Стефан Искра в доме № 23 не жил, а пил. Пил круглосуточно, много и долго. Хромова

предупредили, что Искра беспробудно пьет уже в течение нескольких лет, и вследствие этого руководство управления не несет ответственности за его возможные действия. Беспробудно пьет в течение нескольких лет? — изумился Хромов, когда на его звонок открылась дверь и перед ним предстал Стефан Искра. В свои пятьдесят семь лет Стефан Искра выглядел как тридцатилетний мастер спорта международного класса по легкой атлетике, который только что, сразу же после победы на чемпионате мира, объявил журналистам о своем решении покинуть большой спорт. Видимо, уникальная методика физической подготовки уникальных суперразведчиков делала силы этих ребят столь уникальными, что даже алкоголь, этот уникальный разрушитель человеческой личности, отступал перед их уникальными возможностями. Все остальное Хромов додумывал уже в воздухе. Мощные руки спившегося суперсолдата приподняли его за лацканы пиджака в воздух, и он услышал:

— Выпивку принес?

— Нет! — честно признался вознесенный Хромов и удивился своей незащищенности.

— Какой же ты глупый! — громогласно укорил его ветеран, поставил на место и захлопнул перед его носом дверь.

«Так, так, так... — рассуждал Хромов, спускаясь со второго этажа по лестнице. — Конечно, конечно... — ошеломленно пытался осмыслить он ситуацию, выходя на улицу. — Ну да, ну да... — наконец-то догадался, увидев в пятидесяти метрах от себя чистенький, беленький домик коммерческого магазина «Вечерок».

Внутри магазина все было ярким, упакованным и дорогим.

— Бутылку водки, — буркнул Хромов продавцу, молодому прыщавому парню в белой рубашке с надписью «Добро пожаловать», и протянул сотенную.

— Какой? — поинтересовался продавец.

— Настоящей, недорогой, кристалловской, — сообщил Хромов и с живым интересом стал смотреть на продавца, ожидая, как он выйдет из этой ситуации.

Продавец вышел из нее достойно. Он вынул из холодильника бутылку кристалловской «Забудь о похмелье», поставил ее на прилавок и отсчитал Хромову шестьдесят четыре рубля сдачи.

— Кто это? — метнулся к продавцу недовольный его действиями мужчина с лицом представителя теневого бизнеса.

— Мент, — коротко ответил продавец и добавил: — Ты что, слепой? У него лицо как у волкодава со стажем.

— Ну и дал бы просто заводскую, зачем дал ту, которую для директора делают? — уже спокойнее упрекнул его мужчина.

— Это тоже мент не простой, вежливый и ехидный, значит, где-то в МУРе индивидуальный кабинет имеет, — назидательно подняв палец, объяснил продавец представителю водочной мафии...

Хромов поднялся на второй этаж и вновь позвонил в дверь Стефана Искры, держа бутылку водки перед собой. Дверь распахнулась, уставной атлет благосклонно окинул взглядом Хромова и бутылку, сделал приглашающий жест рукой и сказал:

— Входи, Хромов, раз пришел.

Полковник чуть не поперхнулся, но вовремя вспомнил: «Ах да, ему же звонили из ГРУ, предупреждали о моем приходе».

Они вошли в квартиру. Трехкомнатная, крупногабаритная квартира Стефана Искры напоминала ограбленный офис провинциального банка, который сдали под склад стеклотары. Все перегородки были убраны. Перед изумленным взором Хромова предстало стеклянное море пустых бутылок, среди которых, как острова и скалы, выделялись кровать, стол, три стула и шкаф для одежды, между ними, как лодка среди волн, затерялась кушетка для сна. На столе кособоко стоял пораженный в самое сердце чем-то тяжелым и быстрым компьютер последней модели из серии «Будда». Более в пространстве жилплощади, не

считая кухни, ничего не было. Если не принимать за «что-то» два перевернутых вверх дном ящика. Кухня оказалась размером с большую комнату обыкновенной квартиры.

— Бери курс в сторону стола, — указал вдоль стеклянного моря Искра и пошел первым, раскидывая в стороны стеклянные брызги разных конфигураций.

«Интересно, как они там в ГРУ с такими кадрами справляются?» — думал Хромов, следуя в кильватере Искры и продолжая держать бутылку водки перед собой двумя руками.

«Черт побери», — чертыхнулся Хромов, вышагивая сорокаминутное расстояние к своей «Волге», о поломке которой вспоминал по мере приближения к ней. Возле «Волги» уже сустились ликвидаторы из мэрии.

— А ну кыш отсюда, куры! — раздраженно пугнул их Хромов, но, опомнившись и даже слегка испугавшись своей невежливости, извинился: — Фу-ты, что-то нашло, извините, ребята.

Тем временем один из ликвидаторов уже вызвал милицию, а два других, амбалистых, подходили к Хромову с официальным выражением агрессии на лицах.

— Я же извинился, ребята! — всполошился Хромов, но, увидев по лицам ликвидаторов, что им на это наплевать, тоже плюнул на дисциплину и стал по всем правилам неожиданного боя нейтрализовывать возникшее нападение.

Пока ликвидаторы автомобилей приходили в себя под платформой своего грузовика, подъехала милиция. Хромов подошел к ним, показал удостоверение и приказал:

— Пусть мою «Волгу» мэриевцы отвезут в марьиноорошинский автосервис, вот адрес... — Он черкнул адрес на листке из блокнота. — А вы их сопроводите, чтобы налево со зла не свернули.

— Есть! — четко принял приказ Хромова старший наряда.

— Ну и хорошо, — одобрил его Хромов и, резко повернувшись, зашагал в сторону метро.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Когда Аскольда Иванова арестовали во второй раз, он еще не успел отойти от первого. Второе задержание председателя правления Азово-Черноморского банка насторожило окружающих его людей и заставило задуматься членов правления банка, а также тайных и явных учредителей, о нравственных качествах Аскольда Иванова. Смущала газетная статья в местной прессе, и странное внимание милиции, которое не могли отвлечь даже деньги, тоже смущало. В содержание газетной статьи никто, конечно же, не поверил, наглая ложь. Байбаков Сергей Иванович, Карандусик, даже вспомнил о прошлом. Вместе с двумя далекими от закона ребятами из уголовного прошлого жестко расспросил составителя газетных номеров и выяснил, что статью «Банкир-маньяк» написал не журналист, а принес из УВД майор Абрамкин, и самого случая с онанирующим сюжетом в парке «Ривьера» не было. Это все выяснили, но какой-то неприятный осадок в душе друзей Аскольда оставался. У многих членов правления, то есть у двоих, начальника кредитного и начальника инвестиционного отделов, были дочери, и человек, мастурбирующий на девочек, в то время когда они играют в бадминтон, вызывал у них недобрые чувства. И совсем неважным было то, что их дочери давно уже были не девочки. Это никогда не бывает важным. То, что дочь начальника кредитного отдела уже четвертый раз меняла мужа в поисках богатого, красивого, покорного, здорового и доброго, а у начальника инвестиционного отдела дочь была солисткой в прогрессивной женской рок-группе, на ситуацию не влияло. И то, что солистка на такие консервативные шалости, как мастурбирование в сторону девочек, смотрела с пренебрежением и возвела бы эти действия в ранг искусства, если бы мастурбация была направлена в сторону видных политиков во время международной

встречи или, на худой конец, в сторону проезжающих по скоростному шоссе автомобилей, тоже никакой роли не играло. Об Аскольде стали думать с сомнением. Одним словом, второе задержание и препровождение в КПЗ сочинского УВД Аскольда Иванова насторожило окружающих его людей и заставило задуматься членов правления банка, а также тайных и явных учредителей, о его моральных качествах...

Но никто, включая самого Аскольда, не знал, что самой главной ошибкой, более того, карьерной катастрофой Аскольда, были не интриги мексикомана полковника Краснокутского и его помощника майора Абрамкина, по большому счету это можно было утрясти, а то, что в самый момент ареста Аскольд так энергично вздрогнул от неожиданности — группа захвата вышибла двери в номер, — что Ирочка Васина взвизгнула под ним и навсегда рассталась с парадоксальной девственностью. Именно это было главной оплошностью Аскольда Иванова, да и самой Ирочки Васиной.

Ростоцкий вошел в кабинет Краснокутского через час после задержания и препровождения Аскольда Иванова в КПЗ, переполненный вопросами.

— Что делать с этим банкиром? — в первую очередь спросил Ростоцкий.

— С банкиром? — удивился полковник, но сразу же спохватился, вспомнив о своем приказе задержать Аскольда Иванова, и строго сказал: — Как что? Посадите его в камеру.

— На каком основании? — опять спросил Ростоцкий, и по его лицу было видно, что брать на себя какую-либо ответственность он не собирается.

— А при каких обстоятельствах вы его взяли? Он сопротивлялся или нет? — Полковник Краснокутский был истинным сочинцем с мексиканским бзиком и потому к заданному вопросу добавил элемент обывательского любопытства: — Он что, с бабой был или сразу с двумя?

— Да, он был с женщиной, — сухо ответил Ростоцкий и неожиданно рассмеялся, прикрыв рот рукой.

— Рассказывай, Ростоцкий, не томи. Что, три бабы было? — Краснокутский даже вышел из-за стола от любопытства.

— Да нет, одна была, — опять сухо ответил взявший себя в руки Ростоцкий.

— Понимаешь... казенным тоном проговорил Краснокутский. — Я тут твой рапорт о предоставлении тебе отпуска в середине августа прочитал...

— Зато какая эта одна! — начал объяснять Ростоцкий. — Мы врываемся, номер люкс-экстра за семьсот пятьдесят баксов в сутки, кровать — что вдоль, что поперек — четыре метра, он на ней, а она визжит под ним, как свинья на бойне, и улыбается, вот что странно, — отчитался Ростоцкий и добавил: — Красивая девочка. Мне кажется, она в этот момент с девственностью рассталась.

— С девственностью?! — обрадовался полковник, озаренный догадкой. — Закрывай его в КПЗ за совращение малолетней. Вот паразит, то в кустах дрожит, то головы людям отрывает, то девочек развращает и лишает их девственности. Что творится в городе!...

В конце своего возмущения полковник Краснокутский вспомнил одну существенную деталь. Он вспомнил, что Аскольд Иванов все-таки не прятался в кустах парка «Ривьера» и никому не отрывал голову. Это слегка остудило полковника, и он спросил у Ростоцкого:

— Слушай, что за чепуху ты мне несешь, какая может быть девственность в Сочи, в летнее время, да еще в гостиничном номере люкс-экстра?

— В Сочи возможно все, а в летнее время, да еще и за деньги, возможно все, что угодно.

— Да, капитан! — Краснокутский с гордостью посмотрел на Ростоцкого. — Да! Закрой этого зажавшегося янки в камеру. Закрой на основании Указа Президента России на тридцать суток до выяснения всех обстоятельств дела.

— Девочка, что под ним была, не малолетка, а совершеннолетняя и его невеста, сама так говорит, — продолжал осторожничать Ростоцкий.

— Вот это все и надо выяснить за тридцать суток досконально, а то вдруг он маньяк окажется похлеще Чикатило, что тогда? — серьезно спросил у Ростоцкого полковник и

пытливо посмотрел ему в глаза.

— Так что насчет отпуска? — ушел от ответа Ростоцкий и не менее пытливо посмотрел в глаза Краснокутскому.

— Иди. Можешь прямо с завтрашнего дня, а в августе обойдешься, не по чину месяц себе для отдыха выбираешь, — погрозил Краснокутский пальцем и отпустил Ростоцкого со словами: — Пойди погоняй в «Чайке». Из Питера сообщили, что к нам группа из пяти человек направилась. Состриги с этих баранов всю шерсть, чтоб неповадно было. Тут своих шулеров девать некуда, а нам импорт гонят.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Служебная «Волга» городской прокуратуры свернула с некачественной дороги улицы Ленина на ухабистую Автодороговскую улицу и почти сразу же повернула на грунтовую дорогу Газового переулка, попрыгав по которой, свернула в еще более усилившуюся тряску Ружейного переулка. Заместитель таганрогского прокурора Миронов ехал на встречу с родителями убитого Сергея Васильева. Ружейный переулочек был далеко не живописным, но, как и все переулочки города, хранил в себе индивидуальную историю. Частный сектор — это самая потрясающая и самая таинственная суть южнорусского города, который наполнен, в самой сердцевине, частным сектором, как спелый подсолнух семечками. Тысячи, напоминающие Ружейный, переулочков уютно пронизывают город и наполняют его самобытным, нежным и золотисто-звучащим очарованием. В этих переулках зреют плоды индивидуальности. Не важно какой, но зреют. Улицы, наполненные многоэтажными коробками, со всеми вытекающими из этого удобствами, напоминают шекспировских Ромео и Джульетту — вот такая странная ассоциация. На улицах, наполненных многоэтажными коробками, очень много Ромео и Джульетт, но нет Шекспира. Единственный город России, наиболее органично растворившийся в многоэтажности, это Москва, но столице не нужен Шекспир, а если понадобится, то она выдернет его из какого-нибудь маленького переулочка России, вбросит в свою многоэтажность, и через некоторое время по Москве уже будет ходить десяток-другой шекспирият, но Шекспира по-прежнему не будет. Впрочем, зампрокурора Миронов, конечно же, не был таким идиотом, чтобы думать о Ружейном переулочке в таком контексте. Более того, после того как «Волга» подпрыгнула на ухабе, он выругался по всем правилам добротной ругани и подумал: «Срыть это все бульдозером и домов нормальных, ресторанов и кафе настроить, сауны там всякие, бильярдные». Что еще мог думать Миронов, который из-за толчка на ухабе прикусил до крови язык?

Начальник краевого Управления ФСБ Лапин позвонил начальнику сочинского УВД полковнику Краснокутскому.

— С вами говорит Лапин, здравствуйте, Юрий Павлович.

— Здравствуй, — осторожно поздоровался Краснокутский, пытаясь вспомнить имя, отчество и должность до боли знакомой фамилии Лапин, но ничего не вспомнил и, словно бросаясь в омут головой, рискнул: — Как дела, Сашок, как отец там, жив-здоров?

Сорокалетний Лапин отстранил от себя трубку, с недоумением посмотрел на нее и, вновь приблизив, сообщил Краснокутскому:

— Спасибо, папа давно уже умер. С вами говорит начальник краевого УФСБ Лапин Иван Александрович. Скажите мне, полковник, на каком основании вы задержали председателя правления Азово-Черноморского банка Аскольда Иванова?

— Так это ты, Ваня? — решил не сдаваться полковник Краснокутский. — А голос как у отца, вот ведь время летит. Мы с твоим отцом, Ваня, дружили, вместе в Москве учились и вместе по бабам ходили.

Тон Краснокутского был размягченно-умиленным и ностальгически-удивленным. Лапин, не ожидавший столкнуться с другом покойного отца, которого он любил и уважал,

немного растерялся и уже не так настойчиво поинтересовался:

— Что там банкир этот натворил, нельзя ли его отпустить, Юрий Павлович?

— Да ради Бога, конечно же, можно, ничего такого он не натворил. Так, подозрение на совращение малолетней, но оказалось, что она не малолетняя и он ее не совращал. Сегодня его и выпущу, хай гуляет хлопец, что в КПЗ без толку штаны протирать.

— Спасибо, — растерянно поблагодарил Лапин, никак не ожидая такого развития событий. Он предполагал наехать на Краснокутского за незаконное задержание Аскольда Иванова, а затем смягчиться и забрать арестованного к себе для допроса, касающегося убийства Сергея Васильева.

— Слушай, Ваня, ты в Мексике был?

— Да, Юрий Павлович, был, чудесная страна. Вы могли бы пока этого банкира не выпускать? Нам с ним поговорить надо, а то выйдет на свободу, и ищи-свищи его.

— Да ради Бога, конечно же, могу, тем более что еще не совсем ясно, совращал он кого-нибудь или нет. Сколько его продержать надо?

— До завтра, — улыбнулся Лапин.

Полковник Краснокутский осторожно положил трубку и тоже улыбнулся. В начале телефонного разговора он понял, что ФСБ хочет воспользоваться задержанием Аскольда Иванова, а заодно и приструнить Краснокутского за это задержание. Естественно, полковник не был знаком ни с Лапиным, ни с его отцом, но теперь это не имело значения. Человек, любящий Мексику, всегда мог рассчитывать на дружбу полковника Краснокутского.

Когда Аскольда закрыли в полутемной КПЗ во второй раз за неполную неделю, он уже чувствовал себя гораздо увереннее. Страшная смерть Сергея Васильева всколыхнула в нем забытые мелодии таганрогского детства и сдвинула в его восприятии что-то такое, от чего хотелось материться и плевать во все попадающиеся навстречу лица. Аскольд Иванов усмехнулся и оглядел камеру. В камере были три человека, одно, уверенное в своей неприступности, окно, под ним сплошные, во всю стену, отполированные до блеска спинами, нары и естественная для всех тюремных камер шизанутая надежда на чудо в глазах обитателей...

Аскольд вспомнил все и сразу. 1983 год был уже в таком оголтелом прошлом, что воспринимался памятью как довоенный кинофильм на экране телевизора. Ему тогда повезло. Директор Елисеевского гастронома был из тех зубров, которые не уничтожают партнеров без пользы для себя и дела. Он, просчитав, что от «вышки» ему не спастись, обошел, насколько это было возможно, упорным молчанием и отрицанием все вопросы следователей, касающиеся других людей, и Аскольда Иванова в частности. Директора Елисеевского расстреляли, а директор Смоленского повесился сам. Аскольда же посадили на три года просто так, чтобы глаза не мозолил. Через несколько лет начальствующие коммунисты дружно и радостно сдали империю на слом, и те, кто судил и отдавал приказы на суд, стали так резвиться, что деяния расстрелянного директора Соколова вполне заслуживали не смерти, а медали «За безупречный труд». Аскольд усмехнулся еще раз и стал рассматривать обитателей камеры. Если встретить таких людей на улице, то в них не увидишь ничего необычного, классическое «ничто», а в камере их лица наполнились чем-то загадочным и зловещим. Это одна из причин, по которым тюрьмы никогда не будут пустыми. Многие из обитателей тюрьмы на воле были нулями в законопослушном море добропорядочных граждан, а в тюрьме они становились другими, совершившими неординарный поступок личностями.

Из троих обитателей камеры временного содержания никто не выделялся многолетней привычкой нахождения в ней. Они напоминали случайных пассажиров списанной электрички, направляющейся в депо на консервацию. Двое молодые, а один старый. Старик был щедущен, одет в парусиновый, старомодного покроя, костюм а-ля Паниковский, в соломенной шляпе и с бородкой клинышком. Он напоминал Мичурина и был настолько ветхим и угасающим, что суровое и опытное сердце дежурного по КПЗ старшины Дудника

дрогнуло, и старику оставили, пропустив в камеру, бамбуковую трость.

В третий раз Аскольд усмехнулся нагло, насмешливо и с чувством превосходства, прямо в глаза, смотревшие на него. Все, кроме старика, смутились и отвели взгляды. Старик продолжал смотреть, но в его глазах было столько влажной бессмыслицы, что, по всей видимости, он не до конца соображал, что делал.

Аскольд снял с себя пиджак, подошел к нарам и сказал самому широкоплечему из молодых:

— Двигайся в угол, мое место будет здесь, под окном, мне свет и воздух нужен.

Черноволосый парень задиристо-пролетарского типа на мгновение прислушался к самому себе и, не говоря ни слова, отодвинулся, уступая место под солнцем Аскольду.

Аскольд, конечно, знал, что его выпустят в скором времени, но не знал, насколько это время будет скорым. В нем еще металась дух и гордыня человека, наполнившего свой образ жизни свободно конвертируемой валютой. Поэтому когда двери камеры открылись и в проеме появился дежурный, он не удивился.

— Аскольд Борисович, тебя посадили не в ту камеру, давай выходи, я тебя в другую, поудобнее, переведу...

Аскольд со свойственной для пресыщенного удобствами придурью отказался:

— Не надо мне особых условий, я здесь, с народом посижу.

— Ну посиди, — презрительно усмехнулся Фелякин и добавил: — Только это не народ, а шушера уголовная. — Фелякин указал на молодежь. — Вот эти двое — боевики у Саркиса Ольгерта, Резаного, они сожгли две палатки, покалечили владельца ресторана «Ночной жасмин», убить его мало, — пожалел пострадавшего Фелякин, — и вылили в окно салона красоты «Гарнье — Париж — Синержи-плюс» целую цистерну из ассенизаторской машины. У, сволочи поганые! — погрозил Фелякин в сторону парней.

Фелякина особенно злил случай с салоном красоты. Почти два месяца он вбухивал туда не менее трех тысяч в неделю. Не в сам салон, конечно, а в молоденькую и нежную кореяночку с русской примесью по женской линии. Целых два месяца он тратился ради того, чтобы она сама позвонила и сама предложила:

— Федя, ну что ты, в самом деле, все время кабак да концерты. Пойдем сегодня ко мне, дома никого не будет.

— Ну да! — обрадованно заревел тогда в трубку Фелякин, изнемогающий от сорока лет, двух детей и неменяемой от хронического недовольства жизнью жены. — Ну да! — ревел Фелякин от предвкушения хотя и сочиненной, но все же почти не проституционной любви со стороны юной женщины. — Ну да! — кричал он тогда в трубку.

В тот вечер все складывалось хорошо.

— Я на дежурстве до завтра, — сообщил он жене.

— Да хотя бы до послезавтра, — отмахнулась от него жена.

И надо же, пришел любить и быть любимым, а она, нежная и желанная, вся в дерьме и окурках, которые некультурные граждане частного сектора в районе Бытхи бросают в свои выгребные ямы. В Фелякине как будто бы все оборвалось, любовь прошла, но в этот же вечер он сам, лично, задержал исполнителей этого замысла и не оставил мысли добраться до заказчика, босса, Саркиса Вазгеновича Ольгерта.

— Шестерки хреновы, говорят, что сами до этого додумались, но брешут, сами они вообще думать не могут. А этот... — Начальник КПЗ слегка запнулся, глядя на старика. — А этот дед сдохнет скоро. Зачем тебе такая компания, Аскольд Борисович?

— Ничего, я здесь побуду, — упрямо настаивал на своем Аскольд.

— Ну и черт с тобой, — потерял Фелякин интерес к Аскольду и, выйдя в коридор, захлопнул двери камеры.

— Дед, а дед, — прицепился один из парней, унизивших любовь Фелякина, к старику. — За что тебя прикрыли, за изнасилование?

Робко сидящий на краешке нар старик бестолково поводит головой и, подняв слезящийся взгляд на парня с элегантной кличкой Лом, проговорил:

— Я не знаю сынок, говорят, что кого-то убил. Говорят, мужа дочкиного ножом ударил, а они заявление написали, и теперь я в тюрьму, а дом, что я своим горбом построил, ей достанется. Вот так...

Старик заплакал, а Лом, лежа на нарах, уперев взгляд в потолок, вывел наглое и поэтому наиболее точное резюме незнания:

— Сейчас только идиоты детьми обзаводятся. За это в тюрьму сажать надо. Я же не писал заявление на жизнь, а меня взяли и родили, теперь вот в тюрьме сижу.

По лицу Лома было видно, что его упадническая философия кончится через десять минут. На его лице была видна такая любовь к жизни, что за ее продолжение он смог бы убить любого, и не одного. Двери в камеру вновь открылись, и дежурный крикнул Аскольду:

— Иванов, на выход, к тебе пришли.

— К вам пришли, Иванов, собирайте вещички. Собирайте себя на далекий этап, — пропел Аскольд, подымаясь с нар, чем несказанно изумил сержанта, сокамерников и самого себя. «Видели бы меня члены правления банка», — подумал он.

В кабинете для адвокатов сидели адвокат Арон Шпеер, Карандусик и радостно вскрикнувшая при появлении Аскольда Ирочка Васина. Аскольд с удивлением взглянул на Ирочку, но разговаривать стал с Карандусиком:

— Ну что там у тебя, Сергей Иванович, все выяснили, идем домой?

— У меня, то есть у тебя, адвокат. Вот, знакомься, Арон Ромуальдович. — Карандусик указал на деликатно потупившегося Шпеера. — А вообще-то все хреново, тебя сместили и вывели совсем из структуры банка. Вот, почитай...

Карандусик протянул Аскольду свернутую газету. Аскольд развернул ее и удивленно поднял брови. Это оказалась «Таганрогская правда», некогда прикормленная им до неподвижного ожирения. Статья в ней называлась «Если бы не милиция...», и там говорилось:

«Если бы не милиция Сочи, которая задержала у себя в городе нашего некогда уважаемого земляка и мецената Аскольда Борисовича Иванова, председателя Азово-Черноморского банка, то мы бы, простые граждане, так и не узнали, что этот оборотень на самом деле извращенец и растлитель малолетних, который имеет тесные связи с организованной преступностью и сейчас находится под стражей в следственном изоляторе города Сочи по подозрению в убийстве нашего земляка Сергея Андреевича Васильева, боевого офицера, прошедшего ад войны в Афганистане. Вот так-то, дорогие горожане и подписчики нашей газеты. Мы порой заглядываем в рот всем этим новоявленным богатеям, берем их деньги для помощи больным и осиротевшим детям, а они под покровом ночи насилуют наших детей и убивают их отцов».

— Что за чушь?! — раздраженно вскрикнул Аскольд и отбросил газету.

— Дело не в этом, — перебил его Карандусик. — Газета гавкает, караван идет. Туг кто-то посерьезнее на тебя катит. В какой-то степени, не пойму в какой, вот эта мормышка тоже замешана... — Карандусик кивнул в сторону Ирочки, преданно и радостно глядевшей на Аскольда. — Такого случая не припоминаю. Прямым ходом из аппарата правительства связались с нами и прямым текстом с полным откровением сказали: «Если вы не отстраните вашего председателя правления от всех дел банка, то у вас будет аннулирована лицензия на все виды банковских услуг». Интересно, где это ты настолько засветился? — Карандусик недоумевающе пожал плечами и замолчал, мрачно разглядывая поверхность стола.

— Кхм, я думаю, — вмешался Арон Ромуальдович Шпеер, — я думаю, что вам надо вспомнить все контакты последних недель. Уверен, что разгадка где-то рядом. Вспомните, что вас неординарно злило, раздражало, что вызывало опасения, страх, чувство оскорбления. Вспомните все. Ведь Сочи в обрамлении бархатного сезона то же, что и Москва, здесь все наполнено начальством, шулерами и шпионами...

Дальше Арон Ромуальдович Шпеер мог не продолжать. Все, включая Ирочку Васиной, одновременно вспомнили ресторан «Лимпопо» и опереточного Люцифера в белом костюме, преподносящего букет синих тюльпанов и черных роз Ирочке, которая, впрочем, уже знала о нем гораздо больше кого-то из находящихся в кабинете.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

После задержания Аскольда, сразу же после того, как его буквально выдернули из Ирочки Васиной, сразу же после всхлипа в том месте, вокруг которого сосредоточены все надежды на будущее человечества, в Ирочке Васиной что-то вздрогнуло, выпрямилось и стало серьезным. Как будто бы именно в этот момент из яйца судьбы вылупился ангел-хранитель и распрямил свои пока еще влажные и пока еще слабые крылья...

Ирочку группа захвата лишь мимоходом обшарила глазами и удалилась, толкая перед собой разозленного своей беспомощностью Аскольда. Лишь старший группы лениво спросил:

— Ты кто?

— Я его невеста. Мы завтра идем в ЗАГС, — соврала Ирочка и сильнее закуталась в одеяло.

— Малолетка или проститутка? — не обратил на ее слова внимание Ростоцкий, это был он, и выжидательно посмотрел сквозь прорези черной маски.

— Я его невеста, хам! Я сегодня же позвоню отцу, он начальник ГУОПа в Санкт-Петербурге!

На этот раз Ирочка не соврала.

— Ну да, извините, — без тени раскаяния извинился Ростоцкий. — Это хорошо, тогда он поймет мои вопросы к вам правильно. До свидания.

Попрощавшись, Ростоцкий направился к выходу, но был остановлен вопросом, донесшимся из огромной, как фантазия сексуального маньяка, постели:

— За что вы арестовали Аскольда?

— За убийство, он голову человеку оторвал, по-моему, — не поворачивая головы, сообщил Ростоцкий и ускорил шаг.

— О-о! — услышал он из пространства постели испуганный возглас восхищения.

Но самое удивительное с Ирочкой Васиной произошло на следующее утро. Во-первых, она покинула номер Аскольда за семьсот пятьдесят долларов в сутки и быстро прошмыгнула в свой, на другом этаже, за семьдесят. Номер был оплачен до конца недавно начавшегося месяца устроителями конкурса «Мисс курорта Сочи». А во-вторых, в коридоре она нос к носу столкнулась с самым знаменитым участником фестиваля киношников «Кинотавр». Знаменитость при виде Ирочки заулыбался, Ирочка при виде знаменитости презрительно сморщилась, хотя где-то в глубине души все-таки немного замлела.

В номере она приняла душ, оделась и отправилась на гостиничный пляж. Спустившись в холл, Ирочка почувствовала сухость во рту и вошла в уютный полумрак голубоватого риджерса с прохладительно-энергетическими напитками голландской фирмы «Андерс», которые производились в Армении на основе высокогорных, таинственно-стимулирующих трав. Возле стойки она вдруг напряглась и почувствовала растерянность. Резко оглянувшись, Ирочка увидела, что к ней подходит *Он*, тот самый Великий Любовник, потрясший ее суть цветами, наглой и оправданной беспардонностью и еще чем-то таким, от чего ей хотелось визжать. Это был Глассик. Брезгливо морщась, он подошел к вытянуто-напряженной Ирочке и сунул свой гортанный, слегка изогнутый нос в ложбинку символически прикрытой груди. Во время этой странной церемонии Ирочка Васина стояла по стойке «смирно», словно в ожидании приговора.

— Значит, ты спала с этим банкиром? — произнес Глассик, пренебрежительно глядя на

Ирочку.

— Да, — покорно призналась Мисс курорта Сочи.

— Я его сурово накажу. Он воспротивился моей воле и лишил науку ценного биосырья... — Глассик с укоризной посмотрел на Ирочку и, немного смягчившись, объяснил: — Видишь ли, ты была очень редким подвидом женщины, в тебе все эти годы вырабатывался фермент, который мы, ученые, называем «Вспышка»...

На этом Глассику пришлось прервать свои объяснения, быстро выскочить из бара, а затем из гостиницы. На выходе подозрительная скорость была замечена служителем гостиницы, который попытался остановить его для выяснения причин такой поспешности, но какой-то молодой мужчина, медленно проходивший мимо служителя, так толкнул его ладонью в подбородок, что служитель сокрушил в полете два ряда стекол на дверях, цветочный вазон из малахита на улице и упал на каскадных ступенях гостиницы с уже совершенно отстраненным от жизни выражением лица.

На улице Глассик поспешно влез на пассажирское место своего «БМВ», почти сразу же дверца открылась, и на водительское место сел мужчина, который мгновение назад окончательно и бесповоротно объяснил служителю гостиницы всю бесперспективность его работы. Когда «БМВ» тронулся с места, Глассик еще некоторое время слышал визг Ирочки Васиной, пробивающийся сквозь суету и крики, поднявшиеся вокруг убитого служителя, и сквозь шум находящегося совсем рядом морского прибоя.

Нет, определенно все это напоминает затянувшееся и поэтому начавшее гнить от пороков детство. Я улыбаюсь, но чувствую, что в этой улыбке нет презрения. Я редко кого презираю. Я никогда и никого не презираю. Так будет точнее. Точнее и обаятельнее. Я не просто улыбаюсь, я улыбаюсь широко и белозубо. Как он уморительно обнюхивал этот свисток с подиума! Алексей Васильевич весь состоит из приколов, никогда не подумаешь, что он гений, что на его защите стоит вся мощь и тайная изощренность государства. Я улыбаюсь, но в душе недоволен самим собою. Жалко служителя гостиницы. Я просто произвел толчок и тем не менее убил его. Нужно потренироваться, отработать движение «минимум», умение не придавать в нужный момент убийственную силу своим возможностям. Я иду к морю. Алексей Васильевич ушел в «Домик» спать. Умора, а не Алексей Васильевич. Спросил у меня о здоровье. Так и спросил: «Как ваше здоровье?» Я не выдержал и расхохотался. Он сразу же все понял и расхохотался в ответ. Так и стояли несколько минут друг перед другом, умирая от хохота. Затем он сказал: «Банк снимается с разработки, эту дуру ломанули, а банкиром я займусь сам. Отдыхайте пока». Вот оно, море. Я снимаю с себя одежду и улыбаюсь широко и белозубо.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Следственно-оперативная группа, возглавляемая начальником УФСБ Краснодарского края Лапиным, всерьез заинтересовалась Алексеем Васильевичем Чебраком. Все началось с телефонного звонка полковника Краснокутского.

— Здравствуй, Иван, — поздоровался полковник. — Я так думаю, что ФСБ без МВД гроша ломаного не стоит... — не обошелся без комплимента Краснокутский и, персходя к сути, надолго отвлекся: — Жарко до не могу, столько работы, что уже три года отдохнуть не выберусь. У меня брат на Чукотке начальник погранзаставы, зовет в отпуск поохотиться. Да разве из этой дыры выберешься? Гастролеры, как саранча, весь город оккупировали, начальство из всех щелей лезет. Хрен поймешь — кто кого представляет, все пугают, угрожают. Где бандит, где бизнесмен, где политик, ни черта не разберешь.

— Юрий Павлович? — осторожно напомнил о себе в трубку Лапин.

— Да, Ваня?! — сразу же прервал свое возмущение Краснокутский и участливо спросил: — Чего звонишь-то, помощь нужна?

— Так, — растерялся от неожиданности Лапин и тут же доказал свой профессионализм тем, что спросил у полковника: — Вы слышали, что в Чьяпосе опять волнения начинаются?

— А ты как думаешь? — взволновался и сокрушился голосом полковник Краснокутский. — Этот Чьяпос у меня всю кровь испортил. Но ничего не поделаешь, что вы хотите, негласная столица индейцев, горы, не до конца продуманная политика официального Мехико, и, пожалуйста, общая напряженность во всей стране. Но я понимаю и сочувствую индейцам, что вы хотите, гибнет их культура, самобытность, граница с янки рядом, тут у любого народа крыша съедет...

— Юрий Павлович? — вновь напомнил о себе Лапин, глядя с тоской на правительственный телефон, который напоминал о своем существовании нежным и мелодичным зуммером вызова. Но Лапин, четкий профессионал, хорошо понимал, что в данной ситуации Краснокутского лучше не прерывать. Он ткнул в сторону вертушки пальцем, давая понять заглянувшему в кабинет секретарю, что он в кабинете отсутствует.

— Ну так вот, Иван, слушай, — как о мимолетном пустяке заговорил Краснокутский. — Я допросил этого Аскольда Иванова, не дождавшись тебя. Много интересного услышал. Здесь у нас есть такая хитрая гостиница, «Домик» называется, над которой я власти не имею. Меня, да и тебя, я думаю, возле ее ворот пошлют, и что бы мы ни думали, а куда пошлют, туда и пойдем...

Краснокутский подробно сообщил Лапину об Алексее Васильевиче Чебраке и его предполагаемом телохранителе. Рассказал об инциденте в гостинице «Жемчужина» с Ирочкой Васиной и убийстве служителя гостиницы неким из ряда вон выходящим способом.

— Так что действуй, Ваня, след верный. А этот Аскольд хорошим парнем оказался, раз его из банка турнули, плохого не выгонят. Я тут журналистов хочу погонять, оклеветали парня, сорочье племя, а ему и так не сладко. Я его выпускаю, сколько можно мучить человека?

— Выпускайте, — отмахнулся от этого пустяка Лапин и радостно произнес: — Спасибо, Юрий Павлович, спасибо!

— Да не за что, работа у нас такая, — рассмеялся Краснокутский. — Ну ладно, Ваня, заговорил ты меня. Звони, если что. До свидания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

УЖАС было управлением гибким и мобильным и состояло из восьми отделов под общим названием «Погода на завтра».

Отдел ОДИН занимался происходящими процессами в политически активной части общества, криминальном и финансовом мире. И те, и другие, и третьи действовали на основе авантюрных постулатов, имели общий опыт «внезаконности» и общее понятие о взаимоотношениях человека с человеком. Именно оттуда, из этих трех групп, должна была выйти новая политическая элита — НПЭ. Ее психологический портрет вносился в память самого надежного в мире русского «компьютера» «Папка для бумаг», а наиболее творческие черты характера выделялись в «Дело».

«Лучше бы снова варягов или греков позвать, чем этих, с психологией вечно голодных, к власти допускать», — жаловался иногда самому себе начальник отдела ОДИН.

Отдел ДВА занимался тем же, что и отдел ОДИН, но под другим, жестко-творческим углом. Они производили санитарную чистку, дабы эшелон НПЭ не заразился наиболее разрушительными идеями переустройства мира.

Отдел ТРИ в принципе дублировал отдел ДВА, но только на более утонченном психологическом уровне.

Отделы ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, ШЕСТЬ были составлены из специалистов высокого класса с развитым до совершенства, до уровня первозданного инстинкта любопытством высокопрофессионального дизайнера. В задачу этих отделов входило классическое действие — сбор информации с непонятно куда идущими последствиями и нечетко выбранными

ориентирами. В штате этих отделов были специалисты не ниже докторов наук.

— С ума сойти! — иногда восклицал руководитель УЖАСа Иван Селиверстович Марущак после беседы с подчиненными из этих отделов.

Отдел СЕМЬ был страшноватым и убийственным. В него входили три боевых подразделения, обученных по универсальной методике «Вольфрам».

Первое подразделение, «Слалом», состояло из шести групп:

1. «Любители эдельвейсов».
2. «Трамплин над Калькуттой».
3. «Солнечная лавина».
4. «Непредвиденное препятствие».
5. Группа «Старт».
6. Группа номер 13.

Подразделение «Подмосковье» состояло из трех групп:

1. «Сороки».
2. «Тайная вечеря».
3. «Молчание сфинкса».

Эти группы были сформированы из снайперов, специалистов по ядам и нетрадиционным видам оружия.

Иногда ГРУ, СВР, ФСБ и МВД делали заявку руководству УЖАСа на использование одной из этих девяти групп в своих целях, и иногда Иван Селиверстович Марущак разрешал это.

Подразделение «Зеркало» состояло из восьми телохранителей категории «солнечный убийца». Все восемь, и каждый в отдельности, гарантировали стопроцентную безопасность тому, кого их обязали охранять.

ВОСЕМЬ был отделом, ради которого существовал УЖАС, — подземная лаборатория, возглавляемая Алексеем Васильевичем Чебраком. Туда стекалась вся мировая информация из области генетики и геномной инженерии. В отделе ВОСЕМЬ гений генетики Алексей Васильевич Чебрак работал над программой антимутационного действия «Ноах». Он создавал симфонический препарат «Полнолуние».

Общее руководство УЖАСом осуществлял Иван Селиверстович Марущак, бывший генерал бывшего КГБ. Он не обладал выдающимися способностями, был профессионалом и обладал врожденной силой доброжелательности и обаяния. Никто не смог бы так проникновенно сработаться с мощным и своеобразным коллективом УЖАСа, как он, Иван Селиверстович Марущак. Маркуша, называли его за глаза и в мыслях подчиненные. Он руководил УЖАСом уже двадцать лет, ибо все перемены, произошедшие с Россией за последние годы, изменили *всё*, но даже краешком не затронули деятельность УЖАСа, которому, и лично Ивану Селиверстовичу Марущаку, покровительствовал международный орден с трехтысячелетними традициями ЛПЛ — люди полной луны.

«Вот бы на пенсию уйти да порыбачить утренняя зорькой на Донце возле станицы Синявской в тиши, тепле и под водочку», — иногда печально мечтал Иван Селиверстович, получая в кабинете оперативную информацию со всего мира о деятельности своего неотвратимого УЖАСа...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Аскольд с печалью смотрел на прорвавшийся сквозь грубое жалюзи луч ускользающего в вечер солнца. Пространство камеры было плотно набито дымом от сигарет, пылью и вонью от хронически смердящего унитаза. Все это, попадая в нежное пространство солнечного луча, пронизывающего золотой спицей сумрак камеры, становилось серебристым, весенним и благоухающим.

— Дед, а дед? — завел свою ежедневную волюнку Лом, от скуки изучающий жизнь

старика по ответам на свои идиотские вопросы. — Ты много женщин за свою жизнь поимел?

Старик лежал на нарах и уже почти не подавал признаков жизни. На вопрос Лома он заворочался, оперся на дрожащие руки и с трудом сел, прислонившись спиной к стене.

— Я ведь как, сынок, — начал он объяснять Лому. — Я женщин не имел, я их любил. Они ведь только на любовь настроены, как скрипка на музыку. Сейчас таких женщин, как мадонны Рафаэля, мало, в основном курицы, которых, как ты и выразился, тербят... — Старик прикрыл глаза и, прислонив голову к стене, застыл.

— Ну конечно, — усмехнулся Лом, — скрипка, музыка...

— А тебе-то что? — подал голос подельник Лома по кличке Ся. За все время нахождения Аскольда в камере это была его первая реплика. Ся все время лежал, накрыв голову носовым платком, отвернувшись к стене. — Какая разница?

— Большая разница, — огрызнулся Лом и добавил: — Лежал бы и дальше, Ся, а то гавкаешь тут.

Ся ничего не сказал, накрыв голову носовым платком и снова лег, отвернувшись лицом к стене.

— Да... — внимательно посмотрел Лом на старика. — Точно, он хвоста навьет сегодня, — пожалел он и, повернувшись к Аскольду, сообщил: — Ну и черт с ним.

Старика держали в КПЗ уже целую неделю, выясняя его принадлежность к какой-либо известной милиции социальной группе. Его задержали на задворках ночного казино «Мустанг» с пятью тысячами долларов в кармане и следами крови на обуви. Но старик был настолько ветх и обуян частыми приступами старческого склероза, что уголовный розыск сразу же засомневался в его причастности к убийству и ограблению ростовского шулера по кличке Племянник. Посчитав, что деда подставили, так как у Племянника, по свидетельству служителей казино, было при себе около семидесяти тысяч долларов наличными, милиция, в силу знаменитого русского синдрома перестраховки, на всякий случай закрыла деда в КПЗ. Дед не помнил своей фамилии, адреса, и если бы умер в камере, то вряд ли это кого-то беспокоило.

— Дед, а дед? — осторожно позвал старика Лом, но старик лишь приоткрыл глаза, мутно посмотрел на него и, не отозвавшись, вновь закрыл их.

В это время с той стороны двери зазвенели ключи, щелкнул электрозамок, клацнула задвижка, и двери в камеру распахнулись, впуская полковника Краснокутского, капитана Фелякина, капитана Ростоцкого и следователя специальной оперативной группы МВД, ФСБ, ГРУ и Генеральной прокуратуры Миронова Сергея Антоновича.

— Иванов... — торжественно начал Краснокутский, обращаясь к Аскольду, но был прерван осторожным любопытством Миронова:

— Скажите, на чем вам удалось взять Карлушу?

— Какого Карлушу? — насторожился Ростоцкий.

Неожиданно старик пружинисто вскочил и с криком:

— Вот черт, какого хрена тебе в Таганроге не сиделось? — бросился на Миронова с бамбуковой тростью.

— Вот это да! — изумился Фелякин, укладывая кулаком на пол преобразившегося деда. — Чего только не случается в жизни, вот и дед как бешеный на людей кидается. Ужас, да и только.

Вошедшие в камеру вышли из нее для короткого совещания. За ними клацнула задвижка, щелкнул электрозамок и зазвенели ключи, а перед потрясенным Ломом и равнодушно заинтересованным Аскольдом остался доселе им неизвестный человек под ласковой кличкой Карлуша. У этого человека был пронизательный и злой взгляд, гибкое, без капли жира, тело и движения здорового и стремительного человека.

— Ну? — спросил Карлуша у Лома голосом, похожим на воткнутое между четвертым и пятым ребрами шило.

— Ну, ты молодец! — признался восхищенный Лом.

— Молодец на конюшне стоит, а я подвис, и подвис глухо, — не согласился с Ломом Карлуша. — Миронов в Сочи приперся. Он сам из Таганрога, я там на пятилетку крутился за челнока турецкого, а он у меня следаком был...

В это время зазвенели ключи, щелкнул электрозамок, клацнула задвижка. В раскрывшиеся двери вошли Фелякин и два не сомневающихся ни в чем сержанта. Они быстро сгребли Карлушу и увели его в другое пространство тюремных модификаций для более обстоятельных и плодотворных бесед.

— Иванов! — начал Краснокутский, обращаясь к Аскольду, но был прерван служебным рвением вернувшегося Фелякина.

— Ся, быстро встать, когда начальство в камере, а то я тебя дисциплине научу! — Фелякин дернул лежащего на наре Ся за ногу, и тот безвольно откинулся на спину, слегка и как-то неестественно вывернув шею с косо покрытой носовым платком головой.

— Вот интересное дело... — восхитился Фелякин и вопросительно посмотрел на Краснокутского.

...Клацнула задвижка, щелкнул электрозамок, и зазвенели ключи, запирая двери за покинувшими камеру полковником Краснокутским, зампрокурора города Таганрога Мироновым, капитаном Фелякиным с двумя сержантами, выносящими тело умершего Ся, и с освобожденным из-под стражи Аскольдом Борисовичем Ивановым. В камере остался один совершенно подавленный Лом. Он стоял перед тем местом, где лежал Ся, и бестолково повторял, потирая лоб ладонью, одну и ту же фразу:

— Во фигня какая, ну и фигня. Вот это да, офигеть можно.

Дежурный по КПЗ открыл сейф и выдал Аскольду часы «Ролекс», бумажник с кредитными карточками и пятьюстами долларами, загранпаспорт, золотой перстень «Ау-Ау», ключи от фордовской «авроры» и пачку жевательной резинки.

— Я приехал, чтобы расспросить вас о Васильеве, вашем бывшем начальнике службы безопасности, но... — Миронов вежливо кивнул на Краснокутского, — вы уже все рассказали Юрию Павловичу, так что у меня вопросов нет. Вы куда сейчас направляетесь?

— Дел много, — сообщил. Миронову Аскольд, — даже слишком.

— Ну да, — согласился с ним Миронов и, немного помявшись, добавил: — Вы бы пока домой не ездили к родителям. Были похороны Васильева, и местные газеты опубликовали, что вы являетесь заказчиком этого убийства. Его отец поклялся вас убить, а ваш с ним согласился. Они ведь друзья с юности и всю жизнь соседи. Я возбудил уголовное дело против журналиста Ермакова из «Таганрогской правды» за клеветнические публикации, думаю, что в ближайшие дни последует опровержение по всем газетным статьям, появившимся в последнее время в городской прессе.

— Да, да, совсем распоясались шелкоперы, — вмешался Краснокутский. — Я тоже начинаю трясти «Зори над Хостой». Наплели околесицы, сволочи, теперь пусть опровержение пишут. Какой-то Абрамкин, гад, эту статью о вас тиснул. Можете не сомневаться, этого-то я точно достану и лишу всех льгот, отпуска и вообще без квартиры оставлю, как жил с семьей в общежитии, так еще лет пять проживет. — Он вдруг понял, что слишком разговорился, и оборвал себя: — Вот так-то.

— Отец, поверивший газетам, мне не нужен, — равнодушно проговорил Аскольд и поинтересовался: — Я пойду?

— Идите, — так же равнодушно отпустил его Краснокутский и протянул листок бумаги: — Вот возьмите, пропуск на выход из здания.

Через несколько часов после выхода из сочинской КПЗ Аскольд Иванов обнаружил, что в этом городе у него нет друзей и знакомых, ничего, кроме пятисот долларов США. Зеленые бумажки, наполненные таинственной энергетикой, были дружелюбны и предупредительны, как швейцар при входе в пятизвездный отель, но стоило их отдать в чужие руки без права приумножения, и все они сразу же становились похожими на

работника собеса, разговаривающего со стариком, который хочет узнать, почему ему начислили маленькую пенсию.

Все началось с первых шагов. Выйдя из здания УВД, Аскольд обратил внимание, что при дневном свете его штаны за четыреста долларов и рубашка за триста унижены могучей, разрушительной силой сочинской КПЗ и теперь ничем не отличаются от фасонистой одежды пришибленного волей человека, известного под аббревиатурой бомж. Когда он подошел к стоящему неподалеку такси, то таксист, разговаривая с ним, слегка воротил нос, и Аскольд понял, как он «благодарит».

В холле гостиницы он услышал от администратора:

— Здесь ничего вашего нет. Уходите отсюда, негодяй... Счет по кредитным карточкам оказался заблокированным, у Аскольда просто-напросто отобрали деньги. Он позвонил в Москву и узнал, что и там никому не нужен.

По мере узнавания своих потерь Аскольд, к своему удивлению, становился все веселее и веселее. А после того как с автостоянки исчезла подаренная ему ко дню рождения правлением банка «аврора», он сплюнул, зашел в магазин одежды «Все из Германии», купил джинсы, майку, кроссовки и направился в знаменитую на весь Сочи турецкую баню, где от всей души и долго-долго млея в паре, обливал себя прохладными потоками благожелательной воды и слегка покряхтывал от удовольствия.

Сразу же после бани преобразившийся Аскольд пришел в юридическую консультацию № 1, а через две минуты после прихода разговаривал с Ароном Ромуальдовичем Шпеером. От Арона Шпеера исходило доброжелательное спокойствие и абсолютное понимание ситуации.

— Поймите меня правильно, Аскольд Борисович, — говорил Арон Шпеер. — Если вас так безоговорочно и нагло отстранили от всего и ограбили подчистую, если вам не смогли помочь, даже не попытались этого сделать старые знакомые, значит, вы наступили на мозоль такому человеку, который может сделать с вами то, что с вами делают сейчас.

— Ну да, — согласился Аскольд с адвокатом. — И что теперь?

— А ничего, — ответил ему Арон Шпеер. — Почти уже ничего. Лучше всего — приглядеться к жизни с другой стороны, но не с той, с которой вы можете подумать. Жизнь многогранна, и в каждой грани можно наткнуться на счастье. Ну а второй вариант обычен. Если вы не согласны с тем, как с вами поступили, и чувствуете в себе достаточно ума и силы, то боритесь, верните себе все, что у вас отобрали, накажите тех, кто это сделал, и, можете поверить, это будет самый неразумный вариант: бессмысленно тратить время на то, чтобы возратить себе прежнее положение и круг знакомых, в котором тебя предали.

— Конечно. — Аскольд замялся. — Сколько я вам должен?

— Мне все и давно заплатили, — отмахнулся Арон Шпеер. — Более того, это я вам хочу вернуть тысячу долларов. Мне заплатил Байбаков пять тысяч за то, чтобы вы вышли на свободу, а полковник Краснокутский был наказан за произвол. Вы на свободе, а вопрос о Краснокутском... — адвокат понимающе взглянул на Аскольда, — думаю, потерял актуальность вместе с вашим Байбаковым. Он пытался забрать эти деньги обратно, но не учел того, что я на своей территории.

Арон Ромуальдович Шпеер вынул из бокового кармана деньги и протянул Аскольду.

— Возьмите, не вздумайте отказываться. Вам просто повезло с ними, а могло бы и не повезти, если, допустим, у меня болел бы зуб или еще что-то в этом роде. От везения отказываются лишь идиоты и святые, а вы, насколько я понимаю, ни то, ни другое.

Покинув юридическую консультацию, Аскольд вышел на улицу и окунулся в готовящийся к вечеру праздничный Сочи. По улицам ходили молодые и не очень люди с постоянной готовностью к удовольствиям на лицах. Тысяча сто пятьдесят долларов в кармане дали Аскольду легкую уверенность в будущем и едва заметно приостановили отвыкание от привычек человека с деньгами. Обменяв в пункте обмена валюты сто пятьдесят долларов, Аскольд вновь направился в переговорный пункт и позвонил Карандусику.

— Да, я вас слушаю.

— Каранда, ты можешь объяснить, в чем дело? Ладно другие, но ты-то куда исчез?
— Да, я вас слушаю, алё?
— Понятно, змей поганый, понятно. Не забудь, Каранда, помни, я ещё живой, здоровый, молодой и умный.
— Алё, говорите! — надрывался голос Карандусика. — Вы дурак, раз звоните из сломанного телефона! — У Карандусика сдавали нервы. — Алё, говорите! А здоровье за одну минуту можно потерять вместе с жизнью. Але-е! А я жить хочу и ничего не терять! Але, черт побери, говорите же!
— Понятно, — проговорил Аскольд и повесил трубку. — Понятно...
Покинув переговорный пункт, Аскольд вышел на улицу.
— Братан, где мы с тобой виделись? — радостно спросил у него мужик сочинской разновидности, одетый как знаменитый киноартист, после недельного запоя попавший под дождь, упавший в канаву и получивший по морде от проходивших мимо хулиганов.
— У хозяина в зоне, пошел отсюда!
— Ну да, — радостно согласился с ним живописный сочинец. — У меня поезд уже гудит, спешу, извини, братан, но задержаться не могу, нет времени...
— Стой! — остановил Аскольд дернувшегося мужика. — Возьми. — И сунул ему в руку сторублевую купюру.

Центр города напоминал сборище больных, по лицам которых было видно, что они симулянты. Обычный сочинский контингент отдыхающих, весь вечер и начинающуюся ночь сосредоточенно вникающий в разнообразие курортных пороков между гостиницами «Кавказ» и «Жемчужина». Именно возле гостиницы «Жемчужина» на Аскольда бросилось что-то невесомое, радостное и благоухающее.

— Слава Богу, ты меня нашел, где же ты был, я тебя искала! — щебетала сквозь слезы Ирочка Васина. — Я так тебя люблю. Принесла передачу, а мне говорят, что вы... мы его уже отпустили. Слава Богу! Что же все-таки случилось? Твои друзья стали говорить о тебе гадости и пытались со мной переспать, но я пригрозила милицией, и они отстали, но из гостиницы меня попросили. Плевала я на все...

Затем они долго сидели за ужином в «Любаве», и Аскольд рассказал обо всем, что с ним случилось.

— Пустяки, — успокоила его Ирочка. — Ты сильный, все вернешь и всех накажешь.
Затем они танцевали, и Аскольд целовал мочку ее уха.
— Мы поженимся! — громко и утвердительно решила Ирочка.
— Конечно, поженимся, но сейчас куда?
— Конечно, ко мне, в Санкт-Петербург. У меня там личная квартира, папа, мама и два брата, которые живут в другой квартире. Мы там поженимся, ты оглядишься, разберешься и будешь действовать, я в тебя верю.
— Конечно, — продолжал соглашаться Аскольд. — Конечно, в Ленинград. И пусть он будет Санкт-Петербургом, где живут твои папа, мама и два брата.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Час полнолуния похож на час судьбы и час надежды одновременно. Леня Светлогоров стоял перед мольбертом с натянутым холстом, который был установлен перед большим зеркалом, и думал: «Я похож на Гойю».

Странные мысли, образы и действия заполняли Леню после недельных запоев. Он становился перед зеркалом и тихо, он всегда застывал в позе неподвижного изваяния, ненавидел свое отражение в нем. Он чувствовал за зеркалами беспощадную и ненавидимую им правду. Он знал, что в зеркалах есть нечто такое, что делает их неприемлемыми в некоторых случаях жизни и некоторых, ограниченных стенами, пространствах. Леня

Светлогоров уже давно выписывал на своих холстах эту неприемлемость, в которой всегда присутствовал главный и таинственный сюжет полной луны — зеркало. Он пытался выписать эту неприемлемость радостной, уместной и естественной, создал ряд картин такого содержания и тщательно прятал эти картины, сворачивая в неаккуратные рулоны, в сундуке, который достался ему от бабушки, Робертины Стасовны Тильзитной...

Робертина Стасовна Тильзитная была известной в городе личностью, известной тем, что на протяжении восьмидесяти девяти лет жизни, начиная с двадцати, всем и всегда говорила, что она очень известный в городе человек, благодаря чему она и была очень известным человеком в городе. На ее похоронах присутствовала самая что ни на есть таганрогская — таганрожистей не бывает — часть города: преподаватели радиотехнического института имени Калмыкова, инженерно-конструкторский состав авиационного завода имени Бериева, артисты драмтеатра имени А.П. Чехова, директора крупнейших заводов, руководство городской администрации и много-много других живописно-колоритных граждан приморского города. Хотя все присутствующие на похоронах не до конца понимали свою уместность на этом действии, но все присутствовали до конца. Еще за семь лет до своей смерти Робертина Стасовна велела Лене изготовить пятьсот уведомлений с потрясающим текстом:

«(Такому-то такой-то) — вписать фамилию и должность — сообщаем, что прощание с телом старейшей и почетнейшей гражданки города Таганрога Робертины Стасовны Тильзитной состоится (такого-то числа) по адресу (такому-то)».

Леня постарался от всей души, и уведомления о смерти были столь солидными, что из пятисот приглашенных — Леня Светлогоров, десять студентов радиотехнического института и. шесть студенток музучилища (в нем Леня проводил борьбу с неоправданно затянувшейся девственностью) сбились с ног, разнося уведомления по адресатам, — пришло четыреста пятьдесят человек, а когда появились мэр города, директор завода легковых автомобилей по южнокорейской лицензии и директор городского пивзавода, кстати, без уведомления, так как бабушка всю жизнь проработала на сусле, то подтянулось еще сорок человек... Это были самые пышные похороны в городе за последние (со времен смерти Александра I) годы. Позднее ректор радиоинститута признался директору центральной сауны, что не мог устоять перед великолепно оформленным уведомлением на «прощание с телом...», где, словно главный бриллиант в драгоценном колье, выделялось: «...РОБЕРТИНЫ СТАСОВНЫ ТИЛЬЗИТНОЙ».

...И вот Леня Светлогоров писал зеркала, писал об их неуместности в некоторых случаях жизни и некоторых, строго ограниченных, пространствах и прятал холсты в единственное, что ему осталось от бабушки, — в сундук.

Леню Светлогорова посещали невозможные и откровенные часы вдохновения. Они были словно морская волна цвета изумрудной галлюцинации. В эти часы он пытался, но никак не мог сделать из кусочка ночного неба, насмешливо заглядывающего в окно и отражающегося в зеркале, хотя бы чуть-чуть вдохновенного аквамарина для изображения ускользающей надежды с характером интриганки. И лишь когда эти часы исчезали, когда ему было наплевать на изумрудные галлюцинации и аквамариновые надежды, лишь тогда ему удавалось ухватить на кончик кисти розовощекого мотылька радости, который буквально захлебывался от смеха. Не давая мотыльку радости отсмеяться, он тотчас же бросался к холсту и точными, восторженными мазками писал смерть в надежде, что ее будет обрамлять музыка Шопена, но смерть получалась в оформлении попсовых песен шутовской группы «На-На». Он умудрялся передавать вид невозможного вполне возможными и непосредственными красками спивающегося таланта на фоне погибающей во время рождения гениальности. В эти минуты Леня Светлогоров вздрагивал, невольно и с опаской косился в сторону зеркала и где-то в смутной глубине души понимал, что зеркала и творчество — это странная дорога в небо, замаскированная, как провал в бездну...

— Леня, — говорила Светлогорову Робертина Стасовна, которая видела в

ненормативных определениях наиболее точное приближение к сути. — Хотя ты мне и внук, но все равно я всем говорю, что ты придурок. Я тебя устроила на работу в разливочный цех. Хочешь пива, пей на работе. Но зачем ты стал делать отводную трубу за территорию завода?

— Бабуля, ты права, я — придурок в квадрате. Пил пиво себе и пил, но скажи мне, бабуля, зачем я стал делать отводную трубу за территорию завода?

— Как зачем? — удивилась Робертина Стасовна. — Ты сам говорил, что если вылить в Азовское море двухлетнюю продукцию нашего завода, то произойдет процесс самоочищения моря от плавающих в его водах проституток наподобие твоей Наташки, которая тебя бросила именно за такие вот фантазии.

— Ну нет, бабуля, я не в квадрате, я в кубе придурок.

...Иногда Леня доставал из бабушкиного сундука свернутые холсты, расставлял их в освещенной полной луной комнате и с недоверием рассматривал изображенное на них.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Явное, вопреки расхожему мнению об обратном, рано или поздно становится тайным. Следственно-оперативная группа подошла к самому эпицентру раскрытия высокопрофессионального убийства Сергея Андреевича Васильева. Следственно-оперативная группа вышла на конкретных подозреваемых и в недоумении застыла.

— Что вы тут такое плетете, Иван Александрович? — высказал свое мнение директор ФСБ и, слегка прищурившись, посмотрел на Лапина. — Вот уж не думал, что вы в душе сказочник Андерсен.

— Вся информация, материалы следствия у вас. Решать тоже вам, сочтете нужным, опубликуете как ранее неизвестные работы Ганса Христиана Андерсена. Прикажете все забыть, забуду.

— Ну а куда же вы денетесь? — Директор неслабого ведомства с интересом посмотрел на подчиненного. — И вообще, Лапин, что ты здесь разумничался? Я все прочел, все понял и пришел к выводу, что для ФСБ это неинтересно, но материалы следствия настолько серьезны, что только нам этим и заниматься. Следовательно, материалы следствия нужно признать несерьезными, и отсюда вывод, что ты сказочник Андерсен. Можешь оставить свою фамилию, но слово «сказочник» обязательно, понятно?

— Да! — четко ответил Лапин.

— Ну и езжай к себе, там у тебя со ставропольцами дел на все ведомства России хватит. Я тебя даже в отпуск отпустить не могу, но на Москву двое суток даю, и еще... — Директор оживился. — Хочешь, настоящей сигарой угощу?

— Не хочу, — отрезал Лапин. — Я что, на пижона похож?

— Да нет, Иван Александрович, нет, что ты? — с ехидцей произнес директор и, достав из ящика стола изящную коробку лепесткового дерева, протянул ее Лапину со словами: — Возьми, здесь тридцать штук. Одна сигара стоит пятьсот долларов, будешь у себя в Краснодаре меня и других пижонов угощать. Это наш человек у президента США из ящика стола в домашнем кабинете позаимствовал. Краденые, одним словом.

Выйдя из кабинета директора ФСБ с коробкой драгоценных сигар в руке, Лапин покинул приемную и направился к Веточкину.

— Веточкин, отгадай загадку: все тайное становится явным или наоборот?

Веточкин с трудом оторвался от аналитического компьютера, встал и, устало потирая виски, предложил:

— Пойдемте, Иван Александрович, лучше коньяку выпьем. Я здесь рядышком, в «Савое», бар отличный приглядел.

Лапин и Веточкин вышли на улицу и направились в сторону Рождественки. У Лапина на лице застыло выражение рассеянной задумчивости.

— Вы сейчас, Иван Александрович, на Андерсена похожи, у вас такой мудрый вид, — заметил Веточкин.

— На кого? — Лапин с подозрением посмотрел на Веточкина и неожиданно предложил: — Слушай, Веточкин, плевать на савойский бар. Звони Хромову, тут в Москве и Миронов таганрогский, его в Генпрокуратуру вызвали. Давай где-нибудь тихо и солидно посидим, скромненько выпьем бутылочек восемьдесят «святой воды» и разнесем к черту что-нибудь дорогое и частное. Вот я, например, знаю, где ресторан «Мексиканская кухня», а ты?

— Знаю... — По лицу Веточки на было видно, что он с энтузиазмом принял предложение Лапина и сосредоточенно просчитывает план действий. — Знаю, где «Мексиканская кухня»..., — Веточкин придержал Лапина за локоть и достал из кармана сотовый телефон. — Только вы, Иван Александрович, забудьте о нем. Вся разница между русской и мексиканской кухней в том, что у нас в пельмени мясо кладут, а у них жгучий перец. Я как-то шел мимо этого ресторана и видел, как оттуда пятеро чернокожих выходили после обеда.

— Ну и что? — удивился Лапин. — Ты расист?

— Дело не в этом. — Веточкин продолжал держать в руке телефон. — Они после этих пельменей стали белыми как мел.

— Ты, Веточкин, как только приедешь в Сочи, — стал советовать Лапин, — так сразу прямым ходом к начальнику УВД Краснокутскому иди и все, что знаешь про мексиканскую кухню, выкладывай ему, вот у вас разговор будет, заслушаешься.

— Ага, — согласился Веточкин, набирая номер Хромова, — Я в курсе.

Солнце проснулось и, по-детски делая вид, что еще спит, стало осматривать мир в районе Тверской улицы сквозь ресницы. Увиденное столь удивило солнце, что оно перестало скрывать свое пробуждение и уже более внимательно, хотя по-прежнему сонно, уставилось на Москву и на Тверскую улицу в районе Тверского бульвара, в частности...

Расхожее и ни на чем не основанное мнение москвичей о лоховитости провинциалов в сравнении с московской раскрепощенностью на этот раз не выдерживало критики. Впрочем, провинциалы правоохранительной наполненности, вместе с такими же московскими, прогуливающиеся в половине пятого утра по Тверской улице, тоже не выдерживали никакой критики.

В этот час Тверская улица чиста, улыбчива и почти пустынна. С нее уже слетел загар ночи, уехали спать или в другие места ребята, набитые деньгами до такой степени, что даже область заповедной детскости, живущей в каждом человеке, где прячется, чтобы залечить ушибы, душа, была занята под хранилище. Солнце скользило на роликах лучей по вымытой поливальными машинами улице, и казалось, что сейчас, вот-вот, со стороны Тверского бульвара... Впрочем, слюни воспоминаний никогда и ни на что не действуют, а коррозия безнадежности, как главный признак увядания, в них повсеместна.

...Тверская улица в этот утренний, наполняющийся солнцем час была в полнейшем недоумении. Это недоумение явно проступало и на лицах ребят из патрульной службы. По середине улицы в сторону мэрии шли пятеро человек, и по ним было видно, что они шли не в мэрию, а кто его знает куда. Все пятеро курили большие сигары, запах от которых достиг ноздрей выглянувшего на шум швейцара гостиницы «Центральная», и тот одобрительно хмыкнул...

Лапин, Веточкин, Хромов, Миронов и прибившийся к ним по дороге житель Москвы Рудольф Агеев были пьяны в той степени, в какой все, включая пеший переход через Альпы, кажется пустяком. Они уже выпили водки «Вагнер» во внутреннем ресторане «Турандот» концертна «Сибмаш» и там же выпили две бутылки рижского балъзама, закусывая мясом по-французски в сырнo-чеснoчном соусе, тем самым поставив точку в кредитоспособности Лапина. Следующим в «атаку» пошел Хромов и лихо расправился с возможностями своего бумажника, после того как в «Золушке» они съели под водку «Бестия» двух поросят,

нафаршированных новорожденными цыплятами, сваренными в кумысе, и после того как Хромов раздал на чай, расставаясь во время этого процесса с мечтой о новенькой «девятке», аванс за которую он неосторожно прихватил с собой на встречу. Хромов по инерции продолжал раздавать на чай и после выхода из ресторана, а Лапин, Веточкин и Миронов думали, что он подает нищим, и укоряли его за гражданскую мягкотелость. Наконец Хромов сунул последнюю бумажку в руку высокому, худому и бледному старику с внешностью свергнутого императора, всю жизнь мечтавшего о том, чтобы его свергли.

— Спасибо, конечно, но заберите обратно, я не нуждаюсь в этом, — баритонально произнес старик, и по голосу стало ясно, что никакой он не старик.

— Ты кто, почему в гриме? — встрепенулся Хромов.

Друзья окружили псевдостарика и с неприятным для интересом стали рассматривать.

— Я Рудольф Агеев, артист, в данный момент вхожу в образ Ганса Христиана Андерсена, и отсель у меня такой вид, господа.

— О! Андерсен! — обрадовался смилившийся с преследующим его образом Лапин. — Пошли с нами. Мы не артисты, конечно, но пить умеем без всякой оглядки.

— Ну, если вы так желаете, господа, — не стал ломаться артист, — почему бы и нет?

Следующими на передовую вышли объединенные силы Веточкина и Миронова, при этом Миронов стал интеллигентничать, то есть попытался спасти свою наличность тем, что предложил купить и посидеть дома у кого-нибудь, но его не стали слушать, оборвали, и он, наступив на горло собственной интеллигентности, пошел в «атаку» вместе с Веточкиным и вместе с ним потерпел банкротство на шашлыках по-карски, водке «Слеза Рокфеллера» и стерляди по-британски в ресторане «Горгона Медуза».

Утро солнечного дня они встречали полными сил и здоровья. И если Веточкин, Лапин, Хромов и Миронов были готовы выдержать еще одни сутки такого напряженного ритма, то, судя по Рудольфу Агееву, он выдержал бы вдвое больше. Возле здания мэрии к ним подошли патрульные и попросили предъявить документы. Им предъявили, и патрульные с разочарованным негодованием отошли от них. В ходе проверки молодой сержант хотел заподозрить в чем-нибудь артиста, но Хромов, ткнув в артиста пальцем, сообщил сержанту:

— Это Рудольф Агеев, а ты лучше не зли меня.

— А... — Сержант равнодушно сплюнул на вымытый асфальт Тверской улицы.

На Красной площади друзья остановились и стали зевать. В пять часов утра человек или спит, или зевает, независимо от того, где он находится. Отзевавшись, они приступили к подсчету оставшегося резерва и обнаружили триста рублей. Агеев меланхолично сунул руку куда-то в глубь театрального реквизита и добыл еще одну бумажку. Четыреста рублей!

— Поехали на Чистопрудный бульвар, — вдруг оживился Хромов.

— А там что? — поинтересовался Миронов. — Дешевый ресторан?

— Там Стефан Искра, — коротко ответил Хромов.

Стефан Искра вел себя так, будто у него была многолетняя привычка каждое утро в шесть часов встречать загулявших представителей уголовного розыска, прокуратуры, ФСБ и московской богемы в одной компании. Он лишь благодушно хмыкнул при виде друзей, вложивших четыреста рублей в жидкую валюту, и широко распахнул двери, приветствуя Хромова вопросом:

— Явился?

Стефан Искра в шесть часов утра выглядел как спортсмен-юниор после легкой пробежки по сосновому бору.

— Да уж, — вздохнул начинающий уставать Хромов.

Вся компания, разбрасывая в стороны стеклянные брызги бутылочного моря, пробилась к столу и, расставив бутылки вокруг покосившегося компьютера с банкой из-под красной икры на нем, стала рассаживаться по мере своей изобретательности. Хромов, Лапин и Миронов сели на стулья. Веточкин рухнул на кушетку, а Рудольф Агеев горделиво

воздвигся на большой жестянке из-под оливкового масла. Стефан Искра широко улыбнулся и, сняв со стола компьютер, сел на него.

— Министр внутренних дел, — сообщил Хромов, — так и сказал. Забудь об убийстве с отрывом головы и о странном приборе. Пусть этим ГРУ занимается, а ты жди повышения. Зачем вообще надо было огород городить?

— Ну да, — поддержал его Миронов. — Меня тоже послали куда подальше. Вернее, не меня, а прокурора города, а меня назначили. Так и сказали в Генпрокуратуре: забудь навсегда, Миронов, о сочинском убийстве, и ты прокурор города, а если вспомнишь хотя бы один раз, то к прокуратуре вообще не будешь иметь никакого отношения. Я и забыл.

— Так ты теперь прокурор? — обрадовался Лапин. — Надо выпить за это, а меня вот тоже сигарами наградили и даже сказочником Андерсеном титуловали.

— А я вообще не понимаю, о чем вы говорите, — произнес Веточкин и вдруг в недоумении огляделся. За ним замолчали и огляделись остальные, кроме Стефана Искры, начавшего пить водку. Рудольф Агеев, к удивлению присутствующих, исчез.

— Где артист? — задал в пространство вопрос Хромов.

— Артист? — усмехнулся в то же пространство Стефан Искра. — Это УЖАС вас сопровождая. Я же говорил, такое дело не раскрывается, не дадут. Раз оторвали голову приемом «короткое замыкание», значит, работал Солнечный убийца из группы телохранителей, то есть все по закону. Я не должен вам этого говорить, но говорю, а по вашим лицам понимаю, что вы болтать не будете. — Стефан выпил еще водки и расхохотался. — Но ведь как ловко покинул нас, ни одна бутылка не звякнула.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Капли определений никогда ничего не стоили в отношениях человека с человеком. Все имеет свою цену лишь во время оценивания, а дальше начинается лирика взаимовыгодных иллюзий...

Роберта и Арама Рогоняна группа захвата взяла во время самого плодотворного часа сутенерского бизнеса. Они предлагали двух сестер, Оксану и Лолиту, играющих блондинистое очарование, туркам с только что прибывшего в порт сухогруза «Акмал». Турки, всегда немного дуреющие от блондинистости, были кручеными не менее «братьев» и уступали им лишь, потому, что находились не на своей территории.

— От них еще материнским молоком пахнет, — убеждал турок Арам и предлагал понюхать груди двадцатипятилетних сестер, которые делали вид, что впервые вступили на путь разврата, не устояв перед турецкой мужественностью. Один из турок ткнулся носом в предполагаемую молочность юности и стал неменяемым. Особенности турецкого носа, уткнувшегося в груди блондинки, еще предстоит изучить науке. Если турок уткнулся в груди блондинки, то ее запахи так действуют на него, что в этот момент у него можно выманить все деньги, снять одежду и продать самого какому-нибудь извращенцу из Арабских Эмиратов. Науке еще предстоит работать в этом направлении.

В конце концов Роберт и Арам подвели носы турок к многоопытным грудям сестер и взяли с них тысячу долларов, но на этом их везение, впрочем, как и везение турок, закончилось. Группа захвата обрушилась на них как гром среди ясного неба, а в данном случае как кирпич на голову посреди вечера. Никаких спецприемов не применяли, дали ногами между ног, стукнули дубинкой по ребрам, заковали в наручники и всех четверых, оставив обездоленных сестер на площади Морского вокзала, увезли в городское УВД, где Арама и Роберта с нетерпением ожидали Степа, Игорь и Савоев...

— Ну что, Роберт, допрыгался? — спросил Игорь у недоумевающего сутенера. — Теперь тебе не отвертеться. Тебя опознали, когда ты с кладбища девчонок тащил...

— Хана тебе! — сообщил Араму в соседнем кабинете Степа Басенок. — Ты думал, что

этот номер с кладбищем и больницей тебе с рук сойдет, думал, девушки и после смерти на тебя работать будут?...

— Да у вас крыша съехала! — возмутился Роберт. — Ну и нахаловка!...

— Ты, ментяра, февральнулся?! — взорвался Арам. — Какое кладбище?!

— Это у кого крыша съехала? — поинтересовался Игорь, нанося два гулких удара по корпусу Роберта в области солнечного сплетения. — У меня свидетели есть, котяра вонючий... — Он нанес лежащему Роберту удар между ног. — Выродок безнравственный...

— Я тебе сейчас февральнусь, — охаживал Басенок Арама Рогоняна дубинкой. — Я тебе сейчас объясню степень твоей виновности. — Он нанес ему прилипчивый удар вдоль спины. — Сутенер поганый!

Слава Савоев, находящийся в коридоре, посмотрел на часы и решительно вошел в кабинет Игоря со словами возмущения:

— Прекратите это избиение, вы что?! Я напишу на вас рапорт по инстанции. Безобразие!

— Да ладно, — зло проговорил Игорь. — Пишите, но от меня им пощады не будет...

Со злостью захлопнув за собой двери, Игорь вышел из кабинета и быстро ворвался в кабинет Басенка с возгласом:

— Прекратите, старший инспектор! Какое вы имеете право избивать подозреваемого?! — Он стал оттаскивать Степана от лежащего на полу Арама. — Как вы смеее?! — вытолкал Басенка в коридор.

— Роберт, — проникновенно обратился к Роберту Савоев. — Пиши явку с повинной, я ее через прокуратуру пропущу, у меня прокурор родственник. Пиши, советую, а то здесь тебя инвалидом сделают, все злые, клянусь. Я-то тебя знаю, дело с тобой имел, постараюсь отмазать, пиши, говорю, — убеждал Савоев Роберта.

В это время дверь в кабинет открылась, и вошел Степа Басенок с дубинкой в руке:

— Савоев, иди, тебя к начальнику вызывают.

— Да? — всполошился Савоев. — Я сейчас, — кивнул он Роберту. — Побудь здесь, Степан, — попросил Басенка и, выйдя из кабинета, сразу же вошел в следующий со словами: — Баркалов, иди, тебя к начальнику вызывают.

— Да? — удивился Игорь. — Я быстро, — кивнул он Араму. — Побудь здесь, — бросил Савоеву и вышел из кабинета.

— Я из тебя уroda сделаю, наглук подлый! — Дубинка Степана не оставляла сутенеру надежды на вертикальность. — Буду бить, пока не сдохнешь, альфонс-многостаночник. — Он прогулялся дубинкой по левой почке. — Вошь тифозная...

— Это тебе не в бане свои жертвы мучить! — стучал кулаком по голове Арама Савоев. — Это тебе уголовный розыск. — Он стукнул сутенера головой об стол. — Погань рыночная...

— Прекрати, Савоев! — ворвался в кабинет Игорь. — Не смей! — Его возмущению не было предела. — Я добьюсь вашего увольнения! — Он вытолкал Савоева из кабинета, и тот, уже в коридоре, рывком преодолел расстояние до следующего кабинета и ворвался туда с криком негодования:

— Прекратите немедленно, как вы смеее?! Я добьюсь вашего увольнения из органов МВД!

— Арам, — говорил Игорь, — пиши явку, больше года не дадут, ты ведь не убийца. А здесь тебя забьют, все злые на вас. А если напишешь, я лично тебя в КПЗ отвезу, и, даю слово, никто тебя пальцем не тронет.

— Пошел на фиг, Игорь, я никого не выкапывал! — убеждал Игоря Арам.

— Иди к черту, Савоев, мне живые девки всю плешь проели, а ты на меня еще и мертвых навесить хочешь... — категорически отвергал возможность явки с повинной Роберт Рогонян.

После того как измученных допросом Роберта и Арама увели по камерам, Степан, Игорь и Слава Савоев сидели в кабинете и курили. Никто из них всерьез не принимал

версию о причастности Рогонянов к выкапыванию тел из могил. Но основания для их допроса, хотя и сильно косвенные, все же имелись, это во-первых; а во-вторых, в России, особенно в провинциальной ее части, почти невозможно найти работника уголовного розыска, который не хотел бы набить морду сутенеру.

Савоев прошелся по кабинету и включил телевизор, чем несказанно удивил Степу и Игоря, считавших телевизор, стоящий на сейфе больше года, сломанным. Судя по движениям Савоева, он тоже считал телевизор неработающим, так как при первых бликах экрана отпрыгнул от него.

Дверь в кабинет открылась, и вошел дежурный с возмущенным вопросом:

— Что с турками делать?

— Турки? — удивился Степан. — Откуда у нас турки?

— Их взяли вместе с Рогонянами!

— Зачем? — пришла очередь удивляться Игорю. — Зачем турок-то взяли?

— Не знаю. Мне привезли, я закрыл камеру, и все.

— Не пойму, — стал рассуждать Савоев. — Неужели и турки на них работали? Ну и ну, кто на них позарится?

— Да выгони ты их, Петрович, — пожалел дежурного Степан. — Зачем они тебе нужны?

— Ну да, — обрадовался дежурный. — Действительно?

— И вот еще... После турок, часа через три, выгони и Рогонянов.

— Выгнать? — не понял дежурный.

— Ну да, Петрович, — вмешался Савоев. — Зачем они тебе нужны?

— А может, у тебя с ними дела? — поинтересовался у дежурного Игорь Баркалов.

— Что? — возмутился дежурный лейтенант. — Дела с ними? Да пусть чешут, мне-то что...

— Действительно, — поддержал лейтенанта Савоев. — Какие могут быть дела с этой мразью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Глория Ренатовна Выщух вошла в просторный зал городского универмага и остановилась посередине. Она всегда останавливалась так, чтобы не затеряться в пространстве. На этот раз она вошла в универмаг с определенной целью купить катушку ниток стального цвета. На Глории Ренатовне было каскадное платье «Радуга», сделанное в манере «сомневающегося миди», шляпка «Дочь плантатора» за триста долларов, а стремительную таинственность ног, верхней частью скрывающихся под взволнованностью «сомневающегося миди», внизу облегали изысканные сандалии «Афинянка». Когда Глория Ренатовна тронулась в направлении нужного отдела, ее фигура, при помощи каскадного платья «Радуга», стала как бы просвечиваться совершенством, а сама походка была похожа на медленный, манящий и совершенно необъяснимый танец талантливой стриптизерши.

— Мне вот эту катушку ниток, красавица, — указала юной продавщице Глория Ренатовна и, погладив ее по щеке, добавила: — Какая ты прелесть.

Купив нитки, Глория Ренатовна неспешной походкой вышла из прохлады универмага в солнечную безжалостность центра города, оставив в душе юной продавщицы серебристый звон восхищения и едва заметный укол зависти.

Я не пытаюсь смотреть на мир и осмысливать происходящее. В этом нет особой необходимости. Я иду по Москве и немного удивляюсь разорванному величию этого города. Изнеженная привычка к исключительности рано или поздно сыграет с москвичами злую шутку. Я москвич уже в шестом поколении. Я гуляю по вечерней Москве. Пытаюсь прийти в себя после разговора с Иваном Селиверстовичем Марущаком. Вот пожалуйста! Сошедшая

сума проститутка в ста метрах от подземного магазина на Манежной когда-то площади. Главное — изменить историю вовремя построенным магазином. Девушка что-то ищет в урне возле магазина «Огни Москвы». Длинные молодые ноги в драных колготках. Я улыбаюсь. Квинтэссенция времени и пространства. Главное — успеть, успеть встать в неприличную позу возле чего-нибудь дорогого, блестящего и пахучего, тогда есть шанс приобщиться. Иван Селиверстович — это неоспоримо. Это святое. Дал команду: «Сделай так, чтобы за убийство Сергея Васильева тебя задержали, осудили и посадили в колонию. Документы на имя Василия Яковлевича Буслаева я тебе выдам. Затем выберешь время и уйдешь из мест лишения свободы. Главное — зафиксировать, что это убийство раскрыто. Наш гений припадочный засветился. Нет чтобы творить с утра до вечера, так он приключений на задницу ищет. Генпрокуратура, МВД и ФСБ шум подняли, надо успокоить». На мой вопрос, как же Алексей Васильевич, он ответил: «Сейчас в безопасности. Глаза горят, из ушей дым валит, вдохновенная идея ему спать не дает. Он теперь год из лаборатории вылезать не будет, а ты должен за год попасть в руки правосудия и незаметно уйти из них». С Иваном Селиверстовичем не поспоришь. Я с ним не спорю. Это мой командир. Я обязан смотреть на него как на Бога. Он мой Бог. Вечерняя Москва имеет склонность концентрировать проституток в непосредственной близости от Кремля. Я Улыбаюсь. Сумасшедшая проститутка достаточно молода, чтобы возбудить желание в мужчине среднестатистического, московско-лысовато-рабочего типа, который вот уже года три сидит без работы и торгует газетами. Я улыбаюсь. Навстречу мне идет молодая москвичка в облаке хрупкости. Не проститутка, любительница. Иди ко мне, моя нежная. По твоим глазам вижу, что ты нуждаешься в счастье. Ну что же, оно у тебя будет. Короткое счастье московской женщины. Я улыбаюсь...

ЧАСТЬ II

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Степа Басенок сидел на скамейке осеннего парка и думал: «Уголовный розыск убивает в моей душе лирику». Осенний таганрогский парк был красив той красотой, от которой ни с того ни с сего начинают плакать женщины, напиваться мужчины и выть собаки. Парковая осень в отличие от лесной гораздо меланхоличнее и более напоминает слова и музыку городского романса. Степа Басенок, старший инспектор уголовного розыска, сидел на скамье осеннего парка не зря. На фоне разгулявшейся по всей стране преступности для инспектора уголовного розыска наслаждение осенними красотами и отдых непозволительная роскошь. Несмотря на то что легкие строки недисциплинированной поэзии «Я сидел, я молчал, я скучал, словно мыслью сорвался со скал...» досаждали ему, он не обращал на это внимания, так как его рука, засунутая в карман куртки, сжимала рукоять пистолета Макарова, а миролюбие теплолюбивой южной осени казалось подозрительным. Когда в начале аллеи появились двое молодых мужчин, Степа внутренне напрягся, а внешне расслабленно «заотдыхал» и «занаслаждался» прекрасным южно-осенним пространством. Двое — один из них, высокий и слегка дерганый, нес перекинутую через плечо сумку — шли медленно и о чем-то разговаривали. Позади мужчин, отметил Степан, из боковой аллеи вышел Игорь Баркалов и унылой походкой непохмелившегося человека неуверенно двинулся за ними. Степа продолжал «наслаждаться» осенью и думать: «Высокий немного стеснен сумкой, его локтем в кадык, а Шишу брать на болевой. Где же Савоев?...» Впереди мужчин, со стороны центрального входа, появился Савоев с видом хулиганствующего оболтуса, ищущего не им потерянный кошелек. Распространенный городской тип мужчины, от которого шарахаются здравомыслящие женщины. В тот момент двое мужчин поравнялись со скамьей «разнежившегося» Степана...

Далее все произошло молниеносно и грубо. Вместо того чтобы «локтем в кадык» и «взять на болевой», Степа чисто по-хулигански ударил высокого кулаком по носу левой рукой, и тот метра на три сдвинулся назад, попав в объятия подоспевшего Игоря, а правой произвел бескомпромиссное соприкосновение с челюстью Шиши, недавно освободившегося из мест лишения свободы. Услышав вскрик и лязг челюсти, Степа досадливо поморщился, заломил Шише руку и защелкнул наручники. Впереди слышались крики человека, впавшего от страха в истерику. Это Савоев взял третьего, местного барыгу Алексея Смирнова, Леву, торговца на рынке и своего давнего осведомителя. Если бы посторонний человек увидел этот «захват» со стороны, он сразу бы бросился звать милицию. Долговязый Слава Савоев наносил сидящему на скамейке Леве оплеухи, время от времени сменяемые пинками по ногам.

Но утренний парк был безлюдным и тихим, и поэтому посторонний не мог видеть всех нюансов захвата преступников. Ну а осенний, пронизанный мелодиями грусти и бесконечности парк внимательно и нежно прощался с падающими на землю листьями, и суeta людей его не отвлекала.

Шиша, как и Лева, был осведомителем. Он работал на Степу, а Лева на Славу Савоева. Высокий, у которого в сумке оказалось пятьсот граммов опиума-сырца, краснодарский перевозчик наркотиков по кличке Морс, тоже был осведомителем — Басенок и Савоев этого не знали — у недавно назначенного начальником сочинского отдела УВД по борьбе с наркотиками Ростоцкого. Парадоксальное столкновение интересов...

Законопослушная часть России не любит людей, склонных к сотрудничеству с правоохранительными органами. Правоохранительные органы презирают склонных к сотрудничеству с ними. Криминальная часть России убивает склонных к сотрудничеству с правоохранительными органами. Ни в одной стране мира нет такого большого количества людей, сотрудничающих с правоохранительными органами, как в России.

Общая заинтересованность может быть плодотворной и убийственной, все зависит от заинтересованных лиц. Пятьсот граммов опиума, изъятых из сумки Морса, давали ему право на восьмилетнее путешествие в места лишения свободы. У Шиши появилась возможность использовать сто граммов из пятисот изъятых в своих, меркантильно-внедренческих, целях. Степа Басенок получал полновесное профессиональное удовлетворение, такое же удовлетворение получал Игорь Баркалов, а Слава Савоев из-за Левы не получал такого удовлетворения, и поэтому Лева, из-за того что не сообщил Славе о готовящейся сделке, получил по физиономии, лишился своего торгового места — он продавал легальное пиво и нелегальную водку — на рынке и был водворен на месяц в КПЗ для работы в качестве подсадной утки.

— Работай хорошо, — предупредил его Савоев и уточнил: — С выдумкой.

А в неблизком Сочи никто ничего не получил. Начальник отдела по борьбе с распространением наркотиков, капитан Ростоцкий, еще не знал, что его самый продуктивный агент проявил самостоятельную инициативу и попал не куда-нибудь, а в следственный изолятор родственного для Сочи города Таганрога, который начисто и с негодованием отрицал это родство...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Самой главной заботой орджоникидзевского отделения милиции стала забота о мертвых. Что только не делалось в этом направлении. Патрульные группы, отсылая в пространство матерные слова, несколько раз за ночь покидали черту города и ехали, подпрыгивая на выбоинах, в сторону кладбища. Обходили его дозором и вновь, прибавляя к сказанному в пространство новые слова, возвращались в город. Устраивали засады. Игорь Баркалов, Степа Басенок и Слава Савоев провели несколько ночей в «городе мертвых» в

надежде столкнуться нос к носу с неведомым выкапывателем трупов, но все оказывалось безрезультатным. Территория кладбища была огромной и, в противовес сложившемуся мнению, отнюдь не спокойной. Удалось задержать группу цветочных бизнесменов — круговорот венков в природе, — снимающих со свежих могил новые венки и поставляющих их в многочисленные села вокруг города. Надписи «Дорогому отцу от детей» и «Мужу от жены» всегда актуальны и не требуют изменений. Мир переполнен вторичными продуктами, идеями и рождениями, а мертвые, пример для подражания живым, не обращали внимания на суету вокруг своего имущества. Трое оперативников с удивлением обнаружили, что ночное кладбище обладает нестандартной инфраструктурой психически выпуклой жизни. Оказалось, что мертвые влияют на сексуальную жизнь живых. Глумливая тень Фрейда совсем не избегала могильных надгробий, напротив, она чувствовала себя как дома на свежесасыпанном и оплаканном. Совокуплялись нещадно. Когда в отделение доставили первую пару задержанных в ночном пространстве городского кладбища, сбежались почти все. Всем почему-то показалось, что они стоят на пороге раскрытия какого-то нестандартного и зловещего преступления, и все почему-то ошиблись.

— Что вы делали в час ночи среди могил? — задал Степа вопрос высокому и красивому парню лет двадцати, но спохватился и, придвинув бланк допроса, поинтересовался: — Фамилия?

— Киселев, — сообщил парень и, не обращая внимания на официальность Степана, стал отвечать на первый вопрос. — Что делали, что делали?... — передразнил он инспектора уголовного розыска. — А то не знаете? Сняли меня с девчонки, не знаю, по какому закону, и сюда привезли как преступников.

— Как вам не стыдно, ребята, ей-богу, — искренне возмутился Степан. — Я осветил фонариком могилу, а там хороший человек похоронен... — Степа в глубине души понимал, что говорит что-то не так. — Учитель, Шаповаленко Анатолий Григорьевич, а вы на могиле педагога, да еще в такой мерзкой позе...

— Почему? — перебил его парень.

— Что почему? — не понял вопроса Степан.

— Почему мерзкая? Нормальная, удобная, классическая поза любви.

— Ты лучше заткнись, Киселев, и слушай, — смутился Степан. — Девчонку твою отпустим, женщина, она и в Африке женщина, где положишь, там она и лежать будет. А тебя за надругательство и вандализм можно и на срок окунуть, более того, я считаю, что не можно, а нужно окунуть, будешь сидеть, одним словом. Завтра родственники покойного заявление напишут, и аля-улю, Киселев... — Тут Степа Басенок оборвал себя и строго спросил: — Имя, отчество, место жительства?

— Пойдите. Вы что? — Парень стал бледным и растерянным. — Какое там заявление, какой срок? Вы меня на понт не берите.

— Какой там понт, — устало произнес Степа. — Будешь сидеть как миленький. Года два по первому случаю дадут, а так обычно лет десять набалтывают, если не пятнадцать. — Не дожидаясь реакции парня, Степа вновь и еще строже повторил вопрос: — Имя, отчество, место жительства?

— Да вы что?! — чуть не расплакался парень. — Я же без всякого умысла. Я...

— Имя! — грозно одернул его Степан.

— Геннадий я... — У парня стала подергиваться голова. — Я же...

— Где проживаешь? — убивал надежды Степа Басенок.

— По Инструментальной... — разрыдался Геннадий Николаевич. — Возле бани, Менделеевский переулок... — Кладбищенский интим становился ему поперек горла. — Я больше не буду!

— Ладно, — смягчился Степан. — Вижу, осознаешь свою ошибку. — Ничего не слышал об ограблении аптеки возле кинотеатра «Родина», это кто-то из ваших краев?

— Жеся это, Бондаренко, и Зара, Заратуенко, это они, — сразу же стал успокаиваться парень.

— Жесю знаю, — заметался в душе Степана огонь радости. — А ты уверен, что это они? А куда лекарства украденные дели?

— Зара к бабке их увез, в Марьевку, и здесь где-то в городе осталось, но я не знаю где. Наркоту они в зону хотят Рудiku отправить, ему недавно трешник за хулиганку дали.

Парень окончательно успокоился и даже, судя по лицу, не прочь был позавтракать.

— Вот молодец, — похвалил его Басенок. — Вот это я понимаю. Сразу видно, что ты на кладбище по ошибке, и я тебя защищу от нападков закона... — Степа протянул парню бумагу и ручку. — Ты, Гена, напиши, что мне рассказал про Жесю и Зару, это для отчета. В сейфе лежать будет, никто не увидит, и я тебя отпускаю, хотя, конечно... — Степа сокрушенно покачал головой. — Нарушаю все правила, сам в тюрьму могу попасть, но все равно тебя отпускаю, парень ты хороший. — Степа прервал свои излияния, взял из рук парня исписанную бумагу, прочел ее и завершил расследование: — Ну вот, можешь идти домой. Поешь как следует... До встречи, Геннадий, мы теперь часто будем видеться.

Степа Басенок радостно зевнул и подумал: «Конец дежурства». Конец дежурства был результативным. В камере временного задержания после первичного допроса уже находились Жеся и Зара. Во время задержания в квартире и того и другого в общей сложности были обнаружены разовые шприцы, барбитула в порошке, бинты, вата, сто флаконов аспирина, триста плиток гематогена, пятьдесят пустых бутылок из-под бальзама «Бйттнер» и столько же пустых бутылок из-под бальзама «Демидовский». Наркотики, которые выдавались по рецептам для больных раком, обнаружили у бабушки Заратуенко в деревне Марьевке. Они были спрятаны в сарае с дровами, и бабушка, Тамара Егоровна, даже не подозревала об этом. Удел всех бабушек не подозревать своих внуков.

«Домой! — воодушевлено подумал Степан. — Спать!» В дверь заглянул Игорь Баркалов. Увидев Степана, вошел, устало развалился на стуле и сообщил:

— У нас не кладбище, а полигон для сексуалистов с надорванной психикой. Ночью еще двоих задержали на... Ему сорок восемь, а она — проститутка за выпивку, молодая, но старее старухи. Я чуть со смеху не умер...

— Ууу... — произнес Степа, вставая и направляясь к двери кабинета.

— Угууу... — согласился с ним Игорь и, поднявшись, последовал за Степаном.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Осень на улицах города выглядела бесправной и поэтому вела себя вызывающе. Со времен лета и активной работы по кладбищу в пространстве мира изменились акценты. Все стало похожим на надежду, заболевшую безнадежностью. Южная осень, рождающаяся из комплекса неполноценности, безобразна, как опустившийся до самого предела бомж, провоцирующий власти с целью попасть до следующей весны в тюрьму или, на худой конец, в спецприемник. Вот уже три месяца мертвых никто не трогал. Расследование шло ни шатко ни валко. Версии были призрачными и недостаточно безумными, они нехотя возникали и почти сразу же и безвозвратно гибли во время проверки, не выдерживая оперативной логики. Неожиданно возникшие из небытия судьбы Ольги Останской и Любы Савеловой никак не могли вернуться обратно — в забвение. Прикованные к материалам уголовного дела, они от этого дела и зависели. Нельзя обрести покой на Небе, если в любой момент следователь или оперуполномоченный может тронуть твою душу...

— Нужно следить за поголовьем проституток под «крышей» Рогонянов. Я уверен, как только кто-нибудь из них попадет под машину или повесится, так сразу же нужно возле могилы делать засаду, придут выкапывать... — говорил Слава Савоев. — Останская и Савелова тому доказательство, обе под Рогонянами были, обе покинули жизнь преждевременно и трагически.

Савоев сидел на краешке стола и ел бутерброд с колбасой. Его рассуждения

напоминали снежинки, падающие на подставленную ладонь, вот они есть, вот их нет, как будто бы и не было, хотя, если очень придирчиво вспомнить, они все-таки были...

В кабинет оперуполномоченного вошел Самсонов и начальственно остановился посередине. Савоев вскочил со стола.

— Здравствуйте, Семен Иосифович.

— Здравствуйте... — Самсонов подошел к Игорю Баркало-ву. — Баркалов, вы рейд по карманникам сегодня будете проводить?

— Да, будем, — ответил Игорь. — Сейчас оперативники подойдут, и начнем.

— Я кое-какие сюрпризы приготовил, — не устоял Савоев. Как минимум камеры три надергаем щипачей.

— Знаешь, Савоев, — с опаской произнес Самсонов, — никаких фокусов, а то мне понадобится ровно шесть секунд, и ты будешь зекам баланду в КПЗ раздавать. Где Басенок?

— Звонил, сейчас будет, — сообщил Савоев, и по его лицу было видно, что во время предостережений Самсонова он был занят своими мыслями.

Оперативники, пришедшие для выполнения операции по очищению города от карманных воров, напоминали туркменских студентов городского происхождения в центре Ашхабада. Они были смуглы, одеты в белые рубашки с короткими рукавами и черные брюки с подозрительно глубокими карманами. Судя по чертам лица, цвету глаз и пляжному оттенку смуглости, к туркменским студентам, и тем более к городу Ашхабаду, они не имели никакого отношения. Это была так называемая добровольная дружина, состоящая из студентов радиотехнического института.

— Восемь человек, — удовлетворенно хмыкнул Степа Басенок. — Делитесь на четыре группы, три группы пойдут на зачистку троллейбусов, точка отправки у всех — Центральный рынок, а одна группа — по самому рынку, будет работать с тетей Лизой, Савоев все объяснит. Будьте внимательными, осторожными и быстрыми, наши карманники имеют богатый опыт, традиции и работают мастерски, с выдумкой. — Степа закончил инструктаж и повернулся к Савосву: — Ну все, води ребят на маршрут. Ты две недели их обучат, тебе и карты в руки.

— Ну да, — согласился с ним Савоев и кивнул студентам: — Пойдем.

— Извините, дайте пройти, — пробивался от задней двери троллейбуса к передней Вислюк. — Пропустите, пожалуйста...

Проталкиваясь, он мимоходом прикасался телом и рукой к одежде сплоченных в троллейбусном коллективе граждан в поисках выпуклости по имени «полный бумажник». Вислюк никогда не путал полный бумажник с записной книжкой или с пустым бумажником. В нем жил странный рефлекс на «карманные» деньги. Вот его рука слегка прошмыгнула по брюкам какого-то парня, и легкие, как пузырьки лимонада, мурашки пробежали от руки к шее и кончику носа, сообщив Вислюку информацию о «шмеле» с деньгами в кармане этих брюк. Карманник никогда не должен смотреть на жертву, более того, даже думать о ней не должен. Есть брюки, сумка, пиджак, трусы, в конце концов, но человека с ними — в них — нет. Внутренний мир человека берет на себя одежда, носительница «гаманца с воздухом». О времена, о деньги! К любому карману, где лежат деньги, нужен индивидуальный подход. Рука его влилась бесшумной струей в карман и, притянув бумажник, стала истекать в обратную сторону. «Что-то карман глубокий», — начал мысленно удивляться Вислюк, но в ладонь впилась боль, и, спасаясь от нее, Вислюк быстро дернул руку из чужого кармана.

— Уважаемые граждане, господа! — Савоев появился рядом с оперативником, в кармане которого «жила» рука Вислюка. — Познакомьтесь, это Вислюк, вор-карманник. — Савоев указал на Вислюка, пользуясь возникшей вокруг них свободой пространства. — Вот так надергают они наших кровных и заработанных, потом строят особняки, покупают «мерседесы», идут в политику...

Савоев нес ахинею, но делал это сознательно. Рука, засунув тая в чужой карман и

зафиксированная в нем рыболовным крючками, которые Савоев велел оперативникам нашить внутри карманов с деньгами, была символична и располагала к антикриминальной агитации.

— Пошли в тюрьму, начальник, — угрюмо посоветовал Савоеву Вислюк. — Этим быкам объясняй — не объясняй, все равно их обворовывать будут.

— А-а-а! — слышалось в задней, уплотненной, части троллейбуса, и радостный голос второго оперативника с искрометным азартом рыбака сообщил: — Второго подсек!

Савоев протиснулся в заднюю часть троллейбуса.

— А это, дорогие граждане, всем нам известный вор-карманник Стукань. Он подумал, что дважды в одно место снаряд не попадает, и, как видите, ошибся.

Стукань, двадцатипятилетний вор-рецидивист, с изумлением рассматривал вывернутый карман оперативника и свою руку, буквально «пришитую» к нему десятком рыболовных крючков.

— Ну ладно, пойдем в тюрьму, — провозгласил Савоев, защелкивая наручники на запястьях «рыбаков» и «рыбы».

Игорь Баркалов сидел в кабинете «базаркома», участкового городского района, а оперативники ходили по рынку вслед за бабой Лизой, общественным ветераном по борьбе с ворами-карманниками. Усталой походкой замордованного жизнью и бытом провокатора баба Лиза, Елизавета Федоровна Лобова, преподаватель судомеханического колледжа на пенсии, с тяжелой хозяйственной сумкой ходила между рядами, прицениваясь то к луку, то к моркови, а то и просто к большому и толстому куску сала с розовыми прожилками мяса. В сумке лежали большая рыбина — судак, более известная в городе как сула, двухкилограммовый кусок свинины, пакет с гречневой крупой, кочан капусты, блок сигарет «Ростов», пятьдесят коробков спичек, и сверху этого, из-под коробков со спичками, нагло выглядывал толстенький, слегка приоткрытый, чтобы можно было заметить листики крупных купюр, бумажник. Один из внештатных «тихушников», студент Кучеров, даже поймал себя на мысли, что он во времена периодически возникающего студенческого безденежья мог бы и не устоять перед такой соблазнительной и легкой приманкой.

Ближе к рыбным рядам баба Лиза переложила сумку из одной руки в другую и сосредоточенно подумала: «Надо было сумку полегче скомпоновать». Рыбные ряды, как всегда, были живописными и, как всегда, напоминали людям, что самое Щедрое, самое простое и самое богатое море России — Азовское. Огромные судаки, вобрав в свои глаза зеленовато-радужную стеклянность воды, раскрывали пасть с острыми, игольчато-частыми зубами. Чебаки, протестуя против отсутствия воды хлесткими ударами хвоста о прилавки, несли в себе более трех килограммов плоти, солидности и равнодушного достоинства. Саблеобразные чехони уже не протестовали, они были нежными и поэтому дремали, слегка закрывая и раскрывая рты на своих вытянутых и слегка устремленных вверх мордочках. Бычки, суперделикатес в прожаренном до хруста состоянии в центре яичницы с помидорами, в живом виде напоминали мародеров, собранных для переключки в местах лишения свободы. Тарань, шедевр вяления, истекала вкусом, розовой прозрачностью и чревоугодной нежностью. Необразованная часть человечества умудряется называть таранью даже вяленого леща и воблу. Эта часть человечества неблаженна, как неблаженна и та часть человечества, которая не пробовала вяленого рыбца. Криминальных и вечно преследуемых осетров рубят топором и продают чурбаками, ибо мало найдется дерзких кошельков, способных осилить Самого целиком. Кефаль невозмутимо, со скрытым обаянием, расположилась в Шеренге товаров, и её стремительная солидность формы притягивала взоры. Из «кучек по десятку» расплзались крупные раки. Ведра свежесоленной и кучки вяленой хамсы серебрили пространство. Сазаны с чешуей в детскую ладошку его золотили. Толстолобики демонстративно разлеглись на прилавке и напоминали каждому покупателю, что их тела хватит на все, и этого «всего», вареного, жареного и обалыченного, будет много. Сомы расплылись в саркастической усатой улыбке и как бы намекали, что в них еще больше

«всего», и это все, в противовес «свинячьему толстолобству», на вкусовой порядок выше. Баба Лиза поморщилась, слишком сильно пахло свежей рыбой, от этого запаха у нее начиналась боль в суставах. Парадоксальная память тела о какой-то начисто забытой, морской и чрезмерной свежести в молодости.

Игорь Баркалов смотрел в окно, выходящее на рыбные ряды, из мясного павильона, в котором находился кабинет «базаркома», и видел, как известный городской щипач по кличке Люцик подошел к бабе Лизе и что-то строго стал ей выговаривать, указывая пальцем на сумку. Баба Лиза горячо и агрессивно ему отвечала. Два оперативника дернулись в их сторону и в сомнении застыли рядом, оглядывая мусорный бак с видом оптовых покупателей черной икры. «Зараза, Люцик, все понял и издевается, скотина, — с досадой подумал Игорь и, взглянув на часы, решил: — Пора в отделение возвращаться, клева уже не будет».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Московская осень начинается летом, а непосредственно осенью Москва погружается в нечто, напоминающее ярко оформленный и припадно-оптимистичный насморк. Осень в Москве — это даже не время года, это какая-то суетливая, обескураживающая своей глобальностью магазинность мировоззрения. Дисциплинированная и сосредоточенная готовность купить и вместе с покупкой продаться. Всеобщая готовность к отовариванию и предоставлению товара. Только в Москве можно встретить ужас перед возможным голодом и грядущей космической катастрофой, провинция приземленней, проще, грубее и жизнеустойчивей. Москва меланхолична, цинична и акцентированно невменяема в силу агрессивной экспансии собственной самовлюбленности с ярко выраженным синдромом «детального самоодурения». Москва — великий город, без сомнения...

На столе полковника Хромова звонил телефон, но Хромов его не слышал, так как находился далеко от своего кабинета в МУРе, и если бы в районе ВДНХ кто-то нужный захотел позвонить ему, то позвонил бы по мобильному. Убитых было трое, крепкие мужчины в дорогой одежде отрицающего законопослушность стиля. Так одеваются только бандиты, внедренные оперативники и оптовые торговцы мясопродуктами, решившие вместе с семьей посетить театр.

Криминальный мир Москвы стрелял друг в друга с такой поспешностью и азартом, что ставил под сомнение само существование криминального мира, очертания которого были столь гибкими и мобильными, что под это понятие регулярно попадал мир финансовый, промышленный и политический.

— Заказные и разборочные убийства даже не стоит расследовать, а сразу квалифицировать как самоубийство, — предложил Хромов на заседании коллегии МВД. — Все, кто был убит по этим мотивам, в конечном счете заслуживают этого. Заказывают убийство лишь тех людей, которые готовы заказать его для других.

— Ну да, — ответили Хромову на коллегии, — хорошо бы, но нельзя...

Оперативники закончили осмотр места преступления, опрос очевидцев и фиксирование их в качестве свидетелей. Из троих убитых двое были похожи на честных и порядочных людей, а один — в кроссовках, тренировочных брюках «отдай деньги», черной «брусиловской» куртке и коротко подстрижен. В каждом, чуть больше, чуть меньше, сидело около ста граммов свинца, что говорило о демонстративном, устрашающем убийстве. Хромов подошел к телу седого, лет под пятьдесят, мужчины, уткнувшегося лицом в асфальт, и приказал перевернуть его. Мужчина, как и двое других, был ему незнаком. Хромов подозвал старшего оперуполномоченного Старикова и в приказном тоне произнес:

— На этот раз никаких глухарей, преступник должен быть наказан.

— Я понимаю. Самому противно, но вот он, — Саша указал на седого, которого до этого рассматривал Хромов, — мне знаком. Живет со мной в одном подъезде, выше этажом. Доктор биологических наук. Вот его автомобиль... — Стариков показал настоящий недалеко

от убитых «вольво». — Видимо, шли к Машине, но им не дали пройти.

— Видимо, — равнодушно буркнул Хромов.

— Зовут его Ананий Сергеевич Тассов, — не унимался старший оперуполномоченный. — Его «вольво» стоит во дворе под моими окнами, и раза четыре за ночь срабатывает сигнализация,

— Даже не знаю, — нахмурился Хромов. — Как бы подогнать, что ты применил оружие по закону? Я бы его, конечно, тоже застрелил, но не среди же дня на многолюдной улице?

Полковник Хромов шутил с таким отстраненным от шутки видом, что Саша не выдержал и громко расхохотался, чем вызвал недовольное удивление в толпе зевак, стоящих перед зоной оцепления.

— Вот, — продолжил он, испуганно оборвав смех. — Стриженный, по всей видимости, телохранитель, при нем просроченное удостоверение сотрудника МВД на имя Блудова Егора Ивановича. А третий нам незнаком.

— Ладно. — Хромов открыл дверцу служебной машины. — Заканчивай здесь, а я к себе. Завтра доложишь о результатах.

Черкизовский рынок, по мысли Хромова, требовал фронтальной зачистки бульдозерами, кардинальной дезинфекции напалмом, тщательного заглаживания асфальтовыми катками и постового, не пускающего на это место детей в течение пятидесяти лет.

— Где здесь вьетнамское посольство? — спросил Хромов, подходя к постовому милиционеру. Свой «жигуленок» он оставил в двухстах метрах от входа на рынок, возле автобуса с омовцами, которыми командовал Спартак Хачалава, друг его сына.

— Ваши документы для начала? — не стал отвечать на вопрос постовой.

Хромов, и это было для него полной неожиданностью, даже похолодел от злости на себя. Он уже столько времени был крупным начальником, которого постоянно кто-то сопровождает и находится рядом, что документов при себе не оказалось — никаких. «Вот это здорово», — удивился Хромов и посмотрел на постового. Постовой был молод и настроен на постоянную готовность к задержанию опасного преступника, что в какой-то мере делало его невменяемым. «Да», — подумал Хромов и осторожно поинтересовался:

— Зачем тебе мои документы?

Этого оказалось достаточно для того, чтобы постовой вытащил рацию и вызвал подкрепление. Подкрепление в количестве двух молодых милиционеров с такими же невменяемыми лицами появилось мгновенно и, пренебрежительно оглядывая Хромова, окружило его. Полковник опешил, но ребята ему понравились. В это время из толпы всасывающихся в рынок потребителей дешевого товара вынырнул оперативник в штатском и, показав постовым свой документ, обратился к Хромову:

— Господин полковник, чем могу помочь?

Лица окруживших Хромова постовых почти мгновенно стали индивидуальными и каждое по-своему интересно.

— Ты кто? — поинтересовался Хромов.

— Я младший оперуполномоченный Ласточкин, а вас я видел в Кремлевском Дворце съездов на Дне милиции, вас министр «Знаком Почета» наградил и автомобилем.

На этом месте лица постовых снова стали невменяемыми, но с обратным, почтительным, как и у всех в присутствии начальства, знаком.

— Было дело. — Хромову нравились такие моменты. — Награждали... — как бы отмахнулся от такого пустяка полковник. — Ну ладно, не мешайте, я посмотрю структуру этого рынка, а то еще оперативки, докладные, доклады на эту тему. — Хромов почесал переносицу указательным пальцем. — А я люблю сам все понять, воочию, так сказать, увидеть рыночную экономику.

Хромов обошел все рынки столицы. Без свиты, в скромном одеянии москвича четвертого уровня благосостояния. Он двигался в крикливом пространстве наполненных беззаконием по самую завязку московских базаров и думал: «Когда Петр Первый прорубал окно в Европу, задняя стена дома обвалилась на Азию». Казалось бы, начальнику следственно-оперативного отдела и замначальника МУРа по оперативно-разыскной работе как-то не к лицу знакомиться с рыночно-базарной преступностью таким образом, но Хромов и незнакомился с тем, что хорошо знал. Он просто ходил и смотрел.

— Эй, купи, дорогой, цветы для девушки. Розы, и она твой, — прицепился к полковнику мужик с явно мытищинскими чертами лица. — Купи, давай, нэ жалей для любимой!

— Ты негр или китаец? — спросил Хромов у мужика, пытливо глядя ему в глаза.

— Русский, — опешил мужик и, торопливо отходя от Хромова, зло бросил: — Негр!

Саша Стариков, увидев полковника Хромова в интернациональной толпе Черкизовского рынка, не удивился — Хромов был одним из самых нестандартных начальников МУРа.

Стариков не стал подходить к Хромову, справедливо решив, что, если тот пришел на Черкизовский рынок один, у него, старшего оперуполномоченного, нет никаких оснований наделять полковника напарником. Но под охранительное наблюдение он его взял и стал «вести». Через некоторое время Стариков понял, что он не одинок в этом занятии, чуть левее от Хромова заметив щуплую фигуру Ласточкина, знакомого опера из местного отделения. «Не дают начальству насладиться одиночеством, слиться с народом», — мысленно сыронизировал Саша и увлеченно продолжал «пасти» любимого учителя. «Оглоеды, — подумал Хромов. — Нашли ффраера, думают, не замечу».

Погруженный в мрачное созерцание окружающей его торгово-крикливой действительности, Хромов медленно двигался по вьетнамскому переулку Черкизовского рынка и слегка напоминал короля Лира, который в изгнании слегка пополнел и обзавелся новой семьей и одеждой. Суетливый поток посетителей и аборигенов рынка как бы обтекал, не задевая, ушедшего в созерцание полковника, потому что два сержанта патрульной службы ненавязчиво, в рабочем порядке, шествовали в трех метрах впереди него, а два, в той же ненавязчивой манере, позади. На лицах патрульных отражалось такое сильное желание кого-либо в чем-нибудь заподозрить, что поток людей инстинктивно обтекал пространство их шествия. Вскоре Хромов обратил внимание, что продавцы при его приближении подобострастно улыбаются и кланяются, что, несмотря на «вавилонистую» плотность толпы, идти ему удобно. «Обложили, охламоны», — добродушно подумал Хромов и, делая вид, что ничего не заметил, продолжил движение к центру рынка.

Не выпуская муровского полковника из виду, Ласточкин мимоходом отметил, что вьетнамский авторитет по кличке Хонда, выходя из кафе посередине рынка, при виде полковника нервно вздрогнул, но тотчас же взял себя в руки и спокойно, с видом что-то вспомнившего, развернулся, возвращаясь в кафе. Ласточкин быстро вошел к кафе, пересек его и вышел с другого входа почти в одном шаге за авторитетом.

— Стой! — Он положил руку на плечо Хонды. — Поговорить надо.

Хонда, не вздрогнув и не повернувшись, остановился и, глядя прямо перед собой, спросил:

— Ты сево, опер?

— Нисево, — передразнил его Ласточкин. — Ты кого с той стороны увидел, почему испугался?

— Волкодаву Хромова видел, он мене сажал тюрьма, засем мне итити в ее сторона, я луцсе другой сторона итити.

— Никакой другой сторона тебе не итити, — успокоил Ласточкин Хонду, защелкивая на нем наручники. — Тебе итити со мной поговорить.

— Да, вопросов много, — раздалось позади Ласточкина, и он быстро оглянулся, увидев

улыбающегося Хромова, из-за спины которого подмигивал ему Стариков.

— Ну да, — смущенно поддержал Хромова Ласточкин. — Вопросы всегда найдутся...

Вьетнамско-китайско-индийский-дружба! Афгано-туркме-но-турецкий-братство! Кавказский дух вибрировал на территории Черкизовского рынка, находящегося посередине России. Славянство, поигрывая резиновыми «демократизаторами», с равнодушной и ничего хорошего не обещающей заинтересованностью охраняло этот интернациональный вибратор, легким презрением сплевывая в сторону огромной толпы своих соплеменников, всасывающихся в рынок для подкормки и поддержки интернационального и на удивление прожорливого торгово-криминального духа. Черкизовский рынок был живописен, как помойная яма, в которую вылили цистерну французских духов и украсили подвядшими орхидеями.

Полковник Хромов посмотрел на Хонду, тот сидел перед ним на стуле с видом буддийского монаха, и спросил:

— В морду хочешь?

— Нет, не хосю, — поспешно ответил Хонда.

В кабинет, любезно предоставленный Хромову в местном отделении, вошел Саша Стариков:

— Он, видимо, в морду хочет?

— Нет, не хосю, — заверил Сашу Хонда и резиново растянул на своем лице заискивающую улыбку.

Хромов усмехнулся. Он знал, что Хонда говорит на русском великолепно и безо всякого акцента. Знал и Саша Стариков, ему об этом сказал Ласточкин. Туповатая форма дознания «в морду хочешь?» была насквозь искусственная и являлась частью психологической игры, в которой опытные сыщики и надеялись добыть хотя бы немного информации о демонстративном убийстве троих человек в районе ВДНХ. У Хромова было подозрение, что один из убитых имел какое-то отношение к Хонде.

— Что это, Хонда? — Хромов стремительно протянул руку и, оттянув на Хонде свитер, вытащил поверх него золотую цепочку с причудливым медальоном из какого-то странного, отсвечивающего розовым, металла.

— Нисего не знаю, — вспыхнул Хонда. — Ты чё ко мне прибодался, полковник?

После этих слов азиатская беспристрастность Хонды слегка увяла, и из узких прорезей глаз выглянул устоявшийся, истеричный и жестокий российский уголовник. Хонда пробыл в лагере четырнадцать лет благодаря Хромову, раскрутившему его на этот срок за убийство и ограбление русского корейца-коллекционера, москвича в третьем поколении. Хонда тогда еще был не Хондой, а лейтенантом вьетнамской освободительной армии Шон Тинем (Горный Дух), находившимся в России на излечении и отдыхе после ранения...

Увидев медальон, Саша Стариков удивленно хмыкнул и с немым восторгом посмотрел на Хромова. Точно такой же был на одном из трех убитых возле ВДНХ.

— Это изображение духа-покровителя Ким Куи, золотая черепаха, — объяснил Хромов старшему оперуполномоченному. — Дух хороший, добрый, но золотое его изображение могут носить лишь избранные мыонги, а это настораживает. Я за всю жизнь встречаю лишь второго такого избранного. Один убит вместе с двумя гражданами России, наверное, те еще гуси. А второй — Хонда, базарный главшпан прищуренных. Вот и возникает вопрос: зачем нам такие избранные?

— Не нужны! — громко согласился с полковником Саша Стариков и обескураженно спросил: — Что с мыонгом будем делать?

— Пока в КПЗ, — задумчиво решил Хромов. — Там отопление включили, мерзнуть не будет.

— Прокурора санкция не давать! — горячо запротестовал Хонда.

— Давать, давать, — успокоил его Саша Стариков и, положив свою могучую руку на шею задержанного, похлопал по ней. — Еще как давать.

Самым интересным во всем этом Хромову показалось условное обозначение никому не нужной игры. Хромов и Саша Стариков знали, что Хонда говорит на русском даже лучше некоторых русских.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ананий Сергеевич Тассов родился и вырос в Москве. Его отец, Сергей Игоревич Тассов, родился и вырос в Москве. Мама, Екатерина Власовна Тассова, в девичестве Студнева, коренная москвичка, всегда говорила: «В нашей семье нет ни одного инородца, все коренные москвичи». Поэтому Аник Тассов всегда считал, что титул «москвич» — это что-то на уровне родового дворянства с пожизненными и передающимися по наследству привилегиями. Окончив школу, Ананий поступил на биологический факультет МГУ, он чувствовал в микробиологии невнятные акценты несбывшегося совершенства. Аняния возмущало, что слово «человек» звучит неоправданно гордо и самоуверенно, а маленькие, не видимые глазом и даже через простой микроскоп, брусчатые хрусталики надмолекулярно-атомного действия, которые делают поступки человека осмысленными, незаслуженно оставались в тени. После окончания университета Ананий остался в аспирантуре, защитил кандидатскую и почти сразу же докторскую диссертации, стал Ананием Сергеевичем, холостым, молодым, перспективным ученым, которого вот так, небрежно, свел на нет великий уравниватель «АКМ», нашпиговав циничным свинцом возле ВДНХ, в компании странных и двусмысленных личностей.

— Вечно эти ученые в какое-нибудь дерьмо влезут, а мы разгребай лопатой все их высшие стремления, — сердился Хромов, внимательно глядя на Сашу Старикова. — Так, говоришь, информация о Тассове засекречена по высшему государственному уровню?

— Да, — подтвердил Саша. — Выше не бывает, надо ФСБ подключить.

— Ну да, — уныло кивнул Хромов. — Родственная организация, им позвонишь, и они тут же всю информацию тебе на блюдечке преподнесут. — Хромов немного помолчал, торжественно подняв кверху палец, назидательно произнес: — Но существует мужская дружба! — и потянулся к телефонному аппарату, изобразив на лице непривычную для Саши дружелюбную усмешку.

Тарас Веточкин, возглавив отдел аналитических инсинуаций ФСБ, ни капельки не изменился. Он был по-прежнему молодым, как и все сорокалетние, веселым, в меру циничным и не до конца искренним в тех ситуациях, когда это имеет смысл.

— Да! — резко бросил в телефонную трубку Веточкин.

— Нет! — ответили ему в ответ и выжидательно замолчали.

— Хромов? — полувопросительно поинтересовался Веточкин и сам себе ответил: — Ну да, Хромов.

— Тарас, тут такое дело, что тошно от безысходности. Дай мне информацию по Тассову Ананию Сергеевичу, его недавно застрелили, а он весь из себя засекреченный, биолог, ученый.

— Информацию? — удивился Веточкин. — По Тассову? — Не отнимая от уха трубку, он стал щелкать по клавиатуре компьютера. — ГРУ или ЦРУ, разницы никакой, доволен?

— Слушай, — беспардонность Хромова не имела границ, — а как у тебя отношения с Вьетнамом, вась-вась или аля-улю?

— Аля-васю, васю-улю... — Веточкин достал бумажник, пересчитал деньги и выщелкнул на дисплее: — Вьетнам.

— Хонда, бандюк с Черкизовского рынка, — с надеждой проговорил полковник.

— Леонид Максимыч! — возмутился Веточкин. — Это ФСБ, а не спецприемник для бомжей.

— Да ты что? А бывшего лейтенанта вьетнамской армии Шон Тиня знаешь? Он у нас

за ограбление и убийство сидел. Освободился и остался в России, теперь на базаре земляков терроризирует.

— Шон Тиня? Информации нет, — соврал Веточкин. — Ищи, полковник, по своим каналам.

— Ага, — дал ему понять Хромов, что все понял. — Откуда у вас вообще информация о чем-либо, и вообще — почем дрова в Ростове?

— Там все бесплатно, Хромов, пошли лучше вечером выпьем чего-нибудь, я кефир люблю, а ты?

— В девятнадцать тридцать жду тебя на служебной машине возле Соловецкого камня. Свою машину не трогай. Я тоже кефир люблю и знаю, как он по мозгам шибает.

— В девятнадцать тридцать пять! — категорически настоял на своем Веточкин и положил трубку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Да-а, — скептически произнес, ни к кому не обращаясь, Хромов, покидая салон «ауди» и с наслаждением делая несколько наклонов и приседаний, чем несказанно всполошил пробегающих мимо прохожих, которые не предполагали, что солидный, сидящий человек, вышедший из солидной, официальной машины, начнет заниматься разминочной гимнастикой в центре вечерней Москвы. Оперевшись руками о скамью, Хромов сделал несколько энергичных отжиманий.

— Вот черт, а я лыжи забыл надеть. — Стоя возле отжимающегося полковника, Веточкин был похож на заботливого тренера.

— Ладно тебе, лыжи, — добродушно проворчал Хромов, прекращая свою разминку. — Куда пойдем?

— Да вот, — махнул рукой Веточкин в сторону «Детского мира», — бар хороший в «Савое».

— В «Савой»? — Хромов скептически хмыкнул. — Там полно иностранцев. А ты же знаешь, кстати, пить в окружении иностранцев — это то же самое, что плясать на похоронах.

— Ха-ха! — Веточкин развеселился. — Дремучий ты, Хромов, иностранцы сейчас такие восприимчивые к России, что после недели жизни в ней забывают все свои европейские навыки, не только спляшут на похоронах, а еще и самому виновнику торжества бокал шампанского в руку всунут.

— Это японцы, что ли? — недоверчиво, даже как-то заносчиво спросил Хромов, отходя от Веточкина к служебному «ауди» и доставая с заднего сиденья кожаный штеровский плащ.

— Японцы после азиатского кризиса в «Савое» не останавливаются, — успокоил Хромова Веточкин, с досадой рассматривая сюрпризное московское небо, бросающее вниз холодные насморочные осадки. — Они на Курском вокзале в гостиничных вагонах ночуют, одна минута — одна иена.

— Ну что ж, — решился Хромов, застегивая плащ. — Раз нельзя к «Яру», то пошли в «Савой»...

Охрана при виде Веточкина, решительно входящего в холл гостиницы, дружелюбно закивала головами. Хромов, немного задержавшись при входе, вошел как лицо, не связанное знакомством с Веточкиным. Охрана насторожилась, но, внимательно посмотрев в лицо Хромова, столь же дружелюбно, хотя и неуверенно, закивала головами — на всякий случай.

Раздевшись в гардеробной, Хромов и Веточкин вошли в ресторан. Ресторан и бар были великолепными в смысле доброты поесть и выпить.

— Пошли в пельменную, — сразу же стал настаивать Хромов, вспомнив, как утопил в чисто московском загуле деньги на новый автомобиль в компании с Веточкиным, Лапиным, Мироновым и подобранным ими по дороге агентом УЖАСа Рудольфом Агеевым.

— Ну уж нет, — категорически отверг это предложение Веточкин. — Я угощаю.

— Да что ты говоришь, — разозлился Хромов и, подойдя к стойке бара, небрежно бросил: — Два по сто «Перцовки».

Бармен с недоумением стал рассматривать витрину бара, затем с уважением посмотрел на Хромова, нагнулся и из сокровенной глубины извлек хрустальную испанскую бутылку с десятком выдавленных на ней медалей. Благоговейно разлив по стаканчикам, доверительно шепнул Хромову:

— Первач, батя лично для меня делал, тройная очистка через березовую золу, песок из песочных часов и уголь, на красном перце «огневка» настоящая, шестьдесят градусов, маде ин Неклиновка Ростовской области.

— Добро, — кивнул Хромов и махнул рукой Веточкину, показывая на стаканы.

Веточкин о чем-то оживленно разговаривал на другом конце стойки с немолодым мужчиной. Глубоко запавшие глаза с темными кругами вокруг, обвисшие щеки и весь вид показывали, что мужчина не жилец на этом свете. Увидев сигналы Хромова, Веточкин, извинившись, подошел и взял протянутый ему стакан.

— Ужинаем здесь.

Через несколько минут глубоко потрясенный Веточкин, восстановив дыхание, спросил у Хромова сдавленным голосом:

— Это жидкий перцовый баллончик?

Хромов, настороженно глядевший на него, ответил вопросом на вопрос:

— А что? — И тоже выпил.

Придя в себя, Веточкин смотрел на Хромова восхищенными глазами.

— Хорошо, ей-богу, хорошо!

За ужином наконец-то заговорили о главном.

— Знаешь что, Хромов, — осторожно начал Веточкин и с подозрением покосился на соседний столик, где веселилась шумная компания телевизионщиков, побросавшая на пол аппаратуру. — Ты УЖАС помнишь?

Помнил ли УЖАС Хромов? Конечно, помнил. Точно так же, как помнил о нем каждый член следственно-оперативной группы, работавший когда-то над раскрытием нестандартного убийства Сергея Васильева. Почти каждый из группы чувствовал себя тогда уязвленным. Профессионалы не любят, когда к ним относятся насмешливо, с пренебрежением.

— Ну? — не стал отвечать на вопрос Хромов и тоже с подозрением покосился на телевизионщиков.

— Вот что, — решительно проговорил Веточкин. — Молчим, едим, принимаем еще по сто грамм перцового средства самозащиты и уходим.

— Куда?

— В пельменную, — весело рассмеялся Веточкин.

Пельменная оказалась рестораном «Испанская кухня». Веточкин и Хромов были людьми опытными и поэтому еще по дороге стали выяснять свои финансовые возможности. У Хромова в кармане лежали снятые утром со счета деньги на «давно присмотренную шубу» для жены, а Веточкин получил зарплату, к тому же ему вернули десятитысячный долг за проданную «шестерку». «Нормально!» — решили они, и ресторан «Испанская кухня» оказался как нельзя кстати.

— Я недоумеваю, — говорил Хромов Веточкину, — почему ГРУ? Нормальное государственное учреждение, защищающее интересы страны. А мы постоянно натываемся на его деятельность в виде трупов и пытаемся, что самое смешное, возбудить по ним уголовные дела. Что-то перекопилось за последние пятьсот лет в Государстве Российском.

— Да, — согласился с ним Веточкин. — Трупы, сотворенные государственными учреждениями, всегда служат укреплению мира и созидательного труда, а Тассов Ананий — ученый-биолог, даже больше, он работал в области генетических форм, направленных на

создание человекообразных носителей трансплантационных органов для пересадки человеку.

— А ГРУ здесь при чем? — не сдавался Хромов, все сильнее и сильнее увлекаясь поеданием стоящего перед ним блюда. — Это разведка, там хорошие ребята работают, Искру Стефана, например, ты знаешь.

— Стефан, во-первых, совсем не ГРУ, а во-вторых, ты спросил, я ответил и тем самым совершил должностное преступление.

— Ну да, — согласился с ним Хромов и запил мясо красным вином. — Шон Тинь, например.

— Шон Тинь? — удивился Веточкин. — Звучит как-то по-голливудски, это новый актер?

— Ну, Тарас, — изумился Хромов, подвигая к себе крабово-маслиновый салат, политый каталонским травяным соусом. — Неужели Хонда ваш агент?

— Хонда? Мы же не об автомобилях говорим. Или Тассов попал в аварию?

— Хорошо, Тассов, — сдался Хромов, запивая салат вторым бокалом красного вина. — Возвращаемся к ГРУ. Скажи мне, Веточкин, почему ГРУ застрелило Тассова?

— ГРУ не стреляло, — поправил его Веточкин и задумчиво воткнул вилку в свиную ножку. — ГРУ ищет киллеров. Тассов был под их «крышей».

— Ох, — удивился Хромов и съел кусочек баскского прессованного сыра. — Уеду я, наверное, на Аляску и стану чукчей. Тюлени, море, и никто никому не нужен. Хорошо!

— Рыба, — поддержал его Веточкин, — одичавшие пограничники, — мечтательно протянул он и неожиданно, с удивившей Хромова энергией, стал жадно поедать свиную ножку.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Полковник Краснокутский вызвал к себе в кабинет руководителя отдела по борьбе с распространением наркотиков Ростоцкого и спросил:

— Амиго, мне пришло из Таганрога неофициальное сообщение. Самсонов спрашивает, действительно ли наркокурьер Алиев, всем нам известный под кличкой Морс, которого недавно задержали в Таганроге с опиумом, выполнял оперативное задание твоего отдела?

— Морс?! — возмущенно удивился Ростоцкий. — Вот гад, а я думаю, куда же он делся... Да, Апиев выполнял оперативное задание.

— Понятно, амиго, — скучным голосом произнес Краснокутский. — Оперативное задание? Продавал в Таганроге полкилограмма опиума? Покажи-ка мне, капитан, разработку, объясни мне, дураку, в чем смысл этого задания.

— Господин полковник, дело в том, что эта скотина Морс поперся туда самостоятельно. Его там взяли, но здесь он участвует в разработке против Ольгерта, и очень важно, чтобы его освободили, иначе целый год можно псу под хвост выкинуть.

— Ага! — оживился Краснокутский. — Он в операции против Резаного, это хорошо, амиго. Я позвоню Самсонову, но за результат не отвечаю, они там вредные. Вот если бы обмен произвести?

— Пока из Таганрога никто и не попадался, кроме Карлуши, — пожал плечами Ростоцкий.

Владимир Иванович Логинов, более известный под кличкой Карлуша, находился в состоянии активной депрессии. Ему не хотелось спать, пить, есть и жить. Единственное, что он делал с удовольствием, так это курил. Карлуша понимал, что за убийство ростовского каталы Племянника ему грозит возмездие с двух сторон: снисходительное — со стороны закона, и убийственное — со стороны его жертвы. Племянника в зоне не простят. После того как его случайно, а поэтому вдвойне обидней, опознал в КПЗ таганрогский зампрокурора

Миронов, Карлушу перевели в СИЗО, и он сидел в камере на втором этаже вместе с пятью пожилыми подследственными тихого нрава, на которых из-за обрушившейся депрессии не обращал внимания.

Карлуша, как каждый третий зек страны, был осведомителем. А в Таганроге состоял на связи у Катаева, старшего следователя прокуратуры по особо тяжким преступлениям. Миронов об этом не мог знать. Поэтому, лежа на нарах, Карлуша думал: «Хочу в Таганрог, зачем мне Сочи?» Хотя, если разобраться, в его положении — убийство при отягчающих — особой разницы не было, что Сочи, что Таганрог...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Глория Ренатовна Выщух была приглашена Самвелом Тер-Огонесяном в городской Театр имени А.П. Чехова на премьеру спектакля «Мещанин во дворянстве». Впервые в жизни ей пришлось принимать участие в некоем подобии эксцентричности, ибо на ее 190 сантиметров роста Самвел смог представить лишь свои слегка округлые 178. При этом у Самвела были пронзительные глаза, черные жесткие волосы, выразительные губы и преисполненная внутреннего достоинства осанка. Он мог быть похожим на Наполеона, но великолепный, в стиле а-ля Фрунзик Мкртчян, армянский нос начисто зачеркивал это сходство. На Самвее был черный дорогой костюм, белая, в нантских кружевах, дорогая рубашка, темный, с классическими золотыми разводами, дорогой галстук и черные, с отрицающим вульгарность блеском, дорогие туфли. Глория Ренатовна была вся в ниспадающем, темном, дорогом и ненавязчиво прочерчивающем самые потрясающие части ее тела. Когда они вошли в уже многолюдное фойе театра, где собралась самая элитарная часть города, то, судя по лицам, обратившимся в их сторону, стало понятно, что премьера спектакля потеряла свою актуальность.

Полковник Самсонов, пришедший на премьеру не по своей воле, а по воле супруги Стефании Алексеевны, был в меру солиден и в меру раздражен, когда увидел Самвела Оганесовича Тер-Огонесяна в обрамлении Глории Ренатовны Выщух. «Королева и жулик», — бессознательно подумал Самсонов и усмехнулся. Он знал, что Самвел не жулик, но живописное, если не сказать высокохудожественное, появление колоритной пары толкнуло его на это попахивающее театром сравнение.

— Ты что, Иосиф? — подозрительно глядя на полковника, спросила Стефания Алексеевна и, проследив за его взглядом, понимающе кивнула: — Ты прав, по ним давно тюрьма плачет.

— Да ты что, Стефания? — испуганно взглянул на жену Самсонов. — Она же твоя школьная подруга.

— Кто?! — изумилась Стефания Алексеевна. Внимательно вглядевшись в Глорию Ренатовну и узнав, равнодушно признала свою ошибку. — Господи, как она разжирела и овульгарилась, ее трудно узнать.

«Бабы, — с усмешкой подумал Самсонов и остро позавидовал Самвелу. — Хорошо одевается, стервец, дорого. Надо его проверить на вшивость. Глория не та женщина, чтобы тянуть пустышку». Самсонов лукавил, он знал, что Самвел законно обеспечен и живет вне криминала, но ему доставляло удовольствие так думать, хотя это были и нетипичные для него думы.

В России с давних пор сложились твердо действующие стереотипы: армянин должен быть богатым, русский — бедным. Богатому армянину даже не завидуют, даже уголовный розыск, даже отделы по борьбе с экономическими преступлениями, в прошлом ОБХСС, не возбуждаются при виде богатого армянина. Но богатый русский — это нонсенс, это — никто по-другому не думает — жулик, ворюга, взяточник. Ему завидуют соседи, а силовые ведомства сразу же, безо всяких оснований, берут его — на всякий случай — в оперативную разработку. Это невозможно объяснить. На третьем и особом месте в этих сложившихся

странностях стоят евреи. Им завидуют почему-то всегда, и даже если еврей беден, то соседи и правоохранительные органы пребывают в полной уверенности, что еврей богат, по очень хорошо маскируется под бедного... Самсонов мысленно усмехнулся и подумал: «Действительно, почему это на Самвела нет ни одной анонимки, а на скромно-богатого Румянцева, хозяина автомастерской, их присылают чуть ли не каждый день?» Самсонов не успел додумать эту мысль. Стефания Алексеевна слегка дернула его за рукав и проговорила:

— Иосиф, прекрати думать о всякой чепухе, пойдем в зал, уже прозвенел второй звонок.

Театр имени А.П. Чехова — гордость города. Город был горделивым. У него имелись театр, море, шарм, жизнеутверждающие заводы и традиции. Он был наполнен сюжетами, интеллигенцией, хулиганами, жлобами и студентами. Это, конечно, никак не характеризует город, но он отличался особым обаянием, потому что совершенно случайно во время своего основания попал в облако звездной пыли, и она вместе с цементом, кирпичами и фундаментами легла в его основанис. Почти в каждом таганрожце существовала невозбранимая придурь, но попадались и такие, которых можно было считать идиотами на севере, но юг, с его тягой к выпуклости и чрезмерности, превращал их в маньяков. Таково было мнение инспектора уголовного розыска.

Игорь Баркалов стоял возле подъезда Театра имени А.П. Чехова, гордости города Таганрога, и думал: «Дать Самсонову досмотреть первый акт или вызвать сразу?» На этот раз из могилы было извлечено тело Светланы Баландиной. Она погибла в результате трагического и нелепого случая — от «рогов» троллейбуса. На подъезде к остановке «Центральный рынок» троллейбус слегка подпрыгнул на ухабе, слегка вильнул, и эти самые «рога», соскочив с проводов, ухнули вниз. Один из них и упал в центр головы беззаботно болтающей со своим однокурсником Светланы Баландиной. Однокурсник, высокий и смазливый Виктор Ригин, сразу же потерял сознание, ибо кровь, брызнувшая из головы Светы, окропила ему лицо так густо и беспросветно, что многочисленные люди на остановке решили, что «рог» упал именно на него. Ригин упал навзничь и не двигался, а Света, сделав два шага назад, уперлась спиной о стенку троллейбусной остановки, обхватила голову руками и, съехав по стене, умерла. Похороненная вчера, сегодня Света лежала в сквере завода «Красный котельщик». Лежала за грядой декоративного кустарника, обрамляющего аллею, на свежестриженной траве газона под ярким фонарем. Это было наглостью. Неведомый и жуткий эстет причесал ей волосы, расправил складки на платье, сложил руки и положил розу на грудь. Опергруппа окружила этот круг света, молчала и не двигалась...

Светлана Баландина училась в музыкальном училище по классу фортепьяно. Рядом с училищем находился радиотехнический институт и неподалеку, рукой подать, медицинское училище и факультет иностранных языков педагогического института. Центр города и студенческой жизни, перекресток сексуальных открытий, постоянное ожидание и готовность к любовным приключениям. Радостное волнение от предвкушения головокружительного интима и лихорадочное, на грани шизофрении, состояние влюбленности, которая в летнее время напоминает припадок.

Света была очаровательно-соблазнительна и соблазнительно-очаровательна одновременно. Тонкие черты юного лица, чуть затененного хрупкими мерцающими очками, придавали ему выражение некой многообещающей тайны и притягивали к себе взгляд любого и каждого мужчины города Таганрога. При виде ее молодые, и даже очень молодые, и даже совсем еще сопливые мужчины со стуком ставили на стол летнего кафе свои бутылки с пивом, переглядывались, с восхищением мотали головами и произносили озадаченно-восторженно: «Это да!... Это телка!... Это баба!...» Некоторые произносили другие слова, и даже нецензурные, но восторг их был неподдельным, а непосредственный и наивный мат выражал высшую степень признания красоты. Просто в городе Таганроге, также как в Ростове-на-Дону и остальных городах юга России, не все знают другие слова для передачи

бурных внутренних эмоций сексуального оттенка, но зато все умеют увидеть и оценить.

Именно эти возгласы сопровождали каждый шаг Светы по родному городу и окутывали ее прозрачным облаком мужского восторга и желания.

Но был у Светы Баландиной один существенный, неведомый даже ей самой, недостаток. Об этом знали только родители Светы, отец-хирург и мать-онколог. Только они знали, что внутри Светы вызрела и вот-вот должна была взорваться болью и последующей за ней смертью нелепая и не оставляющая шансов болезнь — саркома, рак костного мозга и соединительных тканей. Поэтому, когда на них обрушилась весть о трагической смерти дочери, они решили, что «рога» троллейбуса сорвались не случайно, их столкнула рука Бога...

Миронов обвел свой прокурорский кабинет взглядом, встал с кресла, подошел к окну и посмотрел со второго этажа на Лермонтовский переулок. Ничего не увидев из-за пышной зелени акаций, заслонявших окно, он вздохнул и прислонился лбом к стеклу. Он вспомнил, как совсем недавно жил полнокровно и яростно, как расследовал до конца не доведенное дело об убийстве Сергея Васильева, вспомнил московский загул и Стефана Искру.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите, — уныло согласился со стуком Миронов.

В кабинет вошел старший следователь прокуратуры по особо тяжким преступлениям Катаев.

— Что там у тебя? — уже взяв себя в руки, начальственно спросил Миронов.

— Нужно перевести из сочинского СИЗО в наше Карлушу, он мне нужен.

— Карлушу? — удивился Миронов. — Он же убийца, я его опознал в сочинской КПЗ, он под склерозника косил, а тут я... — Миронов осекся. — Зачем он тебе?

— Он мой осведомитель, — сообщил Катаев. — Хочу его в камеру к Рыжему посадить, может, что и узнает новое о хищениях в порту.

— Боюсь, это будет не так легко сделать, — озабоченно произнес Миронов и, достав из кармана портсигар с выдавленным на нем профилем Анны Ахматовой, закурил свои любимые сигареты «Наша марка».

— Они просят обмен. Мы им Алиева, того, что задержали в парке с опиумом, а они нам Карлушу.

— Так в чем же дело?

— Вот. — Катаев протянул ему заполненный бланк об этапировании подследственного Алиева в Сочи. — Ваша виза на эту бартерную сделку нужна.

Миронов расписался на бланке и поинтересовался:

— Что ты думаешь об этом выкапывателе девушек из могил?

— Этим ребята Самсонова занимаются, — скептически ответил Катаев. — На мой взгляд, все дело в эстетике, в психическом заболевании и в гипертрофированном чувстве справедливости. Я думаю, что занимается этим человек, имеющий какое-то отношение к творчеству.

— Интересно, — вяло произнес Миронов. — На такое действительно только Вагнер и отважится, надо все-таки съездить на место преступления, они еще там?

— Да, — кивнул головой Катаев и вышел из кабинета.

Миронов снова подошел к окну, прислонился лбом к стеклу и, вновь улыбаясь самому себе, лицемерно подумал: «Как все-таки скучно быть начальником...»

Не высказав своей идеи об установлении автомобильной звуковой сигнализации возле свежих захоронений Самсонову, Слава Савоев не смог о ней умолчать в присутствии Игоря Баркалова.

— Представляешь, как гуданет в двенадцать ночи среди могил, и, можешь не сомневаться, сразу двух зайцев убьем.

— Зайцев? — флегматично поинтересовался Игорь.

— Да, двух! — восторженно подтвердил Савоев, не обращая внимания на флегматичную отстраненность Игоря от его рационализаторского предложения.

— А почему не лисиц, чернобурок, например? — продолжал поддерживать разговор Игорь, думая о чем-то своем, не связанном с системой сигнализации на кладбище.

— Лисиц? — скептически переспросил Савоев, с подозрением глядя на задумавшегося Игоря.

— В смысле? — наконец-то очнулся Игорь и с некоторой оторопью взглянул на Савоева. — Какие лисицы, Слава, что ты ко мне прицепился? — накинулся он на оперуполномоченного. — О деле надо думать, а не о воротниках для своих любовниц.

— Вот именно, о деле! — вспыхнул возмущившийся Слава и, остановив направляющегося к оперативной машине Степу, сообщил ему, кивая в сторону Игоря Баркалова: — Одна чернобурка на уме у парня.

— Что? — не понял Степа, с недоумением глядя на Савоева.

— Чернобурка, — объяснил ему Слава и, заметив подъехавшую «Волгу» Миронова, сообщил: — Прокурор приехал, одним словом...

Увидев выходящего из черной «Волги» Миронова, Самсонов оглядел свой костюм и подумал: «Интеллигенция нагрнула».

Не обращая внимания на прокурора, он подозвал к себе Степу, Игоря и Славу, оглядел их и задал нетрадиционный вопрос:

— Как вы думаете, Миронов в этом деле не может быть замешанным?

Сыщики переглянулись между собой и чуть не хором ответили:

— Может.

— О чем это вы? — вежливо спросил Миронов, подходя к Самсонову. Ермаков крутился возле криминалистов-экспертов и не подошел вместе с ним.

— О судьбе, — вяло и слегка грустно ответил Самсонов, указывая на место, где недавно лежало тело Светы Баландиной, уже увезенное в ставший для него привычным морг. — Есть что-то в этих выкапываниях вызывающее, какая-то театральная подоплека и крик души, эдакий поэтический вызов...

Миронов, продолжая стоять в позе идиота, с силой захлопнул портсигар и прищемил себе палец, что в какой-то мере повлияло на выражение его лица. Оно стало более осмысленным.

— А девчонка красавица была! — заметил Ермаков.

На следующий день после обнаружения похороненного и вновь извлеченного из земли для публичной демонстрации тела Светы Баландиной город взорвался восторженным негодованием: «Это же надо, такое уникальное и живописное злодейство, и это же надо, именно в нашем городе. Ну и Таганрог!».

В этот же день Роберт и Арам Рогонян спешно покинули город и уже через несколько часов были в непосредственной близости от города Анапы, дав себе слово никогда и ни при каких обстоятельствах не приближаться к городу Таганрогу ближе трехсот километров до той поры, пока эту бешеную падлу-могильщика не повяжут менты.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Я сижу в тюрьме. Меня приговорили к пяти годам лишения свободы за убийство Сергея Васильева и служащего сочинской гостиницы. Это же надо так придумать, будто я случайно сбил Васильева своим мотоциклом, которого у меня никогда не было, а он, падая с моста, зацепился за какой-то прут и оторвал себе голову, а служащий гостиницы просто столкнулся со мной на бегу, упал и умер. Великолепный по своей сути кульбит закона в мою пользу. Если я кого-то убиваю, то в этом столько смысла и добра, какие закону и не

снились. Я улыбаюсь. Во мне столько улыбчивой нежности к происходящему и столько трепетного любопытства, что я смотрю на все вокруг с радостью. Какие строгие люди в форме. Они ведут меня по коридорам, то и дело открывая и закрывая решетчатые двери, и делают это с такой сосредоточенной суровостью, что я едва сдерживаю смех. Теперь я Буслаев Василий Яковлевич, ну и подобрал мне имечко Иван Селиверстович, оно мне нравится. Есть в нем что-то разбойничье, тюремное и обаятельное. В моих руках матрас, подушка, одеяло, скатанные и какие-то залоснившиеся. Разве можно приговаривать человека к лишению свободы и при этом не иметь возможности давать ему нормальную пищу и чистые постельные принадлежности? Впрочем, все это чепуха. Ага. Вот и моя камера, ну и дела, забита под самый потолок, ужасная вонь, здесь человек восемьдесят несчастного быдла. До свидания, контролеры, я на месте, можете затарахтеть за моей спиной ключами, закрывающими двери, это романтично. Здравствуйте, господа заключенные, можете со мной познакомиться, мне пока еще интересно...

Начальник оперчасти армавирской тюрьмы майор Васнецов зашел в кабинет спецчасти и с равнодушным интересом стал просматривать уголовные дела прибывшего в тюрьму этапа. Настроение у майора было хорошее. Только что благодаря оперативной разработке своей службы он задержал на вахте молодого прапорщика Магомедова, пытавшегося пронести одному заключенному двести граммов анаши и два порнографических журнала. Васнецов сразу же, в своем кабинете, снял с Магомедова показания и возбудил уголовное дело, расколол его, как говорят на Кубани, до самого седла. И лишь потом, увидев, что Магомедов дошел, сделал его своим негласным сотрудником — осведомителем в среде контролеров. Магомедов истово и преданно взглянул на Васнецова и, ударив себя в грудь кулаком, произнес: «Ради тебя на все пойду, начальник». Васнецов вернул ему половину анаши, оставив другую половину и оба журнала для оперативных нужд. Магомедов теперь стал его человеком, и подставлять его нельзя. В общем, у Васнецова было хорошее настроение...

Раскрыв папку с уголовным делом, перечеркнутым синей полосой, которая означала, что осужденный может подвергнуться насилию со стороны других заключенных, он презрительно поморщился. Некий Основоколодцев Семен Леонидович был осужден на четыре года лишения свободы за педофильтство. «Скромный и милый бухгалтер», — усмехнулся Васнецов, вычитав в деле профессию Основоколодцева. Просмотрев дело, Васнецов обратил внимание на одну деталь: все четырнадцать малолетних потерпевших в общем-то шли на контакт добровольно и приходили к Основоколодцеву сами и по несколько раз. «Страна подрастающих педерастов, — безо всякой горечи подумал опер и отложил дело в сторону, решив: — До того как пройдет наряд, в какую колонию отправить, сделаю из него информатора, он сам мне на грудь кинется с этой просьбой». Он пометил в сопроводительной карточке для контролеров: «В 42-ю камеру». Это была его камера, там находилось семь человек, и все уже с разными интервалами бросались к нему на грудь с просьбой о вступлении в самую могучую и древнюю партию стукачей. Следующее дело принадлежало некоему Буслаеву Василию Яковлевичу. Васнецов лениво и быстро его просмотрел: «Пять лет лишения свободы, статья 109, причинение смерти по неосторожности». «Какой рассеянный, — съязвил про себя Васнецов. — Сначала одного уронил до смерти, а через десять дней второй об его чемодан споткнулся». Васнецов даже в рутинном ознакомлении с делами новоприбывших, а они прибывали и убывали по два раза в день, находил себе повод для веселья. «Ага, по профессии кладовщик, место проживания и прописка — Улан-Удэ, отдыхал в Сочи, понятно». Но что-то настораживало Васнецова, что-то в этом деле было не совсем чисто. Внимательно просмотрев дело, майор на двенадцатой странице в уголке заметил небрежный, как бы машинально поставленный значок «?». «Ясно», — мгновенно захлопнул дело Васнецов и положил его на место, написав в сопроводительной карточке: «В общую камеру». Васнецов был профессионалом и сразу же забыл о фамилии Буслаев и значке «?», которым в математике обозначают бесконечность.

В камере, рассчитанной на двадцать пять человек, находилось пятьдесят осужденных, которые, как известно, гораздо компактнее, чем обыкновенные люди. Верхний ряд нар у окна занимала мнящая себя авторитетной публика. В камере не было ни одного вора в законе и нового русского новой бандитской иерархии, здесь сидела в основном разношерстная, шестерящая и алкогольно-бытовая, публика. Здесь же, у окна наверху, расположился Лом. Саркис Ольгерт дал знать людям — людьми в тюрьме считаются авторитеты, воры в законе и те, кто зарекомендовал себя бескомпромиссным борцом за криминальные права граждан, — что Лом — его человек. Лом возликовал и стал самозабвенно создавать свою команду. Это она занимала верхние нары у окна, и теперь любой поступающий в камеру новичок должен был пройти собеседование с верховной экзаменационной комиссией, внести посильный дар в общественную казну и получить статус зека и соответствующее полученному статусу место в камере. Верхний ярус у окна, как мы уже говорили, занимали Лом и его команда. По мере удаления от окна к двери табель о рангах понижалась. Если непосредственно возле Лома расположились «статские» и «тайные» «советники», то возле двери уже довольствовались жизнью всякие там «секретари» и «коллежские ассессоры». Они первыми прошупывали взглядом и словами новоприбывшего. Взглядом оценивали по вещмешку и одежде его возможности и физические данные, а словами узнавали его характер и то, насколько он может пойти в утверждение своего «я». Полученные таким способом данные передавались незаметно в «царскую» подоконную палату, и там уже принималось окончательное решение.

«Пингвин», — передавалось к окну «коллежскими ассессорами». «С деньгами, похоже, лох прибыл», — переводили «тайные советники» Лому. Пингвин наиболее тщательно подвергался собеседованию, и если у него действительно были деньги и залежи ценных продуктов питания вкупе с сигаретами в вещмешке, то вскоре он охотно расставался с большой, если не сказать основной, частью своих запасов и, получив поощрительное «настоящий арестант», занимал почетное место на нижних нарах под окном. Воздух туда все равно не поступал, но была возможность лежать и сидеть на них круглосуточно, а не посменно, как на другой стороне камеры.

«Ваня зашел», — сообщали «коллежские ассессоры» наверх. «Мужик с работы вернулся», — переводили Лому «тайные советники». Мужика на собеседовании строго объясняли, как надо вести себя в мире тюремных людей, и отправляли на ту сторону, ближе к стене, где он вместе с другими такими же спал и сидел по очереди: одни шесть часов лежат, другие сидят, а затем «смена караула». Тюремный мир России всегда страдал от перенаселенности.

«Черт», — сообщали наверх. «Пусть мужики ему место определяют», — не связывались с такой шушерой у окна...

Когда двери камеры распахнулись, вошел невысокий человек, который чертами лица и цветом коротких волос слегка напоминал Пьера Ришара.

Сыр, борец за чистоту и девственность своих брюк, окончившуюся смертью его родного брата и двадцатью годами лишения свободы для него, совсем не понял статус вошедшего и, широко зевнув, решил в мыслях: «Черт, наверное». Он лениво обшарил человека взглядом и в силу душевной толстокожести еще не почувствовал, что в большую, вонючую, туманную от сигарет и наполненную человеческим равнодушием (которое в тюрьме пристрастно и назойливо) друг к другу камеру вошло напряжение, а затем звонкая тишина.

— Ты кто? — пренебрежительно спросил у вошедшего Сыр. — Пьер Ришар или француз?

— Нет, — улыбаясь, ответил ему вошедший.

Их разговор происходил в странной, невероятной для переполненной камеры тишине.

— А кто? — уже совсем презирая вошедшего, механически спросил Сыр, намереваясь отправить его в чертятник.

— Не знаю. — Новичок продолжал улыбаться. — Видимо, смерть твоя...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Санкт-Петербург, как квинтэссенция несбывшихся желаний империи, несет в себе энергию пульсирующей и какой-то белесой насмешки. Мрачная ирония комплекса неполноценности, парадоксально явленного из прошедшего величия, делает Санкт-Петербург похожим на спившегося ангела, выпрашивающего деньги на похмелье у Сорокасороков Насемихолмовского черта. Вся прелесть состоит в том, что Насемихолмовский черт когда-то сам брал ссуды у спившегося ангела, который до того, как спился, тоже был чертом. Запутанны и прихотливы судьбы и ангелов, и бесов, покровительствующих российским городам. Вдоль Невки, если идти долго, не сворачивая в сторону, удаляющуюся от исторического центра, есть улица, отходящая от нашего пути влево, под прямолинейным названием Щелевая. Между двумя глухими беззаконными стенами двух прошловековых высоких домов эта улица оканчивается тупиком в виде небольшой площадки, превращенной в полусклад-полусвалку картонной и деревянной тары из близлежащих магазинов. В самом углу площадки есть уникальное место. Очень близко к поверхности земли проходит теплоцентраль, и поэтому асфальт там сухой и теплый, а со стороны стены дома очень близко к улице проложены трубы с горячей водой, которая поступает в расположенную неподалеку фабрику цикличной керамики. Именно на этом месте из подручных картонно-деревянно-ящичковых средств было построено небольшое сооружение, крышу которого в несколько слоев плотно окутывала целлофановая пленка. Здесь уже более полугода жил потрясенный жизнью и Ирочкой Васиной Аскольд Борисович Иванов. Нанесенная обида, планку которой он слишком высоко завесил в ресторане «Лимпопо», гибель Сергея Васильева, два ареста, потеря денег и друзей, отказ от него отца и безропотно следующей за ним матери и последовавшая за этим, с интервалом в три дня, их смерть не выбили из Аскольда Иванова желания битвы за достойное место в жизни. Его доконала Ирочка Васина. Через два месяца после того, как они прибыли в Санкт-Петербург, она стала погуливать, затем подсела на иглу, а когда Аскольд опомнился — он уже нащупал дорогу к накоплению первоначального капитала на посреднических услугах не до конца законного свойства, — перед ним стояла красивая, но наглая, беспринципная и навсегда сорванная с привязи проститутка, владеющая несколькими европейскими языками. Этот последний штрих в цепи неудач так потряс Аскольда своей неожиданностью, что в его глазах тут же поселилось жуткое очарование мрачной депрессии. Он сжег все свои документы и растворился в илистом мире бомжей, навсегда уйдя с поля действия нашего повествования. Мораль: нельзя прямо из Сочи приезжать на постоянное место жительства в Санкт-Петербург без всякой акклиматизации, денег и связей, поверив словам обыкновенной, хоть и красивой, сучки.

Сложное слово и понятие «Родина». К нему прикрепляются соответствующие слова и сопутствующие понятия: «моя» Родина, «моя малая» Родина, «моя еще меньше» Родина, «дом», «квартира», «санузел». Это нужно представить. Территория земли — комендантский час. Это нужно представить еще один раз. С оружием против агрессора — патриот. Но понятие «агрессор» растяжимо, как резиновое изделие, предохраняющее человечество от детей и СПИДа. И вот вы вырастаете и начинаете кричать: «В Москву, в Москву!» — и продолжаете расти все сильнее и сильнее, расширяя список. «В Париж! — кричите. — В Лондон! В Нью-Йорк, в Токио!» Оформляете загранпаспорт — космополит. Ну и можно добавить — безродный. Это, кстати, не так уж и безобидно — Родина. Весь земной шар, включая безлюдные и совсем уже безжизненные места, поделен на Родины. Каждый заинтересован в конкретной Родине. Земной шар, в принципе, никого не интересует.

Алексей Васильевич Чебрак находился в трансе вдохновения. Его пульсирующий мозг обладал интуицией кошки, проживающей третью жизнь. Он чувствовал приближение результата. Этот результат показывал, что очень скоро можно начинать выращивание абсолютных доноров, безмозглых двойников заказчика. То есть если у вас есть деньги и власть, вы делаете заказ, у вас берут клетку и с помощью ее выращивают вашу копию, благодаря которой при современном развитии медицины вы можете продлить свою жизнь вдвое. Забарахлило сердце — пожалуйста, получите ваше личное второе. Хотите иметь два, три клона? Пожалуйста. Здоровый желудок или печень никому не помешают, главное — платите...

Дело в том, что Алексей Васильевич Чебрак действительно был гением генетики. Проблема генетического клонирования, как животных, так и человека, состояла в том, что копия была недолговечна и подвержена ускоренному старению. Если из клетки сорокалетнего бизнесмена делали его копию, то ребенку в пять лет уже нужна была женщина, в шесть она была уже не нужна, а в семь он умирал с признаками глубокой старости. Такие опыты давно проводятся генетиками всего мира. Ученых в принципе невозможно остановить никакими этическими и моральными соображениями. Если ученые что-либо открыли, они постараются воплотить это в жизнь, гибель всего человечества их вряд ли может смутить. Поэтому все разговоры о безнравственности тиражирования людей не стоят выеденного яйца — их стали бы тиражировать. Но вмешался эффект быстротечного старения, и это притормозило клонирование. Генетики остановили свои опыты и замахали руками на геронтологов: «Давайте скорее ищите ген старости, найдите эту клетку отключения, сколько можно тянуть, клиенты ждут». Они не знали, что блуждающий ген отключения в организме человека, созданного для вечности, отсутствует, а существует привнесенный извне инородный ген смерти, переданный клеткам человека откуда-то оттуда, из неподвластного пониманию прошлого. Алексей Васильевич Чебрак знал об этом, а еще он знал, что в клонах очень легко убрать быстротечное старение, и ген смерти здесь ни при чем. Нужно только подключить к этому делу мозг, самый совершенный инструмент организма, и все будет хорошо. Если в самом начале зарождающегося цикла, образующего клон, закодировать мозг на полную мощность одной-единственной мыслью: «Я молод, я силен, я здоров, я буду таким вечно», то в итоге получится здоровый, крепкий, выдерживающий весь человеческий цикл без поломок, человекообразный полуфабрикат — носитель донорских органов.

Алексей Васильевич Чебрак радовался как дитя своему открытию. Судя по первым результатам, у него все получалось. Два таких полуфабриката уже восемь лет находились в лаборатории. Их содержали как дорогостоящих и редких животных, то есть очень хорошо. В восемь лет они выглядели и по внешности, и по физиологии, и по эластичности мышц именно как восьмилетние. Алексей Васильевич подпрыгивал от радости, он не знал, что где-то наверху, в своей резиденции, в своем кабинете, сидел руководитель УЖАСа Иван Селиверстович Марущак и мрачно, с каким-то болезненным отчаянием, тоже думал о генетике и об открытии Алексея Васильевича Чебрака...

День обещал быть солнечным, но Иван Селиверстович Марущак не обращал на это внимания из-за разыгравшейся внутри его тоски. «Вот самое бы время откинуть копыта», — подумал он, усмехаясь, и придвинул к себе папку с утренней оперативной информацией. Но работать не хотелось. Хотелось уехать куда-нибудь к черту на кулички, хотя бы в свою деревню Ефремовку в Ростовской области Неклиновского района, где он родился и вырос, и затеряться в ее простоте до полного забвения. «Как же, затеряешься. — Скептицизм был основной чертой характера Ивана Селиверстовича. — Легче ядерную войну начать, чем затеряться». Иван Селиверстович был склонен к нестандартным сравнениям. Его управление контролировало все, что в будущем могло изменить мир до полной неузнаваемости. УЖАС было куратором мировой науки всех направлений, отслеживало политиков, могущих прийти к власти в развитых и мистически (Индия, Китай) непобедимых странах. УЖАС

контролировало с особым вниманием мир искусства, особенно литературу, так как именно оттуда приходили наиболее точные предсказания, шел непрекращающийся поток «нострадамусности». Религиозные конфессии в этом плане ничего не значили — пророки всегда живут в пространстве литературы. УЖАС и его создатели внимательно слушали пророков, и пророчества брались во внимание подконтрольной УЖАСу наукой, без них движение вперед невозможно. Наряду с этим в сознание людей, потребляющих литературу, внедрялась насмешка по поводу пророков, пророчеств и литературы. И литература стала оголливудиваться, что не мешало пророчествам существовать в ее поле, но существовать уже не для читателей, а для экспертов УЖАСа. «Как все надоело, — снова подумал Иван Селиверстович. — Не нравится мне это, и жизнь стала как-то не в жизнь, старею, видимо, а в душе никакого согласия с собой». Он решительно отодвинул от себя папку, взглянул на часы и подумал: «Ё-моё, уже десять часов утра». Иван Селиверстович решительно поднялся из-за стола, подошел к замаскированному под сейф бару. Вытащил из него бутылку «Столичной» и граненый стакан, налил его по каемочку водкой и, не поморщившись, залпом выпил. «Пошло все к черту», — подумал Иван Селиверстович и наполнил второй стакан.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Полковник Хромов частенько в недоумении смотрел из своего окна на Москву. Смотрел, удивлялся и в итоге лишь пожимал плечами: «Это же надо — такой город образовать, совсем люди сдурели». На самом деле из окна кабинета нельзя было увидеть Москву такой, какой ее видел полковник Хромов. Были видны в углу двора заросли сирени, аккуратно выметенная и политая дорожка и часть каменного, слегка зеленоватого от времени, забора — идиллия. Но Хромову представлялось другое и, как это ни парадоксально, из-за любви к Москве... «Город проституток, воров и сумасшедших, — иногда говорил он на планерке после ознакомления с суточной сводкой происшествий и преступлений. — Вывезти этот город далеко за город и взорвать к чертовой матери!» — горячился он. «Ну-у... — как-то неуверенно реагировало начальство. — Прямо-таки взорвать...»

«Взятчники, — думал в таких случаях Хромов. — Взорвать и новой столицей сделать какое-нибудь зажиточное село, и чтобы все, включая депутатов, правительство и президента, работали в сельском хозяйстве, а в свободное от навозно-святой работы время управляли государством».

«Вы давно у врача были?» — сварливо интересовалось у Хромова начальство. «А вы?» — угрюмо парировал Хромов, потому что планерку проводил он сам и начальства в его кабинете не было, были одни подчиненные и, даже в ущерб субординации, друзья.

— Кто берет взятки? — спросил Хромов у своей группы. Все дружно подняли руки.

— Это хорошо, — удовлетворенно хмыкнул Хромов. — Группа захвата уже готова, берем кодлу с Профсоюзной. Они нам должны пять джипов, пятнадцать «Жигулей» и семь трупов...

Дело об убитых на ВДНХ как-то само собой заглохло. Во-первых, Хромов с этим был полностью согласен, убили, ну и черт с ними. В Москве любят убивать, и не важно, что ты думаешь по этому поводу. Тем более что после убийства на ВДНХ произошло еще десять убийств, и все они легли на плечи отдела, который возглавлял Хромов, и все были совершены с особой дерзостью и с помощью автоматического оружия.

«Надо конструктора Калашникова посадить, — непатриотично думал Хромов и тут же профессионально додумывал: — Дискредитировали, гады, институт стукачей, а теперь пусть получают свинец между ушей».

Во-вторых, после того случая они уже три раза встречались с Веточкиным, и тот его убедил, что Хонду надо выпустить. «Хороший вьетнамский парень».

— Не выделяйся, Хромов. Если бы мы твоего агента застукали на подрывной

деятельности против государства, ты бы попросил, а мы бы выпустили.

Веточкин врал самозабвенно, а Хромов у него спрашивал:

— У вас в ФСБ все такие брехливые, как ты, Тарас?

— Ну что ты! — искренне обижался Веточкин.

Встречи Хромова и Веточкина начинались с бара в гостинице «Савой», с перцовой «неклиновской атомной», а заканчивались черт-те где и рано утром, иногда у Стефана Искры, алкоголика со свежим лицом и изящным, на грани уникальности, антипохмельным видом. Если в первый раз они истратили свои деньги — жена Хромова все-таки ушла жить к матери, и Хромов успел подумать ей вслед не без грусти: «Хрен тебе, а не меха, совсем оборзела», — то во второй и третий раз тратили деньги Веточкина, выданные ему «для работы с агентами представительской категории», то есть с депутатами Госдумы.

На Хонду в принципе ничего не было, и Хромов выпустил его, подумав при том: «И без тебя, вьетнамская рожа, дел с головой и рук не видно, иди уже в свою ФСБ!»

И в-третьих, Тассов Ананий Сергеевич. Только Хромов и Стариков начали копать в этом направлении, как их вызвали на самый верх, наорали зачем-то, забрали все материалы по этому делу и отпустили, буркнув: «Сами разберемся, вы туда вообще не суйтесь».

— Серьезный ученый, — озадаченно проговорил Стариков, как только они вышли из здания министерства на улицу. — Но сигнализация у него хреновая была.

— Если бы он был хорошим ученым, его бы не застрелили, — не согласился с ним Хромов, который уже с первых шагов расследования догадался, что дело именно этим и кончится. Регулярные общения со Стефаном Искрой научили его угадывать присутствие УЖАСа по самым прозрачным намекам.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Прокурор Миронов язвительно посмотрел на чистый бланк городской прокуратуры и, лицемерно вздохнув, начал писать ходатайство:

«...Самсонов Семен Иосифович (*Скотина такая, все время издевается*) , будучи долгое время начальником горотдела, полностью не соответствует (*Козел!*) своей должности. До сих пор не пресечены действия маньяка, предположительно некрофила, выкапывающего из могил трупы (*Интересно, а меня бы он мог выкопать? Интересно, а если бы вот так Ленина уперли и положили при входе в Елисеевский гастроном?*) и раскладывающего их в исторических местах города. (*А что, седьмую больницу построили в 1952 году, еще при Сталине, куда историчнее? А проходная завода так вообще, могут и массовые волнения возникнуть.*) Среди оперативного состава, возглавляемого Самсоновым, царит хаос и беззаконие. (*Савоева, в первую очередь Савоева, надо выгнать и по возможности посадить.*) Преступность в городе растет и нагнет. (*Негодяи, из моей машины даже приемник тырили и портсигар, зачем я его на сиденье оставил?*) Проституция, сутенерство, наркотики, повальное увлечение коммерческой деятельностью. (*Это не надо писать, вычеркнуть, а то самого за шкуру возьмут. Липа, все липа, я не проверял, кто мне даст? С другой стороны, рыло у всех в пуху, даже у меня, если хорошо проверить.*) Ходатайствую об отстранении полковника Самсонова от должности и начале комплексной проверки работы УВД города за прошедшие два года. (*Савоева вообще надо лет на десять посадить, и Басенка тоже на десять, и Баркалова — всех! Самсонова тоже.*) Прокурор города Таганрога, старший советник юстиции I класса Миронов С.А.»

Миронов с удовольствием прочитал написанное, злорадно посмотрел в сторону окна, скрутил кукиш и показал его кому-то невидимому в углу. Затем аккуратно сложил ходатайство и столь же аккуратно порвал его на мелкие, негодные для прочтения кусочки. Он это делал регулярно — два раза в неделю, — снимал стрессы и чувствовал себя превосходно...

В городе Сочи шел дождь. Теплый, густой и продолжительный дождь. С ветром, молнией и громом. Курортные люди, словно фантики от конфет под порывом ветра, весело перебегали улицы и рассредоточивались под навесами многочисленных магазинов и кафе. Невидимое за густой растительностью, вздыхало море. Его вздохи напоминали сонные вздохи пресыщенной коровы, лежащей на лугу в полдень. Дождь умыл рододендроны парка Ривьера и теперь гладил глянцевые листья пальм. Где-то раздавались веселые крики пьяной компании, впавшей от дождевых струй в истерично-припадочную радость курортно-надрывного счастья. Дождь беспристрастно омывал шашлыки, разложенные на скатерти посреди поляны. На горе Бытха случился оползень и смял, буквально съел на излете, гордо стоящее, сложенное из кирпича отхожее место в саду пенсионера Уточкина, который, увидев это, заплакал. Дождь смыл с его лица слезы и заменил их своими. Где-то в районе Хосты случился разрыв провода, и он, весело искря, валялся на земле. Несколько человек — спортсменов-волейболистов — уже прилично жажнуло, но они успели прыжками, словно горные козлы, отпрыгнуть в безопасное место и теперь, несмотря на то что вокруг мелькали струи любопытного дождя, выставили оцепление с одной и другой стороны улицы, не пропуская к опасному месту людей. Дождь веселился от всей души, видя, как электрический провод от его нападков отфыркивал искрами. Какая-то бабка в резиновых, с литой подошвой, калошах вышла из калитки в середине оцепления и прошла, шаркая по земле ногами, в пяти сантиметрах от провода, который не обратил на нее внимания, увлеченный игрою с дождем. Бабка не отрывала от земли ноги и ушла по своим делам уцелевшей. Никогда не размыкайте цепь, и вы уцелеете. Струи дождя омывали город и гостиницы. Корова печально и сонно чавкала. Любопытные капельки дождя заглянули в фойе УВД Сочи и ничего не увидели, кроме каких-то букетов в центре и большой фотографии с черной лентой поперек угла. Дождь отпрыгнул от окон и снова приник к ним. На фотографии в фойе был запечатлен улыбающийся полковник Краснокутский, под ней — табличка: «Скоропостижно... от инфаркта... наш боевой товарищ, который...» — обычные официальные строки. Но необычной выглядела последняя приписка к основному тексту: «Прощай, амиго».

Теплый, густой и продолжительный дождь, с ветром, молнией и громом, плакал над городом Сочи.

Конец лета в городе выдался беспощадно жарким. Настолько жарким, что Самсонов начал скептически относиться к будущей осенней прохладе. «Климат становится безобразным и непредсказуемым», — устало думал он, с опаской косясь в сторону кондиционера, установленного в кабинете. Пессимизм все больше и больше поглощал Самсонова. Во-первых, из-за возникающих то и дело трупов у него накрылся отпуск и наметилось понижение в должности. У Самсонова до сих пор стоял в ушах крик и мат комиссара Кияшко. Инфаркт, который обещал ему комиссар, настиг самого комиссара, и Самсонов всерьез опасался, что в отместку за то его настигнет инсульт.

Все это время в кабинете Самсонова находились фальшиво понурые Степа Басенок, Игорь Баркалов и Слава Савоев. Последний то и дело незаметно и яростно влезал рукой к себе за шиворот и чесался. Перед вызовом к Самсонову ему вздумалось сорвать с росшей во дворе управления яблони плод, и ему за шиворот упало несколько гусениц. Вся шея Славы волдырилась.

— У нас болезни попроще, — неосторожно заметил он. — Инсульт — болезнь полковничья.

— Значит, так, — решительно заявил Самсонов. — Савоев, ты отстраняешься от всех дел, хватит, попил кровушки, сдай оружие.

— Да мне его уже полгода не выдают, — растерянно произнес Слава.

— Значит, получи и сдай... Самсонов гневно указал на дверь и гаркнул на Савоева: — Вон! Я уже написал рапорт о твоём несоответствии. Будешь баланду зекам в КПЗ раздавать. Вон из моего кабинета!

Грустный Савоев покинул кабинет Самсонова.

— Так, — повернулся Самсонов к оставшимся и стал переводить взгляд с одного на другого. Наконец задержал его на Степане и, ткнув в него пальцем, столь же громко, хотя и не столь эмоционально, приказал: — Вон! Сдай оружие. Ты тоже не соответствуешь, вам всем в уголовном розыске нечего делать... — Он перевел взгляд на Игоря, но тот, успокаивающе выставив перед собой руки с ладонями вперед, миролюбиво произнес:

— Сдаю, сдаю, сдаю.

— Сдавай, — хрипло согласился с ним Самсонов. — И я сдам тоже. И сам пойду без оружия этого труповыкапывателя ловить, а то с оружием я его пристрелю.

— Успокойся, Иосифович. — Игорь и Степа участливо смотрели на Самсонова. — Найдем мы этого философа.

Дверь в кабинет приоткрылась, и просунулась голова Савоева с вопросом:

— Чего?

— Ничего, — буркнул Самсонов. — Заходи, работать будем.

Глория Ренатовна Выщух принимала ванну. Совсем недавно в ее квартире произвели перепланировку, и она из трехкомнатной стала пятикомнатной. Делалось это простыми методами. Самвел Тер-Огонесян купил двухкомнатную квартиру, находящуюся на одной лестничной площадке с квартирой Глории Ренатовны, и объединил их. Соседи с удовольствием продали свою двухкомнатную квартиру, во-первых, потому, что Самвел давал хорошую цену, а во-вторых, они переезжали в трехкомнатную с улучшенной планировкой, поскольку денег Самвела вполне хватало на приобретение трехкомнатной квартиры, хотя и не в центре города, но и далеко не на окраине.

После объединения двух квартир, которое мастерски, быстро и красиво произвела бригада строителей из Армении, квартира Глории Ренатовны приобрела «новорусский» налет армянского происхождения. Поэтому она принимала ванну в большой, с пятью зеркалами, включая потолок, ванной комнате, и размеры ванны, встроенной в пол, напоминали маленький бассейн. Глория Ренатовна подняла вверх ногу и провела по ней двумя руками. Нога Глории Ренатовны — одна только нога — в этом положении могла бы смести на задворки эротической истории всю свору голливудо-плейбой-секс-бомбовых красавиц и сделаться мировым эталоном сексуальной энергетики. Но Глория Ренатовна не думала об этом. Она думала о сыне, которого вот-вот заберут в армию, и о Самвеле Тер-Огонесяне, проделавшем все манипуляции с квартирой Глории Ренатовны и предложившем ей руку и сердце. Глория Ренатовна согласилась. И что ее восхитило, после этого согласия Самвел не стал домогаться ее постели. Сразу было видно, что Самвел, как настоящий кавказец, отдал дань респектабельности и еще чему-то невероятно далекому и грозному, лежащему высоко в горах Армении.

Она вздохнула, опустила ногу и, поднявшись во весь рост, ступила на разноцветно мозаичный пол ванной, отражаясь своим блистательным тридцатилетним телом во всех зеркалах...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Васнецов! — На лице дежурного капитана явно было отображено отчаяние. — У нас грандиозное ЧП в семьдесят второй камере.

— В общей? — испуганно воскликнул начальник оперчасти. — Что там? — И, не дожидаясь ответа, выскочил из кабинета, на ходу застегивая китель и устремляясь на второй этаж тюрьмы.

— Да я сам толком не пойму, — едва успевая за ним, бубнил дежурный. — Похоже на передел сфер влияния.

— Дурак ты, капитан, — сообщил дежурному затасканную новость Васнецов, быстро, через ступеньку, поднимаясь по лестнице. — Очередь на парашу не поделили, что ли?

— Не знаю, — уклончиво ответил дежурный. — Но похоже на передел сфер влияния.

На мой взгляд, полкамеры убито.

— Сучары! — чуть не всхлипнул Васнецов. — Пусть хоть все подохнут, мне важно, чтобы один живой остался.

— Кто такой? — живо заинтересовался дежурный.

— Не твое дело, — профессиональноотреагировал Васнецов.

Возле 72-й камеры толпились две тревожные группы быстрого реагирования контролеров и солдаты из роты охраны. С немного растерянным лицом между ними стоял заместитель по режиму Дудко. Увидев Васнецова, он кинулся к нему и взволнованно-официальным тоном сообщил:

— Ну все, Васнецов, хана тебе за неправильное распределение осужденных по камерам.

— Смотри, чтобы тебя не выгнали, блоха режимная, — не дал себя запугать начальник оперчасти и сделал знак корпусному: — Открывай!

Он быстро обвел камеру взглядом. Верхний ряд нар у окна был пуст, если не считать двух человек, которые выглядели настолько миролюбивыми в своей неподвижности, что всем вошедшим в камеру за Васнецовым стало понятно: двойное ЧП — два трупа.

Кладовщик сидел за столом и с увлечением строил из костяшек домино домик.

— Он, — дрожащей рукой ткнул коридорный надзиратель в сидящего за столом строителя доминошного домика. — Он их тут шугал, как курей в курятнике. — Коридорный нагнулся под нижнюю нару. — Лом, вылазь оттуда!

— Нет, — раздался уверенный голос главного в камере. — И не просите.

— Вылазь, пропадина! — гаркнул лейтенант, пришедший с солдатами. — А то «черемуху» под нару пушу.

— Нет, — сурово отказался Лом. — Я лучше тут, в темноте, побуду.

— Вылазь же, Иванцов, что ты в самом деле? — тоже нагнулся и вмешался в уговоры заместитель по режиму. — Все уже тихо...

Васнецов с удовольствием рассматривал место происшествия и почти с любовью поглядывал на невозмутимого кладовщика. Увольнение откладывалось.

— Что вы, Иванцов да Иванцов, — с негодованием откликнулся Лом. — Нас тут человек двадцать сидит.

— Все вылазьте, тараканы ползучие! — взорвался строевой лейтенант. — А то сейчас «АКМ» принесу, он вас быстро уговорит.

— Это вам не тридцать седьмой год, — возмутился заместитель по режиму. — Не видите, что ли, люди и без того напуганы, может, они там все раненые.

— Да, конечно. Все, как один, герои-панфиловцы.

Из-под нижних нар потихоньку стали выбираться перепуганные сокамерники.

— Он! — вновь протянул свою дрожащую руку коридорный в сторону невозмутимого любителя доминошных домиков.

— А мне кажется, — раздраженно перебил его Васнецов, — что среди этих, — он ткнул пальцем в сторону мертвых, — возникла поножовщина. И они друг друга уничтожили.

— Ну-у... — неуверенно начал догадываться коридорный. — Вообще-то...

— Гну! — перебил его уже догадавшийся дежурный. — Прямая поножовщина. Доктор, — обратился он к рассматривающему трупы начальнику санчасти, — обоюдное убийство надо документально зафиксировать.

— Ну да, — ворчливоотреагировал начальник санчасти. — У них шеи свернуты, дырок от ножа нет.

— Поищите лучше! — возмутился Васнецов. — Делов-то, дырки...

Солдаты вытащили убитых в коридор и положили на принесенные санитарами из хозобслуги носилки, и те унесли их в овощехранилище, находящееся во дворе тюрьмы и по необходимости выполнявшее функции временного морга.

— Мы теперь под Министерством юстиции, а не МВД, — предупредил доктора Васнецов. — Чтобы все было по закону, раны от ножей есть, я уверен. Ножи я вам попозже

принесу.

— Есть так есть, — равнодушно согласился начальник санчасти. — Мне-то какая разница.

Васнецов решительно ткнул пальцем в сторону низложенной подоконной аристократии:

— Всех в карцер, а этого, — он задержал палец на выползающем из-под нар Ломе, — ко мне в кабинет.

Человек с лицом хмельного Пьера Ришара оторвался от своего занятия, как-то затуманенно посмотрел в сторону находящейся в камере администрации и контролеров и, слегка кивая головой, улыбнулся им беззащитной улыбкой...

Мне иногда становится грустно. Убийства окружают и сопровождают меня по жизни. Я очарован своей нестандартностью. Вот эти двое убитых мною молодых людей уже обрели счастье неведения. Что их ожидало впереди? Мое сердце от этих мыслей становится размягченным и нежным, словно его омыли чем-то теплым, хмельным и бархатным. Вокруг меня суетятся грубые люди в форме, уносят мертвых юнцов в глубь своих казематов. Я же строю из костяшек домино хлипкий замок своих эмоций и отстранен от этой суеты. Что? Мне задают вопросы, с ума сойти, это может развеселить кого угодно. О да, конечно. Убили друг друга? Вы знаете, по большому счету — да. В этом тюремном мире они только и делают, что убивают друг друга. О нет. Спасибо, я побуду здесь. Я терпелив и нежен. Эти двое были избраны судьбой. Один от окна крикнул в мою сторону грязное оскорбление, а второй под воздействием этого призыва решил принести себя в жертву и бросился в мои объятия. Я обнял его, всхлипывая, а затем, внимая призыву, обнял и оскорбившего меня. Всех остальных я прогнал вниз, дабы они не нарушили эксклюзивности принесенных мне жертв, а затем стал строить дом вот из этих забавных костяшек. Как жаль, что женщину в таких местах не хочется, молоденький нежный юноша был бы очень кстати, но, судя по нравам в этом мрачном каземате, здесь можно получить для утех лишь старого рецидивиста. Это слишком уж авангардно, я предпочитаю классику...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Начальник краснодарского УФСБ Лапин прибыл в Сочи на похороны полковника Краснокутского как раз в то время, когда фоб с телом погружали в автобус ритуальной фирмы «Последняя надежда». Было очень много людей в форме и без нее. Краснокутского любили в городе. Среди провожающих полковника в последний путь Лапин заметил Хромова и приблизился к нему. Хромов поздоровался с ним и печально произнес:

— Хорошего мужика потеряли.

— Да, — огорченно кивнул Лапин. — Он с моим отцом дружил. Меня еще ребенком помнил.

Хромов скептически взглянул на Лапина и спросил:

— А сколько же тебе лет?

— Сорок семь, — тяжело вздохнул Лапин.

— А ему, — Хромов посмотрел в сторону уже установленного в автобус гроба, — пятьдесят два.

— Да, — уныло кивнул головой Лапин. — Совсем молодой, ох уж эти инфаркты. — Покосившись в сторону задумавшегося Хромова, он пояснил: — Я его тоже еще ребенком помню.

Хромов и Лапин сели в автомобиль Лапина и вместе с колонной других автомобилей и автобусов поехали на кладбище. Впереди ритуального автобуса ехал гибэдэдэшный «форд» сопровождения, а по бокам четыре гибэдэдэшных мотоциклиста...

Видел бы все эти почести полковник Краснокутский, вот бы загордился, так любил почет и уважение. Но он не видел. Ему было глубоко наплевать на все, он был окончательно спокоен, оцепенело-невозмутим и, бесспорно, неподвижен — труп, одним словом.

— ...Старик, конечно, с придурью был, на Мексике помешан, но мужик хороший, — говорил начальник отдела по борьбе с наркотиками сочинского УВД Росточкий майору Абрамкину.

Абрамкин, слегка уязвленный тем, что Краснокутский не успел его рекомендовать на повышение в должности и звании, кивнул:

— Знали бы мексиканцы, что у них такой почитатель в России есть, они бы в честь его улицу в Мехико назвали.

— Ну да, — хмыкнул согласившийся с ним Росточкий. На кладбище гроб установили на специальный постамент, и, как всегда в таких случаях, зазвучали прощальные официальные речи. Выступил мэр Сочи, затем Хромов, его сменил выступающий от рабочего коллектива УВД майор Абрамкин. И в этот момент в кармане Лапина засигналил мобильник. Оглядываясь по сторонам, Лапин достал его и, выслушав сообщение, сразу же стал настороженным. Положив мобильник в карман, он незаметно посигналил Хромову и кивнул — мол, на выход. Выбравшись из толпы провожающих, они направились к воротам кладбища.

— Ты сейчас умрешь от удивления, — сказал Лапин Хромову.

— А на что мне такое удивление? — раздраженно проговорил Хромов и, оглядевшись, добавил: — Да еще в таком месте...

На похороны Краснокутского, с легким опозданием, прибыла мексиканская делегация из горного индейского города Чьяпоса в количестве тридцати человек во главе с послан Мексики в России и мэром этого города. Вскоре провожающие в последний путь Краснокутского оказались перемешаны яркими национальными одеждами новоприбывших мексиканцев. Появились яркие, какие-то праздничные цветы, зазвучала с трибуны эмоциональная, пронизанная темпераментной скорбью речь мэра Чьяпоса. Переводчик, прибывший с делегацией, еле успевал сообщать слушающим: «Он был нашим другом... амиго... Он спас старшего сына Родригоса от пули гангстера... наши слезы жгучи, как тройная текила... он любил петь... Вот!» Затем посол Мексики сухо и лаконично сообщил: «Мексиканское правительство и народ Мексики скорбит. Амиго Краснокутский спас от смерти сына великого Родригоса. Сейчас вся семья Родригоса Салема погрузилась в траур по амиго Краснокутскому. В честь его парламент и правительство Мексики постановили назвать одну из улиц Мехико. Она так и будет называться — улица Амиго Краснокутского». Затем вдове и дочерям было передано официальное приглашение и билеты на самолет от правительства Мексики для участия в торжественной церемонии переименования улицы в честь отца и мужа, а также личное приглашение и чек на крупную сумму от великого Родригоса.

В конце концов Краснокутского похоронили. Могила утопала в цветах России и Мексики, многие плакали.

— Кто такой Родригос? — с недоумением произнес Хромов и посмотрел на Лапина.

— Знаменитый контрабандист и наркобарон в прошлом, а сейчас владелец крупнейших отелей в Акапулько и Мехико, уроженец города Чьяпоса, — с восторгом глядя на портрет Краснокутского, утопающий в цветах на могиле, объяснил ему Лапин.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Саркис Вазгенович Ольгерт, известный в уголовном мире под кличкой Резаный, с удовольствием сделал последнюю затяжку «пяточки» в папиресе с марихуаной и, посмотрев на Морса, вежливо спросил:

— Тебя как, из пистолета застрелить или на кол посадить?

Морс, переведенный из таганрогского СИЗО в Сочи и выпущенный Ростоцким на свободу, пытался объяснить Резаному, что полкилограмма опиума, выданные ему Резаным для продажи, пропали безвозвратно из-за злокозненности таганрогских ментов и стукачей.

— Еле ноги унес, Резаный, что поделаешь, издержки нашей жизни.

— Не нашей, а твоей, — назидательно произнес Резаный. — Вот и получается, Морс, что если среди нас есть такие, которые работают на ментов... — Он достал коробочку с кокаином и, ловко орудуя лезвием, сделал четыре дорожки, затем быстро, со вкусом, вдохнул их через стеклянную трубочку и продолжил: — ...то и среди ментов есть свои, которые работают на меня. И вот эти свои сообщили, что среди нас кто-то работает на отдел по борьбе с наркотиками, а попросту на Ростоцкого. Что ты на это скажешь, Морс?

«Конец», — мысленно похолодел Морс, но виду не подал и спокойно спросил:

— И кто же из наших работает на Ростоцкого?

Резаный усмехнулся, вытащил из ящика стола коробочку со шприцем, достал из стола пузырек с уже разведенным героином и какой-то лист бумаги. Блаженно улыбаясь, он выбрал шприцем два кубика и, кивнув на бумагу, сказал:

— Возьми, Морс, почитай.

Внутренне холодея, Морс взял бумагу и узнал свой почерк и свое сообщение на имя капитана Ростоцкого, которое он в спешке написал на улице и передал через оперуполномоченного лейтенанта Сардиди, так как Ростоцкий отсутствовал, а ждать Морс не мог. В сообщении было написано: «Сегодня, в 21.40, 9-й вагон, Москва — Сочи, 10 кг, таджик с фруктами, встречает Абрек».

Морс, понимая, что смерть близка, решил хотя бы набить Резаному морду. Он напряжился, поднял глаза и увидел, как Саркис Вазгенович Ольгерт склонил голову набок и умер от передозировки, даже не успев выдернуть из вены пустой шприц...

Морс облегченно вздохнул и подумал: «Теперь бы из дома выбраться». Затем огляделся и понял — не выбраться. Все окна зарешечены, за дверью сидит охрана, на первом этаже играли в карты самые близкие соратники и родственники Саркиса — Резаного. Он лихорадочно стал обыскивать комнату Ольгерта и самого Ольгерта в поисках оружия. Нашел его, это был оснащенный полной обоймой пистолет Макарова, и, столкнув мертвого Саркиса Вазгеновича с кресла, сам уселся в него лицом к двери, положив перед собой снятый с предохранителя пистолет. Его слегка знобило, он нагнулся и вытащил из кармана покойника коробочку с кокаином, быстро сделал себе дорожку и вдохнул, пользуясь стеклянной трубкой Ольгерта. После кокаина страх исчез, и Морс даже повеселел немного. Неожиданно внизу раздался страшный шум и возгласы: «Всем на пол! Не двигаться! Полиция!» «Меня освобождать пришли», — необоснованно подумал Морс, механически открыл ящик стола и обнаружил пузырек с героином и рулон разовых шприцев. Когда он набрал три куба героиновой смеси и стал вводить раствор, массивная дверь распахнулась и на пороге появилась экзотическая «группа захвата»: пьяный Хромов, пьяный Лапин, пьяные Ростоцкий и Абрамкин, пьяный начальник КПЗ Фелякин и, еще несколько пьяных оперативников из УВД, а также пьяный мэр мексиканского города Чьяпоса, которые, поминая Краснокутского огромными дозами текилы, пришли к выводу, что самое лучшее поминовение для усопшего будет взятие под стражу Резаного. Ворвавшись в кабинет Ольгерта, они увидели, что мертвый Саркис лежит на полу, а такой же мертвый Морс сидит в кресле с откинутой головой.

Обводя кабинет взглядом, Ростоцкий торжественно заявил:

— Мой агент, как камикадзе, убил врага и сам застрелился, я горжусь собой.

Мэр Чьяпоса взял пузырек героина, внимательно осмотрел его, затем капнул на ладонь раствора и лизнул.

— О-о-ooo! — восхитился он.

— Что он говорит? — спросил пьяный Хромов у пьяного Лапина.

— Все это, говорит, надо отдать больным детям, — ответил пьяный Лапин, ставший в

этот день как бы переводчиком с мексиканского языка, с которым он столкнулся впервые в жизни.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

После третьего извлеченного из земли трупа в городе все стало грандиозным и шумным. Первым и выпуклым проявлением этой грандиозности оказалось появление московских журналистов и телевидения, которое прислало в Таганрог свою съемочную группу. Вслед за столичными журналистами развили бурную деятельность областные и городские журналисты, встрепенулись депутаты российского и областного уровня, в город приехал губернатор области и накричал на мэра города. Мэр города в отместку накричал на полковника Самсонова и городского прокурора Миронова. Возле мэрии города появились люди с плакатами, на которых было написано: «Остановите маньяка!», «Защитите мертвых от живых!», «Отдайте мою зарплату!» На самом крупном плакате, который держала в руках уволенная за рукоприкладство и подлог из органов юстиции бывшая следователь прокуратуры Злодюшкина, было крупными буквами написано: «Гады!»

Весь удар приняли на себя полковник Самсонов и прокурор города Миронов. Начальник Самсонова комиссар Кияшко отстранился от дел и оттуда, из уютного полумрака реанимационной палаты, с полным основанием имел право плевать на все, что не касалось его лично. Самсонов, видя, что огласки уже не избежать, бросил пить по утрам стимулирующие работу сердца таблетки и стал вечерами выпивать по двести граммов водки. Миронов флегматично рассматривал осаждающих его с вопросами журналистов, поворачивался выгодным для себя ракурсом, если видел, что его снимает телевидение, и отделивался от всех вопросов странными ответами: «Вон Гоголь тоже хотел из могилы вылезти», «Всеу свое время, и на покойников управа найдется». На вопрос корреспондента ОРТ: «Вы надеетесь в ближайшее время найти преступников?» — он спокойно ответил: «А вы?...»

В общем, город давно не знал такого всплеска активной жизни. Но общественность общественностью, а по линии сугубо профессиональной в город прибыла группа сыщиков МУРа во главе с Хромовым, который так прямо и сказал Самсонову:

— Полковник, все начальство с придурью, вас и себя я вывожу за скобки, так что не расстраивайтесь. Если вы ничего пока не нащупали, то мы без знания местности и людей тем более этого не сделаем. Поэтому сейчас уходим на пляж, а через неделю вы нас, загорелых и восхищенных вашей работой, проводите в Москву, где мы доложим, что таганрогский уголовный розыск — это один из самых лучших в стране розысков.

— Пляж будет шикарный, — пообещал Самсонов, с удовольствием рассматривая Хромова. — Я вас в доме отдыха «Морской» на полное довольствие поселю.

— Я рад. — Пожав руку Самсонова, Хромов вышел из кабинета.

Не успев сделать и нескольких шагов, он подвергся нападению корреспондента ОРТ, который вместе со съемочной группой был приглашен к Самсонову.

— Чем будет заниматься МУР и лично вы в этом городе?

— Отцепись, — буркнул Хромов, отводя рукой корреспондента. — По такой жаре никто, кроме тебя, дурака, ничего делать не будет, а преступник тем более. МУР и лично я будем загорать на пляже.

Хромов никогда не врал без крайней необходимости...

Вскоре возле здания мэрии стало тихо. Столичные корреспонденты и политики постепенно рассредоточились по сокровенным, ухоженным турбазам местных бизнесменов и представителей власти, ибо Азовское море только с виду неказистое, а при ближайшем и дружелюбном знакомстве как-то так, незаметно, красоты Средиземноморья и всех остальных экзотических мест по сравнению с этим морем тускнеют и кажутся фальшивыми. А местные активисты, заметив отсутствие столичного внимания, сразу же охладели к протестам; к тому

же подходила пора копать картофель, а это для провинциального жителя, а тем более таганрожца, святое дело. Великое успокоительное средство, жара, утихомирило страсти, и город вновь задремал...

— Фу... — выдохнул Самсонов, вытирая пот со лба. — Тишина... — Он поглядел на Миронова, сидящего в его кабинете с невозмутимым видом, и вдруг резко протянул ему руку со словами: — Мир!

Миронов от этого резкого и стремительного движения отшатнулся и вместе со стулом упал спиной на пол. Ударившись в падении о стенку металлического сейфа, стоящего позади, он потерял сознание.

Самсонов озадаченно почесал затылок и, сняв трубку, позвонил секретарше:

— Вызови «скорую», Аллочка. Тут у меня Миронов на полу лежит. Не пойму, то ли у него припадок, то ли на солнце перегрелся, то ли просто моего рукопожатия избегает.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Иван Селиверстович Марущак стал тяготиться возложенными на него обязанностями, а с недавнего времени даже ненавидеть их, а еще больше — презирать. Набрав номер подземной лаборатории, он спросил у коменданта:

— Как там?

— Алексей Васильевич хочет к морю, говорит, что встреча с волнами оплодотворит его мысли, — огорошил его новостью комендант подземной лаборатории.

— Самая волнистая вода находится в центре Марианской впадины, — пошутил Иван Селиверстович.

— Это озеро, что ли? — не понял шутки комендант. — Далеко?

— Одиннадцать километров шестьсот метров от поверхности Тихого океана, — рассмеялся Иван Селиверстович и положил трубку.

Не нравилось начальнику могучего УЖАСа то, что ему уже давно не нравилось: цели и задачи управления, а также его наднациональное руководство. «Я все-таки ростовский хлопец, на что мне Тибет нужен? — частенько думал он в минуты алкогольной задумчивости. — А этих ученых, всех до одного, утопить, и все, экология души и природы будет спасена».

Общение с умнейшими людьми мира не прошло для Ивана Селиверстовича даром.

Собственные ощущения не так уж и сильно задевали Марущака. Его потрясло и даже испугало другое: недавнее посещение подземной лаборатории, в которой Алексей Васильевич Чебрак сделал ему подарок ко дню рождения — Ивану Селиверстовичу исполнилось шестьдесят лет. Чебрак показал его клон, подрастающую копию Ивана Селиверстовича...

«Вот до чего пьянка доводит», — не мог простить себе Марущак, вспоминая, как несколько лет назад позволил взять у себя клетки для эксперимента.

Иван Селиверстович потрясенно смотрел на свое «отрочество», в глазах которого мерцала абсолютная пустота абсолютного идиотизма.

— Лет через десять-пятнадцать что-нибудь забарахлит в организме, — снисходительно-восторженно говорил ему Алексей Васильевич, — а у вас, пожалуйста, полный комплект идеальных запчастей.

Иван Селиверстович молча направился к моргу и, бросив взгляд в сторону лаборатории, столкнулся со взглядом носителя своих донорских органов и крови... С того дня Иван Селиверстович стал впадать в мрачные размышления и выращивать в самом себе какое-то опасное умозаключение. Впрочем, все это не мешало ему исправно выполнять свои обязанности, и УЖАС действовал, как высокоточные часы, — без сбоев...

«К морю ему, видите ли, захотелось, гениоту привернутому», — подумал Марущак, набрав номер по внутреннему телефону и сказал курьеру:

— Вызывай солнечного по кличке Улыбчивый, пусть появится, время пришло.

Он почему-то осторожно положил трубку на место, откинулся на спинку кресла, посмотрел в потолок и неожиданно для себя плюнул в него.

Странно все это. Сколько говорят, пишут о зловещем и жестоком преступном мире, о том, какое унижительное отношение человека к человеку в лагерях и тюрьмах, но я этого не замечаю. Осужденные преступники улыбки и беззащитны, как дети. Едва я выхожу из барака, как они начинают улыбаться мне и дружелюбно приветствовать, приносят хорошую пищу, деньги, спиртное, наркотики. Глупенькие. От последних трех я всегда отказываюсь в их пользу, и они обескураженно счастливы. Мне присвоили кличку Беспредел. Она мне нравится. Буря и натиск — вот смысл моей клички. В первые дни эти люди, не поняв моей улыбчивой и справедливой сути, пытались сделать мое пребывание в колонии дискомфортным. Они неуклюже бросались на меня с тяжелыми, иногда даже острыми предметами. Мне было весело и чуть-чуть обидно. Но все в прошлом, сейчас они меня уважают, любят и ценят. А те, что хотели сделать мне плохо... Я настоял, администрация колонии достала-таки для них инвалидные коляски, двенадцать штук. Двенадцать апостолов обезноженной инвалидности, двенадцать адептов церкви, которую создал я. А начальник колонии при виде меня резко разворачивается и уходит в противоположную сторону, что-то шепча себе под нос. Я его понимаю...

С левой стороны у изголовья моей кровати стоит тумбочка, на ней небольшой, но мощный транзистор «Спейс». Каждое утро в шесть часов я слушаю «Маяк» — новости. Вот и сегодня я просыпаюсь в половине шестого, а сплю я по системе «Леопард» — в позе абсолютного отдыха и готовности к действию. Один из почитателей, истинный фанатик моей установки «Люди должны любить и помогать друг другу», сразу же встрепенулся и преданно посмотрел в мою сторону. Я кивнул, и он исчез, побежал готовить мне завтрак. Очаровательный насильник и грабитель когда-то работал ведущим поваром в ресторане «Пекин».

Преступники обаятельны и талантливы, если они верят в чьи-то силу и ум, тогда они исключительно услужливы и предупредительны. Этой ночью мне привели волнующего чувства и плоть прекрасного юношу. Он только что пришел этапом из малолетней колонии, достигнув восемнадцатилетия. Он был так красив и сопротивлялся моим ласкам так агрессивно, что мне больше ничего не оставалось, как вознести свое желание к этому юноше на высшую точку пронзительного прикосновения в самую суть наслаждения. Но вместо того чтобы застонать от восторга и нежности, он заорал, как взбесившийся осел, и потерял сознание. Я с отвращением сдернул его и отбросил в сторону. Все-таки нет в заключенных уголовниках «голубого шарма». К великому моему сожалению, нет.

Я включаю транзистор. Вместо обычного «Доброе утро, в эфире «Маяк», новости!» — диктор произносит кодовую фразу: «Улыбайтесь всегда и слушайте новости на волне «Маяка».

Понятно, Иван Селиверстович Марущак, человек, которому я беспрекословно и пожизненно подчиняюсь, приказал прервать отпуск и вернуться на службу. Прощайте, мои дорогие уголовники, вспоминайте меня, вашего пастыря. Господи! Они уже отправили этого юношу, испортившего мне миг наслаждения, в гаремный угол барака. Одели его в колготки, на грудь повесили табличку «Дуня». Нет, все-таки они примитивны, нет в них настоящей, пусть даже хамской, утонченности. Я улыбаюсь...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Доминанта смерти — запой. Черное и разрушительное пламя запоя ухмыляющимся демоном трепещет над нами. Этот демон берет своими пупырчатыми зелеными лапами наши сердца и сжимает их — инфаркт! Своими грязными когтями он проводит по человеческой

печени, и прощай белый свет — цирроз! Он плюет в русла наших вен, и они забиваются чешуйчатыми бляшками — инсульт! Но в России у этого демона нет никаких перспектив, потому что на него плевали со всех колоколен, и он, зараза такой, почувствовав к себе такое отношение, слинял, ибо понял, что российский запой — это мировоззрение, от которого его, гада, не то что инфаркт-цирроз-инсульт хватит, а вообще кондратий придавит...

Слава Савоев был мрачнее самой мрачной тучи. Еще бы! Его родной отец, участковый Константин Иннокентьевич Савоев, самым обыкновенным образом запил и, выдав это на службе за сердечное недомогание, слег. Слег-то он слег, но Славе пришлось выполнять его работу...

— Слава, — мрачным голосом сообщил Константин Иннокентьевич, — вот... — Он протянул ему папку с бумагами. — Тут жалобы граждан с вверенного мне участка, стон народный, они не должны остаться без проверки... — торжественно произнес Константин Иннокентьевич и столь же торжественно влил в себя сто пятьдесят граммов водки. — Поработай с этими жалобами, сын, участковый должен чутко реагировать на боль гражданскую.

— Ну, батя! — возмутился Слава. — Я, твой сын, — он постучал себя в грудь, — не пью, а ты глушишь.

— Правильно, — согласился с ним Константин Иннокентьевич. — Поэтому и не пьешь, что я весь удар принял на себя. Вот помру я... — Константин Иннокентьевич пустил слезу и в связи с этим выпил еще сто граммов, — и загудишь, загуляешь по-черному...

— Костя! — строго оборвала их разговор Каролина Ивановна, мать Славы. — Не каркай, болтаешь, как оракул подкупленный!

— Я молчу, Каролина, — сразу же пошел на попятную Константин Иннокентьевич. — И ты помолчи, — предложил он компромисс. — И вообще иди отсюда. Дай с сыном поговорить.

Каролина Ивановна, директор крупнейшего в регионе рыбозавода, получающая в сотни раз больше мужа и сына, вместе взятых, беспрекословно приняла компромисс и беспрекословно вышла. Она любила мужа трепетно и нежно вот уже более тридцати лет.

— Ну? — спросил Савоев-старший у младшего. — Как?

— Проверю, — обреченно махнул рукой Слава, поднимаясь и вместе с папкой направляясь к выходу. — А ты, батя, давай завязывай поскорее.

— А это как получится, — миролюбиво предупредил его Константин Иннокентьевич.

Войдя в кабинет, Слава Савоев застыл в удивлении. Степа с изумленными от какого-то внутреннего, напоминающего ужас восторга глазами сидел на полу и что-то судорожно пытался поймать руками на своем теле. Судя по рукам Степы, этого «что-то» было много и оно обладало какими-то разумными, стремительными и явно издевательскими движениями. Степа быстро хватал себя то за ноги, то бросался руками на свой живот и сразу же передвигал их к паху. Время от времени он подносил «что-то» к глазам, хихикал и тут же кидался руками себе под мышку и с довольным видом рассматривал следующее «что-то». Это потрясло Славу Савоева настолько, что он, бросив гневный взгляд на созерцательно наблюдавших за этой картиной Игоря, Самсонова и еще какого-то человека в очках, бросился к Басенку, прижал его к полу и, крикнув: «Все нормально, дружище!», переадресовал свое потрясение Игорю и Самсонову, объяснив им в волнении:

— Это белая горячка, что вы сидите, его в больницу надо! — Савоев завернул руки Степана за спину. — Эх, Степка, оказывается, ты был тихим алкоголиком... По ночам, значит, втихоря пил.

— Отпусти старшего инспектора, Савоев! — возмущенно закричал пришедший в себя Игорь. — Вечно ты вламываешься и все портишь. Это не белочка, это эксперимент, отпусти, кому говорю!

Савоев, лежа на Степане, который даже при заблокированных руках пытался ловить зубами глумливое и многозначительное «что-то», с недоумением посмотрел на Самсонова.

— Да-да, эксперимент, — подтвердил Самсонов, со скептицизмом глядя на Степана и с насмешкой на Савоева. — Но его надо прекращать, а потом тебя, Баркалова и... — Самсонов опять посмотрел на Степу. — И Басенка посадить на пятнадцать суток за нестандартный подход... — Самсонов явно кого-то передразнивал. — ...В деле розыска нестандартного преступника...

Оказывается, во время оперативного рейда в припортовом районе Богудония Степа Басенок и Игорь Баркалов накрыли-таки с поличным долго досаждавшего им торговца наркотиками по кличке Смага, изъяв при нем и уже после задержания, во время обыска на его квартире, большую партию наркотиков. Среди банальных анаши и маковой соломки впервые было изъято двести граммов кокаина и несколько листов «филателии» — ЛСД в виде марок. Это была грандиозная удача. Окрыленные этой грандиозной удачей, Степа и Игорь, после оформления всех бумаг в связи с задержанием Смаги, пришли в кабинет Самсонова с грандиозной идеей, выраженной в том, что раз выкапыватель трупов шизанутый, то сыщик, чтобы работать эффективнее, должен понять психологию сумасшедшего, а для этого нужно принять на грудь пару марок ЛСД и хватануть глюков, после чего они этого гробокопателя самого в гроб положат.

— ...И я, дурак старый, пошел на эту авантюру, — горестно покачал головой Самсонов. — Е-мое... — Он с подозрением посмотрел на Савоева и строго спросил: — А ты что это на полу разлегся?

Все это время, входя в курс событий, Савоев лежал на Степане, которому он завернул руки и снизу вверх смотрел на присутствующих.

— Отпусти Басенку и вставай, — строго приказал ему Самсонов. — Ишь ты... Я думал, ты один у меня с придурью, а оказывается, еще два есть... — Самсонов не имел в виду себя. — Ты что должен сегодня делать?

— Батин участок надо проверить, — буркнул обескураженный Савоев, отпуская Басенку и поднимаясь с пола. — У него сердечное недомогание. Выйти из него не может.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Начальник колонии усиленного режима полковник внутренних войск Струве был в неопишемом восторге. Заключение Буслаев Василий Яковлевич исчез, проще говоря, ушел в побег, и полковник молил Бога, чтобы он не возвращался. Струве закурил и, вызвав к себе командира роты охраны, укоризненно спросил:

— Что же это такое, как у вас охрана поставлена, что зек умудрился пройти и у вас ничего не звякнуло?

— А я знаю? — невозмутимо ответил ушастый майор. — Он мне не докладывал.

— Ищите, — не стал вдаваться в подробности полковник.

— Зачем? — столь же невозмутимо ответил майор. — Что я, не знаю этого зека? Нас, видимо, наверху за дураков держат?

— Видимо, — согласился Струве, но спохватился, ибо собирался переложить всю ответственность за побег на майора и соглашаться с его доводами у него не было резона. — Вы, майор, эти разговоры прекратите, мало того что упустили заключенного, так вдобавок и поиск не организовали.

— Знаешь что, Струве, — расвирепел майор — ты на меня не спихивай, ты забыл, как он у тебя сигареты забирал для зеков-колясочников и замечания делал за то, что пьяный на службу ходишь, забыл?

— Не было такого, — сразу же пошел в отказ Струве. — Это невозможно в принципе.

— Козел ты, Струве, — сразу как-то поник майор.

— Но-но! — приподнялся из-за стола полковник, но тут раздался звонок секретарши. — Да? — щелкнул он клавишей.

— К вам начальник спецчасти и начальник режимной части, — пробасила секретарша,

восемнадцатилетняя девяностокilограммовая красавица.

— Давай их сюда. — Струве снова сел на место, стараясь придать лицу выражение солидности и властности.

— Лицемер наглый, — в последний раз напомнил о себе командир роты, который не находился в подчинении у полковника.

Вошли начальники спецчасти и режимной части. Выяснилось, что исчезло дело осужденного Буслаева Василия Яковлевича, исчезли карточки с его фамилией из контролерской, продларька, санчасти, и так далее, и тому подобное, то есть получилось, что такого зека в списочном составе колонии нет, и, следовательно, никакого побега не было.

— Ура! — начал Струве, но осекся и четко проговорил: — Я догадывался, что так оно и получится.

Но лучше всех выглядел сияющий командир роты охраны. Его фуражка не касалась головы, держась на кончиках вставших дыбом ушей, а сам он был похож на простого и невероятно симпатичного человека, неожиданно выигравшего крупный приз на «Поле чудес».

Савоев разбирал на столе бумаги, состоящие из бытовых жалоб жильцов подотчетного ему микрорайона.

Еще не зная, что наступает его звездный час, он взял из папки стандартный лист бумаги с жалобой от жильца, проживающего по улице Пальмиро Тольятти. Она была сухой и конкретной, как математическая формула, и принадлежала Носову Геннадию Геннадиевичу: «Рядом со мной в квартире 43 проживает Леонид Растович Светлогоров, он алкоголик и явный шизофреник. Прошу подвергнуть его медицинскому освидетельствованию».

«А то я не знаю, что Леня алкаш и псих, — раздраженно подумал Слава. — По-моему, об этом знает весь город», — но решил отправиться на улицу Тольятти и посоветовать Лене Носова покусать.

Поднявшись на второй этаж, Слава позвонил в квартиру 43, где проживал Леня Светлогоров, и почему-то почувствовал волнение. Дверь не открывали, и он позвонил еще раз, еще и еще. Рядом раздался щелчок, и из квартиры 44 вышел сухощавый, высокий, с лицом профессора математики человек.

— Я его уже два или три дня не вижу, — сказал он.

— От вас можно позвонить? — спросил Слава, чувствуя, как волнение сменяется какой-то зыбкой и ни на чем не основанной догадкой.

— Да, — не стал вдаваться в подробности Носов, внешностью напоминавший собственную жалобу.

— Степа, бери Игоря, и дуйте сюда, ко мне, на Тольятти, возле квартиры Лени Светлогорова, ты знаешь, где это, — не вдаваясь в подробности, проговорил в трубку Слава и услышал короткий ответ:

— Дуем...

Через некоторое время они стояли в большой комнате трехкомнатной квартиры Лени Светлогорова и смотрели на тело, болтавшееся в петле, прикрепленной к люстре. К своей рубашке Леня пришил булавкой записку. В ней сообщалось:

«Я напомнил людям о существовании людей и ушел домой. Каждый человек — история, деталь бесконечности. На кладбище лежат пласты людей-планет, но мы ничего не знаем о них. Изучайте мертвых и прощайте, через триста лет я вернусь и все проверю».

Художник-археолог, проверяющий правила земной и небесной жизни, Леня Светлогоров».

К стенам почти пустой комнаты были прислонены картины в грубых рамках. Вот хоронят Ольгу Останскую — четко выписаны лица вокруг могилы и гроб, уплывающий в нее. Вот вторичное, посмерное, появление Ольги. Леня вложил в это второе появление как бы легкий проблеск ни на что не рассчитывающей надежды. Вот уродливая маска смерти на лице Любы Савеловой, Леня нарисовал еще одну Любу, стоящую среди провожающих и

оплакивающую самую себя и свое уродство. Света Баландина на одной картине кокетливо и артистично стояла у куста жасмина, а на второй лежала в сквере завода «Красный котельщик» мертвая.

— Так он, оказывается, и был тем извращенцем-труповыкапывателем! — В полной тишине скрипучий от негодования голос соседа Носова прозвучал как карканье.

Степа Басенок пренебрежительно взглянул на него:

— Заткнитесь лучше. — И объяснил: — Он был вторым, и улучшенным, воплощением Сальвадора Дали.

Я еду в Москву. Мимо окон поезда мелькают селения, города, леса, равнины — Россия. Мне, телохранителю высшего класса «солнечный», еще нужно выяснить свое отношение к ней. Где-то я слышал, или читал, или сам пришел к мысли, что русская любовь к Родине — это одна из разновидностей суицида. Когда-нибудь я обдумаю это. Иван Селиверстович вызвал меня на службу. Видимо, придется вновь сопровождать Алексея Васильевича, этого гениального ублюдка с забавными представлениями об окружающем мире. Он так уверен в моей надежности, что позволяет себе любые экстравагантности из-за этой уверенности. Только не знает, что, если Иван Селиверстович прикажет его уничтожить, я это сделаю. Единственный человек на земле, которому я обязан и буду служить до последнего вздоха в любых ситуациях, это Иван Селиверстович Марущак. Нас шесть, солнечных. При экстремальном изменении мира, чем, собственно говоря, и занимается УЖА С, мы бросаем все обязанности и всецело занимаемся одним — спасением жизни Ивана Селиверстовича и информационных файлов УЖАСа. Величие нашей организации бес-сомненно, лишь на Тибете, в МОАГУ, есть равные, нет, все-таки посововершеннее, чем мы, нейтрализаторы, а еще проще — люди полной луны, ЛПЛ, к встрече с которыми нужно готовиться на полном серьезе, но мы в одной команде... Нужно заскочить в Москве к старшему брату, он проживает под именем Стефан Искра, находится, как и другой коллега, работающий гардеробщиком в Большом театре, в состоянии «засухаренности» — играет роль алкоголика, пьет спиртное по методике «талая вода», и суперсолдата в отставке, а на самом деле он такой же, как и я, неистовый солнечный. Я люблю своего брата. Скоро у меня будет новое задание, а сейчас я смеюсь, представляя вытянутые лица администрации колонии, которую покинул, поколебав тем самым их веру в колючую проволоку, сигнализацию, запретную зону и солдат на вышке. Ну что же, пусть поживут в безверии. Вот и огни Москвы, огромного, отличного и великого города. Здравствуй, Москва, я подъезжаю к тебе и улыбаюсь...

Книга вторая «ТИБЕТСКИЕ КАЧЕЛИ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Белоснежная громадность Гималаев, переплетение ущелий, неожиданное появление и такое же неожиданное исчезновение внутри отрогов чистых, как влажное дыхание Бога, рек, изумрудные вспышки растительности, уходящие в неведомую глубь пещеры и скрывающиеся за неприметной расщелиной входа, который невидим для непосвященных. Холодный ярко-синий свод небес, беспристрастный и недоступный, как истина, сотворенная не для человека. Бескрайние, смиряющие любую гордыню каменные плато, бездонные пропасти. Воздух разрежен до игольчатости. Все это — сгусток непроходимой горной тайны Гималаев, внутри которых находится страна-храм, со своим народом, цивилизацией, многоступенчатыми, уходящими в глубь земли, городами и непривычными, почти

вертикальными, кольцеобразными дорогами, ведущими лишь в сторону, где находится цель, но никогда прямо к ней. Мудрость подземной страны гласит: «Ко всему нужно идти кружным путем. Если бы все шли самой короткой дорогой, то к цели пришел бы только один». Нет на поверхности земли государства, оружия или научной мысли, способных проникнуть в тайны подземного мира Гималаев. Тибет — это своего рода служба безопасности подземного государства. Он абсолютно непонятен миру. Да и как можно понять по специально оставленному на поверхности антуражу глубинно-подземную, уже давно использующую живую энергетику центра Земли, цивилизацию, возникшую для того, чтобы сохранить землю от гибели, контролирующую и использующую в своих целях поверхностную цивилизацию, поставляющую магическое сырье и людоеобразных статикрабов для опытов великих ученых подземного государства. Одним словом, подземный мир людей за людей не считал, но с великой неохотой считался с ними...

Председатель совета МОАГУ Поль Нгутанба почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев, шум в ушах и лишь затем благоговейный ужас. Такое случалось с ним всегда перед встречей с кем-нибудь из представителей глубинной страны. Никогда не было известно, кто явится оттуда и с чем. Поль Нгутанба как бы впадал в оцепенение и просто ждал. В штате МОАГУ были разные люди, в том числе и ламы высшей степени посвящения из храмов Тибета. Поль неоднократно беседовал с далай-ламой, он сам исповедовал и познавал ламаизм, но это ни на миллиметр не приближало его к пониманию существ и цивилизации, находящихся внутри Гималаев, а если быть точнее, внутри земного шара. Более того, сами ламы всегда обходили это молчанием, и Поль Нгутанба отчетливо видел, что молчание лам обусловлено лишь одним — незнанием. Он задал вопрос о подземном мире далай-ламе, тот вздрогнул, пролил немного чаю на пол и, глядя в глаза Полю, ответил странной фразой:

— Весь буддийский мир, а тибетцы особенно, возник тысячи лет назад лишь для одной цели: не отвечать на такие вопросы и пресекать их возникновение. Тысячи лет мы с этим справлялись, но сейчас тибетские качели вздрогнули, планеты уже выстроились в один ряд и разошлись для нового отсчета времени. Новая звезда уже зажглась, и все скоро изменится до неузнаваемости. Конца нет ни в чем, есть лишь неудержимое, неповторяющееся и бесконечное видоизменение Бога в совершенствовании... — Далай-лама замолчал, а затем сказал совсем уже неожиданное и касающееся лично Поля: — А ты обыкновенный клерк, долженствующий понимать, молчать, повиноваться и выполнять свою работу с естественностью коровы, жующей траву на лугу. Но у тебя, к сожалению, нет этой священной естественности. — И далай-лама, не попрощавшись, ушел.

Поль Нгутанба сидел внутри огромной странно-стеклянной сферы и во весь голос возмущался:

— Я не клерк, далай-ламе лишь бы свою варежку разевать. Я честный суперпрофессиональный чиновник высокого ранга. Немного любопытный, но не болтливый, и я уже десять лет исполняю свои обязанности хорошо, а этот реинкарнационный тибетский чудила разговаривает со мной как с мальчишкой, а самого китайцы гоняют уже пять лет по Гималаям как зайца.

— Успокойтесь, Поль, где ваше бесстрашие? Вы же приверженец ламаизма. Помните: «Сядь возле реки, и через некоторое время увидишь, как по ней плывет труп твоего врага». В данном случае далай-ламы.

— Не надо мне его трупа, — возмутился Поль Нгутанба. — За кого вы меня принимаете?

В ответ он услышал лишь добродушный смех. Председатель МОАГУ знал, что разговаривает с представителями подземного государства, посредниками между внешним и внутренним мирами, ламами лазурного посвящения. Это были настоящие ламы — без дураков. Как всегда, разговор проходил не на равных, лазурные видели его хорошо, а за

стеклянной сферой был мрак.

— Поль, успокойтесь, — услышал он голос невидимого собеседника. — Мы выбрали вас на этот пост, и мы отлично знаем все ваши слабые и сильные стороны. На далай-ламу не сердитесь, у него и без этого жизнь тяжелая...

Внутри сферы, где находился председатель совета МОАГУ, был разлит чистый благородный свет, который как бы льнул к телу Поля Нгутанбы, вливался внутрь, и председатель совета МОАГУ буквально чувствовал, как этот свет убирал внутри его зародыши будущих недомоганий и обливал сердце благодатным бальзамом.

— Внутри чего я нахожусь? — спросил Нгутанба непроницаемую темноту, приникшую к сфере с той стороны. — Не разобьется? Больно уж хрупкая в сравнении с темнотой вокруг нее, — не удержался и съязвил глава МОАГУ.

— От нашего света можно ослепнуть, — отпаривали лазурные, — а находитесь вы внутри одного из крепчайших веществ мира. Перед вашими глазами и вокруг вас идеально отшлифованная трехметровая толщина природного алмаза самого высокого качества, он называется «Родниковая безмятежность», такие многометровые красавцы рождаются лишь в центре земного шара, в самой раскаленной части его нежного, пульсирующего ежесекундно рождающимся огнем сердца. Вот вам и степень нашего доверия. Так что пока вы с нами разговариваете, он вас обновляет и лечит. А если вас оставить внутри этого алмаза навсегда, вы всегда и будете пребывать в нирване.

— Вот это бриллиантик! — Поль Нгутанба оглядел сферу диаметром около десяти метров. — А вы на меня смотрите, видимо, так, как люди на поверхности рассматривают янтарь, внутри которого креветка.

— Креветка не живая, Поль, — парировали лазурные, — а янтарь не драгоценность, в древности им иногда растапливали печи, он превосходно горит. Давайте лучше о деле. Что там происходит с нашей структурой в России?

— А-а, — отмахнулся Поль Нгутанба. — Россию не знаете, что ли? Наш УЖАС где-то там на курорте в Сочи выгуливал Чебрака, ну и целая гора криминала в итоге. Силовики России взъерепенились и теперь интригуют против УЖАСа, хотят его свалить и растоптать.

— Ну-у, — удивилась темнота. — И что же?

— Ничего они не сделают, — ответил Поль Нгутанба. — У наших восемь солнечных и целая толпа суперсолдат, я уж не говорю об агрессивных мистиках. Но выговор Марущаку я сделаю, и это будет строгий выговор. Нельзя тревожить государство пребывания и тем более нарушать его законы без особой надобности. Хотя, — глава МОАГУ покачал головой, — у них все беды от этого идиота, в смысле Чебрака, он даже солнечных, сволочь такая, умудрился из шизофреников сотворить, но надо отдать должное, сотворил великолепно.

— Понятно, — ответили лазурные. — Но Чебрак и этот английский ученый, что в компьютерном кресле сидит в параличе, гений-паук, они неподсудны и...

— Да все я знаю! — обиделся Поль Нгутанба. — У меня за десять лет хотя бы одна ошибка произошла?

— И мы рады этому, — успокоила его «темнота», — нам греет это сердце. Кстати, вы можете съездить в отпуск на месяц или, как вы любите выражаться, «слинять в Нью-Йорк».

— Это у меня нервное, — хохотнул Нгутанба. — Далай-лама забодал.

— Где это вы так образно научились выражать свои мысли, Поль? Индийская и французская лексика не предполагают таких оборотов живописности в алогизмах личностных характеристик.

— Пообщайтесь с русскими столько же, сколько общаюсь я, и выпуклая живописность речи вас не минует. Вы станете похожи на принцев крови, воспитанных в тюремно-уголовной среде. — У Нгутанбы вдруг затуманились глаза, и он равнодушным голосом спросил: — Вы мне покажете ваш мир?

— Нет, Поль, не покажем. Вы и так один из немногих, знающих о нашем мире достаточно много. Больше знать нельзя, дальше начинается территория запредельного, разум и взгляд человека на той территории самоустраниются.

— Извините, — обиженно произнес председатель МОАГУ.

— Никогда не извиняйся, не имея на это достаточно веских оснований, — посоветовали ему из «мрака».

— Не буду, — серьезно отреагировал на эти слова Поль Нгутанба.

Председатель совета МОАГУ вдохнул полной грудью чистейший воздух предгорий Тибета и поморщился. В сравнении с воздухом внутри гигантского алмаза горный воздух явно страдал загрязненностью. Тем не менее самочувствие у Поля Нгутанбы было великолепным. В свои пятьдесят шесть он чувствовал себя двадцатилетним. Впрочем, его это не удивляло, а радовало, лазурные ламы вновь предоставили ему алмазный кокон для переговоров с ними. Это говорило о том, что в глубинной стране его ценят, а на мнение далай-ламы не обращают внимания.

Французско-индийская кровь Поля Нгутанбы придавала ему сходство с молодым Жаном Марэ, двадцать лет подряд загоравшим на берегу Ганга и чудом избежавшим нападения хищников, а оксфордское образование, репутация непревзойденного специалиста по биоэнергетике, знание семи языков, десять лет научной работы в неологии делали его если и похожим на Жана Марэ, то в гораздо улучшенном и полезном варианте. Поль Нгутанба любил женщин, это была его ахиллесова пята, но представители подземного мира лишь посмеивались над его пристрастием. Лазурные ламы избегали сурово судить слабости поверхностного люда. Лишь изредка они подтрунивали над слабостями Поля Нгутанбы какими-то завораживающими шутками, которые были настолько серьезны в своей шутливости, что Поль воспринимал их как доброжелательную лекцию по анатомии человеческих удовольствий.

— Вам хорошо, — возмутился как-то глава МОАГУ в ответ на очередную шутку. — А мне нравятся женщины.

— Нам действительно хорошо, — ответили тогда лазурные. — Потому что «плохо» вне нашего понимания...

Над головой Поля раздался стрекот двухместного вертолета, который вначале завис в воздухе, а затем с завидной точностью плюхнулся, рядом с ним.

— Поль, что за привычка уходить без предупреждения к черту на рога? — возмущался член совета МОАГУ и лучший друг Поля, англичанин Клосс Воргман.

— Ну да, — согласился Нгутанба, садясь в вертолет. — В следующий раз оставлю тебе записку: «Клосс, я у черта на рогах. Предупреждаю».

Вертолетик взмыл вверх, сделал наклон влево и, словно большая стрекоза, скрылся среди морщинистых склонов, поросших вечно юной изумрудной растительностью тибетских предгорий.

Здание МОАГУ удобно расположилось неподалеку от Лхасы, между холмом Марпори, на котором стоит Потала, место обитания далай-ламы, и холмом Понгвари, где жили лари бодхисатва Манджушри — победители смерти. Это была изящная постройка в виде холма, поросшего густой растительностью и ничем не отличающегося от других холмов, кроме мощно развитой и современной инфраструктуры для работы и жизни внутри его, то есть техническая мощь внутри холма превышала в несколько раз возможности Хьюстонского космического центра, Пентагона и ЦРУ, вместе взятых, а места для отдыха были гораздо комфортабельнее номеров-люкс в «Президент-отеле» и полезнее для здоровья курортов Сочи, Адриатики и прочей популярной морской помойки. Среди лари-холмов Лхасы и холма МОАГУ дыбились и исчезали вершинами за облаками вечно белоснежные и вечно грозные горы Гималаев.

Само по себе МОАГУ не являлось силовой организацией, хотя все подразделения класса УЖАС находились в его беспрекословном подчинении. Но если в России это был УЖАС, то во Франции такая же структура имела название «Гугеноты Варфоломея», в

Англии это были «Веселые кельты», в Германии — «Ребята, ненавидящие пиво». Латинскую Америку контролировала организация «Пикник», в США аналогией УЖАСу была структура «Оса», она распространяла свое влияние на Канаду с севера и на Мексику с юга. Структурой, не подчиненной МОАГУ, обладал лишь Израиль, да и то по той причине, что еврейские контакты с глубинным миром были столь древними и замасонизированными, что Поль Нгунтаба иногда без всякого раздражения думал: «Далай-лама — это еврей, без сомнения».

Он вызвал своего заместителя и сказал:

— Сегодня будем заниматься российским УЖАСом. Хорошие ребята, но время от времени у них срывает башню. Это ж надо, суперзасекреченная организация, с глобальными возможностями, начала притеснять и устраивать потасовки со своими спецслужбами, как встретившиеся в одном баре английские и немецкие моряки.

Клосс Воргман хмыкнул:

— Мы в таких потасовках всегда бивали англичан.

— Клосс, — усмехнулся Поль Нгунтаба, — ты ученый Божьей милостью и поэтому все путаешь. Ты же англичанин.

— Да? — смутился Клосс и, выходя из положения, объяснил: — Я тибетский лама, плевать мне и на англичан, и на немцев.

— О да, — снова усмехнулся председатель МОАГУ. — Тогда созови на четверг весь совет и пригласи этого варвара, Ивана Селиверстовича, я его отругаю и организую ему по приезду встречу с далай-ламой — вполне возможно, Иван Селиверстович захочет ему слегка нагрубить.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Алексей Васильевич Чебрак трепетал от восхищения перед самим собой. «Вполне возможно, я новое воплощение Кришны», — иногда представлялось ему. Кроме того, что он был великим генетиком, он был еще и великим полифоничным ученым широкого профиля. Мало того что он научился выращивать клоны, добротные копии людей полуфабрикатного типа (клоны, обладающие интеллектом, пока еще были подвержены быстрому старению), он далеко продвинулся в разработке симфонического препарата антимутационного действия «Полнолуние», создаваемого в рамках ужасного напряжения сил им же сконструированной программы. Этот препарат должен был окончательно разделить человечество на избранных и чернь. Предполагалось, что препарат «Полнолуние» будет применяться, по решению ЛПЛ, для тех особей человечества, которые несут в себе творческий и нравственный потенциал, подтвержденный генетическим кодом (Алексей Васильевич уже составил технологию прочтения этих кодов), своего рода рекомендательным письмом от предков на протяжении ста поколений. Применяя этот препарат, рекомендованные люди будут как бы фиксироваться в своих лучших проявлениях, не подверженных дурному влиянию современности; напротив, они привнесут в нее незамутненную чистоту духовности, радости и доброты. Таких людей, по приблизительным подсчетам Алексея Васильевича на тридцатимегабайтной — независимой — «глобал ОМ» системы «XXX», было на Земле не более миллиарда, а остальные... Остальные должны мутировать, что уже и происходит, а со временем, при необходимости, должны подвергнуться киборгизации «путем вживления в мозговую ткань биологических чипов, выращенных на основе брусчатых хрусталиков в синтезе с последними достижениями геной инженерии». Киборгизированные люди более работоспособны, выносливы, более счастливы в сравнении с теми, кто сейчас проходит под определением «маргинаты», потому что не ведают сомнений, генетической памяти, ответственности, секса и дум о будущем. Численность киборгизированных людей будет контролироваться эсхомпьютером «Норма». Те, кто станет принимать препарат «Полнолуние», на определенном этапе развития будут использованы для создания новой формации разумно-духовных людей. Их растворят в лемурианской генетике, которая в виде

белых, гибких и странных человекоподобных существ обитает в срединных храмах и городах внутреннего мира...

— А как же я? — поинтересовался Алексей Васильевич у председателя МОАГУ. — Я же абсолютно безнравствен, а вслед за мной тянется шлейф уголовных преступлений. Это что же, я не получу дозу своего «Полнолуния»? В таком случае я сегодня же проглочу килограмм.

— Еще неизвестно, что получится из этого эксперимента, — отмахнулся от его претензий Поль Нгутанба. — Зачем вам, неглупому, разгневчиваться лемурианцами и входить в бессознательный комок нулевых неогенов? Живите, любите, творите, ешьте пейте, радуйтесь и умрите как положено. Понимаете, Алексей Васильевич, — Нгутанба пристально посмотрел на Чебрака, — во-первых, еще неизвестно, чью генетику хранят лсмурианцы, а во-вторых, вспомните Евангелие: «Блаженны умершие, ибо живые будут просить смерти, но не дана она им будет».

— Понятно, Евангелие, — презрительно усмехнулся Алексей Васильевич. — Я напишу другое, точнее, доходчивее и для меня выгоднее.

— О да! — загадочно засмеялся в ответ Поль Нгутанба. — О да

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Подонки — это как навозные черви, без них нельзя, гумуса не будет, — сообщил Слава Савоев ошарашенному его познаниями напарнику по дежурству, прапорщику Севостьянову. Произнося эти слова, Слава думал не о плодородии, а о переполненности КПЗ, куда полковник Самсонов все-таки устроил его дежурить на три дня, сразу же после получения звездочки капитана за раскрытие кладбищенских преступлений. А всего-то и делов, что Слава, принимая от комиссара Кияшко, которого как-то сразу и неожиданно покинул инфаркт, новые погоны, вдруг заявил:

— Да за такое раскрытие впору монашеский сан принимать.

— Не понял! — опешил Кияшко.

— Я все понял, — успокоил его Самсонов. — Это у них шутка такая гуляет перед повышением.

— А-а-а, — удовольствовался объяснением комиссар и протянул Славе погоны, почетную грамоту и благодарность от командования, то есть от себя лично, — командирские часы.

— Безумие словно река, в нем нужно так двигать ногами и разводить руками, чтобы оно не вынесло тебя на стремнину. Лучше всего искать в нем тихую заводь, утыканную лилиями при полном отсутствии непредсказуемого течения... — говорил главный врач загородной психиатрической больницы Дарагановка, а про себя думал: «На стремнине хотя бы есть шанс получить бревном по голове и рассчитаться с жизнью полностью, а вот из заводи с лилиями, дорогие мои, никуда не денешься, это полное забвение, здесь всегда бродят любители лилий и спасают вас, одним словом, это моя лечебница, которую в народе грубо называют дурдомом».

«Дорогие мои» относилось к Софье Андреевне Сычевой и к новенькому, прибывшему в распоряжение главврача Мурада Версалиевича по решению суда, Лене Свстлогорову. Если в первом случае Мурад Версалиевич Левкоев еще не пытался отказываться от увядающих, но все еще демонстративных форм Софьи Андреевны, то во втором случае ему было до скуки все ясно после произнесенного Самвелом Тер-Огонесяном предупреждения: «Если Лене будет плохо, то тебе, Мурадик, будет в три раза хуже, а если ему будет хорошо, то и у тебя, Мурадик, будет не плохо». С этим все было ясно, выбирать не из чего, и Леня Светлогоров чувствовал себя в психиатрической больнице хорошо, свободно и в меру нетрезво...

Дело в том, что Леня Светлогоров совсем и не повесился в обычном понимании, а

применил старый как мир трюк. То есть Леня, пропустив веревку под мышками, надел куртку, затем соорудил петлю и без опасности для жизни зафиксировал ее на шее. Прodeкламировав Вийона: «И сколько весит этот зад, об этом завтра скажет шея», — он выбил из-под ног табуретку и повис. Иллюзия полная. Посмертная записка, пришпиленная булавкой к рубашке, эту иллюзию окантовывала достоверностью.

Леня был шутником с шизоидным уклоном и, увидев в окно Славу Савоева, сразу же понял, что его эстетически-некрофильские атаки на кладбище с целью сохранения ведомой только Лене Справедливости разоблачены настолько, что пора «повеситься». И он это сделал. Когда один из экспертов, Эльмир Кречугин, став на табурет, хотел срезать с петли «труп», «труп» открыл глаза и громко произнес:

— Ааа!

— Бээ! — услышал Леня в ответ и, опустив глаза, увидел смеющихся Славу, Игоря и Степана.

Савоев сразу же сообщил:

— Леня, я столько висельников самопальных за службу видел, но с таким лицом, как у тебя, вижу первый раз.

— Лицо как лицо, — меланхолично огрызнулся Леня и снова закрыл глаза, жалея о том, что не повесился по-настоящему.

— У тебя лицо отображало муки похмелья, даже фантаст их не назвал бы предсмертными...

Леню сняли с петли и незлобиво, хотя и долго, били. Затем было шестимесячное следствие. Во время следствия настроение горожан изменилось с точностью до наоборот, и стали раздаваться возгласы общественности: «Отпустите больного художника!» и «Леня прав, у нас отшибло память!»

— Интересно, — ворчал Самсонов. — Как это «отпустите», а Уголовный кодекс псу под хвост, что ли?

— Ну, не под хвост, конечно, — неуверенно отвечал Миронов, — он же сумасшедший.

Этот разговор происходил в кабинете главы города, где, кроме Самсонова и Миронова, присутствовали главный редактор газеты «Таганрогская правда», директора основных заводов города и все остальные, осуществляющие управление им.

— Ну, тогда давайте его отпустим, — предложил Самсонов.

— Нельзя, — думая о чем-то своем, откликнулся Миронов. — Тогда выходит, что Уголовный кодекс можно и впрямь псу под хвост выкинуть.

Самсонов досадливо сплюнул в пепельницу и, не рассчитав силу плевка, весь окутался пепельной пылью...

Леню судили. Во время суда его признали больным, отменили уголовное преследование и направили в психиатрическую больницу общего типа для бессрочного лечения.

— Но пасаран! — крикнул на прощание судьям Леня Светлогоров.

— Брось орать как придурочный, — буркнул Самвел Тер-Огонесян, который все это время опекал Леню.

— А за что они меня в «дурку» запихали без срока?

Леня считал, что выкапывание трупов — это где-то на втором месте после выкапывания моркови.

— Дурак ты, Леня, — попытался столкнуть Светлогорова с истиной Самвел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Неопределенность — это еще не самая большая неприятность в жизни человека. Самая большая неприятность для него он сам. Николай Стромов открыл шкаф и вытащил из него черные колготки своей жены. Уже бывшей. Она ушла от него две недели назад к местному

браконьеру, зажиточному и бедовому парню Виктору Найденову. У него был огромный дом, дом за городом, два автомобиля — «Волга» и «Нива», быстроходный катер, моторная лодка и рыбацкий баркас с дизельным двигателем. Найденов был высокий, широкоплечий, веселый и хамоватый тридцатилетний мужчина с устоявшимися представлениями о жизни, принятыми в среде людей, зарабатывающих на жизнь физическим и опасным трудом. В нем жила прямолинейная и эффектная плутоватость, настоящая на неодолимой тяге к материальному достатку и чувству превосходства над людьми, которые зарабатывают на жизнь другими способами, с другой точкой зрения и другим отношением к окружающему их миру. Виктор Найденов ненавидел без причины богатых, банкиров, казнокрадов, владельцев нефтяных компаний и презирал бедных, живущих на одну зарплату, то есть завидовал первым и боялся стать похожим на вторых. Это наиболее распространенный вид трудового человека, который на многое способен, но еще большего боится...

Николай Стромов прижал колготки бывшей жены к лицу и громко, с тоскливым подвывом, всхлипнул. Он страдал по-настоящему. Они прожили с женой, ее звали Валя, всего

три года, и за эти три года его любовь к ней стала глубже, отчетливей, она дополнилась привыканием, привязанностью со стороны Николая, а привычка, как известно, сильнее любви. Живут два человека, он и она, много лет вместе, любовь прошла, а они этого и не заметили, продолжая любить друг друга. У Николая Стромова все было гораздо больнее. Он любил знобкой, острой любовью и уже был окутан мягкой и уютной «веревкой» привычки к постоянно и готовно присутствующему рядом любимому человеку. Поэтому ему было так плохо. Он шумно высморкался в колготки и стал злобно, с глубоко скрытым и еще до конца не понятным решением, рвать их на куски...

В конце концов трое суток прошли. Слава Савоев покинул свой пост дежурного по КПЗ и вернулся в уголовный розыск.

— Ну как? — спросил его Степа Басенок и, не дожидаясь ответа, протянул солидную стопку бумаг. — Это все тебе, для разминки.

— Что здесь? — поинтересовался Слава, принимая бумаги и вручая их только что вошедшему в кабинет Игорю Баркалову. — Степан велел тебе передать, — объяснил он Игорю.

— Да? — удивился Игорь, разочарованно рассматривая кипу рутинной работы, которую он вчера вечером навязал Степе Басенку для того, чтобы тот властью старшего группы поручил заниматься делами Славе Савоеву. В этот момент в кабинет заглянул оперативник из отдела по борьбе с наркотиками и спросил у Игоря:

— Для нас есть что-нибудь?

— Есть, — отстраненно проговорил Игорь, протягивая оперативнику тяжеленькую стопку с бумагами. — Самсонов строго-настрого приказал это передать вам, как лучшему отделу, чтобы вы вникли, разобрались, а о результатах сообщили ему, — он кивнул в сторону Степы Басенка.

— И-их! — огорчился оперативник, у него была смешная фамилия Подпрыжкин, и, взяв бумаги, ушел. В коридоре управления он столкнулся с полковником Самсоновым.

— Что это? — кивнул Самсонов на бумаги.

— Несу для работы в отдел по вашему приказанию, — бойко отчитался оперативник.

— А ну дай сюда, — потребовал Самсонов и, взяв бумаги, стал их просматривать. — Та-ак, — задумчиво произнес он, перебирая заявления и ориентировки. — Иди, — махнул рукой оперативнику, — приказ отменяется.

Степа, Игорь и Слава весело смеялись и ели бутерброды с сыром, принесенные из дома Славой. Дверь в кабинет открылась, и вошел озабоченный Самсонов с кипой бумаг в руках.

— Вот. — Он протянул бумаги Степе. — Поработай с ними. У вас пока ничего серьезного нет, кроме возвращения в отдел Савоева, а по наркотикам завал. О результатах работы доложите на пятиминутке в понедельник. — Самсонов строго оглядел оперативников

и, хмыкнув, покинул кабинет.

— Что? — спросил Слава у Степы.

— Ничего, — сунул ему в руки бумаги Степан. — Это все тебе, для разминки.

Роберт и Арам Рогоняны сидели на мелкой гальке анапского пляжа и пили пиво. И у того, и у другого было плохое настроение. Они не смогли организовать сутенерский бизнес ни в Анапе, ни в неподалеку расположенном Геленджике, ни в Новороссийске, а в Сочи — да не будет упомянуто оно к ночи — после первых организационных попыток к ним в арендованную пятикомнатную квартиру вошла увешанная золото-алмазными изделиями дама семидесяти лет в сопровождении шести мощных молодых мужчин с выглядывающими из-под пиджаков пистолетами. Дама вошла — судя по неожиданности появления, в ее окружении были специалисты по замкам — и сказала, взглянув на часы десяти тысячедолларовой стоимости:

— У вас, ребятушки-козлятушки, остался час. Через час перед вашими глазами должны простираться пейзажи, не имеющие к Сочи никакого отношения. Можете посетить степные районы Калмыкии во время засухи. — Она сунула в рот сигарету с золотым мундштуком и прикурила от услужливо протянутой одним из сопровождающих зажигалки. — Как говорил мой папа, знаменитый одесский часовщик, если вам дают час на сборы, то желательно уложиться в двадцать минут. Если через пятнадцать минут вас увидят в городе, то через пять минут после этого у вас в этом месте, — дама энергично потрясла ширинку Роберта, — будет пусто. А в этом, — она отпустила Роберта и, подойдя к Араму сзади, похлопала его ниже спины, — будет густо. Понятно?

— Понятно! — в один голос ответили «братья».

— То-то, — усмехнулась криминальная старушка. — Меня все понимают.

...Роберт и Арам смотрели, как волны, равнодушные к человеческим проблемам и порокам, накатывались на берег и вновь возвращались к морю. «Братья» почти одновременно подумали о Таганроге, молчаливо переглянулись и, с пренебрежением отвернувшись от Черного моря, с рождающейся надеждой посмотрели в сторону Азовского.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Там, где Дон впадает в Азовское море, образуется дельта из десятков рукавов, каждый из которых полноводен, насыщен рыбой, чистотой и тайной. Сотни затерянных в плавнях островков и простирающиеся на многие и многие километры камышовые плавни. Сколько людей в них заплутало и сгинуло, никто не считал. Вода и суша, бездонные бочаги и плавающие топи, зыбучие пески и волшебной красоты огромные заводи. В них не видно воды, так как все пространство покрыто огромными белыми лилиями, на широких листьях которых греются смертельно ядовитые болотные гадюки козюли, огромные безобидные ужи и целые колонии маленьких, недавно вылупившихся из яиц, черепашат, которые при первых признаках опасности быстро исчезают в воде и принимают к тем же листьям, но с другой стороны. Лилии, кувшинки и совсем крошечные, но многочисленные водяные колокольчики могут обмануть неопытный глаз сухопутного человека, он примет эту заводь за праздничный и радостно расцвеченный цветами луг. И беда настигнет его, если он войдет или вбежит в этот праздник. Лилии разойдутся в стороны, и под ними обнаружится черная гнилая вода, корневая, на глубине одного метра, трясина, которая сплетет человека и вберет в себя. И не за что будет обманутому красотой ухватиться. Чем сильнее он будет протягивать руки и барахтаться, тем шире вокруг него водное пространство и тем гуще поднимется со дна чернильно-всасывающая трясина. Уйдет бедняга в подводное странствие, выскочат на поверхность пузырьки, оставленные убегающей в небо душой, и вновь все утихнет. Лилии и кувшинки постепенно сомкнутся, закроют черный провал гнилой для человека и плодородной для цветов воды, и вновь предстанет перед глазами радостный и многоцветный

луг жизни.

Совсем другое дело, когда сквозь чащу камыша, словно рассекая его саблей, несет свои стремительно-вольные, разделенные на множество «донцов», воды великий Дон. Это праздник изобилия, рай для браконьеров и головная боль для рыбнадзора — линия фронта, война за азово-донские богатства. Где-то здесь, неподалеку, на взморье, катится по дну осетр, разбрасывая икринки, высаживая ростки будущих царских рыб. И чаще всего именно в это время и в этих местах в него впиваются протянутые по дну на тросике каленые крючья браконьеров. Где-то здесь плавают и полутонные белуги, и небольшие бестеры, гениальное открытие генетиков, скрещение белуги и стерляди. Бестер не обладает потрясающе-смачной жирностью и «балыковатостью» белуги и не дотягивает до нежной и золотисто-восторженной вкусовой гаммы стерляди. Творение ученых, одним словом.

Виктор Найденов, тот самый, к которому ушла жена Николая Стримова Валентина, был из той категории людей, которые всего добиваются собственным трудом, то есть руками, горбом, смекалкой и полным пренебрежением к статьям Уголовного кодекса. Такие люди часто оказываются в тюрьме или становятся уважаемыми хозяевами жизни на определенном, кондово-маргинальном уровне. Виктор Леонидович Найденов имел за своими плечами опыт преступления. Где-то там, на дне соединяющегося с Доном Азовского моря, лежат два горедруга, неизвестных Виктору, но посягнувших на его сети, с любовью им сплетенные и с трудом установленные в добычливом, известном только ему, заповедно-рыбном месте, где рыбнадзор и не думал их искать. Виктор не любил воров, да и браконьерско-рыбацкий кодекс обязывал. Он убил этих молодых искателей чужой добычи острой для накалывания крупной рыбы, лежащей по левому борту баркаса. У них не хватило силы и ловкости, чтобы противостоять его флегматичной и расчетливой ярости. Он взял на буксир их моторку, отбуксировал на течение, а трупы, привязав к ним якоря с их же лодки, сбросил под обрывистый берег Донца, для раков. Они любят питаться утонувшими людьми и животными. Виктор помнил, как он и его сосед и друг по промыслу искали тело утонувшего рыбака по просьбе властей приморского рыбсовхоза и нашли его через неделю. В глазницах утонувшего глаз не было, лишь торчали кончики шеек всосавшихся в глубь черепа раков, а когда тело доставили к берегу, они посыпались из дыр десятками: крупные, чуть ли не омарного дизайна. Такие на рынке стоят две сотни десятков.

Виктор Найденов, который рассчитывал только на самого себя и не брал, а вырывал из окружающей жизни необходимые куски благ, вскоре разочаровал Валентину Стриму. Дело в том, что, покидая своего негромко обеспеченного мужа, она думала о новой жизни с Виктором Найденовым с неоправданным

и в какой-то мере идиотским оптимизмом. Ей представлялось, что вот он, сильный, широкоплечий, веселый, возвращается с моря, а она, в легком платьице, подчеркивающим ее фигурку, встречает его на берегу. Он берет ее на руки и несет в дом, где она кормит его ужином, они пьют легкое вино, глядя друг другу в глаза, затем занимаются всю ночь любовью, а по воскресеньям посещают что-нибудь красивое и дорогое, и вся она этим красивым и дорогим окутана... Но, как известно, ограничен лишь ум, идиотизм безбрежен. Когда Валентина сожгла за собой мосты первого замужества, забрала ребенка и ушла туда, где «золотистей и вкусней», она не знала, что ей нужно будет содержать в идеальном порядке дом, потрошить, разделявать, пластать, коптить, вялить рыбу, готовить ее к продаже и реализовывать по субботам и воскресеньям на рынке. Она не знала, что нужно будет содержать в порядке еще и сельский дом и огород при нем, кормить гусей, кур, готовить пойло для двух поросят. Нужно будет вставать в два часа ночи, чтобы накормить мужа горячим, затем, слегка вздремнув, вновь закружиться в хозяйстве и готовке обеда. Вино они по вечерам не пили, Виктор пил водку, но не часто, а лишь после особо зябкой и мокрой погоды. В глаза они друг другу не смотрели в томлении, Виктор называл это слюняйкой. Сексом они занимались редко, да и то лишь тогда, когда Виктор этого желал. Однажды это случилось даже в птичнике, лишь была слегка спущена и слегка вздернута одежда. По

выходным она стояла на рынке, а у него выходные были лишь в дни непогоды и шторма на море. Да, он покупал ей дорогую одежду и золотые украшения, но относился к ней с любовью и заботой того качества, с которым хороший хозяин относится к сильной и работающей лошади. Уже через несколько месяцев нового брака Валентина именно это и чувствовала — усталость лошади. Отрицательные качества и мягкость характера своего первого мужа ей уже не казались плохими. И она, Виктору Найденову стоило бы обратить на это внимание, призадумалась. Нет ничего опаснее, чем думы обманутой в своих лучших ожиданиях женщины. И это тоже следовало бы знать Виктору Найденову.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Москва — один из самых городских городов, в котором проживает восемьдесят пять процентов жителей с психологией людей, созданных для жизни в сельской местности. Поэтому Россия на бытовом уровне считает жителей столицы обыкновенными выскочками. Впрочем, оно и понятно. Стоит только бывшему туляку или космодемьяновцу правдами или неправдами получить московскую прописку, как он так омосквичивается, что даже коренному москвичу, ведущему свою родословную с пожара Москвы 1812 года, хочется уехать в Сан-Франциско или еще куда подальше, лишь бы не наткнуться на супермосквича из космодемьяновца. Впрочем, бывали случаи, когда коренные москвичи так подчеркивали свою столичную исключительность, что уже космодемьяновцы и прочие провинциалы разочаровывались в Москве и, плюнув на нее, уезжали в Париж, Лондон или куда-то наподобие Рио-де-Жанейро, где так опариживались, олондонизировались и ориодежанейровались, что даже трудно представить, что при этом чувствовали парижане и прочая зарубежная сволочь. Вот о чем думал про себя коренной москвич полковник Хромов, когда ровно в 11 часов утра входил в приемную кабинета министра внутренних дел России. Он вошел, а из кабинета министра стали выходить руководители московской милиции.

— А, Хромов. Пришел по вызову? — доброжелательно, но с легкой настороженностью спросил у полковника его непосредственный начальник, глава МУРа генерал Градов. И, не дожидаясь ответа, посоветовал: — Ни от каких предложений не отказывайся, я тебя рекомендовал как лучшего сыщика Москвы. — Градов неопределенно хмыкнул: — Но не знаю, не знаю, хорошо это или плохо.

— Хорошо, по всей видимости, — неуверенно предположил Хромов, приблизительно понимая, что имел в виду генерал. — Может быть, и повышение сейчас будет.

— Ты что этим хочешь сказать? — не на шутку встревожился Градов. — Думаешь, тебя на мое место поставят?

— Я бы не прочь, — не стал отрицать такого предположения Хромов, — но с условием, если вас тоже повысят.

— Ну да, — согласился Градов. — В этом случае и я был бы не прочь...

— Полковник Хромов! — раздался хлесткий, как звук бича, голос адъютанта. — К министру.

Хромов кивнул Градову, одернул мундир и вошел в кабинет министра.

Кабинет министра внутренних дел, во-первых, был большим, даже очень, а во-вторых, даже если бы вы не знали, что это кабинет руководителя одного из самых сильных ведомств государства, все равно, войдя в него, почувствовали бы легкий, а возможно, и сильный, до мурашек, трепет. Длинный совещательный стол из алтайского кедра, полки с книгами слева от входа. Книги толстые, солидные, дорогие, из тех, которые читают только в силу служебных обязанностей, фанатичной любознательности и при бессоннице. Стоит взять такую книгу в руки, лечь в постель и открыть ее, как уже в середине первого предложения она выскользнет из ваших рук и съедет на пол, а вы погрузитесь в глубокий и благодатный сон, что само по себе хорошо для здоровья и плохо для честолюбивых замыслов. Справа от

входа два больших окна, дневной свет попадает в кабинет радостными и большими дозами. За спиной министра, естественно, карта СНГ, испещренная разноцветными и непонятными для непосвященных знаками. Где-то здесь, рядом с картой, дверь другого выхода, но ее не видно в силу потаенности.

Министр встал, пошел навстречу Хромову, пожал ему руку, усадил его за небольшой стол, сел напротив и коротко предложил:

— Рассказывайте, Леонид Максимович, все, от и до. Хромов непонимающе напрягся и вопросительно посмотрел на министра.

— Все об УЖАСе, о том, как вас отстранили от расследования убийства Сергея Васильева в Сочи, о Хонде, в конце концов, о Тассове.

«Понятно, — подумал Хромов, — новая метла».

Министр был только что назначенный. Хромову он импонировал своей жесткостью и, самое главное, тем, что был до мозга костей ментом. И Хромов стал рассказывать. Все, с его точки зрения.

— Здорово! — восхитился министр, когда Хромов закончил свой рассказ. — Это получается, значит, что ГРУ, всякие там УЖАСы и всякие там генетики, вкупе со своими покровителями, ведут себя так, будто МВД — это что-то наподобие вневедомственной охраны, выше сторожей не поднимающейся, так что ли?

— Ну да! — грустно и досадливо ответил Хромов. — Именно так и считают.

— Зря, — огорчился министр. — Непростительная глупость с их стороны. Вас это задевает, полковник?

— Еще бы! — вскинулся Хромов, тот еще артист, и уже спокойней и поэтому убедительней повторил: — Еще бы.

— Ну, тогда, значит, так, — с загадочно-одобрительной усмешкой проговорил министр, — слушайте меня внимательно...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

После того как от полковника Хромова ушла жить к родителям жена, не простив ему пущенные на ветер деньги, предназначенные на покупку «Жигулей» и норковой шубы, он стал относиться к женщинам скептически. Хромов как-то вдруг и сразу осознал, что жизненный фактор по имени «женщина» — это что-то среднее между приятным досугом, Божьим наказанием и постоянной нехваткой денег.

— Ты меня не осуждай, конечно, — говорил он приехавшему в отпуск сыну, — но твоя мама все ноты перепутала. Дура, одним словом.

— Отец! — возмущенно воскликнул сын и машинально добавил: — Мама хорошая.

Двадцатилетний сын Хромова Олег был старшим лейтенантом флота и служил на линкоре «Верный» в заграничном русском городе Севастополе.

— Мама хорошая, — согласился с Олегом Хромов, — но жена с выкрутасами. Посуди сам, сынок. — Хромов стал загибать пальцы: — Во-первых, мужик я хоть куда, иду по улице, так на меня восемнадцатилетние глазками стреляют. Но я-то не пиджон сексуально озабоченный, я на них не реагирую, тем более что восемнадцать лет — это еще не женщина, а свисток, я предпочитаю «мастерицу на все руки».

— И много на тебя таких мастериц работает? — рассмеялся Олег.

— Молчи, не перебивай. — Хромов увлекся и продолжал загибать пальцы: — Во-вторых, пьяный с топором домой не приходил, руки распускать, тем более на женщину, ни в коем случае. Всегда с нею любезен и даже в какой-то мере нежен. В-третьих, дом полная чаша, — обвел он рукой трехкомнатную квартиру. — В гости, в театр, на выставку, на дни рождения в ресторан всегда ее водил. В-четвертых, я начальник, крупный, можно сказать, поднимаюсь по карьерной лестнице, аки конь резвый...

— Конь? — удивился Олег.

— Не перебивай! В-пятых, — Хромов потряс в воздухе сжатым кулаком, — я сыщик, и это главное, а она мне претензии. Зачем, где и с кем, видите ли, я деньги на «Жигули» пропил? — Он укоризненно посмотрел на сына, будто тот и был главным виновником загула. — Надо было, и пропил, какое ей дело, тем более меня начальство, министр наш, машиной премировал и к тому же меня служебная стала возить, то есть рост карьеры налицо!

Старший лейтенант военного флота, уже не сдерживаясь, рухнул на диван и, уткнувшись в подушку, захохотал.

— Смешно?! — гремел Хромов. — Шубу, видишь ли, норковую ей подавай, словно я взяточник какой-то. Чтоб была она царицей морскою и был сыщик МУРа у нее на посылках, так, что ли? Я деньги на шубу тоже пропил, но не как попало, а по службе, с другом, для пользы дела. Интересно, — вдруг озадачился полковник, — куда только «Гринпис» смотрит? Зверьков на шубы убивают, жены задираются в массовом порядке. Нет, Олег, мама — она хорошая, конечно, но как жена нуждается в воспитании розгами. У нее две новые дубленки, канадская и итальянская, курток зимних три, все фирменные, а она из-за шубы ушла к маме и папе, завхозу из ЦДЛ. Это что, по-твоему?

— При чем тут дедушка и бабушка? — возмутился Олег. — Лучше скажи, что дальше делать будете?

— Знаешь что, Олег, — Хромов взял из угла комнаты тридцатидвухкилограммовую гирю и отжал ее сорок раз, — я тебе скажу... — Он поставил гирю на место. — Пускай месяца три поживет у мамы, вернется, мы же все-таки любим друг друга. А я за три месяца кое-чем займусь по службе. Более того, ты ее зазови в Севастополь погостить на эти месяцы, ради безопасности.

— А что? — Олег сразу же стал серьезным. — Это твое «кое-чем по службе» слишком опасно?

— Оно тебе надо? — усмехнулся Хромов. — Я по бабам ударюсь. У меня определенный план имеется.

Полковник Хромов умел отделяться шутками, скрывая то, что он обязан был скрывать по долгу службы. Старший лейтенант Хромов знал эту особенность отца и поэтому ленивым голосом произнес:

— Никуда мама не денется, поедет со мной в Севастополь внука понынчить.

— Эх, — размягченно вздохнул Хромов, вспомнив о внуке Егорке, и строго предупредил сына: — Ты смотри, о том, что у меня есть внук, помалкивай. Это может помешать мне и моим планам...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

У МВД, как и у всех в России, от частного лица до руководителя государства, от бригады строителей до могучего министерства, случаются закидоны. «Закидон» — слово и понятие сугубо южнорусское, а если точнее, оно появилось в Ростове, мимо которого несет свои воды Дон. «Закидон» — нечто среднее между придурью, талантом и желанием возвыситься над обыденностью. В МВД как-то вдруг и сразу задался вопросом: «А что это УЖАС хулиганит на всех, включая и нашу, территориях?» Самым первым этим вопросом задался замминистра, руководитель антикриминальных подразделений генерал-майор Егоров, а задавшись, прямым ходом пошел к министру и поделился с ним своими сомнениями. Рассказал, как при раскрытии убийства Сергея Васильева и убийства ученого Тассова МВД не дали довести дело до конца, как сотрудники УЖАСа, даже в отставке, ведут себя по отношению к сотрудникам министерства.

— Я все это знаю, — сердито сказал министр, — сам недавно накричал на полковника Хромова из МУРа за то, что он грамотно и почти вплотную подобрался к УЖАСу. Но дело в том, что это управление под такой невообразимой международной «крышей», что, если мы

на них насядем, и я, и вы, Семен Александрович, сразу же превратимся в безработных, а то и вообще... — Министр замолчал, не став пояснять свое «вообще».

— Ну-у, — недовольно засопел Егоров. — Даже неинтересно в МВД стало служить, ужас какой-то.

Министр посмотрел на Егорова и загадочно улыбнулся.

— Наседать на это управление мы, конечно, не будем, но, как Министерство внутренних дел, мы обязаны владеть полной информацией о его деятельности на благо нашего государства, как владеем полной информацией о деятельности ФСБ и ГРУ. Это только на пользу стране. Тем более что собирать информацию мы будем тихо, мягко, можно сказать, любовно и уважительно, с использованием всех средств и возможностей нашего министерства.

— Ничего себе любовь и нежность, — восхищенно помотал головой Егоров, — с использованием всех наших средств и возможностей. Это как на войне, что ли?

— Генерал! — повысил голос министр. — Война ни при чем, здесь врагов у нас нет, и поэтому мы должны выработать такую изящную, высшего профессионального исполнения, операцию. Нужно создать группу. Кого бы вы рекомендовали на роль ее руководителя?

— Хромова бы и рекомендовал, — ответил Егоров. — Он очень недоволен этим УЖАСом и настоящий профессионал.

— Одобряю, — кивнул министр. — Завтра же побеседую с ним.

«Ох уж это МВД», — подумал Иван Селиверстович Мару-щак и кивнул оператору из отдела номер ШЕСТЬ:

— Выключай.

Оператор щелкнул тумблером, над которым горела надпись «МВД», рядом с ней находились другие надписи: «ГРУ», «ФАПСИ», «ФСБ», «Генеральная прокуратура», «Генштаб», «Министр обороны». Под каждой надписью — тумблер и вращающееся, как на радиоприемниках 30-х годов, колесико настройки волны. Точно такие же колесики и тумблеры находились под большой надписью «Правительственные структуры». УЖАС был действительно ужасным по своим полномочиям и компетенции.

По простоте душевной и в силу неумного норовистого характера МВД, не спрашивая ни у кого санкций, решило бросить вызов Управлению по жизненно актуальным ситуациям, расположившемуся под «крышей» ГРУ и абсолютно игнорирующему эту «крышу»...

— У вас, у эмвэдэшников, крыша съехала, видимо, — доверительно говорил Хромову его приятель из ГРУ, генерал-лейтенант Эппель Артур Саркисович и столь же доверительно объяснил: — Это хорошо, что съехала.

Дело в том, что ГРУ, не спрашивая ни у кого санкций, решило бросить вызов УЖАСу, ГРУ оскорбило пренебрежение УЖАСа к их собственным научным разработкам. Их возмутило убийство Тассова Анания Сергеевича, работающего с брусчатыми хрусталиками надмолекулярно-атомного уровня. На основе его разработок ГРУ хотело создать гипнотический препарат, с помощью которого можно было завербовать для агентурной работы любого, даже самого высокопоставленного, человека, даже главу ЦРУ, если исхитриться заставить его принять биоэлектронную таблетку, которая, не растворяясь, присасывается к стенкам кишечника. На таблетку воздействуют направленным и заряженным информацией крез-лучом, который не поддается пеленгации: эта информация внедряется в мысли препаратоносителя, и тот делает то, что ему приказывает Главное разведывательное управление России. И вот — Тассова убили. Это заденет кого угодно, даже коллектив мастерской по выделке кроличьих шкур. ГРУ провело расследование и решило, что все следы ведут в УЖАС.

— Мы змею на груди пригрели, — шепотом сказал директор ГРУ Эппелю и приказал ему создать автономную группу по противодействию деятельности УЖАСа.

— Нам же за это так всыпят, что не только погоны с плеч, а и кокарды с фуражек

вместе с головой слетят. Вы хоть понимаете, Николай Олегович, на что толкаете своего зама? — так же шепотом спросил Артур Саркисович у начальника.

— Да черт с ними, с этими кокардами. Нельзя позволять какому-то УЖАСу вмешиваться в дела российской разведки.

ГРУ есть ГРУ. Эппель начал свою деятельность против УЖАСа с того, что дал приказ подчиненным из созданной им автономной группы «Ухо Дионисия» всадить подслушивающие устройства в кабинете министра внутренних дел и директора ФСБ. «Погибать, так с музыкой», — плюнул Артур Саркисович на свою противозаконную деятельность...

— А ведь я доложу министру, что ты, Артур, всадил-таки «жучок» в его кабинете, — сразу предупредил Эппеля Хромов, выслушав его рассказ о том, каким образом он узнал, что Хромову поручено, так же как и ему, создать автономную группу по противодействию УЖАСу.

— Доложи, если польза от этого будет, — согласился Эппель и огляделся вокруг себя. Он и Хромов стояли возле парапета Москвы-реки, склонив головы к воде. Позади них проходила шоссейная магистраль, и поэтому брюки, пальто Эппеля и длинный кожаный плащ Хромова были густо заляпаны сзади грязью, брызгавшей из-под колес проезжающих мимо автомобилей.

— Будет — не будет, а доложу обязательно. Это, в конце концов, мой министр, а я, как тебе известно, служу в МВД, — злорадно предупредил Хромов, ибо увидел, во что превратились сзади его брюки и плащ из-за нахождения в выбранном для разговора месте.

Ни Хромов, ни Артур Саркисович не знали, что «жучки» в кабинете министра внутренних дел были обнаружены в первый же день их появления. И в этот же день выяснили, что они грушные. Именно поэтому министр беседовал с Хромовым в своем кабинете. Он понимал, что лучше всего выйти на сотрудничество с ГРУ неформально. И еще понимал, что с УЖАСом силами одного МВД не справиться.

ФСБ тоже была не лыком шита и обнаружила подслушивающее устройство в кабинете своего директора не менее оперативно, чем сделали это в МВД.

— С ума сойти! — возмутился директор ФСБ, рассматривая «жучок», только что найденный службой внутренней безопасности в стакане с остро отточенными карандашами на его столе. — Как прикажете это понимать?

— Это ГРУ, — охотно доложил начальник службы внутренней безопасности. — Такая модель «жучков» только у них. Мне приятель, мы вместе в школе учились, сейчас он в техническом отделе ГРУ служит, точно такие как-то показывал. У него дома их штук пять в ящике стола валяется.

— С ума сойти! — Возмущенный директор ФСБ позвонил на Хорошевское шоссе, в ГРУ.

— Приемная... — начали говорить на том конце трубки, но директор оборвал прелюдию:

— ФСБ, быстро соедините с вашим шефом, срочно!

Но на том конце трубки сидел опытный и настырный секретарь. Не меняя интонации и ни на секунду не замешкавшись, он повторил:

— Приемная информатики и маркетинга фирмы «Айсберг» вас слушает. Вы хотите сделать заказ?

— Черт! — швырнул трубку директор. — Ошибся номером.

В этот момент на его столе зазвонил другой телефон, правительственный.

— Директор ФСБ у телефона.

— Это из ГРУ, здравствуй, Анатолий, — услышал он голос шефа ГРУ. — Понимаешь, мы тут по ошибке партию карандашей с подслушивающими устройствами отправили твоей канцелярии вместо военного атташе Германии. Ты там обнаружь их и верни, а то, как говорит моя жена, на базаре все так дорого.

— Фу, — изумленно выдохнул директор ФСБ и с восхищением спросил: — У вас что, все такие виртуозы, что сами себя за задницу укусят могут, не нагибаясь?

— А у вас? — не стал вдаваться в подробности глава ГРУ. — Ну что, вернешь инвентарь?

— Слушай, зачем вам это надо?

— Давай лучше встретимся, — предложили на том конце, — поговорим.

— Давай.

Конечно же, генерал-лейтенант ГРУ Эппель Артур Саркисович предпринял попытку внедрить подслушивающее устройство и в блоки аналитической проверки оперативной информации ФАПСИ. Он вызвал в свой кабинет в здании «Аквариума» на Хорошевском шоссе четырех лучших специалистов по установке «жучков» в учреждениях, которые активно противодействуют этому, и сказал:

— Ребята, надо внимательно и объемно выслушать Федеральное агентство правительственной связи и информации. Необходимо узнать их мнение обо всем происходящем в мире и о роли в нем очень интересной и ужасной организации.

Как только Артур Саркисович произнес непроизносимое слово ФАПСИ, четыре лучших специалиста ГРУ стали беззвучно жестикулировать, делать страшные глаза и прижимать палец ко рту: «Тише, молчи, командир, ты что?»

— Что вы задержались, как ужи на сковородке?! — возмутился генерал-лейтенант. — Вы что, забыли, где находитесь? Это наша территория, я вас сейчас на гауптвахту отправлю, в виде исключения из правил.

Четверо специалистов почти синхронно схватились в отчаянии за головы, и тут на столе Эппеля зазвонил телефон.

— Генерал-лейтенант Эппель слушает, — раздраженным, но тихим и вежливым голосом представился Артур Саркисович, подняв трубку. Телефон был без цифрового диска.

— Генерал-лейтенант, вы несколько преувеличиваете свои возможности, — услышал Артур Саркисович, — я уже не говорю о полномочиях. Будьте любезны, отпустите ваших действительно хороших специалистов, они же вам давали понять, что кабинет в «Аквариуме» не лучшее место для инструктажа по столь щекотливому вопросу. Пусть они лучше занимаются настоящей работой. Если вас интересует наше мнение об УЖАСе, то оно двоякое, но большей частью отрицательное. Через двадцать минут к вам придет наш координатор, и вы обсудите с ним суть проблемы. До свидания.

Эппель осторожно положил трубку на место, медленно встал из-за стола и, огорченно помотав головой, сказал четверым специалистам из отдела внедрения:

— И подслушали, и подсмотрели, вот какие дела, ребята. Наврал все Суворов в своей книге. «Аквариум», «Аквариум», а на самом деле дырявое корыто, шарага...

Вновь зазвонил телефон и не дал Артуру Саркисовичу насладиться своим разочарованием до конца.

— Генерал-лейтенант Эппель слушает.

— Суворов — предатель, — сообщили ему тем же голосом, — а мы, как и вы, правительство, особенно мы. Отпустите все-таки подчиненных, координатор уже в пути, а вам еще нужно пропуск выписать или встретить его на проходной. Еще раз до свидания.

«Ох уж эти силовые ведомства, — сокрушенно покачал головой Иван Селиверстович, внимательно прослушав записи разговоров между МВД и ФСБ, ГРУ и ФАПСИ. — Все-таки смелые ребята там служат». Соединившись по внутренней связи с отделом ПЯТЬ, он приказал:

— Разберитесь, кто убил ученого Тассова, и наведите на них ГРУ.

— Есть! — ответили ему из отдела ПЯТЬ.

Полковник Самсонов читал сводку суточных происшествий и одновременно пил чай.

Сводка была насыщенная, а чай слишком сладкий. Полковник с отвращением отодвинул стакан и углубился в чтение. За сутки произошло одно убийство, три ограбления, восемь изнасилований, из них два с применением огнестрельного оружия, десять квартирных краж, пять хищений с госпредприятий, шесть угонов автомобильного транспорта, два нанесения тяжких телесных повреждений, двадцать случаев злостного хулиганства и восемнадцать мелкого, два пожара и один взрыв неустановленного взрывного устройства на городской свалке. «Всегда в полнолуние у меня бессонница, а в городе в два раза больше совершается преступлений», — подумал Самсонов и, отодвинув сводку в сторону, задумался. Ему не нравились квартирные кражи. Был в них один неприятный для полковника момент. Чаще всего, вот уже на протяжении трех месяцев, кражи происходили у состоятельных граждан, квартиры которых подключены к централизованной системе вневедомственной охраны, и это наталкивало на мысль, что в них замешаны сотрудники милиции. Полковнику были неприятны такие подозрения, и он пытался избавиться от них, придумывая другие версии. В дверь постучали и, не дожидаясь разрешения, вошли. Секретарша органически не выносила звонить по телефону, она всегда стучалась в дверь.

— К вам Басенок, впускать?

— Впустите, — задумчиво отмахнулся от секретарши Самсонов и, спохватившись, добавил: — Конечно, Любовь Антоновна, впускать, что за вопрос?

Вошел Басенок, с недовольным видом оглядел кабинет и спросил:

— Вызывали, господин полковник?

— Я? — удивился Самсонов, но, снова спохватившись, строгим голосом произнес: — Конечно, вызывал. Вот, — он постучал по сводке пальцем, — опять кражи из квартир, которые находятся под охраной милиции.

— В Америке даже банки государственные грабят, — привел неожиданный аргумент в защиту милиции Степа и снова замолчал, сердито хмурясь. У него болел зуб, и он в такие минуты не любил никого, включая самого себя.

— Это, во-первых, брехня, а во-вторых, в Америке! — рассердился Самсонов. — Не забывай, что мы живем в России.

— Ну да, — хмуро согласился Басенок. — Я сегодня прочитал в газете, что в Москве за одну ночь обворовали два отделения милиции, вынесли все компьютеры и сейф с получкой из бухгалтерии.

— Да ты что? — приятно удивился Самсонов. — Дай почитать.

— Я газету Савоеву отдал, — буркнул Степан.

— Опять Савоев! — возмутился Самсонов. — Но Москва нам не указ.

Басенок мрачно смотрел в окно, мрачно ожидал продолжения разговора и мрачно думал: «Вы подарите, как в детстве, шар мне воздушный, большой. Чтоб я на нитке повесился и воспарил над Землей». Поэзия, как всегда, явилась не вовремя. Басенок еще пристальней стал смотреть в окно. А за окном крадущимися, но уверенными шагами в южную весну уже врвалось постепенно южное лето. Такое возможно лишь на юге России. Еще белая акация только-только собиралась явить миру свои «листья-семейки на одной скамейке», а яблоня уже отпустила на землю лучезарную белоснежность своего цветения. Еще небо было пронзительно юным и лазоревым, но уже где-то в его глубине появились первые намеки на грядущий зной.

— Во-первых, — Самсонов начал перечисление, и это говорило о том, что он стал на путь конкретного разговора, — сгони с лица мрак и нервозность или сходи к стоматологу. Твой зуб у меня уже в печенках сидит. Во-вторых, я отправляю Баркалова в Москву на курсы повышения квалификации при МВД России. Так что будешь работать с Савоевым, и дам вам одного новенького. У него среднетехническое образование, неграмотный, одним словом, но молодой, настырный, злой и служил во внутренних войсках. От него жена недавно ушла. Пусть у вас салагой побудет, приглядишь. Если все нормально, будет работать, нам кадры нужны. Зовут его Николай, фамилия Стромов. Пока никто в городе и управлении, кроме нас, не знает, что он к нам пришел. Его только в области кадровики оформили на испытательный

срок, он дома пока сидит. Зайди к нему и проведи инструктаж, познакомься, и пусть оформляется во вневедомственную охрану. Посмотрим, что там у них такое. Ясно?

— Да, — ответил Басенок. — Конечно, ясно.

— Ну и хорошо, — похвалил его Самсонов. — А теперь иди к стоматологу. Еще раз увижу тебя с больным зубом, точнее, с такой физиономией, отправлю на пятнадцать суток в КПЗ, баланду задержанным будешь раздавать.

Николай Стромов был обескуражен силой, толкнувшей его пойти работать в милицию. Дело даже не в том, что ему нравилась деятельность уголовного розыска. И не в том, что его приятель Игорь Баркалов, с которым они жили по соседству, как-то сказал:

— Колек, у тебя после ухода Валентины в лице появились черты сухого алкоголика.

— Это как? — опешил Стромов.

— Как сало вприглядку, — объяснил Игорь. — На одном конце хлеба кусочек сала, хлеб ешь, а на сало поглядываешь. До него докусываешь и убираешь на следующий раз.

— Ну и что? — не понял Николай.

— А то, что в конце концов сало становится смыслом жизни. Сало — цель, любовь, признак благополучия и мерило успеха, — рассерженно проговорил Игорь. — Становишься шизанутым, в смысле помешанным на сале, и в один прекрасный день докусываешь до него, жадно впиваешься, глотаешь, давишься и умираешь со счастливой улыбкой на лице, как человек, достигший своей цели.

— Ты когда успел таким умным заделаться? — разозлился Стромов. — Сало-мусало, я любил ее, и мне сейчас тошно.

— Да и черт с тобой, раз дурак, — махнул рукой Игорь. — Лучше поработай у нас, посмотри на любовь и ревность с точки зрения Уголовного кодекса. Насмотришься такого, что потом при воспоминании о своих нынешних переживаниях самому противно будет.

— Сам знаю, что делать.

— И то верно, — согласился Игорь и, попрощавшись, ушел... Но не этот разговор с Игорем Баркаловым привел Николая в милицию. Привел его туда терпкий, юный и пахнущий просыпающимися травами и листьями апрельский вечер. Николай проходил мимо ДК кожевенников и вдруг увидел впереди себя ее. Во всяком случае, походка, волосы, ноги — все так напомнило Валентину, Николая аж холодный пот прошиб. Девчонка, услышав спешащие за ней шаги, оглянулась и с интересом посмотрела на Стромова. Это была не Валентина. Напустив на себя равнодушный вид, Николай прошел мимо и услышал, как позади него презрительно фыркнули.

На следующий день он позвонил Игорю и спросил:

— Как попасть к вам на службу?

— Дозрел вэвэшник, — иронично произнес Игорь. — Сиди дома, жди. Я все разузнаю и зайду к тебе.

Так Николай Стромов, не появляясь среди оперативников, съездил в Ростов-на-Дону, и там с ним провели беседу кадровики управления. Затем он вернулся в город и устроился работать во вневедомственную охрану, став агентом под прикрытием в операции «Домушники».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Не надо быть умным и образованным, чтобы понять: история прогресса, которую ошибочно называют историей развития человечества, бред. Это история деградации человечества. Нужно обладать изысканным инстинктом, определенным варварством натуры, диковатым, внекультурным хамством, чтобы понять это. Только необразованные люди, стоящие далеко от широких трактов культуры, могут слегка улавливать ход событий. Потрясающих высот проникновения в истинность, в настоящий ход земных и небесных

событий иногда достигают врожденные дебилы, бесповоротно и ярко-клинические шизофреники всех видов, дети до пяти лет, после пяти они начинают терять этот дар, некоторые святые, точное число неизвестно, талантливые люди, в смысле те же шизофреники, хронические алкоголики в состоянии жуткого похмелья или в активной фазе белой горячки, женщины с характерными ведьминскими данными и все остальные люди, обычные, за секунду до смерти. Их, — внушительно подняв палец, объяснял Леня Светлогоров, — в эту секунду прошибает пот откровения Божьего, они глубоко вдыхают воздух от изумления и забывают выдохнуть — конец. — Леня Светлогоров с величайшим изумлением перевел дыхание, с таким же изумлением посмотрел на сидящего перед ним Мурада Версалиевича Левкоева и продолжил: — Все же остальные, не названные мною категории людей, которым еще пилить и пилить до предсмертного познания истины, в истине ничего не понимают. Это умные, образованные, культурные, здоровые, респектабельные производители материальных ценностей, в смысле всякой херни наподобие телевизора, атеисты, фанатики всех религиозных течений, литературные критики, ненавидящие литературу до изжоги, то есть все без исключения. Вот, можете записать в моей истории болезни: «И так говорил Светлогоров».

— Да, — уныло произнес главврач психиатрической больницы, — конечно. Это кстати. Мании величия нам как раз и не хватает. Ты кто, реинкарнация Ницше или Заратустры?

Леня подумал и вполне серьезно, хоть и коротко, произнес:

— Хуже.

Мурад Версалиевич хотел развить тему, но в кабинет с испуганным лицом заглянула старшая медсестра и позвала его.

— Ладно, — закрыл тему главврач, — иди, Светлогоров, погуляй по парку, мне работать надо.

Леня ушел, а старшая медсестра Екатерина Семеновна Хрущ, известная среди больных под кличкой Хрущев, заговорила:

— Ой, Мурад Версалиевич! — Она показала пальцем в окно на небольшое, стоящее в стороне от лечебного корпуса здание приемного покоя. — Там чудовище привезли! Плечи — во! — Екатерина Семеновна развела руки, слегка наклонилась и встала на цыпочки, словно хотела обнять слона сзади. — Глаза завязаны, сидит как Чингисхан. Его так и вынесли из психовозки на носилках. Бывший десантник, офицер! — При слове «офицер» в Екатерине Семеновне как бы пробежали волны истомы. — Что делать? Наши санитары с ним не справятся, он такой большой, сильный и страшный.

Екатерина Семеновна даже слегка закатила глаза от ужаса, но в ее ужасе было столько чувственности, что Мурад Версалиевич хмыкнул и поинтересовался:

— А санитарки справятся?

— Да! Я им помогу. Но сейчас он в приемной и пока спокоен.

— Ладно, — зевнул главврач, — пойдемте. — Он вытащил из ящика стола стетоскоп и нацепил на шею. — Посмотрим на вашего Чингисхана.

Леня Светлогоров, выйдя из кабинета главврача, начал бесцельно шататься по всем отделениям двухэтажного корпуса больницы. «А у психов жизнь, так бы жил любой, а хочешь спать ложись, а хочешь песни пой...» Напевая песню Высоцкого, Леня заглядывал то в одну, то в другую палату на втором этаже, где находилось отделение для тихих, буйные содержались на первом этаже. В их палатах были крепкие, закрывающиеся снаружи двери, а коридор в двух местах перегороден металлической решеткой. Но Леню пускали везде. Его уважали и побаивались по нескольким причинам: во-первых, он был знаменит благодаря тому, что его имя долгое время не сходило со страниц местных газет, во-вторых, выкапывание трупов в ночное время создало вокруг него некий зловещий и мистический ореол, в-третьих — и это самое главное, — неусыпная забота «нового русского», армянина Самвела Тер-Огоняна, который к этому времени уже успел приобрести два магазина по улице Гоголевской в районе Центрального рынка и ряд мини-булочных в районе вокзала под

названием «Новый», который был старым, делали Леню на территории психбольницы личностью уважаемой, опасной и неприкосновенной. Все его как бы стеснялись. Такое случается. Живет, живет человек, все его считают никчемным, серым, лишним. Его равнодушно презирают, иногда небрежно сплевывают в его сторону или несильно, походя, пинают от нечего делать, а затем этот «презренный» подъезжает к своему дому на новенькой иномарке, с длинноногой куклой, и окружающие начинают понимать, что они уважали этого человека всегда. Нечто подобное случилось и с Леней, но он не обращал на это внимания. Он заглянул в палату к олигофрену Петровичу, который, как всегда, лежал на кровати, с удовольствием разглядывая что-то на потолке.

— Привет, Петрович! — поздоровался с ним Леня.

Петрович быстро сел на кровати, достал из-под подушки большой ломоть хлеба, намазанный сливочным маслом, и, произнеся:

— Ты в меня камнем, а я тебе хлеба! — швырнул его в Леню.

Светлогоров едва успел отскочить и захлопнуть дверь.

— Что случилось? — спросил у него проходивший по коридору санитар.

— А-а, — беззаботно отмахнулся Леня. — Олигофрен завтракает, называется.

В приемной, куда решительным шагом вошел Мурад Версалиевич, на кушетке, скрестив ноги по-азиатски, сидел высокий широкоплечий стройный молодой человек, глаза которого были завязаны черным платком.

— В чем дело, лейтенант? — властным голосом произнес главврач.

Молодой человек мгновенно сорвал с глаз повязку, вскочил и, вытянувшись по стойке «смирно», доложил:

— Я вернулся, комбат.

— Зря, — скорбным голосом поведал ему Мурад Версалиевич. — Тебе придется выдержать курс голопиридола и посидеть под шквальным огнем стелазина.

— Я готов, — мужественным голосом произнес лейтенант. — Надеюсь, в этом бою мы обойдемся без сульфазина?

— Посмотрим по ситуации! — рявкнул Мурад Версалиевич и, повернувшись к санитарам, приказал: — Проводите лейтенанта к месту службы в третью палату и поставьте на вещевое довольствие.

Санитары переглянулись, тоже вытянулись по стойке «смирно» и в один голос ответили:

— Есть поставить на вещевое довольствие!

Когда молодого человека увели, Мурад Версалиевич обратился к старшей медсестре:

— Екатерина Семеновна, вы правы, это действительно бывший офицер. Он у нас уже четвертый раз с интервалами в полгода. У него блочный психоз, вызванный тягой к уединению, то есть каждые полгода он видеть никого не хочет и завязывает себе глаза. У него есть три достоинства: миролюбив, силен и неизлечим. Это хорошие качества для нашей больницы, через десять дней после курса инъекций мы сделаем его старостой над буйными, и они будут ходить у него по ниточке три месяца, которые мы имеем право держать его на стационаре.

— Три месяца?! — воскликнула Екатерина Семеновна и почему-то зарделась.

Глория Ренатовна Выщух улыбалась. Она стояла возле окна и смотрела на город. Ей почему-то представлялось, что она не в Таганроге, а в Мадриде, хотя эти два города не идут между собой ни в какое сравнение. Если Мадрид был всего-навсего в Испании и ничего в себе не нес, то в Таганроге было все: Россия, море, русский язык, непредсказуемость, юг, живописная провинциальность и замаскированная под жителей города талантливость.

Глория Ренатовна отошла от окна, подошла к зеркалу и осмотрела себя. В каждой женщине есть нечто инопланетное, нечто, не поддающееся расшифровке, смутная тайна тщательно замаскированных чудес еще неизвестной человечеству религии. Глядя на Глорию

Ренатовну, в это мог бы поверить каждый. Она отошла от окна и подошла к разобранной постели. В глаза ей бросилась открытая посередине книга, лежащая на полу, и она взяла ее в руки. Книга называлась «О стервах и кошках». Глория Ренатовна улыбнулась. Неожиданно ей попал в нос луч солнца, прорвавшийся в комнату сквозь неплотно задвинутую штору на окне, и она чихнула, успев подумать: «Зачем Самвел подарил мне эту книгу?»

В загородной психиатрической больнице Дарагановка два раза в неделю разрешалось посещение больных родственниками. В эти дни рейсовый автобус то и дело выгружал возле центральных ворот посетителей. Родственники привозили огромные сумки с провизией и скорбное выражение на лицах. Психическое заболевание в народе считается не столько болезнью, сколько действием, достойным всяческого порицания, насмешки и наказания. Поэтому родственники содержащихся в тюрьме заключенных и родственники содержащихся в психбольнице больных имеют на лицах одинаково затравленное и одинаково печальное выражение.

Медперсонал больницы считал дни посещений днями Божьего наказания. Хронические больные в эти дни возбуждались и начинали плести всякую ахинею, подкрепленную немотивированными поступками, излечивающиеся «белогорячки» напивались, потому что кто-нибудь обязательно приносил им во время посещения спиртное. Уследить за этим было почти невозможно. В таких случаях, когда обнаруживался пьяный «белогорячник», Мурад Версалиевич выходил к его родственникам и говорил на прощание:

— Надеюсь, что вы не забудете приносить и цветы на могилу усопшему, как не забываете приносить ему в больницу водку.

Из-за спины главврача сразу же появлялся лейтенант, подверженный блочному психозу, и обращался к нему:

— Разрешите уничтожить противника, комбат?

На этом все и заканчивалось. «Противник» самоуничтожался, исчезал вдали, быстрым шагом покидая территорию больницы.

— Какой вы смелый, лейтенант! — порхала вокруг больного офицера влюбленная в него Екатерина Семеновна Хрущ.

— Комбат, я ликвидирую эту тетку?

— Нет, она нужна нам в этой операции, — строго обрывал лейтенанта Мурад Версалиевич.

— Ясно! — сникал исполнительный служака.

— Что вы такое говорите? — обижалась Екатерина Семеновна.

Но в этот весенний день в загородной психиатрической больнице посещение выдалось необычным. К десяти утра сюда должны были прибыть представители администрации и культуры города Таганрога, чиновники областного Союза художников, сопровождающие двух итальянцев, одного американца и трех экспертов французского Лувра. В этот день с пяти часов утра санитары начали производить генеральную уборку всей больницы, водить больных, поплатно, в баню и переодевать в Новые, подаренные Самвелом Тер-Огонесяном, красно-зеленые атласные пижамы. Мурад Версалиевич прибыл в больницу к семи утра. В хрустящем белоснежном халате, в сопровождении такой же хрустящей и белоснежной Екатерины Семеновны, он сделал незапланированный и придирчивый обход своих владений. Весь медперсонал волновался. Такого в истории больницы еще не было.

В десять часов утра делегация международной богемы и местной администрации вошла в вестибюль больницы, и сразу же иностранцы восхищенно закивали головами и зацокали языками, а местная власть горделиво вскинула вверх подбородки. На выкрашенной в синий казенный цвет стене вестибюля висели две картины, написанные Леней Светлогоровым. Одна представляла собой абсолютно белый квадрат, обрамленный в золоченую рамку, и называлась «Черный квадрат К. Малевича — вид сзади».

А на другой, такой же квадратной и обрамленной в золоченую рамку, был изображен таганрогский яхт-клуб, кусочек Азовского моря и небольшой участок Пушкинской

набережной. Картину ровно посередине делила на две половины, сверху вниз, черная полоса, и картина называлась «Черный квадрат К. Малевича — в профиль».

Рядом с картонами стоял скромно потупившийся виновник торжества Леня Светлогоров, одетый в новенькую атласную, не как у всех, черно-серебристую пижаму. Рядом с ним в смокинге, с гладко причесанными волосами, победным носом и видом стоял великолепный Самвел Тер-Огонесян, а с другой стороны, в модифицированном под современность миди-хитоне «Афродита», с вплетенной в волосы рубиново-жемчужной ниткой, словно обращенная в плоть эротическая фантазия, стояла Глория Ренатовна Выщух, и иностранцы, не переставая восхищенно кивать головами и цокать языками, смотрели на нее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Начальник отдела аналитических инсинуаций ФСБ Тарас Веточкин позвонил полковнику Хромову:

— Давай встретимся, возникла проблема.

— Неужели у вас на Лубянке опять бухгалтерию обворовали? — удивился Хромов. — Я вам давно советовал сменить внутри здания навесные замки врезными, а навесные вешайте на дверях подъездов, сколько можно их проволокой закручивать?

— Все гораздо серьезнее, Леонид Максимович, — отказался от шуток Веточкин. — ЧП, можно сказать.

— Когда и где?

— У Стефана Искры через час, я его туда отвез.

Московское начало апреля в корне отличается от такого же начала в Таганроге. Во-первых, еще ничего не ясно, а во-вторых, полно снега. Апрельская Москва — абсолютно нездоровое место, горожанам чаще всего и в голову не придет расстаться с теплой одеждой. Им иногда даже в мае это не приходит в голову. Поэтому москвичам был непонятен человек, который шел в сторону Генеральной прокуратуры от станции метро «Охотный ряд» в странной, хотя и достаточно дорогой одежде. Человек был зрелого возраста, высокого роста и спортивной выправки, с черным раскрытым зонтом в одной руке и портфелем из желтой кожи в другой. На глазах у него были солнцезащитные очки «Сахара». Апрельский ветер распределял вдоль улицы очередную порцию снежной крупы, неожиданно вывалившейся с пасмурного неба. Мужчина с зонтом и портфелем был одет в черный пиджак от костюма, то есть верхняя часть туловища у него была классической: белая рубашка, строгий галстук, шляпа «клерк из Сити». Странности начинались ниже: австралийские, песочного цвета, шорты, белые гольфы и летние сандалии «я в отпуске». Милиция хотя и нервно вздрагивала при виде мужчины, но все-таки не останавливала его. Во-первых, мало ли что, Москва всегда была с чужинкой, а во-вторых, у мужчины было такое солидное, даже властное выражение лица, что патрульные невольно думали: «Черт разберешь это начальство», — и проходили мимо. Тарас Веточкин, матерясь в душе, ехал к зданию Совета Федерации, когда увидел вышагивающее по пешеходной дорожке «чудо в перьях». Узнал он его мгновенно. Миронов нисколько не изменился с их последней встречи. Веточкин мигнул задними подфарниками и остановился, отлично понимая, что сзади сразу же образуется затор из автомобилей, значительная часть которых была с проблесковыми маячками.

Миронов недоуменно, с высокомерием английского джентльмена, остановился и оглянулся, тотчас же сменяя высокомерие на радостный возглас:

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуй, здравствуй, прокурор пришибленный.

Веточкин торопливо схватил Миронова за руку и потащил к машине, ибо вся улица уже наполнилась звуками клаксонов, требующими движения.

— Куда ты меня тащишь? — удивился Миронов, едва поспевая за Веточкиным. — Мне

к Генеральному нужно.

— Ага, щас, — сердито сказал Тарас, запихивая Миронова в салон. — Алкаш таганрогский, только у Генерального прокурора тебя и не видели

Он с силой захлопнул двери, от потрясения не обратив внимания, что срубил дверцей верх зонта, который Миронов пытался в незакрытом виде втянуть в салон. Веточкин быстро сел за руль и тронулся с места. Проехав порядочное расстояние, чтобы успокоиться, он заехал на стоянку и уже там, обернувшись к Миронову, спросил:

— На знойную Москву приехал посмотреть?

Миронов сидел на заднем сиденье, выпрямив спину и держа трость погибшего зонта, словно солдат карабин во время торжественного парада.

— Да черт его знает, — вдруг сник он, — как я здесь оказался. У меня после падения в кабинете Самсонова, нашего главы УВД, все перепуталось.

— Ясно, — сказал Веточкин, заводя машину, — не переживай, распутаем.

Он выехал на Тверскую и решил доставить Миронова к Стефану Искре, позвонить Хромову и посоветоваться, как действовать дальше.

От подъезда Стефана Искры отъезжал грузовик, наполненный стеклянными бутылками разной конфигурации. Стефан Искра сделал генеральную уборку. Он ничуть не удивился Веточкину и Миронову, доброжелательно распахнув перед ними двери.

— Вот... — начал было Тарас, указывая на Миронова.

— Не объясняй, — бросив короткий взгляд на прокурора, оборвал его Стефан Искра, — лучше действуй.

Я хожу по Москве и рассматриваю ее витражи, вижу вспыхивающий свет в ее окнах. Если бы я захотел, то заглянул бы в любое окно и улыбнулся бы при виде подсмотренной мною жизни. Во мне живет томительное умиление перед беззащитностью Москвы. Для меня в ней нет закрытых дверей, нет силы, которой я должен опасаться. Хотя, конечно, сила, равная моей, в Москве есть, но я ее не опасюсь. Это мои братья, солнечные убийцы, это моя родина УЖАС, это мой бог Иван Селиверстович Маруцак. Что? Ах да, документы. Какие симпатичные ребята милиционеры. Такие юные и грозные, с оружием. Да, я проживаю в Москве, а Москва во мне. Неужели у меня такая внешность, которая заслуживает постоянной проверки документов? Я по-доброму улыбаюсь. А вот и Лубянская площадь, а вот здание, наводящее необоснованный ужас на весь мир, но это было когда-то. Мне кто-то говорил, что в этом здании работают умные и вполне добродушные люди. Я не знаю, но, на мой взгляд, у них не хватает фантазии и осторожности. Что это за название, ФСБ? Звучит как аббревиатура материцы. В мире столько поэтических и грозных образов. Впрочем, фантазия — это чепуха, а вот потеря осторожности серьезней. Я улыбаюсь. Иван Селиверстович тоже усмехнулся, когда сказал мне, чтобы я походил по Москве и повеселился, глядя на здания силовых ведомств. Он сказал, что все они бросили вызов УЖАСу и скоро мне и моим братьям предстоит работа. Мне что-то не верится. Я думаю, что Иван Селиверстович шутит, я преклоняюсь перед своеобразием его юмора. Это же надо, бросили вызов УЖАСу! Мне еще никто не говорил, что там служат окончательные идиоты. Я улыбаюсь. Я могу захватить в одиночку здание «Аквариума» на Хорошевском шоссе, перед которым сейчас стою. Захватить, разбить у них всю оргтехнику и уйти на поиски ночной женицины, хотя я бы не отказался и от утреннего мальчика.

Москва ошарашила Игоря Баркалова своей клубящейся и непредсказуемой энергетикой. К нему подошел заметного вида паренек и представился:

— Оперуполномоченный Ласточкин, но зови меня просто Лешей. А ты Игорь?

Игорь молча кивнул.

— Ты в курсе событий, и я не буду объяснять, что никакие мы не оперы сейчас, а обыкновенные работяги. Я, например, водитель маршрутного такси, а тебя приказали

устроить учеником официанта в ресторан «Первая скрипка», это самый дорогой и самый закрытый ресторан Москвы. У меня там земляк, тюменский, друг юности, старшим официантом работает. Подойдешь к нему и скажешь, что от меня, Лешки-шоферюги, пришел. Мол, в армии вместе служили, в десанте под Новочеркасском, хочешь денег заработать. Я с ним уже разговаривал насчет тебя. — Ласточкин отошел от Игоря на два шага и повертел головой. — Запомнил внешность?

— Да что там запоминать? — сердито сказал Игорь. Его до глубины души возмутило «приказали устроить учеником официанта». — Пальто серое, фуражка мягая, руки грязные и лицо глупое.

— Точно, — миролюбиво кивнул Ласточкин, — высший класс. Пальто, фуражка, грязные руки и лицо незапоминающееся. Что может быть лучше для опера? А ты, Игорек... — лицо Ласточкина вдруг стало хулиганистым, — немного приутихни. Тебя работать сюда прислали.

— Конечно, — ответил Игорь, — только у меня аллергия на слово «официант».

Они стояли на пятой платформе Курского вокзала, и Игорь увидел, что к ним направляются двое патрульных.

— Менты, — шепнул он Ласточкину, и тот, скосив глаза, тоже шепнул:

— Линяем вправо, вон электричка подходит, прямо перед ней.

Игорь мгновенно схватил сумку, а Ласточкин его рюкзак, и, спрыгнув с платформы перед самым носом электрички, успев избежать соприкосновения с ней, они помчались через путевые линии к уже близким московским улицам четвертого уровня престижности.

Через некоторое время Игорь и Ласточкин сидели в каком-то кафе с ярко выраженным интерьером совковой забегаловки-ретро.

— «Первая скрипка» находится возле гостиницы «Минск», я тебя подвезу к этому месту, — объяснял Ласточкин. — Обслуживающий персонал туда набирается только из провинции, как в президентский полк, москвичей не берут. В общем, Колька тебя устроит и с жильем поможет, а ты работай от всей души, вживляйся, одним словом. Придет время, тебя найдут и скажут, что делать дальше. Самое главное, не веди себя как мент, убей в себе эти задатки на время.

— Ага, — буркнул Игорь, — убить на время невозможно...

Перед отъездом в Москву Самсонов, смахнув с глаз несуществующую слезу, объяснил Игорю:

— Едешь на курсы повышения квалификации, но сразу по приезде будешь участвовать в какой-то операции, я не знаю, у москвичей все с вывертом, будешь внедренным агентом некоторое время. Им нужны люди из глубинки, хотя если Таганрог глубинка, то Москва вообще чаша дремучая. Но ты внедряйся и покажи, что такое оперативник из глубинки, пусть утрут свои сопли столичные. Тебя встретят на вокзале и проинструктируют. А теперь иди, не терзай мою душу, я буду беспокоиться о тебе, сынок.

Самсонов явно преувеличивал свое беспокойство. Беспокоиться-то он беспокоился, но не до такой же отцовской степени. Он Игоря рекомендовал, и его рекомендацию приняли. Если Игорь эту рекомендацию оправдает, то, глядишь, и он, Самсонов, еще покрасуется в генеральских лампасах.

— Иди, сынок, — отпустил он Игоря, — там тебя ждут, — и неопределенно махнул в сторону двери.

За дверью действительно ждали Савоев и Басенок... Даже сейчас, разговаривая с Ласточкиным, Игорь еще чувствовал остаточные явления этого ожидания в голове. Она побаливала.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Все мое тело — лицо, погода не имеет для меня никакого значения. Я восхищен своим совершенством. Надо же, в районе Садового кольца я попал в автомобильную пробку без автомобиля, как в анекдоте. Я пошел к цели по прямой, по крышам автомобилей. Порхал как Нижинский и Петипа в одном лице, даже усугубил это движение пассажирами СПИД-носца Нуриева. А что в ответ? Черная неблагодарность автомобилизированных кентавров. Они меня раздражают. Милиция машет руками и грозит. Водители матерятся и тоже грозят. Закон не на моей стороне и поэтому тоже грозит. В конце концов, я иду в гости к брату, вот, у меня в руке торт. Зачем мне эти обходы автомобильных заторов, когда можно пройти по крышам их салонов? «Чайники», «подснежники» и владельцы скромных автомобилей молчат, делают вид, что ничего не происходит. Владельцы джипов, «ауди», «мерседесов» и других хамоватых автомобилей пытаются ухватить меня за ноги и даже ранить какими-то инструментами для ремонта. Я не люблю самоуверенность извне. Спрашивается, что они выиграли от своей агрессии? Валяются на грязном шоссе и воют от боли, ждут, когда к ним пробьется «скорая помощь». Я вижу, не скоро. Врачи бегут пешком, одним словом, двигаются медленно. Ну и «скорая помощь»! Хотя, если разобраться, куда спешить? На той стороне улицы уже три патрульные группы недвусмысленно демонстрируют мне наручники и буквально умирают от смеха, увидев, как выскакивающая в гневе из салона «сонаты» дама, прическа в сто пятьдесят баксов, валится в салон обратно. Я не хотел отталкиваться для прыжка от ее головы, но так получилось. Я иду к брату в гости, у меня в руке торт и десантный нож за поясом, тот самый, что я забрал у парня с прекрасным именем Сергей в Сочи. Пусть Стефан сам сошьет этому ножу чехол-тельняшку, белое и голубое. А вот и другая сторона улицы, а вот и бегущие ко мне со всех сторон патрульные, а вот и прыжок «раздраженная пантера», и я уже с балкона второго этажа, как предусмотрительно он оказался открытым, машу удивленным милиционерам, злым автомобилистам и центру Москвы. Вручаю коробку с тортом хозяйке квартиры, со страхом наблюдающей, как я иду к выходу из ее, казавшейся до сих пор защищенной, «крепости». Стефану торт не нужен. Я куплю ему по дороге в магазине военных сувениров каску, пусть сделает из нее рюмку для запоздавших гостей. Он любит грубые шутки. Я улыбаюсь.

У Стефана Искры собрался своеобразный консилиум. Полковник Хромов, сделав несколько шагов по огромной после уборки стеклотары квартире Стефана, останавливался, задумчиво смотрел в глаза Миронова и вновь начинал вышагивать по комнате. Миронов сидел на поломанном компьютере с видом чиновника, сидящего на совещании у руководства.

— Все, — пришел к выводу Хромов, — едем в Таганрог, идем к Самсонову и... — Он неожиданно умолк.

— Возбуждаем уголовное дело по факту падения и удара головой о сейф городского прокурора во время попытки полковника Самсонова завязать с ним дружественные отношения путем пожимания руки, — подхватил мысль Хромова Веточкин, а затем поинтересовался у Стефана Искры: — Выпить есть?

— Да, — кивнул Искра, — кубинский ром в кладовой.

— У меня водка домашняя есть, — готовно вскинулся Миронов и вытащил из портфеля литровую бутылку красноватого цвета.

— Перцовка неклиновская! — в один голос вскричали Веточкин и Хромов и тут же объяснили обескураженному Искре: — Этот самогон кубинским ромом можно запивать как компотом.

— Да ты что?! — изумился Искра, с интересом поглядывая на бутылку. — Там, — он махнул рукой в глубь квартиры, — если есть желание, стаканы и закуска.

— Что с прокурором делать будем?

— Вот сейчас выпьем первачка неклиновского, закусим и все спокойно решим, — успокоил Хромова Тарас Веточкин.

В это время дверь в квартиру Искры распахнулась, и вошел хрупкий улыбающийся человек с военной каской в руке, из которой выглядывала бутылка французского коньяка. Он был похож на Пьера Ришара.

— О, французы, силь ву пле! — обрадованно воскликнул Миронов.

Искра обвел строгим взглядом почему-то напрягшегося Хромова и задумавшегося Веточкина, сложил ладони возле груди и сурово-нежным голосом произнес:

— Здравствуй, мой солнечный брат.

Видимо, автору придется сделать небольшое отступление и кое-что объяснить.

Алексей Васильевич Чебрак создавал солнечных супертелохранителей не только из хронически неизлечимых шизофреников. Стефан Искра вошел в разряд солнечных убийц тридцатисемилетним майором десантных войск. Пуля душмана сделала его мертвым в агонизирующем состоянии, без пяти минут «груз 200». На его агонию обратил внимание Алексей Васильевич Чебрак, радостно воскликнув: «Какая колоритная картина умирания, немедленно ко мне в нейрооперационную. Если спасу его в походных условиях, то заберу к себе в лабораторию». Военным ничего не оставалось, как выполнить приказ. Этот мартышечного роста ученый с кривоватым носом носился по Афганистану, как ненасытный сборщик грибов по Подмоскovie. Он появлялся вслед за войсками первым среди дымящихся руин Кандагара, в сопровождении двух рот элитарного десантного спецназа, обшаривал все щели дворца Амина после захвата, топал и визжал в истерике, заставляя вместо убитых вывозить на большую землю собранные им книги и древние манускрипты Афганистана. Убито-раненого он спас от смерти, но жизнь майора превратилась в непрекращающуюся трясущуюся боль. «Великолепно, чудесенько!» — выплясывал Алексей Васильевич среди военных хирургов, которые с негодованием смотрели на воющего в бреду от боли майора.

Этим же вечером Алексей Васильевич приказал со всеми предосторожностями переправить майора в свою подземную лабораторию. Майор еще не долетел до Москвы, а его родители, родственники и жена, живущие в деревне Астапово Алтайского края, уже получили тщательно запаянный цинк и уведомление командования: «Ваш сын, Корнеев Василий Иванович, героически погиб в бою и посмертно награжден орденом Ленина». Семье был передан орден, выплачена денежная компенсация, а на могиле «погибшего» за счет края был установлен памятник из черного мрамора. Так исчез Василий Корнеев, а через десять лет лечения и обучения в подземной лаборатории и классах УЖАСа появился Стефан Искра, у которого за время обучения было одно взыскание. Он иногда догонял мчавшийся на полном ходу легкий быстроходный танк «Ра-2», хватал его за задник и боковым рывком «взлет» переворачивал на бок. В те времена ГРУ и УЖАС жили мирно.

— Что это за танки вы делаете для разведчиков?! — кричал руководитель ГРУ на конструкторов.

— А что это за монстры у вас по полигону бегают? Таких не бывает, — оправдывались конструкторы.

— Иван Селиверстович, — просил Марущака грушник, — покажите нам это привидение.

— Уже поздно, — отнекивался Иван Селиверстович, — я его в одиночный маршбросок на пятьдесят километров бросил.

Таким был Стефан Искра, один из первых солнечных убийц. Но совершенно другим, пришедшим в солнечные другими путями, был тот, кого мы называем «Улыбчивым», «хмельным Пьером Ришаром»...

Улыбчивый — кличка наживная, а где-то там, в прошлом, где, как уверяют знающие люди, всегда цветет жасмин, его звали Григорием, Гришкой Волчанским, а еще короче — Волчонком. Беда станицы с юных лет. Его отец, похожий на разъяренного грача казак, до тринадцати лет лупил его от всей души. А в тринадцать лет, отбросив кнут в сторону, сказал

рядом находящимся старикам и председателю сельсовета:

— Все, время кнута кончилось. Я его больше пальцем не трону, не хочу во сне получить нож в горло.

— Да, — почесал затылок председатель сельсовета, — хоть бы в армию скорее забрали.

Даже взрослые парни старались обходить Григория стороной, было в нем что-то странное и страшное, выражавшееся в его стеснительной, как бы изнутри выплывающей улыбке. Эта улыбка ничего хорошего не обещала, никакой лучезарности в ней не было, лишь какая-то запланированная и даже благоговейная жестокость. Когда пришло время становиться на воинский учет, получать приписное свидетельство, психиатр военкомата целых два часа беседовал с Григорием Волчанским, а затем сказал Прохору Волчанскому и бывшему председателю сельского совета, который уже переквалифицировался в атамана:

— Можно, конечно, призвать его в армию, но это убийца. Пока его нельзя признать психбольным, он как бы на грани, синдром подростка, посмотрим, что будет дальше.

— Что же делать? — растерянно проговорил Прохор.

— Ждать, — пожал плечами психиатр, — может, пронесет...

Не пронесло! В семнадцать лет Григорий Волчанский стал портить станичных девок и молодых с той скоростью, с которой они желали этого. Молодые казаки хотя и помалкивали, но чувствовали, что больше чем у половины из них головы оттягивают ветвистые рога. В станице с таким хобби долго не проживешь. В один из летних вечеров семнадцатилетний Григорий Волчанский остался лежать, избитый яблочными слегами, на проселочной дороге в Тимашевскую. Вместо головы у него как бы образовался кровавый шар, ноги вывернулись носками в землю с обычным изяществом ног, перебитых в коленях. Но сердце у Волчонка продолжало биться. А тут еще и чудо подоспело, которых, как известно, на земле много, только мы не обращаем на них внимания. В микроавтобусе «форд» по проселочной дороге возвращались с места отдыха в городе Геленджике Иван Селиверстович Марущак, Алексей Васильевич Чебрак и два обычных телохранителя по охране главы государства.

— Покойник, что ли, на дороге лежит или пьяный? — заметил лежащего Григория шофер.

— А ну-ка давайте посмотрим, — сразу же заинтересовался Алексей Васильевич Чебрак. — А вдруг в нем еще живые органы есть, мне запчасти нужны, да и все необходимое при мне.

— Смотрите, — флегматично согласился Иван Селиверстович.

Водитель осветил фарами лежащего, и Алексей Васильевич закрутился вокруг него.

— Да, почти покойник, — сообщил Алексей Васильевич, — но с уникальным сердцем, еще часов восемь работать будет, и глаза у него живые, но все равно почти покойник. — Алексей Васильевич Чебрак иногда изрекал парадоксы, но особого значения им не придавал. — Я беру его в Краснодар, если вылечу, то воспитаю, и он будет солнечным нового вида.

— Забирай, если нужно, — добродушно согласился Иван Селиверстович, который за время дороги уже выпил четыре бутылки настоящего киндзмараули.

Так в команде солнечных убийц появился Улыбчивый. Человек, ненавидящий яблоневые сады и присутствие на земле Бога.

Как-то так получилось, что инициативу в руки взял несколько эксцентричный гость, пришедший с подарком — каской и французским коньяком. После того как Стефан познакомил его со всеми, представляя под именем Григорий, совершенно ему не подходящим, он подошел к Миронову и, обойдя вокруг, вдруг резко обхватил его голову руками и слегка надавил в затылочной части большими пальцами.

— Ой! — вскрикнул Миронов и побледнел.

— Понятно, — широко улыбнулся Григорий, — голова. Болит или просто заклинивает?

— И болит, — слабо отозвался Миронов, — и заклинивает время от времени.

— Ха-ха-ха, — залился в смех странный гость, — оригинально получилось. Это же надо так точно выразиться, «время от времени». Звучит как колокольный звон, бом-бом, а в

итоге — «время от времени», сломанные часы, одним словом, ха-ха-ха... — Прервав смех, он вновь участливо спросил: — А почему вы побледнели, больно?

— Да нет, — добродушно ответил Миронов, — просто взбледнулось.

— Как я вас понимаю, — печально произнес Григорий и вдруг, резко повернув голову, острым взглядом обвел Веточкина и Хромова. И у того, и у другого создалось ощущение, что в миллиметре от их лиц прошла бешено вращающаяся циркулярная пила. «Явление УЖАСа в народе», — мысленно усмехнулся Хромов, сразу же догадавшийся, какого рода к ним явился гость.

— Что будем делать? — спросил Стефан Искра, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Нужно без шума, по-тихому, проконсультироваться с психиатром, — предложил Тарас.

— Да что он даст, твой психиатр? — огрызнулся на его слова Миронов. — Я что, дурак, по-твоему? — После этих слов он с недоумением посмотрел на свои шорты и разочарованно уставился в окно, за которым густо валил отрицающий ношение шорт мокрый снег.

— Может, само все пройдет? — неуверенно предположил Хромов, имеющий весьма смутное представление о медицине.

— Покажите его опытному и талантливому нейрохирургу, — произнес улыбающийся Григорий.

— Нейро... чего? — переспросил Миронов и добавил: — Вообще-то я с Хромовым согласен, само пройдет.

— Точно! — не обращая внимания на Миронова, воскликнул Веточкин. — Нейрохирург, Мишка из Склифа, Лутоненко, мой двоюродный брат.

— Да будет так, — поставил точку Стефан Искра. — Нейрохирург. А сейчас давайте выпьем вашего неклиновского.

— Я не пью крепкие напитки, — отказался от протянутого стакана Григорий, — они бессмысленны, безрадостны и слишком жестоки к людям.

— Это да, — согласился с ним Миронов, опрокидывая в себя стакан, — это я согласен.

Йоги, знающие о возможностях тела все, после того как достигнут духовного совершенства, уходят из жизни добровольно, как бы отпуская свой дух в космическую нирвану, а тело отбрасывая за ненадобностью. Имеются в виду настоящие йоги, а не шуты гороховые, пляшущие на битых стеклах перед публикой. Достоверно известно, что до этого расставания с телом йоги держат его в состоянии жизни более трехсот лет. После себя они оставляют множество рекомендаций по охране тела, но основной массе людей легче откинуть копыта в пятьдесят лет, чем напрягаться до трехсот. Естественно, что спецслужбы не пропустили мимо внимания эти рекомендации. Многие из них были заложены в систему обучения УЖАСа, впрочем, ими не пренебрегало и ГРУ. Одним словом, спецслужбы всех стран уважали индийских йогов. Если бы не спецслужбы, человечество так бы и прозябало в невежестве. То, что йоги использовали во имя духовного совершенства, сберегая тело от неуместно-раннего умирания в сто лет, спецслужбы использовали в ином ракурсе, хотя и не возражали против духовного очищения.

Стефану Искре в программу кодированно-цифрового обучения заложили одну из йоговских рекомендаций под названием «Утренняя роса». Человек, освоивший эти упражнения, был неуязвим для ядов. В его организме нейтрализовался и снижал даже цианистый калий, что уж там говорить об алкоголе. Стефан Искра пил вместе со всеми водку, а его желудок, печень и почки воспринимали ее как экологически чистую, родниковую воду. И Хромов и Веточкин почти одновременно поняли, что Стефан Искра водит их за нос, но виду не подали, хотя и заметили, что их понимание уже схвачено улыбчивым гостем, который через некоторое время и отвез их на «жигуленке» Веточкина в Склиф. Михаил Лутоненко, выслушав суть проблемы, оставил Миронова в больнице, а Веточкину сказал:

— Обследую и позвоню.

После Склифа Григорий подкинул домой усталого Хромова и самого Веточкина. Покидая водительское место, он широко улыбнулся и сказал:

— Будьте осторожны при въезде в гараж. До свидания.

— А вы куда? — проявил заинтересованность Тарас.

— В путь, — вежливо ответил Григорий и растворился в московском вечере, который неохотно начал превращаться в ночь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Первая скрипка» был единственным рестораном Москвы, который соответствовал своему названию, там иногда музицировал оркестр Вивакова «Танцующий смычок». В России это редкость, в России ресторан — нечто среднее между мечтой и желанием разорвать на груди рубаху с криком «Воли хочется!». Название особой роли не играет. Если вы идете в ресторан «Стая пескарей», где в самом названии существует намек на умеренные цены — пескаррик, мелочишка, какие деньга? — то пескарей вы там не увидите, днем с огнем не найдете. Вам всуруют, если самолюбие не позволит убежать, клешнястого омара, разделают его, обольют умопомрачительным соусом, дадут бутылку с хорошим для Москвы вином и предъявят счет, имеется в виду, что выгребут весь кошелек, а могут и перстни с пальцев посдергивать, если в кошельке будет недобор. Затем проводят до двери с улыбочивым предложением «Приходите еще», а вы с вежливой улыбкой, по-другому нельзя, престиж и репутация обязывают, скажете: «О да, конечно!» И лишь позднее, за баранкой автомобиля, вы разбудите свою искренность мыслью: «Ни хрена себе пескаррик!» Такова основная часть московских ресторанов: или дорого и плохо кормят, но зато девушки-топлес обслуживают, или очень хорошо кормят, готовят блюда на высшем уровне любой мировой кухни, пригласят понравившуюся девушку, подмигнут и призовут мальчика, но пускают не всех, только избранных. Сам черт в этих ресторанах ногу сломит. Написано «Китайская кухня», а там подают поджаренную на краснодарском масле лапшу московского мукомольного комбината номер один, перемешанную с креветками, которыми торгуют бабушки возле входа в метро. Ресторан «Первая скрипка» был не таким, он был настоящим и колоритным, как парижский «Мулен Руж», но свой, московский, бзик все равно сохранил — в «Первую скрипку» вообще никого не пускали, кроме специально приглашенной публики. Видимо, в расчете на то, что остальные смогут попробовать ресторанные деликатесы во время революционных погромов. Игорь Баркалов иногда удивлялся этому факту, этому избранничеству людей, которых сблизил и повязала кровными узами родства качественная и дорогая пища, употребляемая ежедневно из года в год. До того как Игорь стал работать в ресторане «Первая скрипка», он не замечал за собой тяги к философским размышлениям и сам любил хорошо поесть, но после того как в свободное от работы время завел знакомство с чудаковато-фанатичными московскими диггерами, философия то и дело обрушивалась на него с вопросами. Однажды в компании своих новых друзей они изучали подземный, околофундаментный мир Москвы. Старший группы указывал ему то на одну, то на другую дыру, образовавшуюся в результате провала почвы в неведомо откуда взявшиеся пустоты, и говорил:

— Очень скоро с поверхности московские дома все чаще и чаще будут опускаться в наши владения, и мы будем общаться с жителями на уровне третьего этажа.

Он рассмеялся, но в его смехе было мало веселого, он любил Москву. Далее они пошли вдоль какой-то бурлящей зловонной реки в бетонном русле.

— Канализация, — объяснил ему Давид, московский диггер. — Несет отходы посетителей трех ресторанов, включая твой, элитарный, четырех гостиниц, ста жилых домов и двух правительственных учреждений.

Группа была в специальных ароматизированных респираторах, и поэтому Игорь

пошутил:

— Река с шанельным запахом.

— Точно, — согласился Давид, — настоящий шинельный запах.

Уже на поверхности, после душа и переодевания на базе диггеров, идя по улице, Игорь вспомнил канализационную реку и подумал: «Бомж, съевший беляш с собачатиной, клиенты ресторанов, вкушающие бутерброды с икрой морского ежа за сто долларов, встречаются своим содержимым в канализационной подземной реке под названием Дерьмо. Дерьмо и Смерть не разделяют человека на царя и раба, все равны перед ними».

— Курить хочешь? — вдруг услышал он голос Ласточкина, притормозившего на своей маршрутке возле тротуара, по которому шел Игорь.

— Нет, — сурово отказался Игорь, увлеченный парадоксами философии.

— Молодец, — похвалил его Ласточкин, — завтра тир, Каширское шоссе, восемь, подвал, назовешься Карагановым, новым слесарем. В девять утра как штык. Ага?

— Буду, — проворчал Игорь и, достав из кармана парагвайскую сигару, закурил.

— Смотри, на экологическую милицию с такой сигарой не наткнись, а то мигом штраф заработаешь, — засмеялся Ласточкин и уехал.

Поль Нгутанба ходил по светлым залам МОАГУ и переживал. Причин для этого было много. Пророки глубины уже произнесли сакраментальное, то, ради чего существовало МОАГУ. Они сказали: «Пришел час, тибетские качели вздрогнули». Конечно, Поль Нгутанба знал, что «час» в районе Поталы, то есть всего Тибета, означает век. «Пришел век тибетских качелей». Именно об этом сказали пророки.

Где-то там, в недоступной для Поля Нгутанбы глубинно-недосягаемой стране, в самом центре, существует биотектонический механизм, приводящий в движение «тибетские качели». Поль Нгутанба печально усмехнулся. «Да, — подумал он, — век пришел». Он удивлялся некачественному любопытству людей, собравшихся в преддверии 2000 года на Святой земле с телескопами, телекамерами и прочей дребеденью, чтобы зафиксировать парад планет. Для них это всего лишь очередная штучка для шоу. Поль Нгутанба вспомнил разговор с лазурными ламами. «Планеты выстроились в ряд, — говорили они, — и вспыхнула новая звезда, которую вы стереотипно сравнили с Вифлеемской звездой, но название этой звезды, Огненная крыса, не меняется вот уже пятьдесят тысяч лет. Впрочем, вы не знаете об этом, тогда мир не принадлежал людям нынешней формации, он был не вашим».

Еще во время посвящения в председатели совета МОАГУ Поль Нгутанба был укутан (это умеют делать лишь глубинные люди) в центр огромного совершенного алмаза и погружен в кипящее озеро из расплавленного изумруда, где на него спроецировали память лемурианцев, и он видел, как действуют тибетские качели. Это живой стержень в центре Южного полюса. Стержень не был прямым, молниеобразными зигзагами он проходил через весь земной шар и упирался в Северный полюс. Поль Нгутанба, находясь в цельной, нераздробленной магии алмазной Каббалы, был погружен в еще не сформировавшуюся душу расплавленных изумрудов, глубинные люди называют незатвердевшие изумруды асия — не до конца продуманное наслаждение Бога. И Поль сквозь защитное поле драгоценных магий видел время, когда раскачиваются тибетские качели... В огромные воронки втягивались мировые океаны, суша и вода менялись местами. Поль Нгутанба видел — и верил! — что была Атлантида, он видел, что жили на Земле рогатые люди-демиурги, почти что боги в познаниях, но не боги, потому что уже было Время и они не владели им. Он видел, как какие-то странные лазорево-зеленоватые, явно искусственного происхождения протуберанцы вычищали Землю и что-то уносили в глубь распахнувшейся Земли. Это собирались качественные энергии всего живущего (позже это назовут душой), и ни одна энергия в силу таинственной связи с протуберанцами не могла пропасть втуне. Забракованные энергии были выброшены — Поль назвал бы это ураганом-монстром — в какой-то сероватый сгусток пространства, и Поль почему-то отчетливо понял, что это

граница между Временем и Безвременьем. Он видел, как отброшенными энергиями начали заниматься странные и неторопливые существа, и понимал, что именно в честь этих существ тибетские монахи стали называть себя ламами. Он почему-то точно знал, что отброшенные души лечат, и знал, что это лечение будет ужасным, но благотворным в итоге. Многое пришлось увидеть тогда Полю Нгуганбе, но описывать все не имеет смысла, как не имеет смысла насвистывать знатоку музыки кантаты и фуги Баха.

Поль Нгуганба оторвался от воспоминаний и вызвал к себе Клосса Воргмана и секретаря-координатора МОАГУ. Секретарь ему был нужен для получения полной информации о том, почему в российском филиале МОАГУ Алексей Васильевич Чебрак требует аудиенции с лазурными ламами и можно ли ему не дать ее. А Воргмана он позвал просто так, позлословить о неприятном и высокомерном характере далай-ламы.

МОАГУ — Мировое охранный агентство гениальных ученых, вместе с силовыми филиалами, было создано по инициативе глубинных пророков, обитающих в пунктирном состоянии нирваны, которую они могли прерывать для активных действий...

Племя глубинных пророков, непосредственных выходцев из южной части Атлантиды, которую глубинное государство просто-напросто конфисковало с поверхности за высокую и чистую энергетику помыслов, обитало в областях, расположенных неподалеку от центра Земли. Несмотря на высокую температуру, пророки предпочитали это место другим.

В принципе атланты, и южные, и северные, были демиургами, рогатыми людьми-богами, не ставшими богами лишь из-за того, что не владели тайной Времени. В глубинном государстве они были хранителями генетического фонда будущего человечества, запечатленного в лемурианцах, которые из-за своего роста, более трех метров, и нежной, не созданной для функционирования, физической структуры содержались внутри алмазов чистой воды, которые во внутреннем земном государстве достигали величины огромных пещер. Собственно говоря, это и были алмазные пещеры, и чем ближе к многослойному центру Земли, тем обширнее и чаще они попадались. Не только, конечно, алмазные, ближе к защитной оболочке перед поверхностью Земли были и нефритовые пещеры-города, агатовые плато,grossуляровые (из группы гранатов) горы, сапфировые доломиты, остывшие озера некогда кипящих изумрудов и т.д. и т.п.

...Пророки провозгласили, что на поверхности Земли развитие науки приняло опасный для всего живого, включая земной шар, оборот. Эта поверхностная наука, генетика, синтезировалась с достижениями других областей и вышла на недопустимо губительный уровень. В скором времени генетики могут овладеть энергией (душой) человека и погубить ее. Погубить не по злонамеренности, а по глупости, способствуя киборгизации человечества. Ученые, как и все поверхностные люди, обыкновенные дилетанты, нашедшие знания путем тыка и применяющие его тем же манером. Дальше усовершенствования чайника и велосипеда их нельзя допускать. Пророки провозгласили, что перед началом смены человечества на более качественное, в «час тибетских качелей», поверхностную науку нужно взять под контроль. Ранее в этом не было необходимости — так провозгласили пророки, а правители глубинной страны — ЛПЛ — приняли решение о создании своих силовых и аналитических структур под солнцем. Это означало: если МОАГУ придет к выводу, что деятельность поверхностной науки приняла бесповоротно опасный уровень развития и грозит генофонду и гармонии мира, то науку, как и ее основосоставляющих представителей, нужно безоговорочно уничтожить. Пока же МОАГУ не пришло к столь радикальному решению. Его эмиссары подкидывают человечеству отвлекающие от цели игрушки в виде компьютеров, на которые всегда можно воздействовать со стороны космических путешествий, тупикового клонирования и тяги к удовольствиям мистикообразного характера. Пока еще МОАГУ берет под свою опеку самых перспективных и значительных ученых. Правда, оно отлично понимает, что на поверхности земли есть могучая оппозиция глубинному государству. Хотя она и действует под видом людей, но к людям не имеет

никакого отношения.

— Титапури — древнее название Тибета. В переводе это означает «обитель голодного черта». Где-то здесь, неподалеку от горы Кайлас, есть место, куда приходят умирать йоги. Там из подземной страны бьет источник тонкой энергии, который якобы будит ген смерти, но его в природе не существует, я уверен. Смерть провоцируется жизнью, и то и другое — суть одного явления. Видимо, глубинные люди являются авторами его. Подумаешь, — пренебрежительно произнес Алексей Васильевич, — при такой информации и возможностях я бы придумал что-то получше, чем тантрические пассы и тотальный контроль за человечеством. — Он уткнулся в иллюминатор самолета и стал смотреть на величественное пространство Гималаев.

— Сейчас вот китайские силы ПВО как нагрянут, так будут нам и черти и свисток, никакие тантрические силы не помогут, — хмуро проговорил Иван Селиверстович. Он с подозрением относился к полетам и свое присутствие в самолете считал досадным недоразумением.

— Ха-ха-ха, — вежливо посмеялся Алексей Васильевич, не желающий ссориться с начальством, — свисток. Это же надо так придумать.

Иван Селиверстович ничего не ответил, пристегнулся дополнительным ремнем безопасности, прикрыл глаза и подумал: «Сам ты свисток, козел огениаленный».

Они летели на ежегодную конференцию-сбор МОАГУ. До этого Иван Селиверстович всегда добирался в Лхасу наземным транспортом, а последний отрезок пути на лошадях. Самолетом он воспользовался впервые и до сих пор жалел об этом. Он не любил летать, точнее, не любил так конкретно и безнадежно зависеть от кого-то, тем более от бездушной машины.

Через несколько минут маленький четырехместный самолет коснулся колесами шасси бетона, а еще через несколько минут остановился и затих. Выйдя из самолета, Иван Селиверстович увидел по бокам посадочной площадки стены ущелья, вздымающегося на полкилометра ввысь. Вокруг не было ни одного строения, ни одного человека, полная безжизненность, но они давно уже привыкли к загадочности и непредсказуемости этих мест и знали, что сейчас кто-нибудь появится, что-то подъедет или подлетит, и все вокруг зашевелится. Иван Селиверстович, продолжая смотреть то на стены ущелья, то на крылья самолета, издавал какие-то непонятные, похожие на восхищение, звуки. Затем подошел к пилоту и крепко пожал ему руку.

Буквально через минуту в пятидесяти метрах от носа самолета посадочная полоса стала раздвигаться во всю ширину. Из открывшегося проема выехал армейский джип и лихо подкатил к прибывшим. За баранкой сидел Клосс Воргман.

— Я вас приветствую! — жизнерадостно прокричал он и кивнул головой на джип: — Садитесь.

Клосс Воргман очень хорошо, правда, с легким акцентом, говорил по-русски. Впрочем, Иван Селиверстович и Алексей Васильевич могли говорить на английском, французском, немецком, на хинди и японском, да еще и без всякого акцента. Они сели в джип.

— Клосс, — вдруг живо заинтересовался Алексей Васильевич, — вы где русский язык изучали?

— Там, — махнул Воргман в сторону неведь откуда взявшегося ишака, — далеко на Западе, в городе Ростове под Таганрогом.

— Чучело, — еле слышно буркнул Иван Селиверстович, откинувшись на спинку сиденья.

— Что вы говорите? — повернулся к нему Воргман.

— Я чихнул.

Джип с большой скоростью несся по широкому ровному подземному шоссе. Чрез два часа они прибыли в раскинувшуюся на огромной площади штаб-квартиру МОАГУ, которая, если разобраться, была самой властной, самой неуязвимой и самой грозной штаб-квартирой

на поверхности земного шара. Никто из высшего эшелона власти великих держав не догадывался об этом, а если кто-то что-то узнавал, то ему приходилось разделить судьбу убитого президента Кеннеди и выбросившегося из окна отца-основателя ФБР Гувера. На земле всегда существовали тайны, которые нужно обходить стороной. Лазоревые ламы иногда корили Поля Нгуганбу за такие методы, но не вмешивались в дела неполноценной цивилизации.

У драгоценных камней плохая репутация. За ними тянется шлейф интриг, войн, кровавых преступлений. На самом деле все драгоценные камни, попадающие в руки людям, — мусор, отходы глубинной страны. Люди никогда не видели настоящих драгоценных камней. Разница между алмазами (осаннами) глубинного государства и алмазами, которыми обладают люди поверхности, огромная, как между денатуратом и шотландским виски. Настоящий алмаз не поддается огранке, из него не сотворишь бриллиант, на земле не было и нет такого металла, сплава, абразива, способного воздействовать на алмаз (осанн) чистой воды, да и воды такой нет на земле. Ювелиры земного шара не знают, как выглядят драгоценности из камня. Изумруды глубинной страны в застывшем виде действительно зеленые, но с обязательной и пульсирующей синевой в глубине, а многочисленные озера расплавленного, кипящего изумруда (асия), разбросаны по обширным агатовым (тотиновым) плато. К такому озеру можно подойти спокойно, это не расплавленный чугун, кипящий изумруд не отпускает жар на поверхность, хранит его в себе, но если бросить туда жаростойкий сплав, применяемый на поверхности для космических кораблей, то он не успеет пшикнуть, настолько мгновенным будет его исчезновение и адаптирование к изумрудной среде. Настоящие драгоценные камни в глубинном государстве считаются живыми, имеющими душу, существами высшего порядка. Так что обладатели драгоценностей под солнцем должны отчетливо понимать, что они украшают себя и свою жизнь забавными, но бросовыми стекляшками. Кроме так называемых алмазов, к отходам деятельности глубинных людей относятся нефть, газ, уголь, всевозможные, включая уран, руды, соль и прочее. То, что мы называем «богатыми месторождениями», на самом деле удачно устроенные глубинным миром мусорные свалки. К какому именно виду деятельности относятся эти отходы, речь пойдет в следующей книге. Сейчас лишь нужно сказать, что глубинный мир живет в среде тонкой энергии и тантрических сил. Что это такое, можно понять, изучив религию йогов. Эти «идиоты» с неимоверным усилием, напрягшись до самоотречения, пробуждают в себе толику этой энергии и этой силы и тут же, «достигнув духовного перевоплощения», умирают. И правильно делают. Не обратив внимания на жизнь и привязавшуюся к ней смерть, они сосредоточились на вечности и получили ее в виде нескончаемого и постоянно обновляющегося потока удовольствий. То, чего индийские йоги достигают неимоверными усилиями, у глубинных людей существует само собой, без всякого напряжения, у них есть дела поважней, совершенство лишь тогда совершенство, когда оно недостижимо. Впрочем, не стоит забивать себе голову прежде времени. В подземной стране были и свои диссиденты, перебежчики, покинувшие все ради сомнительного удовольствия помощи людям надземного мира.

Иван Селиверстович Марущак внимательно осмотрел номер, в который его поместили на время консилиума, и удовлетворенно хмыкнул. МОАГУ не жалело средств для своих подчиненных. В номере из трех больших и светлых комнат, не считая ванны бассейнового типа и комнаты с шарообразным душем, было все для того, чтобы человек, даже избалованный, чувствовал себя комфортно.

— А вот фаллоимитатор мне не нужен! — вслух вознегодовал Иван Селиверстович, увидев за дверцей застекленного шкафчика на стене ванной комнаты названный предмет. — Сволочи, совсем извратились!

Громко выражая свое возмущение, Иван Селиверстович вытащил фаллоимитатор из шкафчика вместе с коробкой презервативов, держа их перед собой, открыл дверь номера и выглянул в коридор. Увидев шедшую по нему молоденькую, японистого вида, горничную,

позвал ее.

— Вот, — протянул он ей фаллоимитатор, как букет цветов, — заберите эту гадость.

Он сунул в левую руку девушки секс-прибор, а в правую презервативы и захлопнул перед ней дверь номера. Девушка осталась в коридоре, прижимая к груди победно устремленный ввысь фаллоимитатор и разнузданно-яркую коробку предохранительных средств.

— Ой-ля-ля! — воскликнул проходивший мимо датчанин, начальник отдела транзитной информации МОАГУ. И, взяв из рук горничной и то и другое, удалился, весело напевая.

Поль Нгутанба поднялся с кресла и стал прохаживаться по огромному кабинету, изредка бросая взгляд в сторону Ивана Селиверстовича, который стоял возле стенки бара в дальнем углу кабинета и рассматривал бутылку с анжуйским вином.

— Мы должны уважать законы страны, в которой базируемся, — продолжал Поль Нгутанба давно начатый разговор. — Зачем вам нужна, точнее, зачем нам нужна конфронтация с высшими силовыми учреждениями?

Иван Селиверстович поставил бутылку на стойку и, неопределенно пожав плечами, ответил:

— Это не мы, это они на нас наехали. Вы, господин Нгутанба, плохо знаете Россию. У нас спецслужбы, если им вожжа под хвост попадет, могут и на танк с топором броситься.

— Я понимаю, — ничего не понял Поль Нгутанба. — Топор — оружие пролетариата, но тем не менее вы должны прекратить свару внутри страны. Она неуместна, вредна и антипрофессиональна.

— Господин Нгутанба, — потер подбородок рукой Иван Селиверстович, — я все понимаю, но вы же знаете, что у меня на балансе Чебрак. У него хроническая предрасположенность к уголовщине. Он оставляет свои преступные следы на каждом шагу. Ведет себя так, что солнечным приходится убивать кого-то, чтобы спасти его. Это не человек, а монстр какой-то. В Другом месте его пристрелили бы.

— Это в другом месте!

Лицо Поля Нгутанбы стало властным и надменным. Он подошел к стене кабинета и открыл потаенную дверь. Молча вошел в комнату за ней и через десять минут вышел обратно в ярко-лиловой мантии посвященного и с широким агатовым обручем на голове. Лицо Ивана Селиверстовича вмиг стало сосредоточенным, он подобрался и склонился в глубоком поклоне.

— Смею вас заверить в своей преданности, командор.

— Властью, данной мне высшим миром, — в голосе преобразившегося Поля Нгутанбы преобладал металл, — повелеваю немедленно прекратить распри внутри Государства Российского, а также выражаю свое неудовольствие и повелеваю прекратить выпады и оскорбительные высказывания в адрес великого ученого и врача Алексея Васильевича Чебрака. Он не может совершать преступления, ибо он вне их.

Иван Селиверстович преклонил одно колено и с глубочайшим уважением произнес:

— Слушаю и повинуюсь, командор.

Поль Нгутанба вновь скрылся за дверцей в стене и через некоторое время вернулся в обычном одеянии.

— Послушайте, — заинтересованно спросил он у Ивана Селиверстовича, — а зачем этот ваш монстр лезет на аудиенцию к лазурным ламам?

— Не знаю, — хмуро ответил Иван Селиверстович, вновь начиная вертеть в руках бутылку с вином. — Он мне не докладывал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Братья» Рогонян с определенной ностальгией рассматривали свой город. «Своим» его можно было назвать с большой натяжкой. В их отсутствие уже все поделили чужаки.

— Ну что, вернулись, суки? — задал им деликатный вопрос Степа Басенок. — В город юности потянуло?

Оперативники отнеслись к возвращению «братьев» с благосклонностью, им не нравилась компания шумных и лукавых греков, заправляющих в городе сутенерским бизнесом. С «братьями» легче, и поэтому Степа Басенок, продекламировав свой очередной спич «Грекам лучше через реку, а у нас свои дела», сразу же взял быка за рога:

— Братишек Констанди и Петонди за наркоту уже пора прятать. Девушкам платят копейки, совсем их жадность одолела, сервиса никакого, полчаса перепихнина и в море иди купайся. На берег выходишь, а в штанах лишь мелочь на трамвай и сигарета на перекур. Я уже троих в зону отправил.

— Но это же греческий беспредел! — вскинув головы, как боевые кони при звуке трубы, возмутились «братья» и отчетливо услышали запах удачи.

— Ну и вы, допустим, не аленькие цветочки, — меланхолично сообщил им Слава, — так что с вас пятьдесят процентов на усиление пенсии для работников МВД, а мы греков гоним хотя бы куда, хоть в Афины магаданские.

— Было же двадцать пять, Слава? — жалобным голосом произнес меркантильный Арам Рогонян.

— Так когда-то и солнце ярче, и небо выше было, а сейчас без войны не обойтись, в городе восемь сутенерских групп, в каждой гуляет наркота. Кроме греков, есть еще азеры, есть и наши, но у них, по-моему, с башней туговато, им не сутенерством, а осеменением коров заниматься.

— Хватит разговаривать, — вдруг разозлился Степа. — Будете бизнес брать или нет? Можно подумать, у нас в городе проституция самая основная проблема.

— Да! — в один голос рявкнули «братья».

— Оружие есть?

— Так это, как его... — начал объяснять Роберт.

— А никак и без как, выше газовика не прыгать, азеров и греков мы сами разгоним, узнаю, что у вас боевой ствол есть, голову оторву. Ясно?

— Да! — опять в один голос рявкнули «братья» Рогонян, прислушиваясь к приятным и родным накатам азовской волны на таганрогский берег.

Чем ближе подходило время свадьбы с Самвелом Тер-Огонесяном, тем больше Глория Ренатовна Выщух ощущала внутреннее беспокойство. Она хорошо знала свой город, его мистическую силу, непредсказуемость людей, вместивших в себя слишком сложный кровавый коктейль. Она любила и одновременно боялась Таганрога и его жителей, которые, несмотря на свое бросающееся в глаза грубоватое мещанство, могли в одно мгновение стать экспансивными и маниакальными... Глория Ренатовна выпила три таблетки снотворного и легла, мечтая о желанной и так ее пугающей свадьбе с Тер-Огонесяном. Она уснула вместе с городом, но, вполне возможно, ей так только казалось. Таганрог никогда не спал, у него была трехсотлетняя бессонница.

Опасения Глории Ренатовны подтвердились на следующий день. Все началось со странностей. Самвел вот уже три дня находился по делам в Ростове, и Глория Ренатовна, спасаясь от духоты и зноя, приехала в его загородный дом. Ключи у нее были, а сторож и садовник встретили ее словами восторга: «О! К нам мадам явилась!»

Войдя в большую прихожую-зал, Глория Ренатовна неожиданно наткнулась на два больших раскрытых картонных ящика с одеждой. В этом не было ничего удивительного, Самвел баловал ее красивой одеждой. Но не такой же! В одном ящике она обнаружила пять новеньких и упакованных комбинаций французского производства, это ее поразило. Во-первых, они не подходили ей по размеру, во-вторых, она не любила красное, и Самвел знал об этом, а в-третьих, поверх комбинаций лежал изящный, весь в клепках, кожаный хлыст.

Глория Ренатовна кое-что о таких атрибутах слышала. Во втором ящике оказалась кожаная одежда из Испании. В комплект входили мужские шорты с характерным вырезом сзади. «Неужели Самвел извращенец?» — с ужасом подумала она и, поднявшись на второй этаж, увидела на прикроватном столике фотографию. На ней был изображен Самвел в компании с двумя странными на вид личностями кавказско-азиатского типа. Самвел, сонно закатив глаза, стоял между ними в красной комбинезии, которая не могла скрыть его могучие мужские достоинства. «02», — сразу же решила Глория Ренатовна, и телефон в спальне Самвела, по воле ее пальцев, нажимающих кнопки, именно так и соединил загородный дом с 02.

— Дежурный по УВД Савоев слушает! — раздался разгневанный голос Славы.

— Слава, не ори, пожалуйста, тут такое дело, что я даже не знаю.

— Глория Ренатовна! — обрадовался Савоев. — Это мое дело. Я уже о нем всем рассказал. Эй, Подпрыжкин, сюда срочно, стой здесь, я на Хрипатого вышел, три года уже пасу его.

— Какой Хрипатый, Слава? — пыталась вмешаться Глория Ренатовна в разговор Савоева.

— Это вы точно заметили, говорите адрес, мчусь. Подпрыжкин, стой до конца дежурства. Я тебя при случае тоже зимой как-нибудь заменю.

— Вы неисправимы, Савоев, — недовольным голосом проговорила Глория Ренатовна и продиктовала адрес загородного дома.

— Мы не исправляемся, а исправляем, и в основном чужие ошибки.

Слава Савоев от радости, что избавился от дежурства, заговорил как диктор милицейской программы на телевидении.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Интересный город Москва и жители ее, москвичи. Город тихих и значительных перешептываний, город для своих. Киллер в Москве — не наемный убийца, нет, это хранитель порядка в нишах, человек, посвятивший себя служению негласному закону больших денег. Москва выделяется из всех столиц мира тем, что в нее стягиваются люди со всей страны не для служения, а для впадения в какую-нибудь нишу. Впавший в нишу становится москвичом. — Леня Светлогоров сглотнул слюну и внимательно посмотрел на врача загородной психиатрической больницы Мурада Версалиевича Левкоева.

— А что, Светлогоров, Тер-Огонсян действительно голубой? — прервал его Мурад Версалиевич.

Леня задумался и, как бы не слыша вопроса главврача, проговорил:

— Елки-палки, до чего же мне надоела эта провинциальная психиатрия, слов нет. Хочу в Москву, в институт Сербского, глотнуть свежего воздуха, не запятнанного обыденным интеллектом, хочу встреч с высокой маниакальностью духа, а то у нас, в этой дыре, кроме мясника Чикатило да хохла Овсиенко, больше никого не встретишь. В Москву, только в Москву.

— Так голубой или нет? — продолжал спрашивать взволнованным голосом Мурад Версалиевич, который совсем не слушал Леню. Он достал из другого кармана халата закомпостированный талон на троллейбус и нервно порвал его на мелкие кусочки.

Леня с интересом уставился на карманы халата Мурада Версалиевича, восхищенно помотал головой и, показывая пальцем на них, поинтересовался:

— Переносная урна? Оригинально.

— Светлогоров, я вас спрашиваю или кого? — сорвался на крик Мурад Версалиевич и приподнялся, склоняясь в сторону Лени, над столом.

— Сам ты голубой! — возмутился Леня и, глядя на врача, врезал ему в челюсть, отбросив на место, в кресло.

— Да, я голубой! — вдруг неожиданно и гордо признался Мурад Версалиевич. — Хотя и не чужаюсь контакта с женщинами, но уже давно понял, что женщины не в состоянии обеспечить меня духовностью. А сейчас меня оскорбляют гнусные насмешки в адрес голубизны Самвела Оганесовича.

— Дурной ты какой-то, первый раз встречаю такого психиатра, — огорчился Ленья. — Шизофреников среди вас навалом, почти все, но дурак — ты первый. При чем тут голубизна Самвела? Речь идет о конкуренции. Это когда у тебя ничего нет, кроме честного имени и рваных штанов, тебя называют дураком или святым человеком, разницы нет, а если у тебя что-то материально весомое появляется, то ты уже просто благородный человек, без дураков. — Ленья вдруг погрузился и продолжил: — Но когда ты, кроме своего, начинаешь, как Самвел, оттяпывать куски у других, то тебя начинают втихую компрометировать всякие падлы. А если ты начинаешь внаглую расширять производство за чужой счет, то тью-тью, в деревянный бушлат — и не рыпайся. Понятно?

— Да, — судорожно кивнул Мурад Версалиевич. — Так голубой Самвел или нет?

— Он армянин, — устало ответил Ленья. — Может, и голубого приглубить.

— Я все понял, — взволнованным голосом прервал его Мурад Версалиевич, — я знал, что он благородный человек. — Главврач встал и заходил по кабинету, то опуская, то вскидывая голову. — Я знал это! — дрожащим голосом произнес он. — Я знал!

— Во дает! — Ленья уважительно посмотрел на Левкоева. — Вот ведь как прет человека, тяга сильнее, чем у реактивного самолета.

В это время на столе Мурада Версалиевича зазвонил телефон.

— Главный врач Левкоев слушает, — по-военному отозвался он и сразу же приветливо поздоровался: — А, Мишель, здравствуй, в чем дело? — Потом долго и внимательно слушал, что ему говорят на другом конце междугородней связи. — Нет, конечно, — уверенно сказал невидимому собеседнику. — Ни в коем случае, Мишель, нем как могила. Ну ладно, спасибо, нашим привет, целую, до свидания.

Мурад Версалиевич положил трубку на место и, с восторгом потеряв руки, сказал Лене:

— Представляешь, мне звонит коллега, Мишель, он в Скиффе психиатр-консультант. Так вот, нашего прокурора привезли на осмотр к нейрохирургу Лутоненко, а Мишель при этом осмотре присутствовал. Есть такое предположение, что моим пациентом вскоре может оказаться наш городской прокурор.

— Миронов, что ли? — равнодушно спросил Ленья Светлогоров.

— Да! У меня скоро больница превратится в респектабельную клинику.

— Миронов, — не обращая внимания на лепет главврача, повторил Ленья. — Да его сразу после рождения надо было сюда устраивать, тоже мне новость, голубая сенсация по голубой связи.

Ленья презрительно сплюнул в стоящую на столе главврача фарфоровую чайную чашку и чуть не лопнул от негодования. Чашка была его собственностью, он зашел в кабинет Мурада Версалиевича по пути из столовой и лично, своими руками, поставил ее на стол.

Степа Басенок и Слава Савоев сидели в кабинете полковника и пытались осмыслить целый ряд обрушившихся на город странных обстоятельств. Самсонов, сидя за столом, с некоторым изумлением рассматривал фотографию, на которой был изображен Самвел Тер-Огонесян в красном садомазохистском одеянии в компании двух мужчин, один из которых был похож на корейца, а второй явный кавказец.

— Во-первых, он невменяемый. Даже не упитый, а обколотый, — медленно, чуть ли не по слогам, произнес Самсонов. — Во-вторых, эти двое его явно поддерживают, чтобы он не упал. — Самсонов покачал головой и вопросительно посмотрел на оперативников.

— Да, дела голубые, дела темные, — невпопад брякнул Слава Савоев и сразу же выдвинул версию: — Это не Самвел. Уже два дня как он вернулся из Ростова и молчит, ни у кого не спрашивает насчет фото и ящиков с одеждой для секс-шопа, которого нет у нас в городе. Это не он, одним словом.

Степа Басенок с трудом оторвался от созерцания раскаленного лета за окном и с таким же трудом высказался:

— Надо вызвать самого Тер-Огонесяна и напрямую спросить, что это за фотография.

— Дельно, — согласился Самсонов, — дельно. — Он поднялся из-за стола и подошел к холодильнику. Открыл его. Вытащил из морозилки большой кусок льда, подошел к Степе и, оттянув ему воротник, кинул лед за него. — Продолжай.

Слава Савоев на всякий случай отодвинулся от Басенка и с интересом посмотрел на него.

— У меня все. Вызвать Тер-Огонесяна и, показав фотографию, спросить о ее происхождении. — Степа замолчал и, вытащив из-под рубашки лед, протянул кусок Славе: — На, проглоти и взгляни, кто на фотографии, Самвел или Ашот из-под Адлера? Его или обкололи, или супермастерский фотомонтаж — творение фотохудожника скорее всего. Самвел недоверчив, как Штирлиц в засаде, его так просто не обколешь, и с наркотой он не имеет дела.

— Ну ладно, ладно, — замахал рукой Слава, — ты не забывай, что я эту фотографию и два ящика с секс-одеждой фактически выкрал, без всяких санкций прокурора, Глорию Ренатовну чуть не подставил.

— А у нас нет прокурора, — недовольно заметил Самсонов, — он ушел в самоволку, вроде бы по делам, а на самом деле в Сочи, если не на Кипре, загорает. Я согласен с Басенком, вызовем Самвела и спросим, мне кажется, он только благодарен за это будет.

В дверь кабинета заглянула секретарша.

— Семен Иосифович, в приемной командированный, подполковник Абрамкин из Сочи. С разбитым лбом. Утверждает, что в него кинули куском льда из вашего кабинета. По моему, он ненормальный, — предположила секретарша. — Кто в такую жару льдом будет разбрасываться? Вообще-то я читала в газете, что есть ледяные метеориты, особенно...

— Все! — успокаивающим жестом руки остановил секретаршу Самсонов. — Зовите сюда раненого. Эти подполковники из Сочи, я смотрю, ранимые такие, что даже и не знаю, как они себя под пулями поведут.

Бывший майор, а ныне подполковник Абрамкин из сочинского УВД вошел в кабинет Самсонова с вопросом:

— За что?

На лбу его набухла приличных размеров шишка с небольшой ссадиной. Неумоимо тающий, но все еще значительных размеров кусок льда Абрамкин держал в руке и время от времени демонстративно прикладывал к шишке.

— Да вот, — начал объяснять Самсонов, смущенно переворачивая то в одну, то в другую сторону взятую со стола фотографию с непотребно разодетым Самвелом, — хотел как лучше. Промах, одним словом. Взгляните. — Он протянул фотографию Абрамкину.

— Вот! — Абрамкин оставил заботу о лобовой травме и машинально сунул лед в руки Славы Савоева. — Это родной брат покойного Ольгерта Резаного, Лорик. И тот и другой наркоманы и законченные негодяи, один, к счастью, хвоста навил. Оба сочинцы. — Абрамкин ткнул пальцем в мужчину, поддерживающего Самвела слева. — Этого китайца не знаю, а этого я сейчас видел внизу возле дежурного, — ткнул он пальцем в самого Самвела.

Слава Савоев, с интересом слушая Абрамкина, встал и потихоньку подошел к форточке, чтобы выбросить в нее не желающий исчезать кусок льда. У него был вид человека, избавляющегося от улики.

— Самвел внизу, — сразу же озаботился Самсонов и, кивнув Степе, приказал: — Давай вниз, узнай, зачем пришел, поговори и сделай, как мы решили, спроси о ящиках и расскажи о фотографии, а попозже поднимайтесь ко мне, поговорим все вместе.

— Он у нас, между прочим, в розыске, — сообщил Абрамкин, указывая на изображение брата покойного Ольгерта. — На нем куча дел, от убийства до неуплаты налогов.

— Да и лицо у него какое-то деловое, — решил поддержать разговор Слава Савоев.

Самсонов сидел молча и мрачно. Он уже давно заметил, что если в портовом городе завязывалась криминальная интрига с участием представителей другого города у моря, будь то Сочи, Одесса или Владивосток, непременно на горизонте возникает всюду сующая свой нос Москва.

— Вот ведь гадство какое! — громко огорчился Самсонов.

— Что поделаешь, деньги, — невозмутимо пожал плечами Абрамкин, — всюду деньги.

В кабинет снова без стука вошла секретарша.

— Вполне возможно, что это точечный град или, я вам говорю, в газете читала, ледяные метеориты...

— Что? — устало перебил ее Самсонов.

— Там внизу наш сотрудник, участковый, ваш отец, кстати, — кивнула Славе секретарша, — утверждает, что кто-то из кабинета над нами кинул в его «Жигули» кусок льда и разбил лобовое стекло. Но над нами крыша, кабинетов нет, зачем он так странно утверждает?

— Сходи, — с неприкрытым ехидством приказал Самсонов Славе, — объясни отцу природу этого точечного града.

Спускаясь вниз по лестнице, Слава поспешно пытался сформулировать объяснения и еще пытался вспомнить, есть ли в гараже запасное стекло. Проходя мимо кабинета оперативников, он заглянул в него и увидел Степу, беседующего с насупленным Самвелом. Он молча закрыл дверь и, пройдя по коридору дальше, вышел во двор управления. Солнце, жара и южное лето тотчас же набросились на него, и он мгновенно растерял все готовые объяснения и уже не мог вспомнить о наличии запасного лобового стекла в отцовском гараже.

— Понимаешь, батя, — начал врать он с ходу, — этим куском льда подследственный во время допроса, его утром из СИЗО привезли, хотел разбить Самсонову голову, но я отбил его руку, а лед, — Слава покачал головой, — у него из руки прямо в форточку вылетел, но видишь, как неудачно. — Слава с любовью и безграничным огорчением погладил разбитое стекло «жигуленка».

— Кто?! — гневно пророкотал Иван Максимович Савоев, участковый Орджоникидзевского района, капитан и отец Славы.

— Что «кто»? — опешил Слава и на всякий случай отошел от отца по другую сторону автомобиля, делая вид, что ищет следы других повреждений.

— Кто хотел разбить голову Самсонову? — с подозрением глядя на Славу, спросил Иван Максимович. — Я сегодня как раз сопровождал на допрос подследственных из СИЗО, женщину-бухгалтера лет пятидесяти и пацана-малолетку, его только что домой под подписку о невыезде отпустили.

— Я! — Поняв, что дальнейшая ложь бессмысленна, Слава решил признаться во всем.

— Да ты что, сынок? — испугался Иван Максимович и даже слегка побледнел. — За что ты хотел ему голову разбить?

— Стекло я разбил, а не голову, — потупился Слава. — Смотрю, кусок льда на столе лежит, думаю, зачем он тут лежит, взял и выбросил в форточку.

— Значит, так, — удовлетворенно хмыкнул Иван Максимович, — сегодня приходишь в гараж и заменяешь стекло, у меня есть запасное.

Слава с готовностью кивнул и расслабился. Иван Максимович, не замечая его готовности, продолжал:

— Завтра часика в четыре утра поедешь на дачу, польешь участок и к восьми успеешь на службу.

Слава без особой готовности кивнул и вновь сосредоточился.

— А после службы, вечером или ночью, — сделал участковый поправку на специфику службы, — поможешь мне в гараже уборку сделать. Добро?

— Добро, — уныло кивнул Слава, хорошо представляя всю тяжесть действия «в гараже уборку сделать», которую Иван Максимович намеревался произвести вот уже пять лет, да

все руки не доходили.

— Можешь идти, — отпустил отец сына. — Вот ключи, сам и пригонишь машину в гараж.

Слава взял ключи от «жигуленка» и, терзаемый унынием, жарой и думами о несправедливости, направился в здание УВД.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Конечно, Самвел Тер-Огонесян хорошо понимал, что в бизнесе нельзя переходить границы дозволенного, как в футболе нельзя подыгрывать рукой. Сразу же последует наказание, а то и удаление с поля. В бизнесе, вполне возможно, что и в могилу. Самвел рассматривал фотографию и думал: «Это все результат моих последних действий». Дело в том, что Самвел был не только владельцем самого популярного в городе ресторана «Морская гладь», а и владельцем целого ряда мини-булочных, разбросанных по всему городу. Пользуясь связями и местными корнями, он выиграл конкурс, предложенный городскими властями, у сочинских армян. Мало того, Самвел застолбил участок в районе Морского вокзала на строительство нового ресторана и небольшого кафе попроще, на который тоже претендовали сочинские земляки. Самвел всегда избегал криминала и поэтому отказался участвовать, на паях с сочинцами, в производстве самопального спиртного, более того, предупредил, что товар у них брать не будет и предложит таганрогским предпринимателям сделать то же самое. С этого момента все и началось. Самвел испугался, но не за себя, а за Глорию Ренатовну. Он понял, что при его характере и образе жизни ему нельзя обзаводиться «слабостями и уязвимостями», то есть нельзя любить. Именно тогда он решил, что Глорию Ренатовну нужно отвратить от себя полным безразличием к сексу, прикинуться импотентом...

— Я сам с этим разберусь, — мрачно произнес он и вернул фотографию Самсонову. — Где вы ее взяли?

— У тебя в доме за городом, в спальне, на столике, к вазе была прислонена. А это, — Слава двумя пальцами брезгливо извлек из ящика, который приволок в кабинет Самсонова, кожаные шорты с недвусмысленным и добротным разрезом сзади, — это у тебя в прихожей было, вот в этом ящике. Ты кому дорогу перешел, Самвел?

— Я сам разберусь.

— Киллера наймешь? — насмешливо поинтересовался Самсонов.

— Сам во всем разберусь.

На столе Самсонова зазвонил внутренний телефон. Он взял трубку и выслушал доклад дежурного.

— Два трупа, — сообщил он Степе и Славе и, кивнув в сторону Самвела, добавил: — У него на даче убиты сторож и садовник.

— Ну все, — взвился до этого молча сидевший подполковник Абрамкин, — началось. Это он, Лорик, брат Ольгерта.

— Мы пошли? — спросил Степа у Самсонова, поднимаясь со стула. Слава Савоев поднялся вслед за ним.

— Да, идите, — кивнул полковник и тут же спросил у подполковника: — А вы куда?

— Я тоже поеду, — сказал Абрамкин, но, взглянув на Самсонова, добавил: — Разрешите?

— Нет, — резко ответил Самсонов, — у нас с вами и здесь работы хватит.

Слава и Степа покинули кабинет, при этом вид у Славы Савоева был такой, словно он выиграл в лотерею крупную сумму. Его можно было понять. Два трупа, завязка криминальной интриги — это говорило о том, что какой там полив участка на даче, какая там уборка гаража, если нет времени даже на замену разбитого стекла в «жигуленке»!

Расследование двойного убийства началось, как обычно, с осмотра места преступления.

Степа и Слава посмотрели на убитых — и у одного, и у другого смерть наступила в результате огнестрельного ранения в голову — и спросили у эксперта-криминалиста:

— Что?

— Пистолет «макарыч».

Затем они подошли к зампрокурора Катаеву, топтавшемуся возле микроавтобуса экспертов.

— Ну что, нашелся Миронов?

— А он и не терялся, — удивленно взглянул на них Катаев. — Он в Москве, звонил недавно. Сейчас в больнице, сердце схватило. Повезло, что в Москве схватило. Если бы у нас, то уже похоронили бы.

— Ну и славно, — не слушая Катаева, озабоченно произнес Степа и, взглянув на Славу, добавил: — Делать здесь нечего, проверим сараи в окрестностях, может, там что завалилось.

«Сараями» они называли осведомителей. У каждого оперативника была своя методика работы с ними.

— Как это делать нечего? — возмутился зампрокурора. — Вы должны тщательно осмотреть место преступления, собрать улики, выяснить личности убитых и...

— Молчи, Катаев, — перебил его Слава Савоев. — Думаешь, я не знаю, что ты с женой председателя областной думы по четвергам встречаешься на базе отдыха в «Морской»?

— Прекрати шантаж, — неохотно остановил Славу Степан и объяснил Катаеву: — Мы здесь все собрали еще до преступления.

— Ну, — пожал плечами Катаев, — вам виднее.

Раскрытие убийства не казалось сложным, в деле были весьма весомые зацепки, даже фотография, обнаруженная в доме Самвела, с предполагаемыми убийцами. Сейчас оперативники пытались выяснить местонахождение Лорика, брата покойного Саркиса Ольгерта. Они не знали, что жестокая и кровавая интрига, закрутившаяся вокруг Самвела Тер-Огоняна, в орбиту которой, естественно, был вовлечен уголовный розыск, приведет к необычным и даже фантастическим событиям в городе.

В то время, пока Степа и Слава работали на месте преступления, Самсонов и Абрамкин готовили обоснование для объявления в федеральный розыск Лорика и неизвестного азиата, фотографии обоих прилагались. Если по Лорику имелось достаточно данных, то азиат представлялся полнейшей загадкой, о нем ничего не было известно. После составления обоснования Самсонов вновь приступил к беседе с Тер-Огоняном.

— Ты сам больше не будешь разбираться, Самвел, — строго проговорил Самсонов. — Мы с этим будем разбираться, и вот, — он протянул Самвелу бланк допроса, — распишись об ответственности за дачу ложных показаний.

Но, как известно, кто-то там, наверху, располагает, а кто-то здесь, внизу, предполагает. Лорика нашли очень быстро, в дощатом подсобном здании рыболовецкой артели, со следами удушья на шее, мертвым.

Степа Басенок смотрел на море и выслушивал обстоятельный и спокойный рассказ старосты Виктора Найденова о том, как он увидел взломанные двери сарая для складирования ветхих сетей, как вошел и как увидел труп.

— Смотрю, хачик придушенный лежит, — объяснял Виктор. — Ну, думаю, точно из-за баб придушили, допрыгался. Так что если это наши мужики придушили, то правильно сделали. Вы лучше никого не ищите, все равно у всех алиби будет стопроцентное.

— Вы часто к помещению подходите? — спросил Басенок.

— Каждый день по несколько раз, — потряс ключами Виктор. — Мне люди имущество доверили.

Степа записал данные и, предупредив, что он будет вызван в качестве свидетеля, отпустили Виктора. Дело недвусмысленно стало усложняться.

Со стороны дачного поселка показался микроавтобус с криминалистами, за ним

следовала «труповозка», старый «РАФ». Они направлялись к повороту на шоссе Таганрог — Мариуполь. Степа махнул рукой, останавливая микроавтобус.

— Придется вам на корточках сидеть, все места заняты, — предупредил водитель в форме сержанта милиции.

— Главное, чтобы там место было. — Степа кивнул в сторону покорно остановившейся «труповозки».

— Так-так, — грустно и вместе с тем невозмутимо произнес Эльмир Кречугин. — Многовато будет для нашего города.

Эксперты уже полностью завладели местом преступления. Водитель «труповозки», полный мужчина лет сорока, с лицом несправедливо обманутого плута, пинал ногой колеса впавшего в глубокую старость «РАФа» и предупреждал всех:

— Не выдержит машина трех жмуриков, развалимся по дороге, весь товар растрясем.

— Хорошо, — мечтательно произнес Степа, — трупы на ДТП списали бы. Откуда можно позвонить? — спросил он у Кречугина, меланхолично попыхивающего папирсой.

Кречугин пожал плечами, но, увидев, как один из экспертов извлекает из кармана скрывшегося на том свете Лорика сотовый телефон, кивнул головой:

— А вот и телефон, звони. Только перчатки надень, чтобы пальчиков своих не оставлять. — Он протянул Степану резиновые перчатки.

— Вы их сразу и снимите, — предупредил его Степан, — я мобильник к себе в карман положу, может, кто позвонит убиенному.

Степа брезгливо взял в руки мобильник и набрал номер Самсонова.

— Интересно, — выслушав его, сказал Самсонов. — Еще бы труп азиата найти, и готовый «висяк».

— Я не удивлюсь, — попытался успокоить его Степа, — если скоро и Самвел жмуриком окажется.

Когда Слава Савоев, еще не зная о том, что обнаружен труп Лорика, встречался со своей агентурой, Степа начал допрос Самвела без всяких экивоков в сторону его уважительности.

— Я вас посажу в КПЗ и буду держать до тех пор, пока вы не вспомните о причинах и действиях, при которых возникла эта фотография, о людях, изображенных на ней, и ящиках с одеждой для извращенцев. — При слове «извращенцы» по лицу Степана пробежало облачко ничего не значащего предположения. — Скажите, может, вы действительно того, голубой?

Тер-Огонесян вскинулся и с холодной яростью, полыхающей во взгляде, посмотрел на Басенка.

— Ясно, не голубой, — резюмировал Степа. — Тогда что это за фотография, что за одежда, что за люди рядом с вами? Вы совсем ничего не знаете?

— Послушайте! — Самвел говорил с легким, почти несуществующим акцентом. — Я, конечно, кое-что предполагаю, но это очень сложно объяснить. Мне нужно съездить к брату в Мокрый Чалтырь и уточнить некоторые детали. Я веду с вами честный разговор, отпустите меня без вопросов. Я съезжу, выясню и тогда приду к вам.

— М-да, — скептически отнесся к этому предложению Степа. — На мой взгляд, лучше в КПЗ. Желаете посмотреть на ваших рабочих и одного из присутствующих на этой фотографии? Лежат они в морге рядком и шевельнуться даже не желают. У двоих пуля башку продырявила, а третьего придушили. Вы хотите быть четвертым?

Пока в допросе Самвела присутствовало вежливое «вы» со стороны допрашивающего. Это, конечно, ни о чем не говорило, но знающие люди утверждают, что когда во время допроса следователь плавно переходит с «вы» на «ты», это не означает, что вы сдружились с ним, напротив, вы из свидетеля или пострадавшего столь же плавно становитесь подозреваемым.

— Я все буду делать осторожно, — продолжал настаивать Самвел. — Буду вести себя, как мент на опасном задании.

— Прямо-таки? — недоверчиво посмотрел на него Степан. — Не думаю, чтобы вы знали это, но все же ладно, верю, но, естественно, все зависит от решения Самсонова.

Дверь в кабинет оперативников неожиданно распахнулась, и в ее проеме предстала Глория Ренатовна Выщух. На ней было темное и длинное, закрывающее даже щиколотки, платье. Голову, несмотря на жару, покрывал черный платок, повязанный в манере «Верность», а на ногах — о Боже! — были открытые черные туфли на высоких каблуках. Глорию Ренатовну, метр девяносто, нужно только видеть на высоких каблуках, представить невозможно, настолько она была лучезарно-монументальной. За Глорией Ренатовной, чуть выше поясицы и чуть ниже шеи, проглядывало плечо полковника Самсонова, пытавшегося заглянуть в кабинет, но у него это плохо получалось. Не мог же он подпрыгивать или нагибаться за спиной женщины на глазах у подчиненных? Глории Ренатовне пришлось наклониться, чтобы войти в кабинет, проем двери был стандартным, рассчитанным на обыкновенного человека.

— Вот, — наконец-то проник в кабинет полковник Самсонов, — навязалась на мою голову. — Он выглядел запуганным, но обратился к Степе со всей строгостью: — Долго ты еще будешь задерживать человека? Он у нас уже шесть часов прохлаждается.

— Нет, — уверенно ответил Степа. — Уже отпускаю, ему срочно нужно в Чалтырь на семейное торжество. — Бросив многозначительный взгляд в сторону Самвела, он добавил: — Можете идти, Тер-Огонесян, и будьте осторожны, как вы мне обещали.

Самвел понимающе кивнул, встал и подошел к Глории Ренатовне:

— Пойдем, дорога.

Глория Ренатовна с нежностью взглянула на него, опустила глаза в знак согласия, и они покинули кабинет.

Слава Савоев, расставшись с оперативной машиной, сидел на лавочке в городском парке, ел мороженое и лениво рассматривал прогуливающихся по аллее молодых мам с колясками. После встречи с пятью осведомителями у него было ноль информации, последняя надежда оставалась на шестого. Мимо Славы, устремившись к только ему ведомой цели, прошел Николай Стромов, но Слава не знал его и потому не обратил на прошедшего внимания, лишь мельком подумал: «Ну и рожа».

— Привет, Савоев, — присел на лавочку Роберт Рогонян, — вот и я. Зачем звал?

— Да ты совсем страх потерял! — возмутился Савоев — Не «привет», а «здравствуйте», во-первых, а вовторых, — Слава изобразил на лице великодушие, — считай, что я этого не заметил, в последний раз, вот... — Он протянул Роберту недоеденное мороженое: — Освежись немного.

Роберт покорно стал доедать мороженое, неловко держа его в руке, на указательном пальце которой сверкал платиновый перстень пошлых размеров.

— Ты в Сочи когда-нибудь был? — спросил Савоев.

— Был.

— А, случайно, Лорика-армянина не знал?

— Знал.

— Насколько хорошо?

— Плохо.

— А здесь не встречал?

— Встречал.

— Короче, я тебе сейчас морду разобью! — разгневался Савоев. — Что за неуместная, я бы сказал, похабная, лаконичность?

— Первый раз видел две недели назад с каким-то китаезой, а позавчера — одного сидел в «Чайке», пил сушняк. Я к нему не подошел. — Роберт напустил на себя вид человека, всю жизнь проработавшего на тяжелом производстве в качестве ударника труда.

— Ну и харя у тебя, — удивился Савоев. — А почему не подошел? Мне информация нужна, а не морда твоя увядшая, козел. Ты должен был разузнать, по какой причине

сочинский уголовник находится в Таганроге. И что это за китаец с ним был две недели назад? Где ты их видел?

— Они девочек брали на ночь. Китаец платил, я его не знаю. Знаю только, что в тот раз у них были номера в центральной гостинице, вот и все. — Роберт задумчиво повертел на пальце перстень и добавил: — Китаец, на мой взгляд, серьезный мужик, а Лорик шелупонь, на игле сидит плотно.

— Все, — благодушно кивнул головой Слава. — Иди. Если узнаю, что ты знаешь больше, чем рассказал... — Он вдруг резко оборвал свои угрозы, осклабился в улыбке и дружелюбно пожал руку Роберту. — Спасибо, Роберт, до свидания и до встречи.

Выходя из парка и окунаясь в зной, Слава озабоченно думал: «Если китаец действительно серьезный, а Лорик шелупонь, то, видимо, Лорика уже нет в живых». Он остановился возле бочки с квасом и, протягивая деньги молоденькой продавщице, поинтересовался:

— Такая жара, а очереди нет?

— Квас закончился, — приветливо ответила ему девушка.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Николай Стромов, в противовес Савоеву, хорошо знал его. Впрочем, Славу и его нестандартное восприятие мира в городе знали многие, в том числе и те, у кого за плечами был тюремный опыт, и даже те, у кого этот опыт присутствовал в перспективе. Стромов чуть не поздоровался с ним в парке, но вовремя спохватился и прошел мимо с равнодушным видом. У каждого свое дело.

В среде домушников Таганрога преобладали шниферы, профессионалы самого высокого уровня, для которых не существовало неприступных квартир. Они всегда действовали нетрадиционными методами, всегда наверняка и всегда артистично. Шнифер не какой-то позорный скокарь-взломщик или альфонизированный маравихер, вор на доверии. Нет. Шниферы никогда не идут на убийство и никогда не обворовывают одиноких женщин с обыкновенным материальным достатком. К тому же женщина с высоким материальным достатком не может быть одинокой. Жертвами шниферов становятся лишь люди, умеющие зарабатывать хорошие деньги, то есть серьезные люди. В деятельности шниферов есть элементы сектантства и автономной самодостаточности. В их группу непременно входят мастер по сигнализации, мастер по всем видам, включая сейфовые, замков, специалист по строительству, знающий все слабые и сильные стороны жилого здания, на случай внеоконного и внедверного проникновения в него. Редко какая богатая квартира устоит перед натиском шниферов. Кроме Таганрога, шниферское искусство традиционно развито в Ростове-на-Дону, Тамбове, Одессе, Тбилиси, Ереване и украинском, городе с русскоговорящим населением Луганске. В Москве они не произрастают, а лишь работают во время гастролей. Многострадальная Москва больше всех страдает от шниферов, впрочем, как и от других, менее щепетильных и менее привередливых преступных профессий: балконных верхолазов, воздухопроводчиков, проникающих в квартиры в новостройках через вентиляцию, маравихеров, скокарей, ряженных (врач, милиция), форточников (чаще всего подростки и дети), подборщиков, работающих с отмычкой, и прочее, прочее, прочее.

Николай Стромов не знал об этом, и поэтому ему, как новичку в казино, повезло. Более того, повезло в самом неожиданном для него смысле.

После того апрельского вечера, когда на Николая нашел странный и жуткий морок, которому он до сих пор не мог дать оценку, в нем многое изменилось. «А ведь еще секунда, и я бы задушил ту девчонку в черных колготках, — иногда со страхом вспоминал Стромов. — Что же это было со мной?» Он хорошо запомнил то мгновение и до сих пор боялся признаться самому себе, что почувствовал в душе тягостный и одновременно прекрасный,

даже в какой-то мере возвышенный, восторг. Николай Стромов не мог знать, что такой восторг, только в тысячи раз ярче и сильнее, испытывают все маньяки и гении. Если Николаю повезло и он смог совладать с собой, то для маньяка это уже невозможно. Николай иногда ловил себя на мысли, что где-то в глубине души ему хочется повторения этого состояния, и он не мог даже предположить, что в этом желании и заключается самое страшное. Но, видимо, у Николая Стромова был сильный ангел-хранитель, который подталкивал его к благотворным догадкам и лечебным поступкам. Николай стал каждый день, утром или вечером, в зависимости от того, в какую смену дежурил, приезжать в Петрушино. Он обнаружил холм с густым кустарником на вершине. С этой вершины как на ладони был виден дом и двор Виктора Найденова, а если смотреть в сильный бинокль, создавалась некоторая иллюзия личного присутствия. В темное время суток это ощущение было даже полнее. Свой двор Найденов освещал, не жалея электричества. Вечером и часть ночи шли основные работы по ремонту сетей, подготовке рыбы к продаже и прочее, связанное с морским промыслом. Опасаться закона не имело смысла. В Петрушине браконьерами были почти все, а рыбнадзор, словно санитар моря, вылавливал лишь неопытных и чужих рыбаков, сильных местных и, само собой, денежных он в упор не видел.

Эти ежедневные наблюдения за женой как-то успокоили Николая и даже подарили некоторую надежду. Во-первых, он заметил, что в лице Валентины появилась разочарованность и склонность к принятию радикального решения. Во-вторых, однажды вечером, когда Валентина уже ушла в дом отдыхать, а Николай ради интереса наблюдал за своим врагом во дворе, туда вошли двое мужчин. Один был похож то ли на китайца, то ли на корейца, второй был русским и держал в руке большую сумку. Виктор Найденов встретил их приветливо, они сели за стол под навесом и долго разговаривали, смеялись, немного выпили. Затем Виктор вошел в дом, вернувшись, протянул пачку денег русскому и взял у него из рук сумку. Китайско-корейского вида мужчина протянул Найденову нечто похожее на кольцо, Николай не успел разглядеть, так как Найденов сунул его в карман. Вскоре мужчины ушли, и через некоторое время Стромов поспешил к последнему автобусу в город.

На следующий день, в субботу, Николай пришел на рынок и в рыбном ряду разыскал торгующую вяленой таранью и рыбцом Валентину.

— Здравствуй, Валя, — поздоровался он. — Как жизнь?

— Хоть ложись, — ответила ему бывшая жена, но улыбнулась хорошо, не отстранилась.

Впрочем, Николай уже не слышал ее, он во все глаза смотрел на средний палец левой руки Валентины. На нем было колечко с явно не стеклянным камешком.

— Муж сегодня утром подарил? — ткнул он пальцем в кольцо и улыбнулся.

— Откуда ты знаешь? — удивленно распахнула глаза Валентина.

— Да я от фонаря, — равнодушно произнес Стромов, подмигнул жене и ушел, сказав на прощание слова, от которых она осталась в полной растерянности: — Ты скоро вернешься ко мне.

Николай Стромов узнал кольцо по ориентировке на «изготовленные из драгметаллов изделия, похищенные в квартирах граждан». Но не это было главное, а то, что одного из ночных посетителей Найденова, русского, он знал. Это был выпускник радиотехнического института Вячеслав Ратушев, превосходный знаток и изобретатель сигнализационных и специфических охранных систем. Его часто приглашали в ВОХР для консультаций. Безупречная биография, красный диплом, прекрасное будущее, но теперь, и Николай Стромов это знал, как никто другой, все это надо будет выбросить псу под хвост. Впрочем, Россия такая страна, что в ней даже действительные академики РАН могут попасть в тюрьму за карманные кражи.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Что это означает? — спросил Веточкин у Михаила Лутоненко.

Нейрохирург встал из-за стола, подошел к окну и глядя в него, ответил:

— Смерть в течение пяти-шести месяцев.

— Эх! — сокрушенно выдохнул Хромов. — Надо же, гадство какое.

Разговор происходил в ординаторской нейрохирургического отделения института имени Склифосовского.

— И ничего нельзя сделать? — бесстрастно, что говорило о его огорчении, спросил Тарас.

— Не знаю, — неуверенно пожал плечами Лутоненко. — Опухоль прогрессирует. Это затылочно-теменная часть, ни один нейрохирург не возьмется за удаление опухоли в этом месте. Разве только... — Он замолчал и, оторвавшись от окна, вернулся к столу. — Есть человек, нейрохирург от Бога, хотя мне иногда кажется, что все-таки от черта. Вполне возможно, что он может что-то сделать, но я не знаю, не знаю.

— Да хотя бы от Змея Горыныча, нельзя, чтобы вот так, запросто, взял и умер хороший человек! — воскликнул обнадуженный Хромов. — Что за человек, где? Я сейчас за ним смоюсь, вызову служебную и смоюсь.

— Успокойся, Леонид Максимович, — остановил его Веточкин, внимательно глядя в лицо двоюродному брату. — В чем дело, Михаил, что за проблема?

— Станный он, — неохотно ответил Лутоненко. — Может сутки оперировать, а может спокойно смотреть на умирающего и пальцем не пошевелить. Исчезает иногда надолго. Главврач делает вид, что так и надо.

— А я зачем? А Уголовный кодекс для чего? — вскинулся Хромов.

Во время обследования у Миронова обнаружилась в затылочно-теменной части опухоль, которую Михаил Лутоненко определил как злокачественную. Сам он эту операцию провести не мог, он никогда не брался оперировать, если чувствовал в себе неуверенность. А сейчас он именно это и чувствовал.

— Ладно, — вдруг решительно произнес Лутоненко, — пока говорить не о чем. Я сегодня попытаюсь переговорить с этим человеком. Если он возьмется, то шанс есть, но, повторяю, его реакция непредсказуема, предугадать невозможно.

— Да кто это такой, черт побери?! — возмутился Хромов. — Он должен как врач отреагировать быстро и положительно, деньги мы достанем.

— Он не врач и к деньгам равнодушен, — задумчиво проговорил Лутоненко и замолчал.

— А кто? — осторожно спросил его Веточкин.

— Алексей Васильевич Чебрак. — Лутоненко немного помедлил и решительно добавил: — Бог.

Опухоль в голове Миронова, поломка в дороге служебной машины, пасмурная погода и вынужденная поездка к месту службы в метро испортили Хромову настроение настолько, что, войдя в свой кабинет на Петровке, он сразу же поручил секретарю:

— Дайте мне все ориентировки на злодеев, объявленных в федеральный розыск за последнее время.

Ему хотелось выловить кого-нибудь из этих гадов и набить морду. А что еще оставалось делать? Настроение было паршивым еще и потому, что никак не получалось наступить на хвост УЖАСу. Если раньше они как-то, то есть вполне нагло, обозначались, то сейчас превратились в какой-то робкий призрак, исчезли. ГРУ, в лице Эппеля, лишь пожимало плечами: «По-моему, они все застрелились». Но Эппель играл в свою игру. Это понятно, ГРУ не та организация, которая позволяет своим генералам играть в чужую игру. Хромов не знал, что руководители ГРУ и УЖАСа «слегка» договорились. УЖАС дал понять, что убийц Тассова они отыщут и передадут разведчикам, и вообще, давайте жить дружно. И то и другое устраивало ГРУ.

— Пожалуйста, Леонид Максимович, — секретарь положила перед Хромовым папку с

ориентировками, — злодеи месяца.

Хромов молча кивнул, и секретарь поспешно вышла. Она была опытной и понимала, почему начальник не сказал обычное «спасибо». Судя по его лицу, если он и мог что-то сказать в данный момент, это «что-то» было бы матерным. Секретарь села за свой стол и закурила длинную сигарету-гвоздик. Через десять минут из переговорного устройства последовала команда:

— Уважаемая Нинель Александровна, разыщите, пожалуйста, старшего оперуполномоченного Старикова и срочно ко мне, где бы он ни был, пусть это будет даже Рио-де-Жанейро.

«О, Бразилия», — вздохнула Нинель Александровна и позвонила для начала в «убойный» отдел. Могучего и высокого Сашу Старикова она могла бы, бросив все, разыскать и в Рио-де-Жанейро.

Старший уполномоченный Саша Стариков нашелся на удивление быстро. Обычно его в отделе не было. Оперативника кормят ноги, интуиция и риск, им некогда сидеть за столами. Через пять минут он уже входил в приемную Хромова.

— Что там? — спросил он у Нинель Александровны.

— Гром и молния, — нежно ответила ему секретарь.

Стариков вошел в кабинет и увидел, что вместо грома и молнии по лицу Хромова лишь пробежали тучки сосредоточенной заинтересованности.

— Я прибыл, — доложил Саша. — Вызывали?

— Взгляни, — сразу же приступил к делу Хромов, протягивая фотографию. — Узнаешь?

— Геи? — неуверенно спросил старший оперуполномоченный, ибо своеобразное одеяние Самвела Тер-Огонесяна бросалось в глаза в первую очередь, но тут же его неуверенность сменилась радостью узнавания: — Мыонг, гадам буду, Хонда!

— Да, — торжественно подтвердил Хромов. — Объявлен в розыск как «неизвестный корейской национальности» таганрогским УВД по подозрению в убийстве трех человек.

— Ну вот, — огорчился Саша, — зачем мы его тогдапустили? Тассов и Блудов на нем. Я уверен. — Он оборвал свои сетования и молча посмотрел на Хромова.

— Не продолжай, — посоветовал ему Хромов. — Я сам разберусь с кем надо и спрошу что надо, а ты оформляй командировку в Таганрог, встряхни этот город у моря как следует.

— Таганрог, — воодушевился Саша Стариков и сразу же сник: — Жаль, что не Сочи.

— В командировку, — предупредил его Хромов, — а не в отпуск.

Михаил Лутоненко, после того как Веточкин и Хромов покинули больницу, вытащил из кейса мобильный телефон и нажал на несвойственную для обычных мобильных синюю кнопку. Если бы посторонний человек нажал на эту кнопку, то мобильник бы самоуничтожился. Кнопка обладала отменной памятью на тепло и узор пальца нажимающего, чужих не допускала.

— Слушаю вас, Лутоненко, — раздался скрипучий голос координатора УЖАСа. — Надеюсь, вы помните, что можете соединяться лишь в экстренных случаях?

— Не то чтобы экстренный, — замялся нейрохирург, — но мне нужно переговорить с Алексеем Васильевичем, есть интересный экземпляр, он просил позвонить при наличии такого

— Объявляю вам устный выговор за необоснованное соединение, — опять проскрипел голос, но в нем исчезли строгие интонации. — Я сообщу Чебраку. Он, если захочет, позвонит, а вы больше не соединяйтесь без экстрема. Все.

Михаил Геннадиевич Лутоненко, блестящий нейрохирург и диагност, был сотрудником отдела ЧЕТЫРЕ, имеющий пунктирный допуск в святая святых УЖАСа, подземную лабораторию Алексея Васильевича Чебрака. Он ассистировал ему во время опытов над людьми. Пунктирный допуск был у всех допущенных в лабораторию. Только Иван

Селиверстович и Алексей Васильевич имели постоянный. Остальные были «специалистами по вызову». Им сообщали время и место и уже оттуда доставляли в лабораторию. Михаил Лутоненко был призван в УЖАС, еще будучи студентом Первого мединститута имени Сеченова, но приступил к работе в нем лишь после того, как стал ведущим нейрохирургом Москвы и России в целом, до этого он проходил обучение по системе «Иезуит». Во время обучения был допущен к присяге, а после обучения зачислен в штат отдела ЧЕТЫРЕ.

Михаил Лутоненко был предан УЖАСу, как УЖАСу были преданы все присягнувшие. Потому что каждому, сразу же после присяги, в мозг вживлялся биочип. Это был безобидный чип, он не мешал жить и мыслить, никуда не отсылал информацию о неблагонадежности носителя, нет, он просто тихо и надежно заставлял человека быть верным присяге.

Алексей Васильевич позвонил глубокой ночью. Михаил Лутоненко не спал, он был совой.

— В чем дело? — сухо поинтересовался Чебрак у Лутоненко.

— Опухоль в затылочной части. Развилась в результате травмы от падения. Очень удачная опухоль, небольшая и смертельная, на нужном месте. Не желаете спасти человека от смерти?

— Спасу, — лаконично согласился Алексей Васильевич. — Мне нужно испытать принципиально новый вид саморазвивающегося чипа. К двадцати одному часу завтра готовь операционную. Никаких медсестер, для помощи я захвачу кого-нибудь из лаборатории. Кстати, кто он, твой пациент?

— Провинциальный прокурор, из Таганрога.

— Из Таганрога? — почему-то удивился Алексей Васильевич и с усмешкой добавил: — В окрестностях Азовского моря провинций нет нигде, даже одинокий домик в степи — центр мира. Со слов далай-ламы, Азовское море двухуровневое, генератор тонкой энергии, в тибетской табели о рангах для непроснувшихся катаклизмов оно на первом месте.

— Это как? — заинтересовался Лутоненко.

— Если оно проснется и начнет выходить из берегов, то Тихий океан соединится с ним водами.

— Интересно, — зевнул Лутоненко. — А прокурор наш при чем?

— Надеюсь, если, конечно, выживет, после операции и он на что-нибудь сгодится.

После разговора Михаил Лутоненко отправился спать, а Алексей Васильевич подошел к большому зеркалу, двумя пальцами сильно оттянул вниз кожу под глазами, высунул язык и, глядя на свое изображение, стал медленно и ритмично прыгать с ноги на ногу: левая-правая, правая-левая — и хрипло издавать балабонящий звук:

— Бо-бо-бо-боооо, бо-бо-бо-боооо.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Опухоль в голове Миронова не беспокоила, он не знал о ее существовании. Разрастающиеся клетки рака сразу же блокировали участок мозга, отвечающий за присутствие боли в теле, и боли не было. Периоды здравого сознания у Миронова сменялись провалами. Все было гулким и отстраненным. Страшно становилось лишь тогда, когда Миронов был в здравом уме и памяти, но он не понимал природу этого страха. Ему казалось, что он попал в больницу из-за переутомления и вот-вот все пройдет. Сегодняшним утром его неожиданно перевели из двухместной палаты в одноместную. Ему это понравилось, сосед по двухместной палате ночью храпел, а днем громко разговаривал. Вечером этого же дня к нему заглянули Хромов и Веточкин.

— Самому, что ли, в больницу лечь, отдохнуть, — «позавидовал» Миронову Хромов.

— Все нормально, прокурор, — сказал Веточкин. — У тебя обнаружили опасную болезнь, так что хочешь — не хочешь, а ровно через шестьдесят лет помирать придется.

Веточкин и Хромов знали об операции.

В 20.00 Миронова подстригли наголо и выбрили голову до блеска.

В 20.45 дежурная медсестра сделала ему укол.

— Успокаивающий, — прошептала она и добавила: — Антибиотик.

В 20.50 Миронову стало наплевать, что с ним делают, зачем и почему. Он погрузился в безразличие.

В 20.55 Миронов лежал на операционном столе и мерз. К нему подошел Лутоненко уже в маске и резиновых перчатках, руки он держал перед собой поднятыми вверх.

— Сейчас спать будете, крепко и сладко, — пообещал он Миронову.

Из-за спины Лутоненко вышли еще два человека в масках, тоже державшие руки в перчатках перед собой. Один из них, Миронову он почему-то казался главным, маленький, с насмешливо-равнодушными глазами, подошел вплотную к операционному столу, склонился к лицу Миронова и спросил:

— Вы знаете, что такое смерть?

— Это когда в гробу лежишь, — не стал вдаваться в подробности Миронов.

— В гробу — это еще жизнь, — непонятно выразился маленький с горящими глазами, — а смерть... — Он прервал себя и кивнул напарнику.

Второй незнакомец обошел стол с другой стороны, держа в руке шприц с золотистой жидкостью. Мгновенно попал иглой в вену Миронову и медленно стал вводить содержимое шприца в кровь.

— Смерть — это общий наркоз, — вновь склонился к Миронову горящеглазый философ, — чтобы не было больно при отделении души от тела.

Какая-то мысль посетила Миронова, но тотчас же и покинула. Ему стало легко и радостно, как в детстве. Он будто бы мчался на велосипеде с горки, быстрее, быстрее; перед его глазами вдруг закружилась круглая клумба с яркими цветами, и вот это уже не клумба, а бешено вращающийся разноцветный круг пространства, в центре которого проклюнулась сочно-красная точка, выросла до размера вишни, больше, больше, и вдруг красное прорвалось синим, и синева бросилась на Миронова и поглотила его.

...Чебрак, Лутоненко и еще один сотрудник отдела ЧЕТЫРЕ, доктор медицинских наук, директор НИИ усовершенствования и моделирования человеческого тела, Роберт Аксенович Петров, приступили к операции. Алексей Васильевич Чебрак, со свойственной для него широтой натуры, взял Петрова в качестве операционного медбрата, подавать инструменты и вытирать пот со лба нейрохирургам.

— Значит, так, Тарас, — заявил Хромов, как только они вышли из больницы, — ругаться будем до пены у

губ. Я тебе сейчас кое-что скажу и покажу. Уверен, ответить ты не сможешь.

— Давай, полковник, — невозмутимо согласился Веточкин, — расскажи, как ты обнаружил, что Хонда в федеральном розыске по подозрению в тройном убийстве, что видел его на фото с ярко разодетым геем в обнимку. Все рассказывай, Леонид Максимович, ничего не скрывай.

— Значит, так. — Хромов вежливо покашлял. — О чем это я? Я хотел сказать тебе, и показать, кстати, о новом, с качественной кухней, ресторане. Обнаружил я его недавно, в смысле давно, да и ресторан не новый. — Хромов умел ясно и четко объяснять ситуацию. — Туда только по приглашению допускаются, но можно и без него, только дорого очень. У меня два таких приглашения есть. Мой человек, внедренный в службу, где-то достал, украл или дали, я так и не понял толком. Ресторан называется «Первая скрипка», относительно недорогой для приглашенных, и у меня к тому же с собой... — Хромов показал бутылку армянского коньяка тридцатилетней выдержки во внутреннем кармане пиджака. — На день рождения коллеги подарили, — объяснил он Веточкину. — Деньги есть, нам премию дали и зарплату, а жены нет, у родителей живет, так что хватит. Кстати, что ты там насчет Хонды говорил? Я не понял. Он что, в розыске? Я не знал. А что случилось?

Хромов был так естествен в своем искреннем недоумении, что Веточкин ни на грамм не поверил ему и поэтому не мог сдержать улыбки.

— Ладно, у нас оперативники могут убедить свое начальство, что кирпич на самом деле не кирпич, а теплоход, но откуда у вас, дуболомов эмвэдэшных, такая изощренность?

— Да, тяжелый случай, — вздохнул Хромов. — Я, конечно, знаю, что вы информацию, глядя в окна своих кабинетов, собираете, но ведь даже из окна видно, что МВД не соответствует твоим представлениям о нем. А Хонда разве гей? Как же он тогда в авторитете на Черкизовском?

— И что, действительно эта твоя «Четвертая гитара» — хороший ресторан?

Они подошли к обочине шоссе и стали высматривать такси.

— Да, «Первая скрипка» — хороший ресторан, — уверенно ответил Хромов. — Вот ты говоришь, Хонда за тройное убийство разыскивается, это на самом деле?

— У меня, кстати, тоже есть. — Веточкин распахнул пиджак и показал бутылку шотландского виски, одновременно отрицательно помахав рукой «Запорожцу», вознамерившемуся остановиться рядом с ними под видом такси. — Й деньги найдутся, но жена дома сидит, ждет.

— Коньяк и виски — это круто, — серьезным голосом предупредил его Хромов. — Очень круто. А помнишь, тогда ты просил Хонду отпустить. Он ваш агент?

— Вот, — Веточкин удачно остановил частника на «Волге», — и машина. Поехали, Леонид Максимович, в твою «Гитару», выпьем, чтоб у Миронова удачно операция закончилась, мне Михаил позвонит по окончании, ну и поговорим заодно о японских машинах, убийцах и геях.

— Вы геи? — настороженно спросил у них водитель «Волги» со слегка подкрашенными глазами.

— Мы мордобеи, — строго оборвал его Хромов, располагаясь на заднем сиденье. — Давай на Тверскую быстрым ходом, а то на сходку опоздаешь. — Он повернулся к Веточкину и сокрушенно заметил: — Вот жизнь пошла раскрепощенная, женщины женятся, а мужики замуж выходят.

— Да, — согласился с ним Веточкин и произнес старую как мир истину: — Лучше переспать, чем недоесть.

Между кинотеатром «Россия» и рестораном «София», за железными раздвигающимися воротами с неброской для глаз табличкой «АО "Фарминмет"», находится обширный заасфальтированный двор, в глубине которого стоит не облагодетельствованное внимательным ремонтом здание. Деревянно-массивная обшарпанная дверь с замутненным глазком-окошком закрывает единственный вход в здание. На двери еще одна табличка с надписью «Экспедиция». Табличка столь ненова, что первые три буквы плохо прочитываются: «...педиция», но на это не стоит обращать внимания. Сбоку обшарпанной двери, в стене, видна забрызганная известкой кнопка звонка. Нажимаете ее, и через минуту дверь открывается, из нее выходит молодой, атлетического сложения человек и выжидательно смотрит на вас. Вы протягиваете ему небольшой, с одной стороны золотистый, с другой зеленый, титановый кружочек чуть больше пятирублевой монеты. Он его забирает, проводит по нему электронным щупом, зажатым в руке, и, получив сигнал, вежливо произносит, широко распахивая двери: «Добро пожаловать». Вы оказываетесь в небольшом тамбуре перед другой, из красного дерева, дверью. Ее перед вами распахивает с той стороны гардеробщик. Он в классическом смокинге. Розовый мрамор, весь в сиреневых прожилках александрита, оформляет стены действительно роскошной гардеробной. Отдаете верхнюю одежду, если таковая имеется, гардеробщику, и перед вами распахивается эрмитажной высоты и оформления третья дверь. Вы видите перед собой большой, с фонтанами, пальмами, зелеными выющимися растениями вокруг столиков, с эстрадой на возвышении, ступенчато-каскадный зал. Это ресторан «Первая скрипка», самый лучший, самый изысканный ресторан Москвы категории «Герцог». Добро пожаловать, господа!

Хромов, вместо того чтобы нажать на кнопку звонка, он ее не увидел, пинал обшарпанную дверь ногами. Веточкин его отговаривал:

— Слушай, Хромов, пошли в «Савой». Тебя неправильно информировали, за такой дверью только тройной одеколон с бодуна пить.

— Ага, как же. — Не обращая внимания на увещания Веточкина, Хромов еще раз пнул дверь ногой. — Сразу видно, у кого есть информация, а у кого нет.

Веточкин наконец заметил звонок и стал жать на него не отпуская. Дверь поспешно открылась, охранник несколько ошарашенно посмотрел на экспансивных посетителей.

— Что смотришь? — возмутился Хромов, но, что-то вспомнив, слегка смутился: — Ах да, я и забыл. — Он сунул руку в карман и вытащил два титановых кружочка. — На, — сунул их в руку охраннику, — смотри не потеряй.

— Добро пожаловать, — растерянно пробормотал охранник и распахнул перед ними двери, даже и не помыслив проверить кружочки электроникой.

Конечно, Хромов и Веточкин были приятно удивлены тем, что нежного возраста поросенок, сваренный в молоке и подрумяненный на медленном огне, стоит двести рублей, виноградные улитки под соусом «Ришелье» триста, а блюдо нежной и тонизирующей рыбки октавия всего-навсего восемьсот рублей. Меню было подано специальное, оно предназначалось лишь для тех, кто попал в ресторан по золотисто-зеленому титановому приглашению, разница в цене доплачивалась какой-то неизвестной, но явно не бедной организацией. Те же, кто попадал в ресторан с парадного входа, то есть через гостиницу «Минск», получали другое меню, где сумма оплаты за утонченность и качество блюд имела какое-то отношение к астрономии. «Первая скрипка» пользовалась популярностью в среде сильных людей денежной ориентации. Здесь заключались грандиозные сделки, обсуждались планы всевозможных переустройств в политике под умопомрачительную закуску и уникальную, эксклюзивную, выпивку.

— Куда мы попали? — спросил Веточкин Хромова, после того как им принесли поросенка и два бокала с минеральной водой.

— Оперативная тайна, — отсек вопросы Хромов и, вылив минеральную воду в кадку с пальмой, разлил по бокалам коньяк. — Совсем ты от жизни отстранился в своем аналитическом отделе. Тут ваших оперативников полно, а ты не знаешь.

— Ты прав, не знаю, — согласился с ним Веточкин, отрезая кусок поросенка и перекладывая себе на тарелку. — А как вы рискнули взять в разработку такое место? Вас же съедят зместс с министром.

— А вас? — забрал себе оставшуюся часть поросенка Хромов. — Не съедят?

— Будут пробовать, конечно.

— Жаль, что людей не видно. — Хромов обвел рукой декоративный кустарник вокруг столика. — А то бы я тебе показал, какие тут лица можно увидеть, сплошь одухотворенные.

Они выпили коньяк, и Хромов поставил на стол бутылку, вытащив ее из-под стола.

— Да, атмосфера здесь утонченная. — Веточкин приподнял в восхищении брови. — Хороший коньяк, и ресторан хороший. А теперь послушай меня, Леонид Максимович. Хонда, как тебе и мне известно, бывший офицер вьетнамской армии Шон Тинь. В свое время он был завербован КГБ, к нам, как говорится, перешел по наследству. Сейчас в Таганроге действует самостоятельно, без прикрытия. Ему нужно достать устав, но я не буду, ты меня должен понять, вдаваться в подробности. Он должен был попасть в квартиру одного человека и взять кое-какие бумаги и предметы. Этот человек прикинулся овцеватым провинциалом, а на самом деле он один из руководителей международной мистико-религиозной организации с неясными пока для нас целями. Хонда воспользовался своими связями с уголовным миром, благодаря тебе у него эти связи обширны, и примкнул к группе квартирных воров, стал работать с ними, воровать, одним словом, — объяснил внимательно слушавшему Хромову Веточкин, — надеясь таким образом попасть в дом нужного человека. Я пока не знаю, удалось ему это или нет. Хонда исчез. В таком деле бывают, и часто бывают,

непредвиденные досадности. Хонда убил лишь одного, какого-то наркомана из Сочи, Лорика, который убил двух ни в чем не повинных людей просто так, из любви к искусству. Фотография, которую ты, Леонид Максимович, видел, но утверждаешь, что не видел, к нашему расследованию не имеет отношения. Хонда помог уголовной братии скомпрометировать какого-то местного бизнесмена, армянина, и все. Ну, ты знаешь, с волками жить. Кстати, фотография получена методом тройного сканирования с применением фотохудожественных достижений. Армянина «одели», «опоили» и «поставили» в середину экспозиции. Хонда получит втык за то, что сам сфотографировался. Тем не менее я прошу тебя: бросьте разыскивать Хонду, ему и так тяжело.

— Ну да, — покачал головой Хромов. — Ты меня, Тарас, с министром спутал. Сейчас вот приеду в МУР и дам команду об отмене федерального розыска в отношении некоего Шон Тиня, отзывающегося на кличку Хонда, так, что ли?

— Да, ты прав, Леонид Максимович, и поэтому давай выпьем.

Веточкин к бутылке армянского коньяка на столе присоединил свое шотландское виски. Хромов с удовольствием рассмотрел бутылку, скрутил пробку с печатями, разлил виски по бокалам и предложил тост:

— За здоровье болящих.

И, как бы в ответ на этот тост, в кармане Веточкина запищал мобильник.

— Михаил, наверное, — выхватил он телефон из внутреннего кармана. — Ну, с Богом... — Он стал слушать сообщение, и по мере разговора его лицо расплывалось в улыбке. — Операция прошла успешно. Миронов будет жить и полноценно работать, — сообщил он Хромову, засовывая мобильник на место.

— Вот это чудесно! Давай выпьем, заберем свои бутылки и пойдем из этой «Скрипки» куда-нибудь в светлое место, мне здесь не нравится.

— Конечно, пойдем, — поддержал его Веточкин. — Устал я от этой хамской утонченности. Кстати, Хромов, а как достал твой человек эти приглашения? Подскажи, все-таки поросенок за двести рэ впечатляет.

— Хм, — отмахнулся Хромов. — Говорит, что ему какой-то пьяный физик, лауреат Нобелевской премии, на чай дал.

Игорь Баркалов и Алексей Ласточкин сидели на лавочке Тверского бульвара возле памятника Сергею Есенину и курили. Некурящий Игорь пристрастился к парагвайским сигарам, а курящий Алексей никак не мог отвыкнуть от «Явы».

— Хорошие у меня курсы по повышению квалификации полового в трактире, хотя, конечно, я понимаю, в этом кабаке очень даже легко работать под прикрытием, все ясно как Божий день, — весело попыхивая сигарой, разглагольствовал Игорь.

— Что тебе ясно? — хмуро спросил у него Ласточкин и с отвращением выбросил сигарету.

— То, что и тебе, — с насмешкой взглянул на него Игорь. — Одна половина официантов — осведомители МВД, вторая — ФСБ, а в зале боссы сидят и цвет научной мысли. Интересно, что я там, такой маленький, делаю?

— Скоро узнаешь, — уверил его Ласточкин, — ты оперативник, а не осведомитель, это две большие разницы. И вообще дело опасное. Хромов предупредил, чтобы готовились, скоро жарко будет.

— Ну, допустим, и сейчас не холодно, — вяло отреагировал Игорь, — лето все-таки.

В это время они увидели идущую по аллее высокую гибкую даму в черном. Она подошла к скамейке напротив и села. Черные волосы, черная шляпка, черный деловой костюм, длинные ноги в черных чулках и черных изящных туфлях на высоких каблуках. Темные глубокие глаза в обрамлении черных, усиливающих эту глубину ресниц и выразительные губы, отредактированные темно-сливовой помадой. Женщина достала из черной элегантной сумочки длинный, сантиметров пятнадцать, белый мундштук,插入了 в него сигарету, прикурила и стала с рассеянным видом созерцать умиротворенность

Тверского бульвара.

— Богиня ночи, женщина-вамп! — потрясенно, не спуская с женщины глаз, проговорил Игорь, чувствуя, что теряет голову. От женщины исходил ровный магический и необоримый магнетизм сексапильного шарма.

— Да брось ты, — ленивым голосом одернул его Ласточкин. — Я ее знаю. Она здесь часто ошибается. Сними с нее парик, умой, стащи с тела американский корректор фигуры пролонгированного действия, и я посмотрю, как ты от этой богини в ужасе убежать будешь.

— Гад ты, Ласточкин, — жалобным голосом произнес Игорь, — ты меня как будто унитазом по голове стукнул.

Женщина словно поняла, что обсуждают ее, нервно выбросила сигарету вместе с мундштуком в урну, резко поднялась, подошла к урне и стала копаться в ней в поисках мундштука.

— Ладно, пошли, — сказал Веточкин, — что глаза выпялил? Ни разу не видел, как люди в урнах ковыряются?

Они поднялись и направились в сторону Тверской.

— И вот еще, — остановил Игоря Ласточкин, — с завтрашнего дня ходи на работу с оружием, Хромов приказал.

На краю обрыва, спиной к стене, сидел, по-азиатски скрестив ноги, человек с бесстрастным, как у каменного хазарского идола, лицом. Степь. До ближайшего населенного пункта более шестидесяти километров. Море, степь, небо, ветер и человек:

— АОМмм, АОМмм, ВаВаВааа...

Мелодия неизвестного заклинания. Неожиданно в этой мелодии что-то нарушилось, в двухстах метрах от берега появился яркий светящийся круг пяти метров в диаметре. Как будто бы кто-то из глубины, всего-то два с половиной метра в этом месте, посветил в сторону неба большим фонариком. Человек на обрыве легко поднялся и, пройдя вдоль него, спустился к воде по более удобному для этой цели склону. Человек подошел к невесть как оказавшейся здесь весельной лодке и, столкнув ее, начал грести к светящемуся кругу. Это был Хонда, Шон Тинь, агент ФСБ, вор-домушник, в прошлом и настоящем — мыонг. За поясом брюк у него был приторочен небольшой герметично закрывающийся контейнер, в нем находился древний пергамент, настолько древний, что даже время вычеркнуло этот период из своей памяти. Подплыв к светящемуся кругу, Хонда бросил контейнер в самый центр света, и свет исчез. Он вернулся на берег, вновь поднялся, цепляясь за кустарник, по склону, вернулся на старое место к обрыву, сел в позу Будды, и переменившийся ветер, уже не в море, а в глубь степи, унес магические звуки:

— АОМмм, АОМмм, ВаВаВааа...

Степа Басенок в полном одиночестве сидел в кабинете оперативников, глубоко задумавшись. В этот утренний час его неожиданно посетили мысли о вечности: «Ох как пьяно, ох как рьяно нам играло фортепьяно». Думал он о вечности в неожиданном ракурсе. Такое настроение посетило его вчера вечером. Вчера Слава Савоев, сконцентрировав волю, все-таки поехал в гараж, дабы вставить лобовое стекло на оскорбленный им «жигуленок». Степа Басенок, взяв двух внештатников, решил наведаться в молельный дом местных кришнаитов, чтобы навести там очередной шорох. Он делал это регулярно, раз в два месяца, чтобы там не забывали, «кто есть ху». Степа Басенок не любил кришнаитов, кришнаиты не любили Степу Басенка. В этот раз у него было веское основание для вторжения на территорию лысоголовых медитационщиков, все-таки разыскиваемый уголовным розыском убийца был «неизвестным китайско-корейской внешности».

У кришнаитов в этот вечер был гость, продвинутый московский йог, прошедший двадцать лет в Индии и получивший высокую степень посвящения в таинство. Одним словом, ему был голос свыше, и он ему внял. Степа, хотя и неохотно, тоже внял мольбам кришнаитов отложить проверку до окончания транса, в который впал йог, и стал с

любопытством смотреть на него. Йог сидел в позе лотоса в самом центре цинкового корыта с водой. То, что Степа увидел затем, так потрясло его, что он ушел, даже не стал доставлять неудобства кришнаитам. И вот сейчас, ранним утром, он думал о вечности. Его думы прервало шумное появление Славы Савоева.

— Басенок, — начал Савоев с комплиментов, — у тебя лицо — в гроб краше кладут.

— Слушай, Савоев, — медленно оторвался от вечности Басенок, — тебе клизму когда-нибудь ставили?

— Спрашиваешь, — удивленно посмотрел на него Слава, — почти каждую неделю Самсонов вставляет.

— Да нет, — Степа даже поморщился, — медицинскую.

— Это туда, что ли? — Слава показал куда. — Было дело, в детстве, кишечник чистили, когда я чем-то, кажется, цианистым калием, отравился, целый пузырек выпил на спор. До сих пор помню, неприятная штука. А ты что, клизму хочешь?

— Понимаешь, — Степан испытующим взглядом посмотрел на Савоева, — я вчера кришнаитов пришел трясти и встретил там йога в корыте. Так вот, он, сидя в этом полном воды корыте, путем напряжения воли втянул в себя всю воду из него и не ртом, заметь Слава, не ртом.

— Неужто этим?! Не может быть!

— Может! — твердо и решительно поставил точку потрясенный буддизмом Басенок. — Я сам видел.

Полковник Самсонов был слегка сконфужен. Областная экспертиза установила, что фотография, превращающая Самвела Тер-Огоняна в гея, на самом деле шедевр фотомонтажного искусства. «Да, — подумал полковник, — усложнили жизнь армянину». Дело в том, что слух о голубизне Самвела уже распространился по городу. Лучшие подруги Глории Ренатовны удовлетворенно вздохнули, по их мнению, восторжествовала справедливость. В конце концов, почему это Выщих, а не они понравились Самвелу? Бог, конечно, за такие ошибки наказывает. Они вполне искренне стали выражать свое сочувствие Глории Ренатовне и не понимали, почему она прервала с ними все отношения, даже при случайной встрече на улице не узнавала, в упор не видела.

«Не в газете же объявление давать, — недоумевал Самсонов, — мол, так и так, уважаемые граждане, наш предприниматель Самвел Тер-Огонян совсем не педераст, а даже очень наоборот, так, что ли? Интересно все-таки, почему, если человек совершает подвиг, слух об этом не распространяется, надо каждый день сообщать об этом в газете, ставить человеку памятник после смерти, в официальном порядке предписывать чтить этот подвиг, и все равно не то? А если человек известный вдруг провалится в канализацию во время прогулки, то, сколько бы он затем ни совершал подвигов, в памяти народной так и останется на всю жизнь «человеком, который во время прогулки провалился в канализацию»...

На этом месте размышления Самсонова прервали. Без стука, без вызова, с шумом распахнув двери, в кабинет ворвался Степа Басенок, остановился посередине и радостными глазами посмотрел на Самсонова.

— Ну? — Самсонов почувствовал, как эта радость передается ему. — Не тяни, Степан, а то накажу, будешь баланду...

— Стромов, — не дал ему договорить Степан и во всех подробностях рассказал о скупщике краденого Найденове, о выпускнике радиотехнического института Ратушеве и о «неизвестном человеке корейско-китайской внешности».

Самсонов откинулся на спинку кресла, облегченно выдохнул и тихим, даже слегка ленивым голосом проговорил:

— Ну, с Богом, сынки, в атаку. Я сейчас распоряжусь, чтобы освободили камеры от балласта, а остальных увезли в СИЗО. Уверен, к вечеру вы их заполните новыми постояльцами.

Этот день стал черным днем для профессиональной группы воров-домушников высшего шниферского разряда. Первым взяли Вячеслава Ратушева. У оперативников был богатый опыт и продуманная тактика в отношении задержаний, и поэтому Ратушев оказался первым. Высшее образование, незаурядные способности, принадлежность к хорошей интеллигентной семье с традициями способствуют проявлениям искренности в арестованном. С выходцами из рабоче-крестьянского сословия слишком много хлопот, даже приходится применять нетрадиционные методы допроса. С интеллигенцией легче. В Ратушеве совесть и раскаяние проснулись сразу же после того, как он почувствовал на своих руках наручники. Еще по дороге в УВЖ он сказал Савоеву и Басенку:

— Делаю чистосердечное признание, если вы оформляете мне явку с повинной.

— Оформляем, — легко согласился Степа, — можешь начинать признаваться.

В течение дня были задержаны: слесарь авторемонтной мастерской, четырежды судимый тридцатитрехлетний Александр Новиков по кличке Лобастый, двадцатипятилетний безработный, дважды судимый Клим Билибин по кличке Калифорния, шестидесятилетний несудимый слесарь-инструментальщик завода «Гидропресс» Андрей Петрович Полуянов по кличке Комбат, был изъят с любовного ложа на квартире любвеобильной Сильвы Кировой Николай Степанович Лирин, прораб СМУ-2, несудимый, по кличке — без дураков — Паскуда. В доме Виктора Найденова обнаружили многие из украденных вещей, и он также был задержан. В этот же день все, кроме Комбата и Калифорнии, они молчали как партизаны во время допроса, дали показания. Выяснилась кличка «неизвестного» — Хонда, определилась и национальность: «кажется, вьетнамец», уточнился социальный статус: «грамотный вор», но где он находится в данный момент, даже приблизительно никто не знал.

В то время, когда в городе изымалась из свободного обращения и упаковывалась в камеры группа воров-домушников, Самвел Тер-Огонесян снимал с Глории Ренатовны Выщих одежды. Когда она предстала перед ним во всей своей грандиозно-грациозной наготе, Самвел, воскликнув «ooo!», зарылся лицом в ее груди, при этом его макушка слегка доставала до подбородка Глории Ренатовны, и возложил на постель, упав на нее сверху. Через мгновение Глория Ренатовна вскрикнула, радостно застонала и поплыла в неизъяснимом блаженстве.

В это же время в загородной психиатрической больнице Дарагановка обострилось состояние больной Сычевой Софьи Андреевны. Она вскочила на свою кровать ногами и, подпрыгивая на панцирной сетке, радостно кричала:

— Ты ко мне вернулся, она тебя забыла, ты мой, мой, мой!

Затем обессиленно упала на кровать, разорвала на груди ночную рубашку, блаженно улыбнулась и в истоме закрыла глаза. Когда в палату вбежали два санитаря, медсестра со шприцем в руке и Мурад Версалиевич, то в их присутствии уже не было необходимости. Софья Андреевна умерла счастливой и любимой.

И в то же время, когда закрывали в камеру последнего вора из далеко не последней воровской группы, когда Глория Ренатовна, уткнувшись лицом в подушку, вскрикивала от наслаждения, когда Софью Андреевну Сычеву, накрытую с головой простыней, на носилках внесли в подвал для ожидания «труповозки» из городского морга, именно в это время на городском вокзале Таганрог-2 сделал двадцатиминутную остановку пассажирский поезд Москва — Новороссийск. Из пятого плацкартного вагона вышел высокий атлет со спортивной сумкой на плече. Саша Стариков оглядел вечерний вокзал и мысленно хмыкнул: «Приехали». Мимо него, выйдя из шестого купейного вагона, прошел мужчина, тоже высокий и мощного телосложения. Несмотря на летнюю духоту, он был в длинном легком плаще, шляпе и темных очках. Саша Стариков не был знаком с Мироновым и поэтому не обратил на мужчину внимания. Мужчина вышел на привокзальную площадь, огляделся и направился к стоянке такси. Вскоре он уже находился в многолюдном и праздном центре

города. Миронов смешался с толпой, войдя в нее словно грозный, неуязвимый и до поры до времени законсервированный вирус, внедренный в программу компьютеров, обеспечивающих отсутствие хаоса на земле.

Алексей Васильевич Чебрак посмотрел на умирающего и отстраненно улыбнулся. Его всегда немного забавляло отношение людей к своей смерти. Глупое и вредное отношение. Разве можно оскорблять действие, которое дает тебе счастье, страхом? Страх перед смертью, что может быть противоестественней, разве что любовь к жизни?

Алексей Васильевич вышел из бокса «Ч» в своей подземной лаборатории и спросил у отвечающего за боксовый блок доктора медицинских наук, специалиста по танатологии, вот уже двадцать лет занимающегося изучением людей, находящихся в промежуточном состоянии «жизнь-точка-смерть».

— Как там наша роженица в боксе «У»? Вы уверены, что она умрет при родах, а ребенок через два часа после рождения?

— Да, Алексей Васильевич. — Доктор медицины Сергей Юрьевич Калиничук снял очки и стал протирать их извлеченной из кармана бархоткой. — Приборы показали интенсивную мобилизацию иммунной системы, начался процесс сгорания в крови глюкозы, организм уже испытывает панический стресс, сознание, как всегда, в неведении, но это хорошо, меньше хлопот будет. Ну а ребенок, что ж, ребенок обречен. Мы, конечно, могли бы не дать ему умереть в условиях нашей лаборатории, в любом другом месте это невозможно, но нет смысла. Нельзя оставлять в живых уже фактически умерших в утробе матери.

— Хорошо. — Алексей Васильевич кивнул в сторону бокса «Ч». — А этот когда?

— Бомж-то? Ну-у... — Сергей Юрьевич засмеялся. — Этот парень сопротивляется по полной программе. Еще бы, жил в теплотрассе, а тут такие условия, да пора умирать пришла. — Увидев, что Алексей Васильевич не склонен шутить, Калиничук оборвал свою веселость и доложил: — Агония начнется через два часа, роды тоже. Я проверил, совпадение агонии и рождения идеальное.

— Я у себя. Когда оттранспортируете материал в операционный сектор и подготовите к работе, доложите.

— Слушаюсь, Алексей Васильевич, — почтительно склонил голову Калиничук.

Войдя к себе в кабинет, Алексей Васильевич сел в кресло и положил ноги на стол. В душе у него росло волнение, смешанное с торжественной уверенностью. Он чувствовал, что сегодня подойдет к черте запретно-сокровенного, он знал, что эту черту переступит без колебаний и, переступив, рассмеется в лицо человечеству, со всеми его нелепыми поисками, его историей и религией, он рассмеется в лицо Богу и вытрет ноги о коврик бесконечности.

Алексей Васильевич вскочил и стал ходить по обширному кабинету. «Интересно будет услышать, что по этому поводу скажут лазурные ламы, еще интереснее увидеть их лица. Вот загадка, взглянуть бы одним глазком на их глубинную страну. Чертов Нгуганба, вредоносный индус французской выделки, отказал мне в аудиенции с лазурными — сволочь, секретаришка, вахтер при входе в преисподнюю. Мысль, кстати, интересная, вполне возможно, что глубинная страна — это и есть ад, не зря же в древности Тибет именовали обителью голодного черта — Титапури. Впрочем, мне все равно, я буду смеяться и перед лицом ада. Тем более что не вижу разницы между Богом и Дьяволом».

Предавшись размышлениям, Алексей Васильевич Чебрак не заметил, как пролетело время. Взглянув на часы, он увидел, что уже прошло полтора часа, щелкнул клавишей связи и требовательно спросил:

— Ну?

— Все готово, я только что хотел сообщить вам об этом, — доложил Калиничук.

— Околоплодные воды уже отошли, хорошо, важно совпадение агоний, та-ак, плод пошел, хорошо пошел, но мы его попридержим и сделаем кесарево сечение, как будто бы это внематочная беременность. Ага, бомжик освятился, в глазах нарастает понимание

неизбежности, ну-ну, родимый, сейчас я заставлю тебя родиться обратно, соединю тебя с роженицей. Вскрываем брюшную полость у бомжа, так, отделяем плод у роженицы, пусть плывет куда хочет, соединяем роженицу с бомжем, аккуратней! Все — пуповина к пуповине, теперь акцентатор, гибче, гибче! Так-так! Агонии совпадают! Включаем акцентатор, нарастает всплеск! Экран, быстро! Переводим в минус, соединяем с вакуумом, усилить, еще, еще! Все! — Алексей Васильевич, не обращая внимания на две оболочки, роженицы и бомжа, кинулся к экрану Стетфорда и вдел руки в огромные сетчатые перчатки, они были соединены толстым кабелем с вакуумно-поглощающей биосферой в защитной оболочке из антивещества, адаптированного к окружающей среде. Он почувствовал, как ровный, мощный, нарастающий и необычный трепет наполнил пространство между его руками в энергоперчатках. Чебрак не отрываясь смотрел на экран и увидел, как на нем появилось клубящееся свечение, оно пульсообразно расцветилось, и Алексей Васильевич понял: свершилось! Он держит в руках ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДУШУ!

В этот день все сейсмические станции планеты зафиксировали необычное колебание почвы на всей территории земного шара, как будто бы Земля глубоко и угрожающе вздохнула. Впрочем, все скоро успокоилось. Само собой, никто на это не обратил внимания. Были дела поважней: выборы нового президента США, непонятные процессы в политике непонятной России, скандал в Букингемском дворце, новый диск рок-группы «Униженный рай», угрожающее мутирование вируса СПИДа, компьютеры нового поколения, разработанные в Японии, волнения в Косове, полная победа медицины над импотенцией, фестиваль высокой моды в Париже — «баскетболистки тоже женщины», открытие форума в Давосе. И лишь только высоко в горах Тибета, среди заснеженных грозных нагромождений, в небольшой холодной пещере, высохший, как мумия, лама-отшельник, застывший в длящейся десятилетия медитации, открыл глаза и посмотрел на выдолбленную в стене пещеры нишу. Там стояла на деревянной подставке древняя примитивная игрушка, изображающая качели для двух стоящих по краям маленьких монахов-лам из раскрашенной глины. Один был наряжен в желтое, а другой в лиловое одеяние из лоскутков. Качели слегка подрагивали, как будто бы глиняные дети-монахи пытались их раскачать — вверх-вниз, вверх-вниз, тик-так, тик-так. Ничего не отразилось в лице отшельника-анахорета, он медленно закрыл глаза и вновь застыл — на десятилетия...

Книга третья ЛПЛ — ЛЮДИ ПОЛНОЙ ЛУНЫ

Смерть — это не конец, а начало, это робкий огонек, утративший возможность погаснуть. Смерть — это любовь. Тот, кто испытывает страх перед смертью, после ее свершения получает этот запредельный страх. Тот, кто испытывает к ней ненависть, в ответ получает посмертную ненависть. Смерть — мстительная женщина. Самоубийцы, спешащие в объятия смерти, — лжецы, они не любят смерть, они просто боятся жизни. Смерть нужно любить чувственно, человек должен испытывать к ней сексуальное влечение, как его испытывают повешенные. Если палачи не идиоты, то там, где вешают, нельзя устанавливать помост, под вздернутым должна быть земля. На том месте, где прольется его семя, вскоре вырастет корень мандрагоры... Я улыбаюсь. Я повесил этого человека по всем правилам эротического искусства. Внизу земля, а он, словно экзотический плод любви, висит на дубовой ветке. Я добр к людям, и я улыбаюсь, когда помогаю им встретиться со смертью правильно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Н-да, — произнес Самсонов, — повесили скромного человека, законопослушного горожанина, и ни одной зацепки.

Степа Басенок, Слава Савоев и новенький в оперативной группе Николай Стромов сидели в кабинете полковника и внимательно смотрели на портрет Президента России у него за спиной.

— Ну и что вы молчите? — спросил у оперативников Самсонов. — Повешен человек и, должен вам сказать, как-то по-ритуальному повешен.

— Кришнаиты, их почерк, — на всякий случай выдвинул первую версию Басенок, но, взглянув на Самсонова, сразу же, хотя и неохотно, отказался от нее. — Или сам повесился.

— Со связанными руками влез на дуб и повесился? — усмехнулся полковник.

— Надо проверить, — вмешался Слава Савоев. — Может, он в цирке многие годы работал иллюзионистом-акробатом.

Николай Стромов сидел молча. Он с удивлением слушал разговор полковника с оперативниками и ничего не понимал. Ему казалось, что над ним или смеются, или принимают за дурака, но, решив не обращать на это внимания, он произнес:

— Кстати, квартиру убитого, Леонида Кузьмича Клунса, тоже обворовали. Она стояла на охране, но все равно пострадала.

— Вот, — обрадовался Басенок, — его обворовали, он расстроился и, вспомнив цирковое мастерство, повесился.

— Хватит, Басенок, — хмуро оборвал Степу Самсонов. — Давай по делу.

Степа согласно кивнул и стал докладывать:

— Леонид Кузьмич Клунс, сорок пять лет. Родился у нас в городе, но затем уехал и двадцать лет проживал в Москве...

— Диссидент, — веско охарактеризовал его Савоев и с опаской посмотрел на Самсонова.

— Вот вам и первая зацепка, — не обращая внимания на Слаvinу реплику, обрадовался Самсонов, — в Москве. То есть никакая это не зацепка, а стопроцентный «глухарь».

— Точно, — согласился с ним Слава Савоев. — Москва — столица нашей Родины, сердце России.

— Печень, а не сердце, — поддержал разговор Николай Стромов.

— Три года назад Клунс вернулся в Таганрог и поселился в трехкомнатной квартире, оставшейся от родителей. Это по улице Дзержинского... — Степа сделал паузу и, оглядев присутствующих, продолжил: — Леонид Кузьмич действительно скромный человек, в смысле законопослушный горожанин...

— Не обезьянничай! — прикрикнул на Степана Самсонов. — Говори по существу.

— Банда квартирных воров под руководством Комбата действительно брала квартиру Клунса. Вместе с ними был вьетнамец Хонда, данные по которому к нам поступили из Москвы. Они взяли в квартире Леонида Кузьмича много старинных предметов, в том числе и культово-религиозных, из драгметаллов. Предметы культа не относились к христианству, какие-то сектантские прибаамбасы с индуистским уклоном... — На этом месте Степа со значением бросил взгляд на Самсонова. — Их сбытом занимался Италия, наш городской «законник», но это предположительно, никто из шниферов по нему показаний не дает. Хотя, конечно же, Италия не мог быть не в курсе, это раз, а во-вторых, у него связи есть везде, он же специалист по антиквариату.

— Италия серьезный противник, — покачал головой Самсонов и спросил у Басенка: — Ну а что о Хонде известно?

— Ничего, кроме того, что известно, — развел руками Степан. — Исчез. Почти все из задержанных домушников утверждают, что он потерял интерес к кражам сразу же после ограбления квартиры Клунса, ну а Клунса вчера, точнее, сегодня во второй половине ночи, повесили. Можно делать выводы.

— Никаких выводов, — отмахнулся от его слов Самсонов. — Звонил Хромов из Москвы, говорит, что по Хонде будет работать его человек. Он уже давно выехал к нам, но

что-то не появляется, втихаря, наверное, работает, негоже это, надо его выследить.

— Выследим, — заверил полковника Савоев, — и высушим.

— В смысле? — вскинул голову Самсонов. — Ты смотри у меня, Савоев, — на всякий случай пригрозил он Славе, — а то я тебя так высушу, что усохнешь до сержанта и будешь работать в медвытрезвителе. Понял?

— Да, — кивнул понятливый Слава. — Тогда давайте Италию потрусим хорошенько.

— Можно и потрусить, — согласился Самсонов, — но это крепкий орешек, почитай досье на него, перед тем как трусить.

Таганрог, конечно, город еще тот, непредсказуемый. Впрочем, как и Москва, впрочем, как и любой другой город, как и любое другое село, как и вообще жизнь на планете Земля.

Изощренно-циничный, подловато-умный, истерично-самоуверенный и по-блатному респектабельный вор в законе Геннадий Кныш по кличке Италия обладал в городе неограниченной властью среди уголовного сословия. Ему нравилось быть вором, нравилось качество уважения, которым его окружала жизнь. Фактически он был хозяином теневой части города, королем ночного Таганрога, одним-единственным вором-«законником» в городе. Никто не мог покуситься на его власть. Деньги, дом, красивая жена, многочисленные девочки-однодневки. Любая его команда выполнялась на полусогнутых, на цырлах, как говорят «филологи» российского рецидивоопасного розлива. Италия любил Таганрог. Любил за тепло и солнце, породившие город, за тихую и безмятежную жизнь в нем. Вот и сейчас он прогуливался по улегшимся меж домов теплым улицам без охраны, один, как простой горожанин. На шее Италии висела золотая цепь, четыре перстня украшали пальцы рук, массивные тигриноголазые часы обрамляли запястье левой руки с обычной для дорогих вещей солидной скромностью. Карман на всякий случай оттягивала взятая пачка денег пирамидоглазого достоинства. Уже на подходе к ресторану «Вишенка» он услышал громкие крики и поморщился, так как не любил хулиганства и строго карал за него своих подданных. Вывернув из-за угла переулка, он увидел группу подростков, яростно отстаивающих свою формирующуюся точку зрения на жизнь с помощью кулаков, ног, время от времени подымаемых с земли палок и прочих предметов быта, выброшенных за ненадобностью на улицу. Когда Италия вышел на арену битвы, один из подростков, долговязый и длинноволосый, наносил эмалированной дырявой миской для стирки удар по голове другому, рыжеволосому и круглолицему.

— А ну брысь, сявки! — гаркнул Италия. — А то уши пообрываю.

Подростки, как по мановению волшебной палочки, прекратили междоусобную драку и заинтересованно подошли к Геннадию Кнышу.

«Уважают», — удовлетворенно подумал Италия и грозно спросил:

— Я сколько раз предупреждал, чтобы в радиусе пяти километров вокруг моего дома никаких драк и всякого хулиганства не было. Что вы не поделили?

Подростки недоумевающе переглянулись между собой, с изумлением посмотрели на короля и не сговариваясь стали его бить.

— Ох! — вскрикнул Италия, получив удар в ухо. — Да я вас... — Но удар в челюсть прервал его возглас на полуслове. — Ох! — Кто-то ударил ему между ног. — Ну все... Ох! — Приложились к его второму уху.

Когда Италия очнулся, вокруг уже никого не было, а вечер давно ушел в прошлое, оставив территорию города на попечение ночи. Он сел, затем, держась руками за землю и пошатываясь, встал на ноги. Часов на руке не было, и перстни пропали, но золотая цепь чудом сохранилась. Он хлопнул себя по карману, денег тоже не было. «Позорище, — раздраженно подумал Италия, — малолетки пахана ограбили», — и медленно пошел в сторону ресторана. Оставалось лишь пересечь густо поросший деревьями сквер. Неожиданно с ним поравнялись два молодых подвыпивших парня.

— Эй, мужик, дай прикурить, — обратился к нему один из них и, окинув взглядом, спросил: — Тебя «КамАЗ» переехал?

— Ты как со мной разговариваешь? — возмутился Италия. — Фраер недоброкачественный!

— Ого! — Парень прямым тычком кулака отправил Италию в нокдаун. Его приятель не долго думая ударил короля ногой в пах. «Ох!!!» — взорвалось в голове Геннадия Кныша, и он потерял сознание.

Очнулся Италия в окружении сквера и глубокой ночи. «Ни хрена себе, погулял пред ужином», — подумал он, стал ощупывать себя, не подымаясь с земли, и почти сразу обнаружил отсутствие на себе брюк стоимостью триста долларов и сандалий «Саламандра» стоимостью двести долларов. Плавки были на месте. Италия сел, ухватился рукой за молодое деревце каштана и, качаясь, встал на ноги, не выпуская каштановый ствол из рук. На этот раз золотая цепь не сохранилась. Немного придя в себя, Италия стал пробираться к своему дому. Он был в светлых плавках, разорванной рубаше и белых носках, поэтому, подойдя к освещенному шоссе, затаился в кустах, выжидая, пока оно станет абсолютно пустынным. Он увидел, как проехал джип с его охраной, и понял, что его уже разыскивают. Но в таком виде Италия не собирался никому показываться на глаза. Он незаметно пересек шоссе и углубился в запутанную сеть переулков городского района Соловки, решив к своему ярко освещенному особняку подойти дворами — с тыла.

Кныш с трудом одолел штакетный забор соседа и, нагнувшись, стал пробираться через его двор к своему забору, где был небольшой лаз. Он был почти у цели, но вдруг почувствовал опасность и из последних сил рванулся к лазу. Ему не надо было оглядываться, он знал, что это была овчарка соседа. Кныш быстро юркнул к себе во двор, но овчарка все же успела разорвать ему сзади плавки и поранить ягодичы. Италия тяжело рухнул на клумбу с ирисами, благо позади дома было темно, и пополз к окну спальни. Держась за стену дома, он, тяжело, с хрипом дыша, стал подниматься на ноги, но вдруг перед ним вспыхнул свет.

— Ничего себе! — услышал Италия хорошо знакомый ему голос оперуполномоченного Савоева. — Тебя изнасиловали, что ли, Кныш, или я ошибаюсь?

Ярко освещенный, прижавшийся лицом к стене своего дома, окровавленный голый король ночного Таганрога ничего не ответил. Все его тело сотрясало. Он громко, взхлеб, как в детстве, рыдал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приехав в Таганрог, Саша Стариков не стал официально представляться. Он снял флигель в частном секторе городского района Богудония и под видом отдыхающего начал осматриваться. Во-первых, его интересовал Хонда, а во-вторых, сам город, но этого он не мог объяснить даже самому себе. Город как город, обыкновенная приморская дыра с промышленным уклоном. «Сочи в центре металлургического комбината», — с усмешкой думал Саша. Но эта усмешка была вторичной, город все-таки очаровывал и даже слегка пугал. В его улицах почти физически чувствовалась какая-то потусторонность. Впрочем, Саша не обращал на это внимания. Что бы он там ни чувствовал, все его чувства ориентировались на УК РФ. Саша был сыщиком до мозга костей. Через два дня он понял, вглядываясь в лица горожан, что уголовному розыску здесь скучать не приходится. Не то чтобы лица горожан попадали под классификацию физиогномической теории Ломброзо, нет, лица были красивыми и даже добропорядочными в основной массе, если не считать того, что в поступках таганрожцев мерцало какое-то непредсказуемое вдохновение, делавшее эту жлобоватую добропорядочность двусмысленной. Дело в том, что таганрожец может при случае и украсть, но остаться при этом порядочным и, более того, интеллигентным человеком. Парадокс юга, северянину этого никогда не понять, не почувствовать. Но Саша Стариков в такие глубины и не старался проникать. Всю эту эпопею с инкогнито он проделывал лишь с одной целью: изучение города в географическом и психологическом плане. То есть Саша с утра до вечера ходил по улицам, магазинам, паркам, рынкам-базарам,

посещал пляжи, кафе, рестораны, всевозможные гадюшники рюмочно-пивного происхождения, совался во все маргинальные дыры и закоулки, усваивал лексику города, пробовал жизнь на вкус, вписывался в фон. Ему предстояло быть в городе столько... «сколько нужно для того, чтобы мы, столичные власти, знали об этом городе все», как напутствовал его в дорогу Хромов. Саша хотел явиться в УВД города не столичной штучкой, а матерым московским волкодавом российского значения.

Зеркало, луна и смерть — при этом зеркало первично — присутствуют в нашей жизни всегда. И если смерть еще каким-то таким изысканным способом держит нас в напряжении тайны, то луна — обыкновенная небесная декорация, на которую сбрасывают вымпелы, луноходы и американцев.

Убывающий месяц, растущий месяц, полнолуние. В это время у многих людей нарастает душевное беспокойство, появляется депрессия, бессонница или не обоснованное ничем возбуждение. В полнолуние очень комфортно чувствуют себя все виды шизофрении, включая светлоплюсовую, сумеречно-творческую, черноминусовую и лунно-маниакальную. Все, кто родился в полнолуние, явные или скрытые левши, они несут в себе блики таланта, то есть высшую форму разума — безумие. Жуткий маньяк и Моцарт тождественны.

Лучше всего умирать в ночь убывающей луны, тогда душа умершего успевает проскользнуть в теплое пространство беспристрастной безмятежности и будет избавлена от бестолково-мучительного пребывания в алогичной действительности. Смерть в растущую луну чревата блужданиями, ибо в этот момент на землю обрушивается мощный поток реинкарнационных возвращений в жизнь. Этот поток вбирает в себя души умерших и опускается на землю уже запрограммированным на смерть. Если человечество сможет хотя бы в один период прибывающей луны не допустить ни одной смерти, то на людей обрушится самое страшное, что можно представить, — беспощадный вирус бессмертия. Смерть в полнолуние — это смерть избранных. Люди, умершие в полнолуние, рождаются вновь в другом месте через несколько секунд после смерти, это разведчики из параллельных миров, абсолютно адаптированные к существованию в нашем мире. Если человек заканчивает жизнь самоубийством в полнолуние, то это значит, что он носитель экстренной информации — его вызвали. В любое другое время луны самоубийство приравнивается к бессмертию — вечному, холодному и беспредельно жуткому.

Кроме луны, косвенное отношение к смерти имеет зеркало. Древние религии запрещали смотреться в него. Когда в доме покойник, занавешивают зеркала, дабы мертвый не подсмотрел за живущим и не забрал его с собой раньше времени. Зеркала — вход в Зазеркалье. Зазеркалье — другая жизнь, вход в параллельность, но ни в коем случае не в смерть, древние ошибались. Смерть недоступна человеческому и зеркальному взору, она за гранью понимания, ее можно лишь чувствовать.

У некоторых профессиональных фотографов бывали случаи, когда во время фотографирования группы людей вдруг случалось необъяснимое явление. При великолепном качестве снимка лицо одного человека из группы вдруг тусклоло и возвращалось в качестве негатива. Это говорит о том, что фотографу удалось запечатлеть человека именно в момент «щелчка смерти», то есть в момент вздрагивания пространства над ним. Любители ночных походов, геологи, рыбаки, охотники, проводящие ночь на природе, знакомы с этим «щелчком». Вокруг ночь, и неожиданно, хотя ничего и не изменилось, понимаешь, что где-то в пространстве распахнула свои волшебные крылья бабочка рассвета.

Люди не знают, хотя когда-то давно, в прошлом, знали, что, глядя на себя в зеркало, позволяя себя фотографировать, снимать на видеопленку, рисовать художникам, мы совершаем частичное самоубийство, ослабляем свою жизненную энергию. Одним словом, нас нагло и бесцеремонно лишают силы, так необходимой по ту сторону жизни. Мы не сможем войти в смерть с достоинством, ибо оставили частицы себя в жизни, оставили память о себе, то есть вовлеклись в круговорот мучений, вложили свои изображения в

фундамент АДа. Отсюда проистекают и наш страх перед смертью, и неоправданная любовь к жизни. Впрочем, придет конец времени, оно исчезнет, и тогда смерть пощадит всех.

В перерыве на совещании у главы городской администрации Самсонов с удивлением посмотрел на Миронова:

— Как здоровье, Сергей Антонович, что-то у тебя круги под глазами?

— Хорошее у меня здоровье, — покосился на полковника Миронов. — Вам такого даже во сне не видать.

— Я сплю без снов, — еще больше удивился Самсонов, не ожидавший от Миронова такой резкости. — А у тебя, Сергей Антонович, предынсультный вид.

— Да нет, — пожал плечами Миронов. — Уверен, что вас-то я на пару десятков лет переживу. — И, скептически посмотрев на полковника, уточнил: — А то и на три десятка.

— Как сказать, — поперхнулся кашлем Самсонов. — Идешь по улице, а тебя раз — и на матрас, в смысле лепнина с карниза оторвется килограммов восемьдесят весом и как даст по башке, а то и хулиган с ломом, — Самсонов незаметно для себя увлекся, — из-за угла выскочит и как шарахнет по голове, или...

— У вас нитроглицерин есть? — перебил его Миронов.

— Кажется, есть! — обрадовался Самсонов и стал хлопать себя по карманам кителя, но был вынужден огорченно добавить: — Эх, тоска, дома забыл.

— Возьмите мой, — флегматично предложил Миронов, — примите, а то что-то вид у вас неважный. Я как раз сегодня свежий для тещи купил.

Но им пришлось прервать свой разговор. Перерыв закончился, и все потянулись в кабинет мэра города.

— Ну и как у вас, Семен Иосифович, — спросил у Самсонова мэр Рокотов, — продвигается дело о преступлении в роще Дубки? Общественность волнуется. Случай, конечно, безобразный, жуткий, Клунса в городе хорошо знали, особенно в среде интеллигенции.

— Ищем, Глеб Константинович.

Рокотов, повернувшись к Миронову, поинтересовался:

— Как поживает прокуратура?

— Полнокровно, — готовно ответил Миронов. — А в деле Клунса никаких сложностей нет, обыкновенная бытовуха местного разлива. Вспомните трехгодичный случай с Астаповым, челноком, тоже ведь повесили, пытали, где деньги. И с Клунсом так же.

— Возможно, — миролюбиво пожал плечами Самсонов, — мы все версии отработываем.

Совещание продолжалось. Рокотов вступил в полемику с генеральным директором металлургического комбината, настаивая на усовершенствовании очистных сооружений, а Самсонов, слегка скосив глаза, посмотрел в сторону Миронова. Миронов тоже косился на полковника, и они встретились взглядами.

Ничуть не смутившись этим обстоятельством, Самсонов похлопал себя по кителю и неожиданно нащупал во внутреннем кармане стеклянную трубку с нитроглицерином. Он поспешно достал ее и, протянув Миронову, участливо произнес:

— Возьмите, Сергей Антонович, штук пятнадцать положите под язык.

— И что будет?

— Не знаю, — пожал плечами Самсонов, — говорят, при тридцати таблетках пена изо рта идет, а вот при пятнадцати не знаю. — Он участливо заглянул в глаза Миронову и с чувством добавил: — Честное слово.

Николай Стромов лежал на раскладушке в деревенском саду своего тестя и смотрел в ночное августовское небо. Его мучили бессонница и необъяснимая тоска. Он не знал, что именно в этот час полнолуния странную тоску и какой-то призыв почувствовали и другие люди. Он не мог знать, что именно в этот момент Леня Светлогоров подошел к окну

загородной психиатрической больницы Дарагановка и не мигая стал смотреть на огромный диск луны, чувствуя, как по волосам на его голове стали пробегать какие-то совершенно неизъяснимые потрескивания, напоминающие шепот неведомого. Леня не видел, что почти в каждом окне больницы, где находились палаты, прильнул к стеклу кто-то из пациентов и столь же заворуженно смотрел на ночное небо.

В это же самое время Глория Ренатовна Вышух осторожно, чтобы не разбудить Самвела Тер-Огонесяна, встала с постели и в полном блеске своей наготы, с закрытыми глазами, вышла в соседнюю большую комнату. Она раздвинула шторы, села возле зеркала, взялась руками за свои груди и, постанывая, стала их поглаживать. Через несколько минут она встала, глаза ее были по-прежнему закрыты, задвинула на окне шторы, вернулась в спальню и, не разбудив Самвела, легла на место. В двух километрах от Глории Ренатовны, в центре ночного города, на балконе шестого этажа под миражным светом луны стоял странный человек, тоже голый, но в шляпе. Он курил и сплевывал вниз, не обращая на луну никакого внимания. Это был городской прокурор Миронов. А в тысяче километров от него, в Москве, посередине огромной комнаты с растопленным, несмотря на лето и тепло, камином сидел в кресле Алексей Васильевич Чебрак. Он заворуженно смотрел на огонь и, слегка раскачиваясь, напевал: «Поле, русское-е по-оле...» По его застывшему лицу было видно, что с таким же успехом он мог напевать все, что угодно. Алексей Васильевич находился в состоянии транса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Чем больше умных людей собирается в одном месте, тем сильнее заметно, что среди них очень много идиотов», — думал Игорь Баркалов, разглядывая людей, наполнивших роскошный зал закрытого ресторана «Первая скрипка». Сегодня здесь расслаблялись участники элитарной конференции «Бизнес энд политика». Ради такого случая оркестр «Виртуозы Москвы» прервал свое зарубежное турне и предстал перед респектабельно-жующей публикой ресторана закрытого типа во всем своем исполнительском великолепии. Весь зал был украшен тропическими орхидеями, стены задрапированы настоящими лианами сарта, стволы которых были густо усыпаны крошечными голубовато-розовыми цветами. Все это в сочетании с продуманным дизайном делало кревоугодный мир ресторана похожим на сад Эдема, приватизированный Дьяволом. «Прекрасная музыка, прекрасные цветы, удивительная гармония цвета, света, звуков и мерзкие жующие богатеи. Красиво жить не запретишь, но хотя бы запретили некрасиво жевать».

Впрочем, все эти мысли особо не задевали Игоря, они возникали от скуки. В эту смену он должен был сервировать подносы с холодными закусками и подносить их к основному выходу из кухни в зал. Там эти подносы, словно эстафету, у него принимали официанты и несли дальше. Игорь заглянул в ассортиментное меню на сегодняшний вечер и покачал головой: двадцать четыре блюда из мяса, черепахи-лобстеры-омары-осьминоги в коньячно-винном соусе, суп из раков, паштет из языков колибри, жареные улитки, пиявки и саранча, суп из змеи, лягушачьи лапки, восемьдесят сортов мороженого и вина. Особенно возмущал Игоря специальный раздел меню под названием БКК (Большая красная книга). Этот раздел служил лишь для предварительных заказов. Клиент мог заказать себе блюдо из редких, исчезающих видов животных, представителей морского и речного миров. Игорь считал, что блюда из БКК заказывают лишь садисты, не имеющие возможности удовлетворить свой садизм другими способами. Чаще всего их заказывали знаменитые оперные певцы, знаменитые основатели и руководители благотворительных фондов, ушедшие на отдых экологи, титулованные борцы за мир и спивающиеся богатые гуманисты.

На Игоре были серые брюки, черные легкие туфли, белая рубашка, серебристая куртка и бабочка под горлом. «Официант, черт побери, — в гневе думал он, — мать вашу за ногу!» Его примирял с действительностью лишь один успокаивающий штрих — «ПММ», пистолет

Макарова модифицированный, в специальной, чтобы не выпирал, кобуре под мышкой. При последней неофициальной встрече Хромов попытался развеять его беспокойство и скептицизм...

— Ты понимаешь, — объяснял ему Хромов, — что весь ресторан утыкан внештатными агентами ФСБ, да и что там греха таить, МВД тоже. Но ты-то в штате, оперативник ты один, все остальные на подхвате, наблюдатели. Лишь ты знаешь, — на этом месте Хромов хмыкнул, — точнее, сейчас узнаешь, кто нас интересуется и как действовать, если они появятся. Во-первых, если увидишь в зале ресторана вот этого человека, — Хромов положил перед Игорем фотографию, — то сразу же даешь об этом знать Ласточкину, связь у вас налажена. Больше ничего не делаешь. Если увидишь вот этого человека, — Хромов положил перед ним еще одну фотографию, — то поступаешь как и в случае с первым, но будешь предельно осторожным, ибо сможешь увидеть неподалеку еще одного человека, вот этого. — Хромов положил перед ним третью фотографию. — И если ты его увидишь рядом с собой или приближающимся к тебе, то стреляй на поражение без всяких предупреждений, даже в зале ресторана, даже если вокруг будет масса народа, убей его. Но, — Хромов поднял вверх палец, — это почти невозможно. Поэтому, если ты увидишь кого-нибудь из этих людей, — Хромов постучал пальцем по первым двум фотографиям, — и где-то поблизости с ними будет находиться этот человек, — Хромов потряс третью фотографию, — то ты никого в упор не видишь, на связь не выходишь, пистолет прячешь в свой рабочий шкафчик и, высунув язык, выполняешь свою работу помощника официанта. Понятно?

— Понятно, — ничего не понял Игорь. — Увидеть этого, кстати, он очень похож на Пьера Ришара, и застрелить как собаку, но если увижу, то сразу прячу свой пистолет и в упор его не вижу, так, что ли?

— Вот именно! — одобрительно воскликнул Хромов. — И никак иначе. Я не собираюсь брать на свою совесть твою смерть.

«Интересная у меня работа, — усмехнулся мысленно Игорь, вспоминая этот разговор и транспортируя очередной поднос с закусками к выходу в зал, — как у Дэвида Копперфилда».

— Ты думаешь, что они уже в той кондиции, что могут и это съесть? — поинтересовался у него официант, кивая на поднос. — Может, сам попробуешь отнести к столу?

— А что... — начал было Игорь, но осекся. На подносе, который он принес, стояла наполненная окурками в губной помаде пепельница и валялась разорванная в нескольких местах однодолларовая купюра.

— Натюрморт а-ля Сальвадор Дали, — рассмеялся официант, — сюда еще поставить в хрустале одинокую белую розу, бокал шампанского с утопленной в нем коралловой лягушкой и ценник — тысяча долларов. Уверен, среди этих интеллектуальных бесогонов, — он кивнул в сторону зала, — запросто покупатель найдется.

«Вообще-то, — думал Игорь, спеша заменить поднос, который он по рассеянности взял со стола «Грязные», — официанты хорошие люди».

На фотографиях, показанных Игорю Хромовым, были изображены Иван Селиверстович Марущак, Алексей Васильевич Чебрак и человек категории «солнечный убийца» по кличке Улыбчивый. Эти фотографии Хромову по дружбе, а заодно и по службе, предоставил Тарас Веточкин. ФСБ и МВД не отказались от мысли разобраться с УЖАСом на неофициальном уровне. На том же уровне им содействовала СВР. С инициатором тихого похода на УЖАС, ГРУ, решили не связываться. У ГРУ было семь пятниц на неделе: то они враждуют с УЖАСом, то дружат. Все силовики понимали, что ГРУ полностью заиклено на своей игре и будет вести себя в этом походе с теми же выкрутасами, то есть с теми же семью пятницами на неделе или, в лучшем случае, с четырьмя воскресеньями.

Постепенно накапливаемая информация о таинственном Управлении слегка ошеломила Хромова и Веточкина. И тот и другой предполагали, что УЖАС — это нечто особенное и нечто обособленное от узкогосударственных целей, но такого международно-глобального

охвата они не ожидали.

— Я не понимаю... — Глядя на Веточкина Хромов эмоционально недоумевал. — Это же розенкрейцы, франкмасоны, тамплиеры и египетские маги в квадрате плюс страшные истории на ночь, которые при дневном свете стали реальными.

— Хм, — отвечивал ему Веточкин, — ты еще не все знаешь.

— Так Расскажи, — сердито набросился на него Хромов, — не прикидывайся знатоком из телепередачи «Куда? Кого? За что?». Ладно, — добродушно махнул рукой Хромов, — это я так просто...

Веточкин был в гостях у временно холостого Хромова. Они сидели в креслах друг напротив друга посреди комнаты. Их разделял низкий журнальный столик. На нем стояли не начатая бутылка джина «Гордон», начатая бутылка нарзана, открытая банка итальянских оливок, пепельница, полная окурков, а на самом краю лежал мощный пистолет «М-770», ласково называемый в ФСБ «мишенькой».

— Службы, аналогичные УЖАСу, есть почти во всех странах мира, кроме Израиля и еще, по-моему, Индии. В принципе более-менее проясняющую информацию, хотя, вполне возможно, и уводящую от понимания дезинформацию, нам предоставит израильский МОССАД. У них, естественно, была масса всевозможных недомолвок, оговорок и намеков в этой информации, но она частично совпадает с нашими наработками по этому вопросу. К тому же МОССАД, видимо, имеет в своей структуре одесский отдел, шуточки у них какие-то дерibasовские.

— Объяснение, конечно, исчерпывающее, — с пониманием отнесся к рассказу Веточкина Хромов. — Одесса и все такое, я понимаю. — Он исчерпал все аргументы своего понимания и замолчал. Интуиция подсказывала ему, что ФСБ владеет информацией столь опасной и необыкновенной, что лучше всего ему ее не знать. — Не хочешь, не говори, у меня своих секретов грузовик с тележкой, и я тебе их навязывать не буду. — Впервые в жизни Хромов отказался от информации и впервые в жизни сделал это искренне.

— Ты когда-нибудь об Атлантиде слышал? — спросил Веточкин у Хромова. — О Лемурии, о Тибете, о существовании на дне Мирового океана источников непонятной энергии, о странных процессах и явлениях в районе Марианской впадины, о входе в подземную страну в районе Бермудского треугольника, о мягком прерывании времени, о том, что среди людей очень много нелюдей, эмиссаров из параллельного мира? Ты об этом знаешь что-нибудь?

— Фу, слава Богу, — облегченно выдохнул Хромов, — фантастики насмотрелся и «желтой» прессы начитался. Давай-ка лучше джину выпьем по рюмочке. — Хромов встал, взял из серванта бокалы, поставил их на столик, откупорил бутылку, наполнил до самого верха бокалы джином и произнес: — По маленькой, проклятой рюмочке.

Они выпили, вытащили из банки по оливке, закусили, почти синхронно закурили, и только после этого Веточкин продолжил:

— Это не фантастика, Леонид Максимович, это голая, конкретная и беспощадная правда, как товарищ пуля из господина «М-770». — Он ласково похлопал ладонью по рукоятке «мишеньки». — Эта правда, если окажется правдой, перечеркнет все убеждения и смыслы. Если она подтвердится, то окажется, что мы проживаем бессмысленную, тупиковую и холостую жизнь.

Впрочем, по мере внедрения в кровь джина «Гордон» безысходность в рассуждениях Веточкина постепенно трансформировалась в некую уверенность.

— Хотя, — продолжал он философствовать, — если все подтвердится, то наша жизнь примет неожиданный и многообещающий ракурс.

Хромов слушал Веточкина вполуха, ожидая момента, когда у того закончится научно-фантастический бзик и он сможет перевести разговор на реального Хонду и прочее, связанное с нахальным убийством Тассова и реальной деятельностью УЖАСа.

— Кстати, — перебил он Веточкина и показал рукой на книжную полку. — Можешь взять почитать, полное собрание сочинений Жюль Верна.

— Кстати, Хромов, — Веточкин разлил джин по «рюмочкам», — я послезавтра в Техас лечу.

— Ну и на здоровье, — не поверил ему Хромов, поднимая бокал. — Ковбой из тебя будет что надо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мало кто знает о том, что в конце августа 2000 года на небольшом, стилизованном под ранчо участке земли в глухом уголке штата Техас, вблизи мексиканской границы, началась встреча представителей спецслужб почти всех развитых стран мира, включая Россию. Спецслужбы обставили свою встречу столь профессионально, что мировые СМИ не догадались об этом, и поэтому мир был в полнейшем неведении. Правда, один прокол все-таки был, но не имел последствий. В первый день встречи возле ранчо возник какой-то репортеришка из тех, кто подпитывает дешевыми сенсациями «желтую» прессу, но по какой-то дурацкой причине он решил разыграть из себя ковбоя, гарцуя на лошади. Само собой, лошадь понесла и унесла его куда-то в Мексику, с тех пор о нем никто не слышал. Его «форд» месяцев восемь пылился на стоянке в городишке Тэнрок, пока хозяин стоянки не продал его в счет оплаты за стоянку какому-то местному идиоту, который этот «форд» разбил на следующий день после приобретения, и он окончательно успокоился на дне огромного оврага, служащего местным жителям городской свалкой и природным ландшафтом одновременно.

Встреча представителей спецслужб назревала уже давно, пришло время делиться информацией. В последние десятилетия в мире стали накапливаться таинственные факты и знамения, ставящие в тупик науку, политику и даже религию. Главная тема парадоксально-интернациональной конференции силовиков и разведчиков звучала почти по-голливудски: «Экспансия нелюдей».

Российскую сторону представляли Игорь Анушев — СВР, Геннадий Вельтов — СВР, Борис Власенко, замдиректора ФСБ, Бортников Леонид Васильевич, уфолог при ФСБ, и Тарас Веточкин. Английская делегация состояла из директора МИ-6 Гарольда Смита, Гардиана Уайльда, руководителя военно-морской разведки, и Чарлза Витсмера, парапсихолога, руководителя отдела обобщений пресс-службы МИ-5. Американцы заявили целой пентагоновской компанией, в которую входили Майкл Флин из службы космического слежения ЦРУ, Готлиб Браун из компьютерно-информационного отдела ЦРУ, Джанинг Вельт, замдиректора ФБР, Роберт Страу, директор Центра парапсихологии при ЦРУ, и генерал Солимон Джагер, руководитель отдела аномальных явлений Пентагона. Немцы были представлены двумя правительственными чиновниками молчаливо-секретной внешности. Французы, Люсьен Гримари и Леже Кони, походили на алжирских террористов, притворяющихся представителями сексуальных меньшинств, хотя на самом деле любили женщин и были высокопоставленными правительственными чиновниками с Вандомской площади. Израиль направил на встречу двух моссадовцев с хитрыми лицами и зачем-то приставил к ним раввина из Хайфы, который родился в Одессе, учился в Киеве, женился в Москве, там же стал директором планетария и оттуда уехал в Израиль. Звали его в Москве Ефимом Яковлевичем Чигиринским. Мир тесен. Оказалось, что русско-украинский еврей из Хайфы знаком с Тарасом Веточкиным. Они встречались на соревнованиях по байдарочному спорту. Впрочем, это классика. Если русский едет за границу, он обязательно встретит там знакомого еврея из России.

Странное впечатление производила делегация спецслужб Италии с недоумевающими лицами сицилийских мафиози, нечаянно-негаданно попавших в полицейскую облаву...

Первыми, кто заметил и обратил внимание своих правительств на то, что внутри земного шара действует какая-то грозная, разумная и не имеющая никакого отношения к

человечеству сила, были спецслужбы, и лишь после них на это явление обратили внимание другие. Ученые вдруг начали понимать, что вся классифицированная картина мира не соответствует действительности, затем «проснулись» окончательно и выяснили, что из глубины земли на поверхность пробивается странная энергетика упорядоченной цикличности, и, уже окончательно впадая в паранойю, стали утверждать во всеуслышание, что среди их коллег есть агенты влияния от неизвестной и мощной цивилизации внеземного происхождения. После этого открытия ученые пришли к окончательному выводу, что все достижения медицины, генетики, физики, химии не имеют разумной перспективы и ведут в тупик развития.

Творческие люди, особенно писатели, всегда имели косвенное отношение к спецслужбам уже хотя бы по той причине что хороший писатель — это осведомитель Бога, стукач, работающий на Христа, Аллаха и Будду. Писатели уже давно подвергаются атаке со стороны злонамеренных сил, населяющих Землю, ибо творчество в их лице наиболее глубоко и полно проникло в таинственный ход происходящих событий, и поэтому писатели так склонны к истерии, депрессиям и припадочному оптимизму.

И лишь люди, достигшие высшей степени политической власти, публичной или тайной, люди, определяющие дальнейшее развитие мировой политики, науки, мистического таланта, контролирующие и манипулирующие мировыми деньгами, знали многое, но не считали нужным делиться этой информацией для избранных со всеми.

Именно увеличение необъяснимых аномалий на Земле и волновало представителей спецслужб развитых стран, собравшихся на комфортном псевдоранчо в пустынном уголке штата Техас.

Первыми поделились своими опасениями американцы.

— Самую серьезную угрозу для будущих поколений представляют компьютеры! — огорошил всех Готлиб Браун. — Во-первых, они дегуманизируют человечество в принципе, во-вторых, вызывают у людей привязанность к ним как к живому существу. Компьютеры втерлись к нам в доверие, господа... — Готлиб Браун медленно обвел глазами аудиторию, как бы спрашивая: «Доколе?» — В-третьих, — продолжил он, — совершенно непонятна эволюция компьютеров, их появление в нашей жизни слишком демонстративно и злонамеренно. В этой электронике уже проскальзывают и набирают силу самозарождающиеся и саморазвивающиеся формы. Слишком доверяя компьютеру и налегая на его дальнейшее усовершенствование, человек и общество деградируют... — И тут Готлиб Браун сказал то, что, собственно говоря, и собрало всех на этом ранчо: — Нас, я имею в виду человечество, кто-то использует втемную. Заинтересованные службы стран, собравшиеся здесь, конечно же, знают, о чем идет речь...

Да, все находящиеся на псевдоранчо в штате Техас знали, о чем идет речь. Серьезную и пристальную заинтересованность вызывал феномен Бермудского треугольника. До этого наука лишь неуверенно предполагала наличие у древних величественных знаний и копошилась возле египетских пирамид и мумий, озадаченно «чесала затылок» возле Стоунхенджа и странных статуй острова Пасхи, пыталась вникнуть в нечто удивительное по мироощущению в тибетских учениях, но все это шло в рабочем порядке, ни шатко ни валко. Политика и крупный капитал оплачивали исследования в этом направлении, как оплачивали бы свой досуг: в свободное от основных занятий время приятно пощекотать свою душу чем-нибудь необъяснимо-таинственным и запить все это бокалом радостного шампанского. Явление Бермудского треугольника (Бертруа) развеяло в прах идиллию. От этого места в океане исходила прямая угроза их власти, их кораблям и самолетам. Все помнят, как шумел мир, вся мировая пресса о феномене Бермудского треугольника, а затем все стихло, и ни гугу. В дело вмешались политика и бизнес. Феноменами такого масштаба нельзя будоражить массы.

Явление Бертруа было знаковым и недвусмысленным. В 1984 году район Бертруа окончательно изолировали от основных воздушных и морских маршрутов. После нескольких

десятков необъяснимых, с точки зрения науки, происшествий с морскими судами и самолетами ВВС США случай с «боингом» Северо-Американских пассажирских авиалиний с тремястами пассажирами на борту поставил точку в определении Бертруа. Этот район попал в полное распоряжение науки и неумолимо опекающих ее спецслужб. Дело в том, что на подлете к Флориде «боинг» неожиданно исчез с экранов радара, канул в неизвестность. Поднялся переполох, но через пятнадцать минут он снова, как ни в чем не бывало, появился на экране и через несколько минут благополучно приземлился. Пилоты ничего не могли объяснить. Полет проходил в обычном режиме, если не считать, что некоторое время они находились в густой странно-серебристой облачности. Все бы ничего, но бортовые часы и часы пассажиров отставали на пятнадцать минут, ровно на столько, сколько самолет отсутствовал на экранах радара. Это говорило о том, что пятнадцать минут «боинга» и людей в нем просто не существовало в земном пространстве...

— ...Безобразия какое-то, — ворчал Готлиб Браун. — Район Бермудского треугольника — это далеко не единственная территория обескураживающей тайны, их много, и вы об этом знаете. Такое ощущение, что все мы со своим прогрессом и научными достижениями находимся под пристальным наблюдением каких-то более сильных существ...

— Ну да, — раздался возглас из левой части конференц-зала, где находилась российская делегация. — С чего вы взяли, что на Земле есть научные достижения, и зачем путаете регресс с прогрессом?

— Это кто там такой умный?! — возмутился Готлиб Браун. — После заседания жду вас в спортивном зале, там разберемся, где я и как путаю.

— Хорошо, буду рад встрече, — обрадовался уфолог Бортников Леонид Васильевич. — Но до спортзала вам придется не переступать границы фактов. Можно подумать, что никто из сидящих в зале не знает о существовании почти во всех странах силовых организаций автономного действия, подчиняющихся какой-то международной конторе МОАГУ в Тибете.

— У нас нет такой организации! — не преминул выкрикнуть Чигиринский и толкнул в бок одного из моссадовцев. — Ты что молчишь как рыба?

— Позор! — ошарашил всех своим возмущением моссадовец и вопросительно, как бы ожидая поощрения, взглянул на Чигиринского.

— Сядь, болван! — рассердился тот и громко заявил спец-силовому бомонду Европы и Америки: — Внутри земного шара существует цивилизация на много порядков выше нашей.

— Вы правы, коллега, — поддержал еврейского священника английский разведчик Гарольд Смит, директор МИ-6. — А Бермудский треугольник, НЛО, существование в народе веры в привидения, домовых и прочей чуши подтверждение этому.

— Месье, господа! — вдруг звонко воскликнул французский силовик Леже Кони. — С чего вы взяли, что здесь начнут делиться своей информацией, это же смешно в конце концов.

— А ведь правда, — рассмеялся Игорь Анушев из Службы внешней разведки России и, поднявшись, обратился к залу: — Коллеги, скажите, положив руку на сердце, кто-нибудь приехал сюда, чтобы поделиться своими тайнами и сомнениями с остальными?

— Ха-ха-ха! — раздался ему в ответ дружный интернациональный смех.

Тем не менее после официальной части люди, посвятившие себя профессиональному любопытству, разговорились.

— Вот, допустим, какого черта ваш Эрнест Колибров, профессор, поперся в Тибет, в эту обитель голодного черта, в эту чертову страну, питающуюся консервированными чертовыми тайнами?

— Эрнест Ральфович Колибров не из ФСБ, ты это брось, Фима. И вообще: раз слинял в Израиль, то и говори о нем, а о России я и сам все знаю.

Раввин из Хайфы и Тарас Веточкин выпили бутылку виски и уже вошли в то состояние, когда становится ясной необходимость второй бутылки.

— Брось, — махнул рукой Чигиринский, — давай по существу распахнем свои души навстречу надвигающейся тайне. Она утратила снисходительность и прет на нас во всем

апокалипсическом разноцветий. Ваш профессор гений, он подтвердил то, что мы и без него знали, предоставил доказательства и расчеты того, что существует мировая система пирамид и других сооружений, не связанных с человеческой цивилизацией...

— Кому он предоставил расчеты и доказательства? — скучным голосом поинтересовался Веточкин и внимательно посмотрел на старого приятеля.

— Не важно, — отмахнулся Чигиринский, — в смысле, не твое дело. Он обнаружил на Тибете целую систему рукотворных сооружений, пирамид. Самая высокая, шесть тысяч семьсот четырнадцать метров, гора Кайлас. Более того, там около семидесяти таких сооружений на сравнительно небольшом участке, но не это даже важно. Он обнаружил там эффект Бермудского треугольника, но во много раз усиленный. Этот эффект называется сжатым временем. Оказывается, время — это энергия, на которую можно воздействовать. Тамошние ламы могут манипулировать временем, могут даже остановить его...

— Как не мое дело? — наконец-то вклинился в монолог раввина Веточкин. — Колибров — гражданин России, удмурт, и ты обязан мне сказать, кому он предоставил эти расчеты и доказательства, а то я его за шпионаж к ответственности привлеку.

— Помолчи, Веточкин, — опять махнул рукой Чигиринский. — Отчет о его экспедиции на Тибет подробно освещался в российской части серьезной прессы, газеты надо читать. Слушай лучше сюда. В результате этого открытия полностью меняется картина мира и выясняется, что человечество — это толпа неграмотных болванов биороботного происхождения, временно допущенных к проживанию на Земле. Мы бракованные клоны Бога.

— Понятно, — остановил распоясавшегося раввина Веточкин. — Вот только одного я не пойму, тебе вера пить спиртное разрешает или нет?

— Ну ты даешь, — удивился Ефим Яковлевич. — Конечно, разрешает. Параграф восьмой, страница десятая, третий абзац сверху, так и написано: «Если нужно, то можно».

— Все ясно, — рассмеялся Веточкин, разливая по стаканам виски и бросая туда лед.

— Не отвлекай меня, — рассердился Чигиринский, — слушай дальше. Высота тибетской пирамиды Кайлас шесть тысяч семьсот четырнадцать метров, расстояние от Кайлас до монумента Стоунхендж по одному меридиану — шесть тысяч семьсот четырнадцать километров, так же как от Стоунхенджа до Бермудского треугольника, в районе которого, по мнению Блаватской, в древности затонула огромная пирамида...

— Блаватская — аферистка, — перебил приятеля Веточкин.

— Да это все давно знают, — возмутился Чигиринский, — слушай дальше. От Бермудского треугольника до острова Пасхи шесть тысяч семьсот четырнадцать километров, а в другую сторону, от Кайлас до Северного полюса, тоже шесть тысяч семьсот четырнадцать километров. Расстояние от пирамид, обнаруженных в Мексике, до острова Пасхи тоже составляет ровно одну четверть меридианной линии. Вот и получается, что эта четверть земного шара разделена на два абсолютно равных треугольника. Что ты на это скажешь?

— Я? — удивился Веточкин, но, выпив залпом виски, передумал прикидываться незнающим. — Такая же параллельная система пирамид и монументов существует и на противоположной стороне земного шара, но только на дне океана. Подтверждение этому мы уже получили от наших ученых из военно-морской разведки и космонавтов. Более того, тектонические слои земного шара имеют телескопический эффект самопоглощения. То есть наша Земля-матушка может тасоваться, как колода карт перед раздачей, и получается, что Тибет и гора-пирамида Кайлас некогда находились в центре Северного полюса. Это говорит о том, что все наши исторические знания нужно выкинуть в мусоропровод и признать, что Земля и Солнечная система — это рукотворный космический корабль.

— Ни хрена себе, — поперхнулся виски Чигиринский. — Ты что, Веточкин, совсем свихнулся? Выходит, мы все на Земле космонавты?

— Нет, — грустно покачал головой Веточкин, — мы случайные и временные попутчики. Настоящие космонавты там, — Веточкин показал в пол, — внутри земного

шара...

Дверь в бунгало, где пили Веточкин и Чигиринский, вдруг приоткрылась, и в проем просунулась лохматая голова Директора МИ-6 Гарольда Смита.

— Стоунхендж, между прочим, у нас, — сообщил он удивленным приятелям. — И то, о чем вы говорите, уже давно не является для нас тайной. Новенькое у вас есть что-нибудь?

— Подслушивать нехорошо, — возмутился Веточкин и решительно поднялся с кресла.

— Да, — поддержал Веточкина Чигиринский и тоже поднялся. — Сейчас мы тебе лицо и бока кулаками промассажирем.

— О! — гордо возмутился англичанин и быстро, чуть ли не молниеносно, исчез.

— Ничего себе скорость, — растерянно проговорил Веточкин, выглядывая из бунгало на улицу, и, повернувшись к Чигиринскому, сообщил: — Нам его не догнать.

— Ладно, — махнул рукой московский эмигрант, — мы его завтра в конференц-зале подловим.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мировая политическая и интеллектуальная элита, обладая небольшой информацией о странном и таинственном присутствии на Земле высшей и неподвластной им цивилизации, все-таки имела благодаря этой информации возможность взвешенно, без экзальтации, оценивать это явление. Мировая толпа такой возможности не имела и жила домыслами, слухами, подогревала себя фантазиями, дезориентированная СМИ, всякого рода голливудскими версиями, и пользовалась услугами мошенников, всяких там кармических стабилизаторов, тантрических оракулов, космических экстрасенсорики, а совсем уже меднолобые довольствовались услугами гипнотизеров, выгнанных из провинциальных цирков за пьянство и систематические кражи циркового реквизита. Самые умные и дальновидные представители толпы пользовались услугами сельских ворожей и чрезвычайно редко встречающихся настоящих цыганских гадалок. Как бы то ни было, но человеческой элите приходилось ломать голову над тем, чтобы информация о присутствии на Земле существ внеземного и внечеловеческого происхождения была подана обывателю дозированно и в соответствующей упаковке. Для этой цели политики высшего эшелона власти всех ведущих стран мира и самые мощные представители научного мира срочно внедрили на земном шаре мировую паутину Интернета, и с этой же целью кинематограф, издательский бизнес выкинули на рынок неимоверное количество разнузданной фантастики. В этом потоке истинные знамения тайны теряли очертания достоверности, а с помощью Интернета население планеты хорошо зомбировалось, продуктивно для власти индивидуализировалось, начисто теряя умение собираться в протестные, реальные сообщества, заменяя их виртуальным, обаятельно-безопасным для элиты, хакерским бунтом. Власть силы и мысли хорошо понимала, что компьютер незаменим для глобальной бюрократизации мира, главное — чтобы мир, и особенно молодежь, поверил и полюбил компьютер, доверился ему. Это будет первый этап на пути глобализации и создания единого государства Земля, новой версии Вавилонской башни. Элита понимала, что Интернет хорош как средство манипулирования населением планеты, она знала, что это не что иное, как доведенное до совершенства рабство.

Своих детей, будущих наследников и властителей Земли, элита воспитывала в Эшере, тибетском монастыре, одном из самых защищенных и самых засекреченных мест земного шара. Дети элиты получали другие знания, другое представление, совсем непохожее на общепринятое, о существующем в мире порядке. Компьютер, конечно же, в Эшере изучали, но как один из самых изощренных репрессивных инструментов власти. Элита компьютеру не подчинялась, она, словно настоящий поставщик наркотиков, никогда не пробовала и не хотела пробовать отраву. Будущие наследники Власти, Мысли и Духа, костяк «золотого миллиарда», дети мировой элиты, получали доступ к алтарю великого и грозного знания.

Одного этого доступа было достаточно, чтобы получить власть над миром.

МОНАСТЫРЬ ЭШЕР

Величественное и мрачное обаяние долины Лонака в Гималаях. Тибет — страна демонов, похищающих дыхание жизни. Демоны — сторожевые псы великого монастыря Лхакхангов, название которого по-европейски звучит как Эшер — обитель богов, где хранятся их изображения. Монастырь находится в ста километрах к северу от самого высокого в мире перевала Жонгсон, высота которого достигает 7300 метров, возле горы Кинчинджинг высотой всего лишь 840 метров. Это недалеко от места, где сходятся границы Тибета, Непала и Сиккима. Пространство Тибета не измеряется километрами, это территория волнообразной зеркальности и вогнутого времени. Тибет — частная собственность Сатаны, любимца Бога. Сюда не допускается вера, среди потрясающей безмолвности горных долин боги играют в звездный бадминтон, лениво подремывают и кометно сплевывают в потолок неба. Преданные свирепые демоны, охраняя божественный отдых, неутомимо обходят дозором Землю и жестоко карают тех, кого отсутствие Бога на Земле обмануло настолько, что они усомнились в его бликующем и повсеместном присутствии...

Именно такое представление о жизни, Боге и смысле получали в виде сказок на ночь непослушные послушники монастыря Эшер.

Эмиссары МОАГУ существуют в каждой стране. Они следят за качеством развития, корректируют его в нужную им сторону и вовремя отслеживают личности, достойные внимания. Системное обучение детей в тибетском высокогорном монастыре Эшер существует уже сотни лет. С тех пор как первый выпуск воспитанников монастыря занял высшие политические посты в своих странах, установилась традиция — своих детей они отсылали на трехгодичное послушание именно туда. Всех и обязательно. Даже если впоследствии дети и не занимались политикой, они все равно имели свои непонятные для непосвященных обязанности. Отправка детей в Эшер происходила в глубочайшей секретности, могли быть даже инсценировки войн, мелких конфликтов и прочих манипуляций, и поэтому таинственный монастырь никогда не будоражил умы общественности. Она не знала о нем. За сохранение тайны, за безопасность детей, за их доставку в монастырь и из него обратно отвечало спецподразделение МОАГУ, состоящее из людей, обученных по системе «Сновидение», оно называлось «Бабочки на луне». То, что могли делать эти люди, можно охарактеризовать одной фразой — «так не бывает». Но так было и есть. Присутствие «лунных бабочек» на Земле повсеместно. Они следят за порядком на ней и осуществляют кураторство над периферийными учреждениями МОАГУ, такими, как в России УЖАС. Впрочем, это отвлечение от основной темы...

Возраст детей, отправляемых в монастырь Эшер, строго не регламентировался. Можно было прислать пятилетнего, а можно и восемнадцатилетнего, нельзя только не прислать, но такого никогда не случалось и не могло случиться. Все воспитанники монастыря Эшер покидали его стены, уже пожизненно связанные друг с другом нерасторжимой круговой порукой, основанной на приобщении к высшему знанию...

Поль Нгуганба, глава МОАГУ, воспитывался в монастыре вместе с будущим президентом Франции, двумя сыновьями императора Японии, будущим канцлером Германии, юным студентом католического университета, будущим папой римским, двумя демократизированными принцами из Англии, одиннадцати и восьми лет от роду, четырьмя детско-подросткового возраста американцами, один из которых еще тогда был назначен президентом США после 2009 года, двое станут учеными высшего уровня, а четвертый в одно из полнолуний окончит жизнь самоубийством прямо на околоземной орбите в космическом корабле НАСА. Это вызовет шок в американском обществе и повлечет за собой череду громких отставок на самом высоком уровне. Были в монастыре и двое русских, один в будущем станет главой государства и сумеет унять бардак в стране, не прибегая к репрессиям, а второй выберет путь монаха-затворника и сумеет создать над мистическим пространством России молитвенный щит. Самым парадоксальным было то, что в монастыре

Эшер воспитывались и девочки, за Полем Нгутанбой закрепили семь из них. В будущем пять девочек станут женами глав государств, одна — рок-звездой со скандально-мировой известностью, а еще одна спровоцирует среднемасштабную войну с ограниченным применением ядерного оружия. После смерти в ее честь воздвигнут гробницу, причислят к лику святых, и будут ей поклоняться как мусульмане, так и индусы, что в дальнейшем приведет к новой кровопролитной войне. Поль Нгутанба был влюблен тогда в эту волоокую и смешливую девочку, впрочем, как был влюблен и в будущую рок-звезду, и в будущих жен глав государств. Он попал в монастырь восьмилетним, прямой дорогой из Дели, где его папа, индийский посвященный, оставался влюбленным в его маму, французскую гражданку Женьев Борхес...

Поль Нгутанба подошел к окну своего кабинета в МОАГУ и стал разглядывать за ним слегка подсвеченную кладку яиц глубинной гадюки дибу. Она расположилась на каменном выступе, нависающем над подземным небольшим, двадцать метров в диаметре, озером. Поль Нгутанба прижался лбом к стеклу. Пещера, куда выходило окно его кабинета, от легкой подсветки слегка мерцала. Это происходило от того, что почти все стены ее были пронизаны, словно венами, кимберлитовыми трубками с алмазами. По трубкам произвели срезы, и алмазы подмигивали своим завораживающим, хотя и фальшивым, блеском. В это время откуда-то сверху соскользнула по стеклу кораллового цвета дибу, алмазная змея, и, проструившись рядом со своей кладкой, ушла в пространство пещеры. «Это же надо, — мысленно усмехнулся Поль Нгутанба, — откладывает яйца на глубине две тысячи метров и шастает то на поверхность, то обратно без лифта». Пути змей неисповедимы. Впрочем, Поль Нгутанба не хотел бы находиться рядом с дибу. Ее яд убивает человека в течение суток, и все эти сутки он будет кричать от ужаса и боли. Противоядия против укуса дибу на поверхности Земли не было, но было у Поля Нгутанбы. Он открыл круглую дверцу стенного сейфа и достал шкатулку из офелита, слабый родственник которого на поверхности именовался яшмой. Внутри шкатулки лежал осанн — настоящий алмаз — награда Полю Нгутанбе за «нефанатическое поклонение истине» после трехгодичного посвящения в монастыре Эшер. Если осанн держать при себе, то дибу, змея ужаса, не укусит, даже если на нее наступить. Поль Нгутанба погрузился в воспоминания.

...Все, кто попадал в монастырь Эшер, поражались его гулкой солнечностью в первый год посвящения, туманностью сводов во второй год и благоговейно мерцающей темнотой в последний. Трех лет вполне достаточно для постижения высшей истины, посвящать этому всю жизнь — бесполезная трата времени. Ее или познаешь быстро, или не познаешь никогда. Полю Нгутанбе показали формы высшей истины уже на втором году обучения, а на третий он ее уже знал... В тот день лама-наставник кивнул ему и сказал:

— Поль, всякая правда — всего лишь одна из разновидностей лжи, а высшая правда — это уже из области идиотизма лишь по одной причине, но я этой причины не знаю. Иди к этому человеку, — лама-наставник показал ему на выход из медитационного зала, там стоял лама в фиолетовом одеянии, — возможно, он тебе причину и покажет.

Поль прервал подготовку к медитации и с радостью направился к фиолетовому ламе. Лицо у нового учителя было похоже на мордочку тщательно выбритой мартышки. Юному Полю стало смешно.

— Привет, — весело сказал он фиолетовому ламе. — Ты мой новый учитель?

— Здравствуй, — улыбнулся ему лама. — Вытри поскорее соплю с носа и следуй за мной. Я покажу тебе нечто, от чего ты забудешь детство, что само по себе отраднo, ибо детство, юность, зрелость и старость — отвратительные состояния.

— Ты что, покойник? — спросил Поль у ламы, шагая рядом с ним.

В Эшере напрочь отсутствовала иерархия «учитель — ученик». В монастыре царила высшая педагогика для будущих сильных мира сего. В основе этой педагогики были свобода, раскрепощенность, дружелюбие. Лама разговаривал, с Полем на французском языке. Женьев Борхес, отправляя сына в Эшер, попросила: «Разговаривайте с мальчиком на

французском, индийский он уже знает во всех вариациях». Ламы Эшера удовлетворили просьбу Женьев...

— Если бы покойник, — с грустью произнес лама и, подойдя к низкой двери массивно-древнего вида, остановился. — Нам сюда, в тайну.

До того как войти, Поль был еще ребенком, за дверью же он перестал быть им. Ровно шесть ступенек вели в огромный зал. Пол зала был голубоватого цвета, гладкий, как зеркало, и прозрачный. Лама подтолкнул Поля в плечо, и он осторожно спустился по ступеням. Лама не последовал за ним, он распластался лицом вниз на верхней площадке, бросив Полю всего лишь одно указание:

— Сойди со ступенек, сделай восемь шагов по направлению к центру зала, остановись и посмотри себе под ноги, там Вселенная.

Поль ступил, как ему казалось, на хрупкий пол огромного зала, сделав по нему восемь шагов к центру, опустил глаза, и тут таящийся внутри его крик запредельного восторга вырвался наружу и заполнил все пространство вокруг. Поль вдруг сразу и четко узнал суть жизни и смерти, увидел будущее и неискаженное прошлое. Он стал Буддой и познал счастье.

Фиолетовый лама по-прежнему лежал лицом вниз возле дверей, но из двух противоположных концов зала вышли два ламы в одеянии карминного цвета и заскользили к Полю с двух сторон. Взяв его за руки, они провели Поля обратно и поставили на камень первой ступени.

— Идем, просветленный. — Фиолетовый лама поклонился Полю.

Мальчик молча последовал за трепещущим перед ним ламой. Дверь вновь открылась и вновь закрылась за их спиной, тотчас же изменив суть Поля. Он перестал быть Буддой, лама перестал трепетать перед ним, но стал относиться к нему как к равному, без снисхождения. Поль уже не понимал суть жизни и смерти, забыл о будущем и смутно догадывался о величии прошлого. Но в нем остался отзвук этого знания, осталась память о прикосновении бесконечности. Он стал посвященным.

Поль Нгутанба медленно закрыл шкатулку из офелита, улыбаясь на прощание осанну, который в ответ пульсирующе взблеснул ему. «Боже мой, — подумал Поль Нгутанба, пряча шкатулку в сейф, — как можно сравнивать стекло поверхностного алмаза с мудростью глубинного осанна. Несчастные люди». Поль лицемерно вздохнул. Ему было наплевать на людей и в горе, и в радости.

...На третий год обучения в Эшере Поль и другие посвященные были допущены в зал атлантов. Три пятиметровых гиганта лежали в каменных саркофагах, как будто уснули всего лишь пять минут назад, но сон атлантов длился уже пять тысяч лет. Их лица с полным основанием можно было назвать красивыми. Глаза были закрыты не до конца, создавалось ощущение, что они смотрят на мир, сильно прищурившись. Тайное, великое знание, ради которого тысячи мудрецов шли на отказ от жизни и мирской суеты, ради которого готовы были отдать и отдавали душу тысячи людей творческих, здесь, в зале атлантов, давалось легко и нежно. А затем Поль Нгутанба был подведен к волнистому жидкому зеркалу акцентного посвящения. Зеркало выровнялось, забликовало, успокоилось, и он увидел в нем продолговатое, сильно заостренное в подбородке, крупное лицо с античным, скульптурно-филигранным носом, большим ртом с тонкими властными губами и очень длинными ромбовидными глазами. Лицо, несмотря на свою похожесть, было совсем не человеческим. «Кто это? Какое совершенство! Какая прекрасная жуть лица!»

— Это ты, — услышал он голос ламы из зала атлантов — Нелюдь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Волны Азовского моря имеют сильный снотворный эффект. Люди, живущие на его берегу, никогда не страдают бессонницей. Есть в звуках волн, накатывающихся на берега древнего белесого моря, убаюкивающий шепот великого откровения.

Саша Стариков спал в тени акации на берегу и сквозь сон слышал, как приближалась гроза. Он хотел, но не мог вырваться из сладкого истомного сна. Но вот первые теплые капли дождя упали на его лицо и сразу же мощной струей, под напором, стали окатывать его голову. Саша Стариков поспешно открыл глаза... Если вам на лицо никогда не мочился сенбернар, то вы не поймете бурю чувств, поднявшихся в душе московского оперативника.

— Это что за безобразие! — возмутился Саша, вытирая лицо рубашкой, которая до этого лежала у него под головой. — Тебе деревьев мало?

Дружелюбная, наглая, хитрая, рыже-белая, умная и обаятельная морда сенбернара с восхищением, приоткрыв пасть и высунув язык, внимала его словам.

— Чья собака? — крикнул Саша дремлющим на небольшом, уместающемся под четырьмя акациями пляже людям. В ответ ему была сонная тишина. Все спали. Саша посмотрел на сенбернара, сенбернар был в ошейнике, но, судя по виду свалывшейся шерсти, уже погрузился в бездомность.

— Кто тебя научил на людей мочиться?

Сенбернар преданно уставился на Сашу.

— Понятно, — с тоской произнес Саша и положил свою мощную руку на большую голову собаки. — Только тебя мне и не хватало. Ладно, — он решительно поднялся, — пошли Пуаро, будешь теперь ментом.

Яркий день вступил в пространство золотистого вечера. Ошеломленные августовской жарой горожане облегченно встречали вечернюю снисходительность легкой пунктирной прохлады. Саша Стариков шел по центральной улице с почти полуметровым гребнем в руке. Гребень, впрочем, как и шампунь для собак, он только что приобрел в зоомагазине. Сенбернар Пуаро, удерживаемый новеньким поводком, шел рядом с левой ногой Саши и внимательно, с легким недоверием, поглядывал на окружающий его мир. Мир, как всегда, был с придурью.

— Мужчина, дайте причесаться, — кокетливо задела Сашу две дамы лет под тридцать.

Саша остановился и почти не мигая стал рассматривать женщин цинично-столичными глазами..

— Только после того, как вы помоете головы этим шампунем.

— А что за шампунь? — чуть ли не с французским прононсом поинтересовалась золотоволосая длинноногая дама с лицом побледневшей индианки, у которой родители были шведскими цыганами с примесью норвежской крови.

— Шампунь от блох, — вслух прочитал на этикетке Саша и, чтобы сгладить свою бестактность, кивнул на сидевшего у ноги сенбернара: — А это владелец шампуня.

— Козел! — емко выразилась вторая женщина, выглядевшая так, будто объелась горохом и перенесла два подряд солнечных удара.

— Надо милицию вызвать, — сделала неожиданное заявление первая и, махав идущим по другой стороне патрульным, звонко закричала: — Милиция!

— Мы здесь, в чем дело? — С трех сторон к дамам, Саше и сенбернару подошли трое в штатском. Это были Степа Басенок, Слава Савоев и Николай Стромов.

— Вы свободны, — махнул рукой Слава дамам, и те почти мгновенно исчезли в сгущающемся вечере.

— Все в порядке, ребята, — кивнул Степа патрульным, перешедшим с той стороны улицы.

— Старший инспектор уголовного розыска Степан Басенок, — представился Степан.

— Капитан Савоев, — скромно сообщил Слава.

— Стромов, — смущенно представился Стромов и поспешно добавил: — Николай.

— Салага, — обрисовал ситуацию Слава Савоев.

— Гав-гав-гав! — предупредил всех троих сенбернар и вопросительно поглядел на

Сашу Старикова.

— Понятно, — усмехнулся Саша и успокоил сенбернара. — Выследили.

— Да уж, — скучным голосом согласился Степа Басенок, — работа такая.

— Ну, как там в Москве? — решил поинтересоваться столичными новостями Слава Савоев. — Все постреливают киллеры?

Саша лишь усмехался и помалкивал. Всей компанией они подошли к микроавтобусу и разместились в нем.

— Ужинал? — спросил Степа у Саши Старикова.

— Обедал.

Микроавтобус, подрагивая на выбоинах, мчал компанию сыщиков в горотдел. Вечер уже не ярким, а тяжело-красноватым золотом наполнял пространство удивительного города. Возле входа в горотдел внутренних дел микроавтобус притормозил, и Слава Савоев озабоченно спросил у Саши Старикова:

— Ты светиться будешь, или самого Самсонова сюда пригласить?

— Пошли в здание, — сказал Саша, — у меня другие задачи, я никуда внедряться не собираюсь.

Поднимаясь по лестнице в кабинет Самсонова, они столкнулись с двумя широкоплечими ребятами из группы захвата майора Дурнева, которые несли вниз стонущего подполковника Абрамкина с внушительного вида ссадиной на лбу.

— Что случилось? — спросил с любопытством Слава.

— Кирпич, — лаконично объяснил ему крепыш Антонов, — один-единственный на все здание кирпич.

Оказывается, завхоз Федосий решил заделать уже давно мозолившую глаза узкую дыру в стене зала заседаний управления, оставшуюся от старой вентиляции. Он установил там высокие козлы, положил на край помоста кирпич и пошел за цементом. Абрамкин, шедший по коридору, вдруг по какому-то наитию резко толкнул дверь в зал заседаний и заглянул туда. Дверь ударила по ножке «козла», и кирпич, лежащий на самом краю, обрушился на голову Абрамкина.

— Это москвич приехал? — слабым голосом поинтересовался Абрамкин.

— Ну не сочинец же! — возмутился Степа Басенок, скептически, хотя и осторожно, глядя на подполковника сверху вниз и на всякий случай вежливо интересуясь: — А вам какое дело, господин подполковник?

— Вы без меня Хонду не найдете, — произнес уносимый вниз Абрамкин. — У меня есть кое-какие соображения на этот счет.

— Были, — проворчал себе поднос Слава. — Частые травмы в области лба не предусматривают хороших соображений.

— Но бывает и наоборот, Савоев. — Последнее слово осталось за травмированным Абрамкиным.

— Какие люди! — радостно воскликнул Самсонов, подымаясь из-за стола и подходя с рукопожатием к Саше. — Надоело в Москве, так вы к нам направились?

Слегка обескураженный предположением Самсонова, Саша ответил на рукопожатие и доложил:

— Господин полковник, капитан Стариков прибыл к вам для выяснения некоторых обстоятельств в отношении бывшего вьетнамского гражданина Шон Тиня и возможного его задержания.

— Да, Хонда, я знаю, — печально произнес Самсонов и кивнул в сторону своих оперативников: — Они его тоже ищут. Он, гад такой, придавил одного наркомана и убийцу из Сочи, за что мы на него не в обиде. Обворовывал с шайкой квартирных воров дома наших горожан, — он кашлянул, — у которых тоже надо выяснить, где они столько добра насобирали честным путем, ну и есть подозрение, что он зверски убил, в смысле повесил, хорошего, как уверяет местная общественность, человека, Клунса Леонида Кузьмича. —

Самсонов внимательно посмотрел на Сашу Старикова и неожиданно спросил у него: — Ну и как тебе Таганрог?

— Станный, но красивый город, — вежливо ответил Саша.

— Это точно, — вставил реплику Слава Савоев, — город с придурью.

— Молчи, — строго предупредил Славу Самсонов и, указывая на него пальцем, объяснил Саше: — Это Слава Савоев, в любой момент может такой фортель выкинуть, что я еле-еле свои погоны на плечах удерживаю.

— Хорошо, — улыбнулся Саша, — буду поосторожней. Дайте мне его в помощники.

— А я к тебе всех троих прикрепляю, — обрадовал Сашу Самсонов. — Мне Хонда тоже позарез нужен, вешает тут, понимаешь ли, людей по рощам, скотина такая. А я с ним никак поговорить не могу.

Все это время Самсонов с любопытством поглядывал на гигантскую расческу в руках Степы Басенка, который, уловив его взгляд, спрятал ее за спину.

— Это что у тебя за гребешок? — мрачно поинтересовался у Степы Самсонов и, не дожидаясь ответа, сказал Саше Старикову: — Вот с кем мне приходится работать. Нет чтобы купить нормальную расческу, он купил для форса трехметровую и теперь будет ходить с ней по улицам и людей пугать, я... — Самсонов прервался и с удивлением посмотрел на скрипнувшую дверь. — Это чей такой песик миленький? — умилился он,

разглядывая медвежьих размеров голову Пуаро, просунувшуюся в приоткрытую дверь кабинета.

— Это наш! — чуть ли не хором ответили ему оперативники.

— Да... — удивился Самсонов и подошел к двери. — Зайди! — строго приказал он сенбернару. — Не торчи в дверях. — Потом выглянул в приемную и усмехнулся, обращаясь к Степе: — Возьми со стола графин и облей водой Любовь Антоновну, спит она на работе, что ли?

После беседы в кабинете Самсонова оперативники на том же микроавтобусе съездили в городской район Богудония, и Саша Стариков сообщил хозяину снимаемой им жилплощади, что съезжает. «Будешь жить у меня», — еще у Самсонова предупредил Сашу Степа Басенок. Затем они поехали ужинать, оставив Пуаро в собачьем питомнике Управления внутренних дел, предварительно выкупав его с шампунем и, сменяя друг друга, расчесав скандальной расческой.

— Смотри, — строго предупредил инструктор питомника Слава Савоев, протягивая ему пакет с полуфабрикатными бифштексами, — мы едем на задание в «Морскую гладь», — на этом месте инструктор понимающе хмыкнул, — а ты ухаживай за собакой так, как будто, — Слава ткнул было себя пальцем в грудь, но передумал и указал на Стромова, — это он в вольере сидит.

— Понял, Савоев, понял, — весело ответил заглянувший в пакет инструктор и доброжелательно подмигнул Николаю Стромову.

Когда Саша Стариков, Слава Савоев и Степа Басенок переступили порог ресторана «Морская гладь», они еще не знали, что в этот день Самвел Тер-Огонесян, желая поразить французских яхтсменов, участников ежегодной международной регаты, проходившей в Таганроге, приготовил блюдо «Ереван — Париж», которое подавалось только участникам регаты и особо почетным гостям. Степа и Слава в общем-то никогда не ужинали в «Морской глади», но сегодня законы гостеприимства обязывали. Вскоре перед тремя оперативниками — Николая Стромова послали проверить информацию о том, что в городе после ареста Италии намечается сходка воров в законе — в центре стола стояло большое фарфоровое блюдо с еще дымящейся нежной долмой, которую официант серебряной лопаточкой быстро разложил по тарелкам. Внутри виноградного листа было мясо юного барашка, смешанное с мясом нежного поросенка, и вымоченные в кумысе волокна острого перца «Семикаракорск». Саша стал есть долму, наслаждаясь ее сочным вкусом и постепенно ощущая, как у него во

рту нарастает тоска по прохладе. То же самое выражение сладостной тоски было написано на лицах Славы и Степы, и тут, как по волшебству, перед ними возникла запотевшая от холода бутылка цимлянского. Официант откупорил ее и разлил по бокалам. Вино, слегка покалывая нёбо, превратило тоску по прохладе в новый приступ радостного аппетита. И постепенно долма на блюде таяла, одна бутылка цимлянского сменялась другой, и вскоре оперативники почувствовали любовь к миру, поверили в то, что рано или поздно в нем исчезнут преступления, и даже в то, что не будет войн. Растроганным взором они окинули зал ресторана и увидели, что вокруг них сидит много счастливых и таких же растроганных французов с армянской внешностью, слегка огорченных счетом от официанта, и чем внимательнее они вглядывались в счет, тем меньше на них действовало обаяние веселого пищеварения, больше завораживала мрачная магия цифр.

— Официант, счет, — доброжелательно, но с некоторой угрозой в голосе попросил Слава Савоев. — А то нам на службу пора.

— За счет заведения, — почтительно ответил официант и скосил глаза в сторону служебного входа. Там в проеме двери стоял Самвел Тер-Огонесян и приветственно помахивал им рукой.

Сыщики вышли из ресторана, а в зале пораженные сильными ощущениями французы мрачно раскрывали свои бумажники. Самвел всегда в три раза завышал цены для иностранных подданных.

Конец августа в Таганроге — это совсем не то, что конец августа в Москве. Мать Степы Басенка, Варвара Егоровна, постелила постели для Степы и Саши Старикова в саду, под навесом из старого парашюта. Там уже стояла одна панцирная кровать, которую они вдвоем вытащили из сарая в конце сада и не без усилий собрали. Пуаро, которого они по пути забрали из питомника, в познавательных целях изучал двор. О его передвижениях по периметру сада можно было догадаться по сообщениям соседских собак.

— Хорошо, — произнес Саша Стариков, натягивая на себя одеяло в белоснежном пододеяльнике и разглядывая сквозь сетчатый парашют усыпанное звездами августовское небо, — тишина. Ни тебе гула машин, ни тебе соседей с музыкой под боком.

— Давай меняться, — предложил Степа, — ты сюда, а я туда.

— Можно, — хмыкнул Саша, — но только с тридцатого июня по тридцатое августа каждый год.

Они засмеялись. И тут же Саша чуть не подпрыгнул на кровати. Со стороны улицы раздался дуплетный выстрел из охотничьего ружья, рев мотоцикла, слова, не входящие в русский орфографический словарь, и звук разбитого стекла.

— Хорошо, — потянулся в постели Степан, — тишина. Это сосед напротив холостыми стреляет в женихов своей дочери. А знаешь, мы задержали авторитетного вора Италию, тебе стоит с ним поговорить. Он антиквариатом занимается, много штучек интересных у него во время обыска нашли, в том числе и из квартиры Клунса, после ограбления которой Хонда исчез, а Клунса спустя три дня повесили, и повесили как-то не совсем понятно. Деньги не взяли, золотой перстень, часы и золотую цепочку с крупным кулоном в виде черепахи из золота не сняли.

— Черепахи? — Саша сел на кровати. — Из такого, немного розоватого старинного золота?

— Не знаю, старинное золото или нет, но розоватое точно.

— Идем допрашивать Италию. — Саша вскочил и стал натягивать брюки.

— Сдурел ты, москвич, или что? — возмутился Степа, тоже вставая и натягивая брюки. — Полвторого ночи.

— Ну и что, — хмыкнул Саша, кивая в сторону улицы. — Люди, как видишь, уже охотятся, гуляют всюду, а мы же не дичь, чтобы спать в сезон охоты.

— Скажи спасибо, — Степа уже надевал рубашку, — что он еще у нас, а не в СИЗО сидит. Туда бы до девяти часов не пустили.

— Спасибо, — буркнул Саша, обувая туфли, и приказал появившемуся из темноты Пуаро: — Иди и охраняй!

КПЗ в Управлении внутренних дел — это нечто среднее между палатой психиатрической больницы, клубом встреч по интересам и ночлежкой для бомжей.

Слава Савоев, задерживая Италию, конечно же, разрешил ему взять из дома другую одежду взамен исчезнувшей во время неудачной прогулки перед ужином. Поэтому, когда двери камеры захлопнулись за Италией, он был в той одежде, которая вполне уместна для этих мест: «Истинный вор должен легко и непринужденно менять фрак на хэбэ и прямо из зековского бушлата вступать в мир костюмов за десять тысяч долларов». Италия спросил у обитателей камеры:

— Люди есть? — И, вслушиваясь в тишину, сам себе ответил: — Людей нет. Нет так нет, сдвиньтесь в левую сторону плотнее, нечего лежать как на пляже.

В большой камере было около пятнадцати человек разного достоинства, от явных бродяг со следами многочисленных ходок в зону на голове до впавших в депрессивное состояние глав семейств, попавших в КПЗ впервые из-за прямого конфликта с Уголовным кодексом во время так хорошо начинающейся выпивки в кругу друзей, на пустыре, после работы, и едва переступившего восемнадцатилетие молодняка, абсолютно не догадывавшегося о том, что будущее почти можно увидеть, если внимательно приглядеться к шрамам на голове бродяг.

— Вот и я, что, не ждали? — пошутил Италия и расположился на беспрекословно освобожденной для него правой стороне сплошных нар. Всю КПЗ уже облетела весть: «Человек в доме». КПЗ не тюрьма, переключаться через окно здесь не принято, ибо любое громко произнесенное слово может служить для следователей информацией, а для сменяющихся во дворе управления патрульных поводом для тренировки с дубинками.

...Прошло уже два дня со дня задержания. Италия, лежа на спине и закинув руки за голову, смотрел на нижние доски деревянного шкафа для хранения пластмассовой посуды и передач от родственников. На местном сленге такой шкаф именовался «телевизором». Италия был даже доволен, что шкаф над ним. Во-первых, он заслонял глаза от негасимого света лампочки над дверью камеры, а во-вторых, лучше смотреть на дерево, чем на безобразно побеленный, ржаво-пятнистый потолок. «Подлый мир, — думал Италия. — Интересно, сколько мне на этот раз засветят? — Он понимал, что засветить могут на весь червонец, но также понимал, что вне стен КПЗ уже заработали на его освобождение его друзья, его деловые партнеры, его адвокаты и его деньги. — Скотский мир, — продолжал скорбеть Италия. — Это же надо, как пушистого фрэера с поличным накрыли». Во время бесславного задержания у него в доме обнаружили предметы антиквариата из обворованных шниферами квартир. Италия чувствовал, что оперативники не прочь с ним договориться, он где-то в глубине души понимал, что их интересует нечто другое, более важное, ради чего они были готовы закрыть глаза на его манипуляции с законом. Он снова посмотрел на дно шкафа и услышал, как в коридоре стали открывать дверь, которая вела из здания управления в крыло с камерами временного задержания. «Опера или начальство с проверкой пришли», — успел подумать Италия перед тем, как на него обрушился шкаф с продуктами питания и он потерял сознание...

— Кто это его? — огорченно спрашивал Степа Басенок у дежурного по КПЗ, глядя, как Италию с перебинтованной головой несут на носилках для отправки в больницу.

— «Телевизор» колбасой и салом перегрузили, — объяснил дежурный. — Вот он со штырей и сорвался ему на голову.

Саша Стариков подошел к носилкам, внимательно взгляделся в лицо Италии и раздраженно произнес:

— В отрубе прохиндей. Поехали обратно досыпать.

— Тут еще один есть, — сообщил ему Степа, — он с Хондой встречался, Найденов. Парень хороший, со следствием сотрудничает, вполне возможно, что его на днях под

подписку о невыезде отпустят.

Независимый, сильный, жизнерадостный, привыкший к просторам Азовского моря Виктор Найденов, впервые в жизни попавший в КПЗ за тридцать лет полной уверенности, что он туда не попадет, после десяти дней нахождения в камере стал похож на человека, который на протяжении года каждый день ожидает исполнения смертного приговора. Глаза у него были затравленными и глубоко запавшими, щетина неровно-пятнистой, плечи сутулыми, а голос плаксивым.

— Ну и что ты нам расскажешь новенького о визитере, что приходил к тебе ночью с Ратушевым и крадеными вещами? — пренебрежительно спросил у Найденова Степа и с недоверием стал его разглядывать.

— Все! — угодливо вскинул голову Найденов.

— И что ты знаешь о нем?

— Ничего.

— Тогда что же ты нам расскажешь?

— Все, — плаксивым голосом повторил Виктор Найденов, вновь вскидывая голову.

Так бывает. Разогнавшийся по жизни человек, незаметно убивший, как в свое время убил двух человек Виктор Найденов, демонстративно выхватывающий у судьбы лучшие моменты, безжалостно отталкивающий людей на пути к своей цели, презирующий слабость и доброту, такой человек, попадая в непредвиденное состояние обитателя тюремной камеры, вдруг сразу и окончательно пугается и становится неприятно-жалким. Тюрьма еще не взялась за Найденова по-настоящему, а он уже был перед ней на коленях, изгибался во всех направлениях.

— Тебя бьют, что ли? — поинтересовался Саша Стариков.

— Нет, гражданин следователь, не бьют, кормежки много, все хорошо, — заискивающе прочастил Найденов.

Саша Стариков с недоверием посмотрел на Степу Басенка. Тот поймал его взгляд и возмутился:

— Никто тут никого не бьет и не мучает, тем более его. Он сам себя раздел и согнул. Нам помогает, я тебе говорил уже, хороший парень, в смысле дурак и сволочь, даже жену свою хотел подставить, мол, это она у него за спиной скупкой краденого занимается. Такой осел, — Степа с изумлением покачал головой, — что я даже не знаю. Жена его как узнала про это, так сразу же показала все его заначки, два пистолета и две гранаты, короче, он дурак, сам собою запуганный.

— Зачем мы его тогда на допрос вызвали? — удивился Саша. — Пусть идет человек, отдыхает.

Найденова увели в камеру.

— Что там с Кнышем, — позвонил Степа дежурному по управлению, — в смысле Италией?

— Сильное сотрясение мозга и сломана ключица. Оставили его в городской больнице под охраной, — сообщил дежурный. — Допрашивать нельзя, врач не разрешает.

Фирменный пассажирский поезд «Тихий Дон» удалялся от Ростова-на-Дону и приближался к Москве. Две студентки железнодорожного института, Вика Лаймина и Катя Малкина, эту практику проходили в качестве проводниц СВ. Если Вика была красива яркой и смуглой красотой, обещающей страстность и неожиданную изобретательность при очень близком знакомстве, то Катя была вся наполнена сублимированной сексапильностью, от которой сильные мужчины теряют голову, приходят в любовную ярость и, если вовремя не осознают опасность таящуюся в по-детски хрупком теле, навсегда попадают под ее сексуальное обаяние, а женщины другого склада уже не дают им удовлетворения.

В шесть часов вечера Вика и Катя стали разносить чай. «Тихий Дон» выгодно отличается от других поездов России тем, что хороший чай там разносят утром и вечером, а

в промежутке — по требованию. Проходя мимо третьего купе, Вика и Катя переглянулись. В глазах той и другой поблескивали влажные блики заинтересованности с элементом испуга, в котором странным образом пульсировала чувственная истома. Еще при посадке они обратили внимание на изящного, с танцующей походкой, человека, до изумления похожего на их любимого актера Пьера Ришара. В нем было что-то такое, отчего обе молодые женщины почувствовали в себе трепет сладостной истерики. Катя, впервые столкнувшись с таким импульсом, даже слегка покачулась.

— Кто вы? — задала она неуместный для проводницы вопрос, принимая у странного пассажира двойной билет на одного человека.

— Я пассажир, — улыбнулся ей «Пьер Ришар».

И от этой улыбки по Кате пробежали ласковые мурашки размягченности, а Вика, стоящая по другую сторону входа напротив Кати, в изумлении приоткрыла рот:

— А-а, а-а...

— Что с вами? — ласково спросил у нее обаятельный пассажир, уже собиравшийся войти в чрево СВ.

— Ничегоооо... — шепотом выдохнула Вика. — Легкое недомогание.

За окном поезда чистый полумрак вечернего пространства постепенно переливался в чистый мрак ночи, изредка прочеркивающийся огоньками полустанков и небольших городков, не заслуживавших остановок возле них фирменного поезда. Катя включила ночное освещение, и в этот момент загорелась лампочка вызова из шестого купе.

— Кто там у нас? — спросила у Кати Вика, облаченная в форму проводницы, и сама же ответила: — Китаец какой-то странный. Тоже по двойному билету все купе занял. Пойду узнаю, чего он хочет.

— Я с тобой, — почему-то испуганно проговорила Катя, — мало ли что.

Они закрыли свое купе и направились к шестому, но неожиданно дверь третьего купе открылась и представший в проеме улыбающийся «Пьер Ришар» сказал:

— Прошу вас ко мне в гости, плюньте на вызов. Очень плохо приучаться жить по вызову с девятнадцати лет.

Как ни странно, но Вика и Катя приняли приглашение сразу же, забыв о вызове из шестого купе, об ответственности за СВ, забыв о самом поезде и о пространстве, мелькавшем за окном состава...

Обескуражить московских оперативников трудно, удивить невозможно. Оперативники седьмого линейного отделения Курского вокзала встречали фирменный поезд «Тихий Дон», точнее, они его уже встретили. Фирменный поезд доставил им и фирменно исполненное преступление. Три труп в СВ, чем не название для криминального романа? Две молоденькие студентки-проводницы и пассажир азиатской национальности. Взглянув на место преступления с мертвыми проводницами, оперативники сразу же поняли, что здесь был секс. Обе девушки даже на мертвых лицах сумели сохранить истаивающую гримасу блаженства. Врач, проводивший первичный осмотр, лишь пожал плечами:

— Никаких следов насилия. Как будто умерли естественной смертью от передозировки наслаждения. Впрочем, сейчас ничего определенного сказать нельзя, только после вскрытия кое-что прояснится. — Он взял свой чемоданчик, окинул трупы взглядом и с усмешкой обратился к оперативникам: — Не трупы, а мечта некрофила.

С третьим убитым была хотя бы ясность в исполнении. Ему зверски, на 180 градусов, свернули шею, отчего лицо и затылок поменялись местами.

Вскоре прибыл МУР, и не как-нибудь формально прибыл а в лице полковника Хромова, приехавшего почему-то не на служебной машине, а на маршрутном такси. Правда, единственным пассажиром. Водитель такси флегматично остановил свой микроавтобус на перроне возле самого вокзала, достал из кармана пачку «Явы», с отвращением рассмотрел ее со всех сторон, вытащил сигарету и закурил. Это был Ласточкин.

Хромов быстро вошел в вагон. Мельком взглянул на «счастливых» покойниц, изумленно вскинул брови и прошел дальше к шестому купе. Войдя, он приказал перевернуть убитого на живот. Взглянув на лицо трупа, досадливо крикнул и махнул оперативникам рукой:

— Все, я не мешаю, уйду, делайте свое дело.

Хромов вернулся в маршрутку. Ласточкин облегченно, с видимым удовольствием на лице, отбросил сигарету в сторону и тронул с места микроавтобус. Хромов достал мобильник, набрал номер.

— Веточкина позовите, — сказал он взявшему трубку человеку в кабинете Веточкина. — В Техасе? — удивился полученной информации и поинтересовался: — У нас в ФСБ и ковбойское подразделение есть, подсобное хозяйство в Америке? — Он продолжал слушать, а затем оборвал собеседника: — Хромов моя фамилия, понял, Штирлиц? Сообщи своему шефу, что я звонил по срочному делу.

Хромов отключился и набрал другой номер.

— Здравствуйте, полковник Самсонов, это Хромов. Передайте, пожалуйста, капитану Старикову, пусть возвращается в Москву. Кстати, и вам сюрпризик, можете Хонду больше не искать, он уже у нас. — Немного подумав, он дополнил информацию: — В морге.

Чувство радостной свободы и вдохновения восхищает меня своими неожиданными проявлениями. У меня как будто бы слетели с рук, ног и мыслей незримые оковы, а за спиной выросли крылья. По всей видимости, я постепенно превращаюсь в Бога. О, как славно имя мое! Это налагает на меня новые обязанности. Я убил пошлого похитителя драгоценных древних рукописей. Ну и что? Ах да, я не должен был его убивать, должен был доставить в отдел ЧЕТЫРЕ и сдать из рук в руки нашим специалистам. Глупости! Я уже ничего никому не должен. Я свободен, во мне поселилась трепетная суть хрустального преображения. А как изящно, тактично и воистину с безбрежной добротой и чистой любовью я подарил счастье этим двум глупым, но милым проводницам. Девочки ушли из жизни счастливыми и скончались удовлетворенными. Я покинул поезд на полном ходу. Мне нужно побыть в одиночестве. Ведь я постепенно превращаюсь в Бога, а это требует переосмысления моей деятельности и места в мире.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На столе Ивана Селиверстовича Марущака тихо и мелодично зазвонил телефон. Он напрягся и осторожно поднял трубку.

— Чрезвычайное происшествие, — раздался хриплый от волнения голос координатора. — Катастрофа, Улыбчивый вышел из-под контроля, у нас погасла кнопка воздействия перед его хлестером.

— Та-ак... — Иван Селиверстович побледнел и откинулся с трубкой в руке на спинку кресла, другой рукой расстегивая пуговицу на вороте рубашки. — Где Чебрак?

— Уже как неделю заперся в своей подмосковной вилле и молчит, — доложил координатор. — Просил не тревожить его в течение месяца.

— Потревожить немедленно! — приказал Иван Селиверстович и сдвинул на пульте рычажок «Боевая тревога» вправо.

За все время существования УЖАСа это была первая боевая тревога. Сдвинутый вправо рычажок в кабинете Ивана Селиверстовича обладал гигантской мобилизационной силой...

Об объявлении боевой тревоги сразу же стало известно в МОАГУ. Поль Нгунганба мрачнее грозовой тучи смотрел на Клосса Воргмана и говорил ему:

— Этот год магнитных аномалий на солнце мне не нравился с самого начала, и я, как всегда, не ошибся. Российский солнечный вышел из-под контроля. Я был против

экспериментов Чебрака с шизофрениками. Шизофрения слишком запредельна, она представляет загадку даже для глубинных ученых. Я почти уверен, что саморазвивающийся биочип в мозгу Улыбчивого перешел под контроль этой болезни, а ведь все солнечные российского УЖАСа, кроме одного, были до вживления чипов шизофрениками. Это опасно, это почти на грани катастрофы.

— Ну прямо-таки катастрофа, — усмехнулся Клосс Воргман. — А что сам Чебрак по этому поводу думает?

Поль Нгуганба молча кивнул и щелкнул клавишей связи.

— Дайте Россию, — сказал он секретарю и почти сразу же заговорил: — Иван Селиверстович...

Но тот быстро перебил Поля:

— У нас еще одно ЧП, Чебрак в непонятном ступоре. Такое ощущение, что он умер, а тело его живет, поет и радуется жизни.

— Убедительную картину смерти вы мне обрисовали, Иван Селиверстович, ну ладно... — Поль Нгуганба медленно впадал в состояние хладнокровной паники, то есть отбрасывал в сторону все эмоции и входил в режим агрессивного мистика, становился тем, кем был на самом деле. — Приступайте к проверке всех солнечных, — приказал он, — а вас пусть охраняет с этой минуты Искра. — Он выпрямился в кресле и властно показал Клоссу Воргману на дверь: — Иди к центральному пульту и дай сигнал боевой тревоги в Англию, Германию, Францию и Америку. Если все шизанутые солнечные России выйдут из-под контроля, то миру под солнцем придется вздрогнуть.

— Есть! — мгновенно отреагировал Воргман и покинул кабинет Поля.

Оставшись в одиночестве, Поль Нгуганба хотел снова связаться с Россией, но почувствовал покалывание в кончиках пальцев и приближающееся мгновение благоговейного ужаса.

Летучие и легкие междометия окружающих меня мгновений, чистая радость освобождения. Как приятно быть Богом. Почему же я раньше думал, что Бог — это Иван Селиверстович Марущак? Почему принимал за храм эту паршивую контору УЖАС? До чего же нравятся мне радужные всполохи мыслей, играющих во мне музыку небесных сфер! И еще, во имя чего я убил в городе Сочи парня с чистым именем Сергей? Вот его нож, я его не отдал Стефану, я сам сшил ему чехол-тельняшку, белое и голубое. Я слышу голоса. Со мной о чем-то перешептываются невидимые существа. О, я знаю, это высшие существа, мои нежные подданные. Я прислушиваюсь и поднимаю к небу лицо. Голоса с неба поздравляют меня с освобождением и говорят, что они мои наставники и будут опекать меня на трудном пути божественного взросления. Я принимаю их помощь. Какой кошмар, как все-таки много людей в Москве, спешат, толкаются. Ну вот, пожалуйста, что за идиотизм? Я остановился в толпе прохожих, чтобы поднять к небу лицо и поздороваться с ним, ибо небо видно и в подземном переходе, а этот тип говорит, что я мешаю движению людей, что сейчас час пик, и требует пройти с ним в отделение... Что ж, не стал его одаривать смертью от своих рук, я разрешил это сделать маленькому грубияну, вытащив его из белого и голубого, и он с восторгом вошел в тело этого парня в милицмейской форме и напился крови. Видел бы ты, малыш, как люди, словно мальки от щуки, прыснули в сторону. Я же ничего, я незаметно ушел по системе «Два зеркала в зеркальном тоннеле». А ты спи, мой малыш в тельняшке, спи. Я улыбаюсь.

Алексей Васильевич Чебрак втягивался в нечто, напоминающее влажно чмокающую воронку, его обволакивала маслянистая субстанция, и он — гений! — ничего не понимал, только медленно и неотвратно погружался в тоску и страх. Впервые он почувствовал, что умер, но тем не менее почему-то знал, что умер на время, что где-то ждет его застывшее в нулевом оцепенении тело, впавшее в бессмысленное состояние, и почему-то знал, что это состояние один в один повторяет состояние выращиваемых им клонов-полуфабрикатов.

Алексей Васильевич Чебрак, несмотря на принципиально новое существование, абсолютно непонятное и жуткое, сохранил способность к предположениям. Хладнокровная, циничная и могучая воля ученого продолжала, хотя и на полувздохе, сопротивляться случившемуся. И Алексей Васильевич понимал, что это не его заслуга, а тот момент, который доказывает временность его смерти. «Неужто меня вызвали к себе глубинные люди? — промелькнуло у него в голове. — Неужто?» Маслянистый водоворот запредельной воронки все глубже и быстрее, влажно всхлипывая, втягивал в себя Алексея Васильевича, и вот он сам и его воля с визгом погрузились в другой мир...

— Этого не может быть, — решительно произнес доктор медицины, самый лучший терапевт и диагност планеты Октавиан Салазар Тредис, штатный врач по МОАГУ. — Его состояние великолепно, все органы работают идеально, на зависть всем нам, но... — он запнулся, — я не понимаю, в чем дело.

Иван Селиверстович Марущак задумчиво разглядывал оболочку Алексея Васильевича Чебрака, сидящего в кресле напротив камина с бессмысленно уставившимися в пустоту глазами и отвисшей челюстью. Время от времени Чебрак как-то механически покачивал головой, хрипло говорил какие-то бессмысленные слова, набор звуков, и вновь застывал, глядя потухшими глазами в угасший камин.

— А я, кажется, понимаю... — вдруг задумчиво произнес Иван Селиверстович, хотя знающий его человек сразу бы догадался, что ни черта он не понимает и, более того, понимать не хочет, а в глубине души даже наслаждается идиотизмом Чебрака и лелеет надежду, что он таким и останется навсегда.

— Я тоже знаю, в чем дело, — вежливо кашлянул психиатр с подозрительной фамилией Гашиш, видя, что Иван Селиверстович не намерен обнародовать свое понимание. — Это каталептическая ступорная кома, чрезвычайно редкое проявление шизофрении, гипертрофированная экстазиальность, более известная в психиатрии под определением «кассандровость».

— И что, помрет?

— Думаю, что с такими физическими данными он еще долго жить будет, — вместо психиатра ответил Салазар Тредис, считавший всех психиатров хорошо замаскированной бандой мошенников.

— Я тоже так думаю, — невозмутимо подтвердил слова Тредиса Гашиш, — если, конечно, он выйдет из этого состояния в течение недели или двух.

Иван Селиверстович Марущак, два врача МОАГУ, Стефан Искра, вынужденный прервать свою генеральскую и «алкогольную» жизнь пенсионера в связи с тем, что все действующие солнечные подверглись проверке МОАГУ, и охранник Марущака находились в подмосковном доме Алексея Васильевича. Кроме них там был то и дело зевающий от скуки куратор УЖАСа из МОАГУ. Иван Селиверстович впервые узнал о кураторе и поэтому время от времени бросал в его сторону возмущенно-пренебрежительные взгляды. Тот лишь вежливо и уважительно улыбался в ответ. Куратор был какого-то блеклого, невзрачного вида, то ли тибетец, то ли монгол, то ли притворяющийся негром китаец. На него никто не обращал внимания, лишь Стефан Искра бросал в его сторону настороженно-восторженные взгляды. Инстинктом профессионала Стефан чувствовал, что невзрачный куратор — это что-то мощное, непонятное, во много раз совершеннее солнечных убийц.

Лазурные ламы не то чтобы были смущены, но некая неопределенность в их словах проскальзывала.

— Мы не имеем полной возможности предугадать судьбу Чебрака, — говорили они Полю Нгутанбе, из мрака прильнувшему к толще огромного осанна, — это вне нашей компетенции. Не знаем, что за научные работы он проводил, но, видимо, сделал нечто такое, из-за чего его захотели видеть верховные судьи нашего мира, люди полной луны, бледные демиурги. Можем только сказать тебе, Поль, одно: никогда не стремись к встрече с ними. На

нашей непрерывающейся памяти последнего человека поверхности, перед Чебраком, называли Ницше, до того как его вызвали бледные демиурги и вашему миру пришлось хоронить его безумцем.

— Это все философия, — возразил Поль Нгуганба, — а у меня ЧП. В России вышел из-под контроля один из солнечных, возникла угроза, что выйдут и остальные, сотворенные Чебраком из психически больных. Он нужен здесь как можно скорее, иначе будет трясти всю Землю. Вы же знаете, что один солнечный может захватить даже пульт ядерной установки и осуществить запуск ракеты, если, конечно, хватит ума разобраться в кнопках и механизме запуска. Но в том, что хватит силы, можно не сомневаться.

— Видишь ли, Поль, — осторожно ответил мрак, — люди луны если что-то делают, то делают это, ни у кого не спрашивая разрешения. Если они примут решение о начале ядерной войны на поверхности Земли, то она обязательно осуществится, хотя бы этого люди или нет. Но вас это не должно беспокоить, Поль, вы от этого не пострадаете, впрочем, как и мы. Как и Земля в ее чистом виде. Гибель человечества и всей поверхностной цивилизации — это для глубинного мира нечто среднее между капитальным ремонтом и генеральной уборкой.

— Я понимаю, — продолжал гнуть свою линию Поль Нгуганба. — Но вы меня назначили руководителем и возложили на меня ответственность за порядок на Земле.

— Мы доверяем вам, — подтвердили полномочия Поля из мрака и с осязательным интересом замолчали. Поль Нгуганба прямо-таки чувствовал, как лазурные ожидали его реакции.

— Тогда я настаиваю на возвращении Чебрака.

— Это решат бледные демиурги, — невидимо усмехнулись лазурные. — А что, разве нет другого воздействия на солнечных, если они выйдут из-под контроля?

— Есть, — сухо ответил Поль, — уничтожение. Профилактическое, то есть упреждающее, которое может осуществить сам УЖАС, или, если они выйдут из-под контроля, с применением «лунных бабочек», но это, во-первых, война, а во-вторых, я не имею права разбрасываться такими профессионалами. Чебрак может исправить ситуацию, взять солнечных под контроль.

— В таком случае ждите, — ответил мрак. — Мы допускаем, что люди полной луны отпустят Чебрака.

Тем не менее события приняли обвальный характер. Модель саморазвивающегося биочипа с алгоритмическими тенденциями соотносящихся с микропроцессорами живого фрагментаризма брусчатых хрусталиков на молекулярной основе стала давать сбои. Биочип «Верность», вживленный в мозг психически здоровых людей, развивался безупречно и жил в тканях мозга как естественное, органичное и неотъемлемое целое, но у врожденных шизофреников, а таковыми были все, исключая Стефана Искру, солнечные убийцы, биочип

«Верность», не справившись с энергией безумия, стал отторгаться. Координаторы оперативного отдела ТРИ с ужасом наблюдали, как вслед за Улыбчивым переставали посылать сигналы на индивидуальные экранные хлечеры биочипы Малышки, а затем Джентльмена. После Джентльмена Иван Селиверстович отбросил в сторону сомнения и принял, как он это делал всегда в критических ситуациях, самостоятельное решение:

— Оставшихся солнечных, кроме Искры, уничтожить. Дайте этим несчастным умереть мгновенно.

— Слушаюсь, — еле слышно проговорил ликвидатор класса «Вирус» из отдела ТРИ, который в обычной московской жизни был известен окружающим как Виктор Григорьевич Чуприн, доктор математики, преподаватель МГУ, компанейский, обаятельнейшей души человек...

Ликвидатор печально вздохнул и щелкнул тумблером со знаком «— 0» под хлечерами с надписями «Гардеробщик», «Августин», «Корсар», «Гиппократ».

Худрук Большого театра досадливо крикнул. Надо же в самый ответственный момент

такому случиться. Только начали входить в вестибюль театра уважаемые люди Москвы, в этом году сезон открывался новой версией постановки «Жизель», как гардеробщик, на время преобразованный в швейцара, вдруг отпустил придерживаемую им дверь, куда как раз входил господин Барусонов с женой, и, быстро вцепившись себе в горло пальцами обеих рук, разорвал его, выплеснув из образовавшейся дыры сильный, но скоротечный поток крови на глазах у Барусоновых. Барусонов удивленно вздернул брови и, взяв супругу за локоть, прошел в глубь вестибюльного зала. В Москве по поводу Барусонова гуляла шутка: «Вопрос: "Почему, когда Барусонов стоит, он всего лишь метр в шапке, а когда сидит в ресторане, то выглядит гигантом?" Ответ: "Барусонов подкладывает себе под задницу бумажник"».

Гардеробщика тут же убрали, кровь моментально смыли. Никто из гостей, со свойственной для любителей высокого искусства тактичностью, не обратил внимания на лежащего в крови человека с разорванным горлом.

В этот же день из окна шестизэтажного суперэлитарного дома полетел на встречу с землей под асфальтовым панцирем неизвестный стране начальник охраны одного из руководителей государства.

В этот же день помощник капитана могучего крейсера, на борту которого дремала ядерная смерть для соседнего европейского государства, пустил себе пулю в висок прямо во время обеда в кают-компании.

В этот же день медперсонал ЦКБ был в шоке, так и не сумев понять, почему виднейший хирург, пользующийся уважением и доверием первых лиц государства, сделал себе скальпелем филигранное, по всем правилам исполненное харакири.

...Иван Селиверстович мрачно вздохнул, мрачно оглядел свой кабинет и задумался. Он относился к своим солнечным по-отцовски и теперь всем сердцем ненавидел себя, УЖАС, само собой, Чебрака и, впервые в своей карьере, МОАГУ. Но он понимал, что самая большая проблема для него, да и вообще для России, далека от разрешения. Три солнечных — Улыбчивый, Малышка и Джентльмен — уже недостижимы для УЖАСа. Что будет дальше, Иван Селиверстович боялся даже подумать...

Поль Нгуганба задумчиво повертел перед своим лицом шар из горного хрусталя и улыбнулся преломленному в нем пространству.

— Клосс, — тихо спросил он у своего помощника и друга, — как ты думаешь, для чего вся эта суэта под названием «жизнь»?

Клосс Воргман оторвался от раскладывания пасьянса картами Таро и веско ответил:

— Не спрашивай, Поль, о таком пустяке, как жизнь. Ты же знаешь лучше, чем кто-либо на земле, что это промежуточный и достаточно примитивный этап.

— Не скажи. — Поль Нгуганба приблизил шар к глазам и сквозь него посмотрел на Воргмана. — Из этого примитива можно не вырваться, попасть в капкан реинкарнаций. Ты с этим не шути, этих идиотов... — Поль кивнул, и Воргману стало понятно, что он кивнул в сторону поверхностного человечества, — радует мысль, что жизнь у каждого повторится. Они не понимают, что именно в этом весь ужас, замкнутый цикл, круговоротное бессмертие, жизнь — смерть, смерть — жизнь, тик-так, тик-так. Они мечтают о бессмертии, не подозревая, что они бессмертны, день — ночь — утро, жизнь — смерть — рождение. Они даже не знают, что на Земле постоянно живут одни и те же люди, они не обновляются, лишь засыпают в одном месте, а просыпаются в другом. День жизни провел в Туле, а утро следующего дня уже встречает на Филиппинах. Впрочем, случается, что и в двух кварталах от того места, где умер, в смысле заснул.

Клосс Воргман медленно положил последнюю карту Таро под названием «Дом Тайны» в ряд и стал расшифровывать расклад, одновременно разговаривая с Полем.

— Допустим, эти, — Клосс кивнул головой в сторону поверхностной цивилизации, — всего лишь статик-рабы, они скоро уйдут, и уйдут, надо сказать, удачно. Ты же знаешь, что скоро мы пересечем зону нейтральных вселенных, там их энергии останутся. Нейтрино хороши тем, что в алогичную действительность, в так называемый Ад, они ничего не

сбрасывают, клио-вселенные Ада всегда идут параллельно с нейтрино, пересечение невозможно, несмотря на утверждение придурка Лобачевского. Чему я завидую, в неполной мере, конечно, так это тому, что поверхностные вполне могут попасть с нейтрино в оттеночную, лазоревую часть непрерывного развития пульсирующей пустоты. А вот этих, — Класс указал пальцем в пол, имея в виду глубинных жителей, — попавших сюда из клио-вселенной, нам придется спасать, им не позавидуешь.

— Зависть, — хмыкнул Поль, не отрывая взгляда от горнохрустального шара, — глупое людское понятие, а ты носишься с ним как дурак с писаной торбой. Но ты прав, главное не в поверхности, главное там — в глубине.

— Да, — закивал головой Воргман, — это главное.

В это время шар из горного хрусталя в руках Поля Нгунанбы тихо, нежно, словно цветок, расцвел переливающимся светом. Не говоря ни слова, Поль и Клосс Воргман вскочили с кресел и бросились к двери соседствующего с кабинетом огромного зала, в центре которого был установлен самый мощный телескоп мира с линзами из осанна, усиленными энергетикой остановленных закрытым пространством стремящихся фантомных частиц. Это была обсерватория МОАГУ, расположенная внутри Эвереста; шторы вершины вместе со снегом раздвигались, и телескоп «Око Тибета» смотрел в сторону Вселенной...

Поль быстро вложил расцветший шар в нишу у основания телескопа, натянул, Клосс это уже сделал, на голову визуальный шлем, соединенный с «Оком Тибета», и, откинувшись в кресле, вперил взгляд в бесконечность. Розовый, бликующий черным, красным и необъяснимо кометным мир предстал перед их взором. Лица Поля и Клосса изменились, стали продолговатыми, с сильно заостренными подбородками, а глаза сделались узкими, длинными и ромбовидными. Но вот в кометное разноцветье, подсмотренное «Оком Тибета», всплыло гигантское облако, переливающееся мириадами оттенками бирюзово-аквамаринового цвета, и стало быстро уходить из поля зрения.

— Оооооо, — певуче вдохнули Поль и Клосс и восхищенно выдохнули: — Раа-аайй.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Отпустив свиту на перевале Чонзак, далай-лама плотнее запахнул верблюжьей накидку и стал подниматься по узкой тропинке, направляясь к ручью Жорканского плато. Было холодно, но правитель Тибета не обращал на это внимания. Он поднимался все выше и выше, лишь изредка останавливаясь и оглядывая пространство вокруг. Китайских пограничников в этих пустынных суровых краях можно было не опасаться. Китайское правительство только делало вид, что Тибет оккупирован ими. В конце концов, они китайцы, потомки юсаней, а не идиоты, и отлично понимают, что такое Тибет для буддийского мира. «И будет править миром желтолицая, звероподобная раса». Далай-лама усмехнулся, вспомнив изречение из наивного христианского Евангелия. Высший и незаметный миру шовинизм желтолице-уздоглазой расы опытен, скрытен, терпелив... Наконец-то перед правителем открылось Жорканское плато, огромная каменно-кремниевая равнина на высоте 5670 метров, посередине плато стоял камень более десяти метров высотой. Далай-лама сделал еще несколько шагов и взобрался на небольшой выступ скалы сбоку от тропинки. Отсюда было хорошо видно, что камень на самом деле изображает сидящего атланта, застывшего в позе роденовского «Мыслителя». Разница была лишь в том, что высокогорной скульптуре было десять тысяч лет. Она олицетворяла конец эпохи атлантов, ушедших в страну демиургов, семипещерный мир тайны, оставив поверхность Земли тем, кому они дали эту суетливую и непростительно зависимую жизнь.

Далее путь правителя Тибета шел только вверх, тропы как таковой уже не было, лишь ее намек, насмешка над путником, но далай-лама продолжал восхождение. Через несколько часов пути он пришел к цели, к пещере великого отшельника, и, войдя в нее, опустился на колени. В пещере было холодно, но далай-лама и на это не обратил внимания. Он лишь

кинул насмешливый взгляд на нишу в стене пещеры, где вздрагивали в пока еще тщетной попытке раскачаться глиняные ламы-дети на игрушечных деревянных качелях, и издал странный звук:

— Оз-зМаа, Оз-зМаа.

Он единственный, кто имел право оторвать отшельника от медитации, и анахорет открыл глаза. Если бы любой человек, даже самый умный, самый талантливый, самый самолюбивый и самоуверенный, самый властный взглянул в эти глаза, он сразу бы понял, что его собственный образ жизни и мировоззрение — это мычание идиота с примитивным набором физиологических потребностей.

— Зачем пришел, мальчишка? — спросил у далай-ламы отшельник.

— Сегодня ночью полная луна. Мне нужно увидеть и сказать слова людям полной луны.

— Что ты можешь сказать бледным демиургам, кроме какого-нибудь пустяка?

— Да, может, и пустяк, — спокойно согласился далай-лама, — но я должен о нем сообщить полнолунным людям.

— Значит, это не пустяк, — произнес отшельник, — а ты отважный человек, правитель Тибета, коль второй раз рискуешь встретиться с бледными демиургами.

— Но ты-то встречался с ними гораздо больше двух раз, а мне понадобилось много времени для этого решения, и я дрожу от ужаса уже сейчас.

— Я — это я, — равнодушно произнес отшельник, — а ты садись напротив меня и войди в растягивающуюся бессознательную спираль сферной медитации. Увидишь людей полнолуния, а я постараюсь, чтобы вторая встреча для тебя не была ужасной... мальчишка.

Основные входы и выходы глубинного государства находятся на дне Мирового океана, наиболее известные — в районе Бермудского треугольника и Марианской впадины, а также в двух местах — подо льдом Северного полюса и во внутреннем, Азовском, море. На суше это Гималаи и Анды в Южной Америке. Существуют и другие способы вхождения в глубинную страну. Они имеют блуждающе-пульсирующий принцип и служат для воздействия тонкими энергиями на ту или иную ситуацию в нашей цивилизации. Это воздействие может быть ужасным: глубинные обитатели способны прихлопнуть поверхностный мир со всеми его достижениями походя, словно комара у себя на лбу.

Утраченная память о прошлом заставила человечество смеяться над адом в глубинах Земли, придать ему статус произведения искусства, не имеющий никакого отношения к реальности. Это, конечно же, не так. Ад-алогичная действительность есть на нашей Земле...

Примерно на глубине двадцати километров под землей начинается фоновно-панцирная оболочка, своего рода твердая атмосфера, защищающая глубинный мир, основу которой составляет хоружлитный лунит. Еще один земной шар внутри земного шара — двойная планета. За фоновно-панцирной оболочкой существует волнообразное, пространственно-временное измерение концентрированно изменяющихся форм, недоступных для понимания людей поверхности.

Хоружлитный лунит, основа основ защитного панциря атмосферы глубинной страны, вступает во взаимодействие с лунными демо-излучениями и сатан-лучами. Они как бы притягиваются друг к другу и взаимно обогащаются, своего рода сексуальный контакт Земли и Луны.

Люди, населяющие поверхность Земли, не знают и не могут знать об этом, они боготворят Солнце, которое вскоре предстанет перед ними в виде кошмара, ибо Солнце — это не что иное, как юная Волосатая звезда — око Апокалипсиса. Глубинный мир, конечно же, не пострадает, если внешняя скорлупа Земли расколется как орех на две части. Он самостоятельной планетой выскользнет из скорлупки и продолжит свое странствие по лазеровой бесконечности...

Разум обрушился в жизнь на Земле давно, девятьсот миллиардов лет назад. Он упал из глубин клио-вселенной и был на много, очень много порядков выше его нынешнего

состояния. Существа, упавшие в земную жизнь, сразу же поняли: чтобы сохраниться, нужно принять основной закон Земли — совокупление, и они приняли его. С кем только эти существа не совокуплялись, создавая все новые и новые виды жизни и формы цивилизации. Сначала это была цивилизация демиургов, которая по мере роста сразу же начала обживать глубины земли. Демиурги хотя уже слегка походили на людей, но ими не были. Во-первых, они были рогаты, всесильны, знали точно, чего хотят, и поэтому торопились. К тому же они были полутелесны и полупрозрачны. Демиурги ушли в глубины земли и стали управлять процессом выживания оттуда. Вскоре после них возникла цивилизация лемурианцев и олисов, более адаптированная к жизни на поверхности, но тоже ушедшая в глубины на подготовленные демиургами позиции. К тому времени демиурги уже сотворили Ад и вырастили внутри Земли стержень, который нам известен под названием «Тибетские качели». Демиурги «перевоспитали» живой организм Земли под себя. «Тибетские качели» — это своего рода «уборка урожая», сбор энергетики (душ), необходимый для жизнедеятельности глубинных существ полубожественного происхождения.

Последней цивилизацией, ушедшей в глубины, была цивилизация атлантов. Кстати, решение о ее вбирании под хоружлитно-лунитную защиту далось демиургам нелегко. Атланты уже настолько вошли в раж совокупления, что завели у себя целые гаремы аборигенов Земли, которые, если судить по меркам земной красоты, были божественно прекрасны ликом и телом, но не обладали внутренней энергией взаимосвязи с высшим. Атланты дали им эту энергию. Бациллы разума усилиями атлантов распространялись по земле с невероятной скоростью. Белые, черные, желтые, красные расы, жившие до падения разума в их мир безмятежно, расселились по Земле, уже навеки отравленные им. Именно с этого момента и начинается известная нам история человечества. Сами атланты не хотели покидать поверхность земли, но демиурги применили к ним насилие, и атланты покорились, ушли в Ад. Люди в качестве статик-рабов для выработки энергии душ в глубинную страну остались на поверхности. Все шло для глубинного мира хорошо до последнего времени, пока они с тревогой не узнали, что на поверхность Земли приземлилась космическая субстанция элохимов, которых мы будем называть в этом повествовании нелюдями...

Алексей Васильевич Чебрак был сначала умирающей роженицей, затем оторванным от нее плодом, затем умирающим бомжем, а затем погрузился в кошмарный и непередаваемый визг ужаса. Этот ужас не мог окончиться, обрубаясь смертью, он был навсегда, он не мог притупиться привыканием, он навечно был свежерожденным. Кто-то держал в руках его визжащую душу, и даже в этой жути Алексей Васильевич той частью себя, что дебильно смотрела в потухший камин на поверхности Земли, пришел к пониманию, что он в алогичной действительности — в Аду. Затем были слова, которые вообще-то не были словами. Да и визжащая суть Алексея Васильевича не могла бы не то чтоб понять, а даже услышать примитивное звучание обыкновенных слов. Нет, это был какой-то кастаньетного диапазона клекот, который, раздвинув занавес визга, насильственно заставил Алексея Васильевича понимать его и при этом ни на мгновение не ослабил его жутко-кошмарное состояние...

— ...Интересный экземпляр, психоделическая шизофрения. Мощная, но еще не созревшая энергетика высшего класса, умирать ему ни в коем случае нельзя.

— А мы и не дадим ему умереть. Но посмотрите, как он опасен и одновременно приятен взору.

— Да, я понимаю, я вижу эти три всплеска в его энергетике. Вполне можно утверждать, что он наш дальний родственник, правда, слишком уж дальний, прошедший через генетику лемурии и слегка подпорченный генетикой атлантов. Кстати, а где находится душа, захваченная этим бунтарем?

— Она у него в лаборатории, но скоро уйдет оттуда, и, надо сказать, вместе с лабораторией.

— Элохимы знают о захвате людьми души умершего?

- Не думаю, но, наверное, это встревожит их не меньше нас.
- Я за то, чтобы разрушить МОАГУ. Мы же знаем, что нелюди захватили в нем руководство.
- Не думаю, что нужно ссориться с ними по таким пустякам. Мы все-таки в одной лодке.
- Давайте уже отпускать эту куклу-демиургененка, посекали его, и ладно, он умненький раб, он поймет.
- Да, пусть возвращается через шершавый тотинный тоннель, через двадцать лет вернется, если элохимы не перехватят. К тому же нас ждет встреча с далай-ламой. О ней попросил вышедший из-под нашего контроля лама Горы.
- Трудно доверять ламаистам, когда они могут выходить из-под контроля, но доверять нужно. Кстати, зачем мы будем его мучить тотинным тоннелем? Я отправлю его в пузыре асии (расплавленный, настоящий изумруд), мне он нравится, а элохимы его не захотят, трудно захватить энергетику, в которой три демиургов всплеска.
- Асия так асия, пусть уходит. Все будет так, как будет. Но этого и ученых поверхности нужно жестче взять под контроль.
- Вообще-то мне уже надоели люди, но вы правы, все есть как есть.
- Не надо было их создавать.
- Вы правы, не надо было.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Руководство Службы внешней разведки России очень ценило профессиональные качества Александра Михайловича Леева. Он был гением разведки, потрошил МИ-5 и МИ-6 Англии, извлекая из их недр информацию для России. То, что он был Леевым, знала лишь СВР. Англия воспринимала его как своего гражданина Гардиана Уайльда, руководителя военно-морской разведки. Англия заблуждалась, но понять ее можно. Любой русский, кроме информированного, рассмеялся бы в лицо тому человеку, который, указывая на Уайльда, сказал бы: «Это русский во всех поколениях, родом из Курской области и села Кметова, окончил десять классов, после черепно-мозговой травмы, в возрасте шестнадцати с половиной лет, попал в психиатрическую больницу из-за проявившейся в нем агрессивной и опасной для окружающих шизофрении». Отсмеявшись, русский сказал бы, указывая на Гардиана Уайльда: «Ты посмотри на него, разуй глаза, придурок, где ты видел таких в курском селе? Это же англичанин!» В СВР сказали бы: «Александр Леев блестяще закончил МГУ и параллельно Иняз, был замечен нами, проверен и внедрен. Он действительно родом из Курской области, действительно после десятого класса попал в больницу, но после излечения поступил в эти вузы, и в итоге от него в нашу страну идет ценнейшая секретная информация». Лечащий врач районной психбольницы в не до конца цивилизованных глубинах Курской области забегал бы глазами и сказал: «Кто, Леев? Да он умер от инфекции на десятый день после поступления в больницу. Инфекция была столь опасной, что его тело отдали родителям в закрытом гробу. Его могила где-то там, на сельском кладбище в селе Кметове». Так бы сказал вам лечащий врач, но его уже давно нет, он умер от воспаления легких, а саму больницу закрыли, и даже здание разрушилось, предварительно подвергшись пожару. Иван Селиверстович Марущак мог бы сказать: «Это Джентльмен, солнечный убийца, обученный по методике «Макиавелли», моя головная боль и угроза стабильности на Земле». Но не надейтесь, Иван Селиверстович вам не скажет этого. И лишь на комфортабельном ранчо в далеком штате Техас, где собрались представители всех спецслужб развитых стран для выработки общей концепции в борьбе с непонятными явлениями оккупации Земли извне, Ефим Яковлевич Чигиринский хриплым голосом сказал Тарасу Веточкину, указывая на безукоризненно одетого Гардиана Уайльда в английской делегации:

— Посмотри на этого британского пижона, одет, как на приеме у королевы. Давай и ему морду набьем заодно со Смитом из МИ-шесть?

Тарас Веточкин бросил короткий взгляд на Уайльда и, в принципе не возражая, засомневался:

— Мы не справимся с ним, Фима, и вообще мы не в Одессе, я уже не говорю о Москве. Давай станем естественными, в смысле респектабельными, а то меня на службе в архив, на бумаги посадят.

— Как это не справимся?! — возмутился хулиганистый раввин из Хайфы. — А это зачем? — Он указал на двух следующих за ними могучих моссадовцев, преданно глядевших на Чигиринского.

— Давай и Смита не трогать, — уверенно встал на путь здравомыслия Веточкин. — Мы все-таки на международной конференции.

— Да ты глянь на них, — рассмеялся Чигиринский. — Это же полный атас — выноси веники.

И действительно, посмотреть было на что. Делегаты, медленно стекающиеся в большой конференц-зал ранчо, выглядели не лучшим образом. У Готлиба Брауна после встречи в спортзале с Бортниковым Леонидом Васильевичем под глазом пылал синяк-шедевр. Лучшая американская косметика потерпела поражение в попытке заретушировать его. Самого Бортникова не было, он спал у себя в номере, решив прогулять, как депутат Госдумы, это заседание. Американский генерал Солимон Джагер из Пентагона был безукоризненно выбрит и одет в смокинг, но на ногах у него были, явно по рассеянности не замеченные им, пушистые, зеленого цвета комнатные тапочки, а в глазах генерала плескалась вселенская, почти приближенная к русской, тоска. Оба немца на первый взгляд выглядели так же, как и в первый день, но на второй взгляд становилось понятно, что они вообще ничего не сообщают, потому что пьяны в стельку. Французов можно было увидеть из окна конференц-зала, они забрали у одного из конных охранников ранчо лошадь и пытались по очереди сесть на нее, судя по их виду, это была далеко не первая попытка. И лишь итальянцы, наглухо официальные и в черных костюмах, как были похожи на сицилийских мафиози, так и остались, да и то Веточкин заметил, что из нагрудного кармана одного «мафиози» задумчиво свисала одинокая вареная спагеттина.

Ребят можно было понять. Устроители этой конференции перестарались. Слишком много было на ранчо высококачественной, крепкой и вне ранчо недоступной по цене бесплатной выпивки.

Тяга к здравомыслию не была случайной в Тарасе Веточкине, не зря ведь он служил в ФСБ, одном из самых изошренных ведомств России. Одного взгляда на Гардиана Уайльда из британской делегации ему было достаточно, чтобы сделать определенные выводы не в пользу рукоприкладства, как того требовал неукротимый раввин из Хайфы. Более того, Веточкин заметил в Уайльде нечто такое, что ему до боли показалось знакомым, и вот сейчас, в последний день конференции, он пытался понять, что же именно.

Последний день конференции в корне отличался от первого дня и формой и содержанием. Во-первых, Готлиб Браун, погруженный в мрачный пессимизм после встречи с Бортниковым, наотрез отказался вести конференцию, мотивируя свой отказ странным умозаключением, несвойственным для США в общем и для ЦРУ в частности:

— Да я не лысый, чтобы как дурак распинаться перед всеми.

Странность была в том, что Готлиб Браун был действительно лысым до блеска на голове, а высокохудожественный синяк под глазом делал его заявление «как дурак» более чем двусмысленным.

Борис Власенко, непосредственный начальник Тараса Веточкина, толкнул его в бок:

— Иди и скажи что-нибудь высокой аудитории.

Веточкин коротко взглянул на начальника и шепотом ответил:

— Не могу, я весь в работе. Обратите внимание на англичанина Гардиана Уайльда.

Даю сто процентов, он имеет отношение к нашему Управлению по жизненно актуальным ситуациям.

— Да ты что? — удивился Власенко. — Ладно, работай. — Он с пренебрежением посмотрел на сидящего рядом с ним Геннадия Вельтова из СВР, оглушительно чихнул и буркнул: — Извините.

— Что вы, что вы, дон Педро, это я вам должен кучу денег, — язвительно процитировал знаменитую театральную фразу Геннадий Вельтов.

— Я тебе сейчас за дона Педро... — возмутился Власенко, но, вспомнив, что он руководитель делегации, мягко проговорил: — А я и не знал, Геннадий Анатольевич, что вы интересуетесь искусством, по вашему лицу этого не скажешь.

— Господа! — раздался голос Чигиринского, под охраной моссадовцев продвигающегося к трибуне. — Председательствовать буду я.

— Нет, сейчас время Германии! — неожиданно для всех поднялся с места один из немцев, и все присутствующие в зале поняли по его виду, что это невозможно в принципе.

Раввин из Хайфы утвердился с довольным видом на трибуне. Два моссадовца стали по бокам ее.

— Как вам не стыдно? — упрекнул Чигиринский немцев и с досадой посмотрел на трибуну, она была великовата для него, похожего ростом на Луи де Фюнеса.

Яков Ефимович покинул трибуну, подошел к невысокой квадратной тумбе, на которой стояли в корзине цветы, убрал их и указал на тумбу моссадовцам, чтобы они перенесли ее к трибуне.

— Вот, — возникла над трибуной сияющая физиономия раввина, — спите! — махнул он в сторону уснувшего в своем кресле немца и произнес пламенную речь перед конференцией, собравшей представителей государственных служб, которых в принципе нельзя собирать вместе и которые в принципе сопротивляются этому. — Господа разведчики, хватит разыгрывать друг перед другом эту хохму. Завтра утром мы покинем гостеприимное ранчо, которое за счет правительства наших стран наполнено дорогостоящей выпивкой и прочими, включая очаровательных амазонок, достижениями цивилизации. Я предлагаю разойтись и посвятить оставшееся время работе с документами и размышлениям о Боге.

Последние слова Чигиринского потонули в буре аплодисментов, и поэтому никто из присутствующих, кроме Тараса Веточкина, не обратил внимания на то, что Гардиан Уайльд, «английский джентльмен», встал со своего места, пренебрежительно окинул взглядом аудиторию и покинул конференц-зал. Джентльмен вдруг почувствовал, что стал тем, о ком предлагал поразмышлять Яков Чигиринский.

Можно сколько угодно думать, говорить и писать о судьбе, о роли в ней случайности, приравненной к целой цепи закономерностей, о том, что спуск воды в унитаз родствен в той или иной мере виртуозной игре на виолончели, о взаимодействии улыбки Джоконды с отрыжкой за обеденным

столом. Можно сколько угодно размышлять об этом, ни на шаг не приблизившись к пониманию поступков судьбы, явлению случайностей и природы закона взаимосвязи.

Джентльмен, покинув конференц-зал уже Богом, направился к себе в номер. Если, как утверждают специалисты, каждый человек — это ходячая энциклопедия со множеством опечаток, то каждый шизофреник — это сгусток более-менее подконтрольного болезни хаоса. Алексей Васильевич Чебрак, создавая солнечных, учел все, кроме одного — непредсказуемых метаний шизофрении, которая в конце концов перестроила саморазвивающиеся биочипы в голове солнечных под себя. Джентльмен по действию отличался от Улыбчивого, не говоря уже о Стефане Искре. Нет, конечно же, и Джентльмен мог толчком пальца сломать человеку позвоночник и, если надо, пробежать за одну ночь сто километров, но это, как говорят студенты мединституты, общая специализация перед выбором индивидуальностей. Индивидуальная специальность Джентльмена не требует

пояснений, она слышится в самой кличке. Поэтому Гардиан Уайльд, войдя в номер, раскрыл свой дорожный кофр и, поставив его на кровать, стал собирать вещи. Первое, что он счел нужным туда положить, — зубная щетка, паста, мыло и полотенца. Затем Джентльмен уложил в кофр две чистые рубашки, дюжину носовых платков, электробритву, три пары чистых носков, комплект нижнего белья. Взяв в руки служебный револьвер, тут же с пренебрежением отбросил его в сторону — суперразведчику УЖАСа, прикомандированному к СВР, револьвер не нужен, это все равно что подстраховать ручной гранатой взрыв ядерной бомбы. Собравшись, Гардиан Уайльд подошел к зеркалу и с пристрастием оглядел себя: Бог должен выглядеть безукоризненно. Джентльмен, солнечный убийца, именно так и выглядел. «Сначала в Нью-Йорк, — решил «Бог», — он должен погрузиться в хаос, а затем домой, в деревню, надо посмотреть, целы ли в моем тайнике бинокль, подаренный отцом, и морской кортик, хи-хи, что я стырил у Васьки из десятого "А"».

Джентльмен взял в руки кофр, еще раз оглядел номер и направился к выходу. Он не знал, что судьба уже сделала ленивое телодвижение, случайность уже выложилась в неизбежность, закон взаимосвязи стал непреложным.

Джентльмен спускался по лестнице к парадному выходу из ранчо, но, проходя мимо мозаичного и дорогого исполнения витражного окна сбоку лестницы, решил покинуть ранчо через него, что и сделал. Оп-паа! Высота шесть метров для солнечного не высота, он выпрямился, и тут же в голове его раздался взрыв, и все, включая хаос в Нью-Йорке и встречу с несуществующей юностью в селе Кметове, стало для суперсолдата и супершпиона, обученного по системе «Макиавелли», неактуальным. Он умер, прыгнув на землю именно в тот момент, когда взбешенный неуклюжими попытками пьяных французских разведчиков сесть на него мустанг охранника лягнул задними ногами. Леже Кони отпрыгнул, а на его место прыгнул «английский джентльмен» из Курской области.

— Что случилось? — с недоумением спросил Люсьен Гримари, подходя к растерянному Леже Кони.

— Если не ошибаюсь, — уже вполне невозмутимо ответил Кони, — это международный скандал, американская лошадь убила английского подданного.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Стечение обстоятельств выложилось так, что сочинский подполковник Абрамкин с сильным сотрясением мозга оказался в одной двухместной палате с рецидивистом и воров в законе Геннадием Кнышем по кличке Италия, у которого, кроме сильного сотрясения мозга, была сломана ключица. «Два лоботряса», — пошутил Самсонов, навещая по знакомству Абрамкина и с оперативной целью Италию. Но с Италией ничего не получилось, он беспробудно спал чуть ли не круглыми сутками, а подполковник Абрамкин шепотом сказал Самсонову, кивая на постового милиционера в палате:

— Прошу тебя, Иосифович, убери ты его из палаты, пусть в коридоре сидит. Я прикинусь тоже рецидивистом и задружу с Италией, когда он очнется, может, удастся что-либо выведать, а ты проинструктируй постового, чтобы он вел себя со мной соответственно легенде.

— Давай тебя еще и наручниками за одну руку к кровати пристегнем, — воодушевился Самсонов, — и не брейся.

— Давай, — покорно согласился Абрамкин, — пристегивай.

Вид у Абрамкина был еще тот: щетина, перевязанная «корзинкой» голова, одержимый огонь в глазах.

— Тогда надо делать все по уму, — принял решение Самсонов. — Театр требует жертв.

Последней фразой Самсонов даже слегка испугал Абрамкина, правда, ненадолго. Подполковник был не из пугливых.

— Ты прав, начальник, — мгновенно вошел в роль сочинский подполковник. — Театр

начинается с вешалки, — обескуражил он цитатой Самсонова, — гадом буду.

Служба есть служба. Пока Италия, потрясенный ударом камерного «телевизора» и снотворными препаратами, спал, у подполковника Абрамкина отобрали хорошую домашнюю пижаму и одели в кальсоны и майку с больничными штемпелями, отобрали сигареты «Винстон» и выдали «Приму», забрали продукты домашнего приготовления, принесенные ему Аллой Вострецовой, владелицей ателье «Мечта», у которой на время командировки поселился Абрамкин, и он стал хлебать больничный суп. Вдобавок ко всему сменили патрульного милиционера и поставили в коридоре двух новеньких, которые были абсолютно уверены, что охраняют двух закоренелых преступников, одного хорошего, местного, которого они знали (Италию в городе знали все), а второго гада, залетного гастролера. Аллу Вострецову перехватил возле больницы Савоев, когда она вытаскивала сумки с провизией из своей «тойоты».

— Алла Юрьевна, бросьте переводить продукты, вот посмотрите. — Савоев протянул ей брачное свидетельство, паспорт и фотографию семьи Абрамкина вместе с самим Абрамкиным в центре, которые он, неизвестно зачем таскающий с собой и брачное свидетельство, хранил в сейфе управления. — Он морально неустойчивый. Мы его после выписки привлечем к дисциплинарной ответственности за разврат.

— Какой разврат, с кем? — удивилась Алла Юрьевна, с умирающей в глазах надеждой глядя на фотографию, где Абрамкин, обнимая необъятных размеров супругу, стоял в окружении своих детей, четырех мальчиков и двух девочек. — С кем разврат, Савоев?

— Не с вами, конечно же, — успокоил ее Савоев, с интересом разглядывая аппетитную во многих местах фигуру Аллы Юрьевны, — честное слово.

Алла Юрьевна бросила на Савоева заинтересованный взгляд, аккуратно сложила пакеты с продуктами на заднее сиденье «тойоты» и смущенно обратилась к оперативнику:

— А ведь со мной, Слава, заниматься развратом даже очень интересно. — Она села в автомобиль, включила зажигание и, прежде чем тронуться, предложила Славе: — Заходи ко мне в ателье, я с тебя мерку сниму.

— Что ты? — подошел к Савоеву Степа. — У тебя вид кастрированного плейбоя.

Сообщив Хромову в Москву, что он еще задержится в Таганроге для «выяснения некоторых странных обстоятельств, напрямую касающихся Москвы», Саша Стариков еще толком не понимал суть и форму этих обстоятельств, но чувствовал их едва уловимую неординарность.

— Как ты думаешь, что за тайна спрятана в этом взлохмаченном южнорусском городе? — спрашивал Саша у Пуаро, запуская пальцы в его густую шерсть.

Все дело было в Клунсе. Саша внимательно осмотрел квартиру Клунса, старинные предметы неизвестного культа, похищенные из нее и изъятые во время обысков в доме Италии и Комбата. Допросы членов воровской группы шниферов принесли мало информации по этому поводу...

— Он попросил отдать ему эту штуковину, — рассказывал Саше Старикову один из подследственных воров по кличке Паскуда, — и тогда обещал отказаться от доли. Комбат ему еще говорил, ты дурной китаеза, бери эту штуку и долю получай, нам эти свитки до лампочки, даже если они миллионы стоят. Мы их продать не сможем, низко летаем. Но узкоглазый только эту штуковину взял и все, больше его не видели, ну да это его дело.

Паскуда курил сигареты и чувствовал себя вполне хорошо в кабинете оперативников, где, кроме Саши Старикова, был еще и Степа Басенок, не вмешивающийся в ход допроса. Он сидел за своим столом и заполнял бумаги, писал отчеты, то есть нес самое тяжелое бремя оперативной работы.

— Да объясни ты толком, что это за штуковина. И что в ней хотя бы приблизительно находилось?

— Круглый стаканчик, из бронзы, по-моему, — охотно делился знанием Паскуда. — Сверху закручивался крышкой, внутри какие-то плотные листы, свитки, одним словом,

фигня. Я спросил у китаезы, что это такое, а он говорит: «Некрономник», короче, фигня на постном масле...

«Некрономник» — книга мертвых. При упоминании об этой книге вздрагивают бледные демиурги и становятся тоскливыми глаза «спустившихся с неба» элохимов, бледнеют лица священников, посвященных в тайные знания вечного движения, усмеваются тибетские отшельники и впадают в транс шаманы тувинского племени эгис, еще тысячи лет назад покинувшие Туву и осевшие в непроходимых дебрях амазонских джунглей. В свитках «Некрономника» было нечто, ставившее под сомнение все, включая клио-вселенные, откуда пришли демиурги, создатели Ада, и высшее знание элохимов, опустившихся на землю из пространственно-глубинной, собирательно-планетарной облачности, которую они называли гортанно-мягким именем «Рааай». «Некрономник» нес в себе закодированное имя создателя начала бесконечности. Но даже не это напрягало и смущало нелюдь и нежить Земли, а то, что «Некрономник» предназначался не хозяевам, а рабам-людям. На заглавном свитке «Некрономника» была начертана штриховой письменностью истина: «Познавший суть мертвого с ужасом взирает на живущего».

...Саша Стариков ничего этого не знал, да и не хотел знать. Он хотел лишь поймать преступника, вешающего людей, и отправить его в тюрьму, по возможности навсегда. Узнав об убийстве Хонды, он сразу же подумал, что его убийца и убийца Клунса — одно и то же лицо.

Пока Саша Стариков пытался выяснить, почему агент ФСБ и вьетнамский авторитет Хонда оказался в Таганроге в роли квартирного вора, интересующегося культовым антиквариатом в виде свитков некоего «Некрономника», полковник Хромов, в свою очередь, пытался выяснить по телефону у Самсонова следующее:

— Как там дела у вашего городского прокурора?

— Миронова, что ли? — удивленно переспросил у него Самсонов.

— Да, — удивился удивлению Самсонова Хромов. — Он хороший парень.

— Ладно, — неожиданно воодушевился Самсонов, — я выясню, позвони попозже, Леонид Максимович. А сам почему ему не позвонишь?

— Уже четыре раза звонил, но его то дома нет, на работу ушел, то на работе нет, еще из дома не вышел.

— Понятно, — усмехнулся Самсонов и добавил: — Он у нас такой, встретишь один раз на улице, и потом всю жизнь по ночам снится будет.

— Миронов, что ли? — пришла очередь удивляться полковнику Хромову, но, вспомнив Миронова, идущего под московским апрельским снегом в шортах, он согласился с коллегой: — Да, конечно. Яркая личность.

— Ходячая фотовспышка, — рассмеялся Самсонов и ни к селу ни городу пояснил: — В смысле фотографироваться любит. — И тут же без всякого перехода спросил: — Ну и что вы думаете насчет Хонды? Ваш человек по-прежнему у нас что-то обнаружить пытается.

— Где он, кстати? — живо заинтересовался Хромов. — И как он вам?

— Хороший парень, копия моих разгильдяев. Они уже сдружились и сейчас гуляют с Пуаро, в смысле с собакой, ушами груши околачивают.

— Понятно, — расхохотался Хромов. — Работает, ну и добро. Значит, узнаешь, Иосифович, как дела у фотовспышки?

— Хорошо, — согласился Самсонов, — узнаю. А как там мой парень?

— Молодец, парень талантливый, — похвалил Игоря Хромов. — Я его у себя оставляю.

— Ну уж нет, — возмутился Самсонов. — Я тогда с тобой разговаривать не буду и руки на банкете каком-нибудь не подам демонстративно.

— Шучу.

— Да я знаю.

С некоторых пор город и управляющее им начальство обратили внимание на то, что в

Миронове появились признаки какой-то одержимости, напоминающей осатанелость. Он стал жестким, несговорчивым и неприятно честолюбивым, то есть говнистым. Миронов вдруг начал следовать букве закона настолько, что даже перестал брать взятки, что до глубины души возмутило всех, даже областного прокурора, который поспешил отписать в Генеральную прокуратуру представление о «бескомпромиссной работе прокурора города Таганрога Миронова С. А. на ниве закона» и о том, что «служение закону вызвало ряд угроз в адрес нашего коллеги, и областная прокуратура всерьез опасается за его жизнь». В Генпрокуратуре, ознакомившись с этим представлением, стали чесать затылки, ибо понимали, что есть всего два способа официально избавиться от неудобного чиновника — смешать его с грязью или протолкнуть на удаленное от занимаемой должности повышение.

— Видимо, взятки не берет? — поинтересовался Генпрокурор у куратора по Ростовской области, занося руку для подписи под приказом о повышении в должности Миронова. — Или как?

— В нашем ведомстве факты получения взяток чрезвычайно редки, — ответил Генеральному куратор, — а Миронова я хорошо знаю. Добродушный, огромного роста увалень, мягкий, интеллигентный человек. Не предполагал, что он настолько достанет область, что они его даже на повышение начнут толкать.

— Ага, как же, — злорадно усмехнулся Генпрокурор, — нашли где искать дураков. — Он ткнул пальцем в куратора, государственного советника юстиции первого класса. — Возьмешь весь Уральский регион, а Миронова сюда, пусть теперь из Москвы за своими земляками наблюдает.

— Потрясающе! — воскликнул довольный куратор, получивший в виде Уральского региона значительное «трамплинное» повышение, и от избытка чувств добавил неизбежное восклицание: — Вы гений!

После операции по удалению внутричерепной опухоли Миронов вдруг четко осознал, что он не такой, как все, а гораздо умнее, достойнее и благороднее.

— У нас в роду дворяне есть? — как-то спросил он у своей семидесятидвухлетней матери. — Или что-то наподобие?

— Конечно, есть, — с удивлением посмотрела на него старушка. — Твой отец директором Дворца культуры завода «Красный котельщик» был, а дед так вообще буфетчиком в обкоме партии служил.

— Ну да, — разочарованно покивал головой Миронов, — конечно, конечно, мама.

Родословная не смутила Миронова. Он чувствовал в себе хлесткую и упругую энергию холодного интеллигента. Он не знал, что вживленный ему в мозг биочип «Самурай» увеличил его интеллектуальные и психические возможности в три раза. Миронов стал замечать, что ему достаточно один раз бросить взгляд на страницы записной книжки, чтобы уже никогда не пользоваться ею. Память отщелкивала все записи, и надобность что-либо записывать у Миронова отпала навсегда. У него вдруг появились способности к языкам, и в течение двух недель он уже вполне сносно владел английским и приступил к изучению японского. Ему стали понятны человеческие лица — взглянув на лицо собеседника, он сразу проникал в глубины его характера и психологии, знал, когда тот говорит правду, когда лжет. Одним словом, Миронов стал опасным конкурентом для всех, кто делал карьеру на ниве правосудия, которого, как известно, нет, не было и никогда не будет ни в одном государстве мира. Но Миронов не знал, что в нужный час и в нужном месте он перестанет быть самостоятельным человеком и превратится в ОРУЖИЕ.

Странная, мощная и клочковатая сила шизофрении, периодически овладевающая Леней Светлогоровым, делала его похожим на врожденного дебила, который неожиданно для себя и окружающих защитил докторскую диссертацию по хронологическому времени и был внесен в шорт-лист на соискание Нобелевской премии.

— Вы, Светлогоров, — говорил ему Мурад Версалиевич, — невменяемы по сути,

маньяк-гуманист.

— Я знаю, — благодушно кивал в ответ Ленья. А вы в принципе дурак по форме.

— Это еще почему? — сбился с мысли Мурад Версалиевич и, бросая в урну под столом извлеченную из кармана халата кожуру банана, добавил: — Попрошу не переходить на личности.

— Хорошо, — легко согласился Ленья Светлогоров. — А в город меня по выходным выпускать будете?

— Нужно разрешение комиссии, а затем решение суда о том, что тебе можно покидать больницу по ходатайству родственников или тех, кто готов внести за тебя залог, я имею в виду Самвела Тер-Огонесяна.

— А как насчет самоволки? — поинтересовался Ленья. — в смысле в пятницу ушел, а в воскресенье вечером пришел?

— Ну да, — усмехнулся Мурад Версалиевич. — И за это время ты все кладбища в городе квадратно-гнездовым способом перекопаешь.

— Я два раза в одну реку не вхожу, — сморозил чушь Ленья Светлогоров. — Я просто хочу по городу осеннему походить, а ты мне, Мурад, прошлое поминаешь. Сволочь психиатрическая.

— Ну-ну, — всполошился Мурад Версалиевич, — успокойся. Самоволка предполагает, что тебя никто не увидит. Я закрою глаза, а ты их пошире раскрой, особенно в пятницу, когда уходить будешь, и в воскресенье, когда приходить станешь, тем более что у меня в это время выходной, так что тебе не со мной, а с Екатериной Семеновной договариваться надо.

— А ты не дурак, доктор, — похвалил Мурада Версалиевича Ленья, — но и я не придурок. Напиши ориентировку.

— Что за ориентировку? — перепугался Мурад Версалиевич. — У тебя что, Светлогоров, волна пошла?

— Обыкновенную, — спокойно развивал свою мысль Ленья. — Чтобы она во время обхода думала, что я выгляжу как застеленная постель со спящей на ней подушкой, и делала в своем журнале пометку: «Светлогоров в субботу вел себя хорошо, читал книги, спал и писал картины».

— Ну уж нет, — обреченно махнул рукой Мурад Версалиевич. — По выходным лучше я буду дежурить. Но, — он строго взглянул на Леню, — через раз.

«Хватит тебе дрыхнуть, — мысленно возмущался подполковник Абрамкин, поглядывая на похрапывающего Италию, — сколько можно?»

Подполковник подготовился к работе подсадной уткой по полной программе, но уже начинал тяготиться ожиданием. Италия спал и, судя по глубине и продолжительности сна, собирался это делать долго.

— Хватит колоть человеку снотворное, — обратился Абрамкин к процедурной сестре, пришедшей делать уколы в сопровождении милиционера. — Совсем замучили парня.

Медсестра промолчала, а сопровождающий ее охранник бросил зло:

— Молчи лучше, а то вторую руку наручником пристегну.

— Молчу, молчу, начальник, — успокаивающе поднял свободную руку Абрамкин.

Прошло уже три дня, как подполковник надел на себя шкуру залетного гастролера-уголовника, и за это время он здорово преобразился. Трехдневная щетина, питание синим больничным супом и прохлорированной мороженой рыбой сделали его похожим на рецидивиста, ветерана тюрем, после десятидневной голодовки. Во всяком случае, дежурившие в коридоре милиционеры считали его куда как более опасным преступником, чем мирно спящего и хорошо знакомого им Италию. По ночам Абрамкин мерз, больничное одеяло было коротким и прозрачным от времени. Он с завистью поглядывал на вора в законе, которому уже передали огромное и толстое одеяло с изображением медведя панду. Еще Абрамкину не нравилось ходить в туалет. Ему защелкивали на запястьях наручники, и он в пятнистых от штампов «Горбольница» кальсонах с волочащимися по полу завязками и

такой же майке шел под охраной в другой конец больничного коридора под испуганно-недоброжелательными взглядами пациентов больницы. «Ничего, — думал прохладно-осенними ночами принявший позу эмбриона под одеялом подполковник Абрамкин. — Вот раскручу эту скотину, — он с ненавистью посмотрел сквозь прореху в одеяле на Италию, — и тогда поглядим, кто лучше, сочинские или таганрогские».

На четвертый день утром Италия открыл глаза, сладко зевнул, повернул голову в сторону Абрамкина, несколько мгновений недоуменно смотрел на него и сказал:

— Привет, майор. Это тебя из Сочи меня охранять прислали?

— Не майор, а подполковник... — начал было Абрамкин, но осекся и со злостью посмотрел на Италию.

Тихими, оглядчивыми шагами в город вступала южная осень. Первой ее присутствие почувствовала акация и до того изумилась, что сразу же уронила на землю свои округлые листья-монетки, тем самым существенно повысив массу бутафорского золота в мире. Дубы рощи Дубки проигнорировали вступление в город осени и всем своим видом пытались доказать, что лето непреложно и вечно, как уголовное преследование на карманные и квартирные кражи. Но нервные окончания дубов, дубовые листья, каждое утро понемногу уступали позиции, краснея, а то и желтея от негодования. Было по-прежнему тепло и сухо, но чуткое небо стало выше и прозрачнее, и ранними гулкими утрами можно было услышать всхлип растворяющегося в этой гулкости лета. Осень только на первый взгляд кажется на юге бесправной, на самом деле она, как и везде в России, неумолима, хотя и маскирует эту неумолимость деликатностью.

Глория Ренатовна Выщух готовилась к свадьбе. Несмотря на то что это противоречило всем традициям и условностям, Самвел Тер-Огонесян настаивал на белом платье, кортеже, многлюдном пиршестве и прочих атрибутах, включая венчание в церкви и регистрацию в загсе.

— Это же смешно, Тери, — увещевала его Глория Ренатовна. — У меня же есть ребенок и напрочь отсутствует девственность. Зачем так много шума, да еще белое платье с фатой?

Самвел, с легкой подачи Глории Ренатовны награжденный новым внутрисемейным именем Тери, лишь непокорно вскидывал голову и заявлял:

— Дорогая, если у человека есть возможность устроить праздник, он не должен отказываться от этого. Нельзя отнимать у людей возможность позлословить и похихикать

за спиной, слишком жестоко, люди этого не прощают, особенно тем, у кого есть деньги. Удачливые и счастливые ничего, кроме ненависти, у окружающих не вызывают.

— Что ты этим хочешь сказать, любимый?

Глория Ренатовна настолько заинтересовалась мыслью Самвела, что даже прекратила разглядывать подаренные им спиралеобразные золотые серьги с капельками бриллиантов на концах.

— Мы организуем свадьбу по всем канонам. Я выставлю стол на всю длину улицы. Пусть люди как следует поедят и выпьют, пусть переберут за столом наши косточки и подвергнут осуждению за размах и демонстративность, а затем снова поедят и выпьют. Тогда они нам многое простят, и зависть их будет не так разрушительна для нас, да и для них тоже.

— На всю длину улицы? — переспросила Глория Ренатовна, начиная вживаться в роль жены. — Лучше на всю ширину, да и то слишком жирно будет.

— Ну что ты, дорогая, — усмехнулся Самвел. — Улица не городская, а та, где наш загородный дом в дачном поселке, всего-то двадцать метров, и живут на ней в основном мои родственники.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Отшельник-лама Горы исполнил свое обещание. Вторая встреча далай-ламы с демиургами не была мучительной. Они не стали вынимать из него душу, он пришел к ним весь...

Хорузлитно-лунитная оболочка глубинного мира не сплошь монолитна, внутри у нее ходы, залы, наблюдательные пункты, тайные выходы в заповедные сапфировые пещеры, ведущие в сторону поверхности. Этот «буферный» мир многолюден. Его освоили тибетские ламы, иудейские маги, индуистские монахи, племена, пришедшие сюда еще со времен ацтекской цивилизации, никогда не поднимавшиеся на поверхность. Здесь можно встретить храмы абсолютной темноты, где выращивались пророки, отсюда выводили в Индию живого ребенка Бога. «Буферный» мир страшиловат, его населяют люди древнего обрядово-культового и мистико-магического мировоззрения. Именно отсюда пришли на поверхность земли знобкие и туманные представления о вампирах, призраках и неприкаянных душах умерших. Далай-лама знал, что здесь, в «тамбурно-буферном» мире, можно встретить смерть на каждом шагу, но он также знал, что, убив, тебя сразу же могут оживить и пожелать дальнейшего счастливого пути, потому что «буферный» мир на самом деле был огромной научной лабораторией, страной великих ученых, сохранивших цельнокупное мышление, сочетающееся с практицизмом узкой специализации, и имеющих возможность для безграничного созидания. Ученые «буферного» мира напрямую общались с атлантами и лемурианцами в каплеобразных пустотах хорузлитно-лунитной оболочки и поэтому ведали обо всех возможностях прошлого, величие и мудрость которого начисто зачеркивали и принижали значение будущего. Здесь, в промежуточной цивилизации, можно было понять тягу фараонов к мумифицированию своих тел после смерти и сокрытие их в пирамидах...

Пять дней и ночей понадобилось далай-ламе для того, чтобы тайными ходами через лабиринтные пещеры добраться до первых форпостов промежуточной цивилизации. Дорога была опасной и трудной уже по той причине, что он шел не через проторенные храмные пути Индии, а выбрал, по совету ламы Горы, пути соглядатаев, своеобразный «черный ход» в пространство необузданной истины. На шестикилометровой глубине ему стали досажать дибу, алмазные змеи, почти все щели и выступы пещерного пути на этой глубине были заполнены кладками яиц этой смертоносной красавицы. Стоило только присесть или прилечь, как тут же эти кораллово-желтые носительницы смерти льнули к теплу тела, вползали на грудь и замирали в экстазе. Далай-лама не прогонял их в короткие минуты отдыха. Браслеты правителя Тибета из осанна на запястьях рук надежно защищали его от убийственного поцелуя алмазной змеи.

После шестикилометровой глубины дибу исчезли, чувствовалась близость мебиусной пещеры, места, где время качественно меняется и становится более снисходительным к тем людям, которые сумели прийти к нему.

Далай-ламу удивляло многое на этом пути к демиургам. Во-первых, наитие, которое вело его подземными тропами в глубь Земли. Он шел уверенно, не сомневаясь, как будто ходил этой дорогой всю жизнь. Во-вторых, уже после уровня глубины, когда исчезли дибу, исчезло и ощущение пологости спуска, далай-лама почувствовал появление незнакомой ему горизонтальности, хотя точно знал, что продолжает идти вглубь. На десятикилометровой глубине воздух стал чистым и легким, начали попадаться совершенно невообразимые для людей поверхности сооружения в виде нефритовых пещер. Они были настолько высокие и обширные, что взор далай-ламы не видел их конца. Впрочем, это уже нельзя было назвать пещерой, просто другое пространство, плавно перетекающее из нефритового в гроссуляровое, где верхнего свода уже не видно. Ровный и нежный свет с мягкой прозеленью и робкой розоватостью в своей лучевой структуре лился сверху, сбоку и снизу, преломляясь в огромных холмообразных глыбах сапфира, скользя по поверхности асиянских озер. Если бы кто-то увидел далай-ламу со стороны, то заметил бы, как вокруг него вихрится облако, а над головой сияет корона нимба. Но пространство было безлюдным, никто его не видел в этом одеянии из света. По мере погружения в область «буферного» мира далай-лама

чувствовал, как его тело наполняется легкостью и уверенностью в себе. Далай-лама был знаком с этим эффектом возвращающейся юности, он знал, что пересекает потоки тонкой энергии сапфирово-бирюзово-изумрудного происхождения. Неожиданно лама резко остановился и схватился двумя руками за голову. В его мыслях, грубо и резко, вспыхнула чья-то усмешка. Далай-лама отвел руки от головы, сосредоточился и перешел на плавный медитационный шаг. Он знал, что попал в поле зрения агрессивного мистика. «И куда ж ты идешь, неуклюжий лама?» — услышал он внутри своих мыслей чужой вопрос. «Как отвечать, — растерялся лама, — словом или мыслью?» — «А ты не отвечай, я сам все выясню», — прошелестел голос. У далай-ламы создалось ощущение, что внутри его головы ползет скорпион, задумчиво решающий, вонзить ядовитый шип в мозг или не надо. «Не надо, не надо, — успокоил его голос, — я страж у входа в хорузлитно-лунитные лаборатории, я предупрежден, лазурные ламы ждут тебя, неуклюжий лама. Не торопись, потомок, а то проскочишь вход. Подойди к центру асиянского озера и стой там». Далай-лама послушно свернул к небольшому, метров пятьдесят в диаметре, ярко-зеленому озеру и, став на переливающуюся вздохами бликов поверхность, проскользил к центру. Изумрудное озеро вздохнуло, и далай-лама, застывший в медитации, стал погружаться в зелено-нежное пространство асии.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Красный «Феррари-360 Спайд» вывернул из-за угла 13-й на Чартон-стрит и на большой скорости направился к 72-му шоссе, ведущему к Аризоне. За рулем сидел одетый в дорогой светлый костюм мужчина лет тридцати. Мужчина был редкого класса, красавец, плеейбой и одновременно ведущий ученый Хьюстонского научного центра, создатель хронометрической сплавной структуры на основе открытых российским ученым Тассовым брусчатых хрусталиков, соединенных с маломанитными сверхпрочными металлами. США тайне от мира приступили к созданию первого в мире хронолета. Америка хотела заполучить власть над временем. Мужчину звали Вильям, а фамилия у него была Кузнецов, он был русским гражданином США. Время от времени он бросал влюбленные взгляды на сидящую рядом с ним прекрасную девушку. Несмотря на легкий налет subtilности, девушка не выглядела хрупкой. Когда «феррари» разогнался до скорости 250 миль в час, девушка окликнула мужчину:

— Вильям.

— Да, любимая, — немедленно отозвался мужчина, не отрывая взгляда от дороги.

— Прощай. — Одинокая слезинка скатилась по щеке девушки.

— Что?!

Но более Вильям Кузнецов ничего не смог сказать. Девушка правой рукой схватила его за подбородок и рывком вздернула голову мужчины вверх, убив мгновенно.левой рукой, действующей одновременно с убивающей правой, она открыла дверцу со стороны водителя и толчком ноги выбила труп на шоссе. Перехватив руль, девушка переместилась на водительское место, одновременно захлопывая дверцу.

По 72-му шоссе в сторону Аризоны мчался красный «феррари», за рулем которого сидела красивая одинокая девушка. Это была вышедшая из-под контроля УЖАСа Малышка, солнечный убийца, обученный по системе «Черная вдова». В данный момент она улыбалась и чувствовала себя юным Богом...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Между Кремлем, вашингтонским Белым домом, Великой Китайской стеной, Эйфелевой башней, лондонским Тауэром, пляжами Рио-де-Жанейро, Большой Садовой

улицей города Ростова-на-Дону и таганрогским Театром имени А.П. Чехова существуют миллионы роддомов, в которых женщины приготовились к рождениям новых проявлений смерти. Нет на земле идиота, считающего, что беременная женщина — носительница жизни. Она просто сотворяет еще одно начало смерти, и в этом ее величие. Мысль не новая. Смерть совершеннее жизни, как и все, что не соприкасается с блефом. Я знаю, что с моими братьями, солнечными убийцами и юными богами, встретилась прагматер всех времен, миров и вселенных — Смерть. Я чувствую, что нас осталось двое. Стефан Искра не в счет, он так и остался в ранге уставшего полубога, и я снисходителен к нему. Но я знаю, где-то там, далеко в Америке, меня ждет моя безумная великая судьба по имени Малышка. Она настоящая, как и я. Мы идем навстречу друг другу, и скоро она забеременеет не примитивной, а божественной смертью. Мы назовем своего ребенка прекрасным именем Сергей, в честь того парня, нож которого я ношу с собой в белом и голубом. Наше дитя так и будут называть — Сергей, но обязательно добавляя к этому имени титул Убийственный. Я улыбаюсь.

Спецслужбы правят миром. Тот, кто так не считает, глуп, как междометие, вырвавшееся из рта женщины со средним уровнем развития. По образу и подобию секретно-силовых ведомств построены все религии мира. Каждый человек на планете — осведомитель, агент, у каждого своя легенда. Искренни лишь сумасшедшие и дети, они могут позволить себе быть самими собой, да и то дети не в счет, они уже с трех лет умеют притворяться, уже создают себе агентурную легенду. Даже один на один с зеркалом человек примеряет маски, более или менее скрывающие его истинное лицо, но и перед зеркалом ведет себя не совсем искренне. Зеркало ведь тоже чей-то соглядатай.

Установочные постулаты всегда лживы. Впрочем, ложь лежит в основе всех постулатов. Ложь самое правдивое действие в жизни.

Вор в законе Геннадий Кныш по кличке Италия, несмотря на обрушившиеся на него в последнее время неприятности, твердо знал и соблюдал основной закон своего образа жизни: «Никогда и ни под каким предлогом, даже если сидишь по самое горло в дерьме, не признавайся в этом. Спорь до хрипоты, до пены у рта, утверждай во всеуслышание, что это не дерьмо, а самая дорогая и самая престижная лечебная ванна, которой пользуются лишь самые уважаемые люди».

Подполковник Абрамкин не знал о существовании такого закона, но вполне мастерски умел использовать его недостатки.

— Видишь ли, Кныш, — попытался объяснить он Италии, — я хотя и подполковник, мент, бывший, конечно, — он подергал рукой, пристегнутой к больничной кровати, — но ты по сравнению со мной шушера в мире авторитетных людей.

Италия, для которого понятие «авторитетные люди» имело лишь один непреложный смысл — вор, на мгновение даже потерял дар речи от такой наглости, а затем тихо произнес:

— Я коронован, ментяра.

Именно этого ему и не стоило говорить. Нельзя вору в законе в неясной для него ситуации — сотрясение мозга, вольная больница, рядом мент, наглый как танк, прикованный наручником и охраняемый такими же ментами, — терять над собой контроль. Одним словом, Италия совершил позиционную ошибку.

— А я вот перед тем, как меня арестовали, — подполковник Абрамкин смело стал раскручивать оперативную интригу, — разговаривал с... — И он назвал имя одного из самых авторитетнейших воров России с грузинской фамилией. — Так мы с ним все удивлялись, что это ты по городу всю ночь в плавках белых ходил. Такое даже для гомика неприлично, не то что для урки.

Подполковник Абрамкин все-таки был настоящим профессионалом. Все его слова попадали только в глаз, брови исключались.

— Слушай, ментяра... — начал было разгневанный Италия, но подполковник Абрамкин

перебил его филигранно обдуманной фразой:

— Волкодавом меня люди нарекли, Волкодавом, понял, Италия, или нет?

— Вот шельмец, — повернулся полковник Самсонов к Саше Старикову. — Оказывается, и у сочинских подполковников оперативная хватка есть.

Самсонов и Саша Стариков сидели в кабинете главврача больницы над палатой Абрамкина и Кныша и, прислонив самодельные подслушивающие устройства к деревянной тумбе посреди кабинета, прослушивали разговор изощренного подполковника с растерянным, но тоже изощренным вором в законе. Подслушивающее устройство шесть лет назад придумал бывший главврач больницы, а нынешний не захотел его демонтировать. В пол кабинета была глубоко вмонтирована деревянная тумба, выполняющая роль усилителя. Желая подсаживается к тумбе, приставляет к ней стетоскоп и внимательно выслушивает разговоры находящихся внизу.

— А ты, считай, уже прошляк, Италия, — продолжал свой натиск Абрамкин. — Слух прошел, что ты гомик и на ментов работаешь.

— Да ты что?! — уже по-настоящему перепугался Италия. — Охренел, что ли?

— Да, — успокоил его подполковник, — капец тебе, зяблик, отсвистал и отпрыгал ты по садам вишневым...

— Надо будет его еще раз кирпичом по голове стукнуть, может гениальным сыщиком стать с такими темпами, — сделал неожиданный вывод полковник Самсонов. — Феню блатную прямо на ходу сочиняет, молодец.

— Что? — Саша вытащил из ушей стетоскоп и бросил его на поверхность тумбы. — Что вы сказали?

— Ёёё! — подскочил полковник, освобождая уши от трубок. — Да я тебя на баланду... — Он осекся, немного помолчал и уже более спокойным тоном сказал, указывая на брошенный стетоскоп: — Думать надо, москвич.

— Это сходка решит, прошляк я или нет, — неуверенно продолжал Италия, — и кое-кому за базар ответить придется.

Италия отлично понимал, что его короне, впрочем, как и голове, грозит прямая опасность. Провокатор Абрамкин или нет, но говорит он вещи точные, и если это ментовская игра, то игра хорошо организованная. Насчет того, ходил он в плавках по городу или нет, чепуха, конечно, не ходил! Где доказательства? Италия лихорадочно соображал, кто из воров поддержит его. Конечно же, те, кто его рекомендовал на коронацию: Арсен, тульский Дутый, ростовский Красный, одесский Веригуд. Эти, конечно, поддержат, но могут и скинуть. Не за плавки, за другое. Абрамкин, как бы читая его мысли, усмехнулся:

— Сходка, говоришь? Не строй из себя мхом поросшего колымчанина. Сейчас другие времена, другие деньги... — Подполковник выдержал паузу и ленивым голосом продолжил: — Кстати, Геша, а ты ведь деньги с антиквариата самого ценного себе брал. На общак не давал, в дело общее не вкладывал, братве, страдающей в зоне, не помогал по-крупному, все в нутро свое фраерское загонял. — Абрамкин слегка приподнялся и, повернув в сторону Италии изможденное щетинистое лицо, зловеще усмехнулся. — И еще хочу тебе сказать, что хорошие люди из-за того, что в тебе ошиблись, смерть мученическую приняли. Три дня назад, когда ты здесь спал как кашалот в запое, Арсена армавирского застрелили. Дутого и Красного еще раньше на московской сходке приговорили, а Веригуд слинял куда-то в Грецию. Ты один теперь, Италия, и ты уже мертвый...

— Гений! — восхищенно воскликнул Самсонов, освобождаясь от стетоскопа и резко ставя на тумбу пустой стакан из-под чая, который он до этого пил. — Надо его регулярно по голове постукивать.

— Да! — Саша Стариков яростно отбросил свое подслушивающее устройство и столь же яростно посмотрел на Самсонова. — Молодец он, да!

— Это ты от восторга, что ли? — Полковник с интересом посмотрел на Сашу Старикова. — Я имею в виду, орешь...

— Да нет, — смутился взявший себя в руки Саша.

— Теперь нужно Абрамкина технично выводить из игры. А Кныш, я думаю, сам к нам в объятия кинется.

— Думаю, что да, — кивнул головой Саша Стариков. — Рубаху на груди будет рвать, доказывать, что он с детства на уголовный розыск поработать мечтает.

Леня Светлогоров наконец-то осуществил свою мечту и, самовольно оставив загородную психиатрическую больницу Дарагановка, в пятницу вечером появился в городе, чем несказанно удивил Славу Савоева и Степу Басенка, случайно увидевших его спускающимся в сторону яхт-клуба.

— Леня, это что такое? — притормозив оперативную машину, поинтересовался Степа Басенок. — Побег из дурдома?

— Нет, — мрачно отреагировал Леня. — Это уход от действительности, на море хочу посмотреть, вдохнуть свежего воздуха таганрогского залива.

— Нет, ты посмотри на него, Степан, — возмущенно взглянул на Степу Слава Савоев, — он точно псих. Идет в ту сторону, куда из труб металлургического завода дым валит, и называет это вдохом свежего воздуха.

— Не только вдохом, Слава, — еще мрачнее отреагировал Леня Светлогоров, — но и выдохом.

— Понятно, — заскучал Степа и, посмотрев на Славу, спросил: — Ну и что делать будем?

— Да пусть идет и дышит сколько угодно. Он все равно пару раз вдохнет и к Самвелу в «Морскую гладь» завалится глотать водку. Давай лучше в Дарагановку смотаемся и Левкоеву морду за халатность набьем.

— Не надо, Слава, — вступился за главврача Леня. — Я же ненадолго, туда и обратно.

— Ладно, — буркнул Степа Басенок, — если увидим возле кладбища, то там же и закопаем. — Он захлопнул дверцу, и оперативная машина уехала.

Леня Светлогоров спустился к набережной и, как и предполагал Слава Савоев, даже не взглянув в сторону моря, направился в «Морскую гладь».

— Леня? — удивился Самвел, всего лишь на минуту заглянувший в ресторан и собиравшийся ехать домой.

— Вот что я скажу тебе, Самвел. — Леня сразу же повел разговор в такой тональности, как будто они вот уже два часа спорят до хрипоты. — Люди делятся лишь на три психологических типа — два низших и один высший. Первый — это те, кого посылают сам знаешь куда, второй — те, кто посылает, и третий — те, кого не посылают и кто сам никого не посылает.

— Это кто же такие? — скептически поинтересовался Самвел, уже дав команду, чтобы на стол поставили коньяк и мясо. — Таких не бывает.

— Покойники, — совсем уже мрачно высказался Леня, взял рюмку коньяку, выпил и мгновенно повеселел.

— Не жизнь, а кино, — заявил Карлуша, вышагивая из одного конца тюремной камеры в другой. — Влупили, гады, по самое горло.

Карлуша лукавил. За убийство ростовского шулера по кличке Племянник ему дали всего лишь семь лет лишения свободы в колонии строгого режима.

— Это ж сколько мне будет? — Карлуша глубокомысленно задумался. — Ё-моё, шестьдесят два года. Лучше бы пожизненно дали. Что я буду делать на свободе в шестьдесят два года, баб насиловать, что ли, а, Комбат?

Карлуша, вопреки всем правилам, после приговора вновь был водворен в камеру для подсудимых, в престижную, на двоих. Вторым в ней обитал шестидесятилетний Комбат, глава уже обезвреженной воровской группы. Карлуша по просьбе оперчасти опекал его.

— Может, что расскажет интересное, — лениво проконсультировал его начальник

оперчасти и широко зевнул, — или споет.

— Ага, — раздраженно огрызнулся Карлуша, — и спляшет вприсядку. Он молчит как рыба.

Действительно, с того момента, как произошел арест, Комбат был немногословным. Только в самых необходимых случаях ограничивался скупыми фразами, все остальное время молчал. Вообще-то поведению Комбата удивлялись все, включая оперативников, бравших воров-шниферов и снимающих первичные показания.

— Первый раз за шестьдесят лет попал в тюрьму, — восхищался Слава Савоев, — и благодушен, как дитя у соска матери.

— Комбат, скажи, — повторил свой вопрос Карлуша, — что можно делать на свободе без кола, без двора, без родных и близких, без родины и флага в шестьдесят два года?

— Бомжевать, что еще, — усмехнулся Комбат и добавил невозмутимо: — Или убей кого-нибудь и снова в зону возвращайся.

— Ага, — весело засмеялся Карлуша, — как же. Меня самого в зоне зарежут за Племянника. Он-то козырной, а я так, падла стареющая.

Но Комбат не поддержал разговор, он снова погрузился в благодушное самосозерцательное молчание, и Карлуша знал, что вывести его из этого молчания невозможно. Поэтому он подошел к своим нарам, взял с одеяла книгу, лег, раскрыл ее и углубился в чтение. Книга была написана писателем Носовым и называлась «Незнайка на Луне».

...Остается только добавить, что этих героев мы больше не встретим на страницах нашего романа. Карлушу действительно зарезали в зоне, а Комбат умер сам, на третий день после вынесения приговора.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Москва — таинственный город. Город неопределенно-значительных возможностей и катастрофических банкротств. Город-миф и город манипуляций, город талантливых мошенников и лжецов с правдивыми глазами и благородными помыслами. Москва — город-сволочь с неожиданно проявляющимися чертами святости, город вырванных языков и сорванных с плеч голов. Город-колокол, город униженного величия и гениальной низости, город юной, но уже развращенной надежды.

Обороты любви и ненависти становились на Земле все сильнее и опаснее. Политики делали вид, что этого не замечают, но на самом деле это их беспокоило...

— Хохму с глобализацией нам уже один раз показывали, — говорил на прощание Веточкину раввин из Хайфы, — и ничего хорошего из этого Вавилона не вышло.

— Фима, зачем лезешь в дебри? — увещевал его Тарас Веточкин. — Я у тебя спрашиваю, когда ты будешь в Москве, а ты мне говоришь о глобализации.

— Сердце болит, — печально огрызнулся на упреки Веточкина Чигиринский. — Эдак лет через пятьсот никаких других способов выживания, кроме китайского, не останется.

— Через пятьсот? — скептически хмыкнул Веточкин. — Ноль убери и как раз зафиксируешь начало китайской эры...

Последний день конференции прошел не так, как предполагалось. Благодушному распитию дорогих спиртных напитков помешали два происшествия, одно печальное, а другое непонятное, но никем не замеченное.

Первое происшествие было так себе: мустанг охранника убил руководителя информотдела военно-морской разведки Англии Гардиана Уайльда. Смерть, конечно, хорошая, благородная, умереть от удара лошади мечтает каждый второй англичанин. После смерти чиновника такого ранга было проведено расследование, в ходе которого проявились контуры второго, никем не замеченного, но с далеко идущими последствиями,

происшествия. Дело в том, что расследование провели не англичане — все они в этот момент лыка не вязали, — а разведка Израйля.

Первым на место гибели Гардиана Уайльда примчался Ефим Яковлевич Чигиринский и с возгласом: «Я в молодости лучшим терапевтом Москвы был!» — растолкал обескураженных французов. Велев двум моссадовцам никого не подпускать к «больному», он начал оказывать ему помощь.

Моссадовцы столь рьяно отгоняли от места происшествия французов, что заодно оттолкнули и Гарольда Смита, спешащего к месту трагедии. Толкнули так, что неуверенный в себе директор МИ-5 упал в проем двери и сломал ногу. В это время Чигиринский сумел вытащить из костюма Гардиана Уайльда плотный пакет с бумагами и переложить его к себе в карман. Разведка она везде разведка. После этого Чигиринский закрыл двумя пальцами глаза покойного и, выпрямившись, печально произнес:

— Медицина бессильна.

При этом вид у бессовестного раввина был такой, будто он не разведчик, а величайший врач всех времен и народов, хотя единственным медицинским предметом был лежащий у него в боковом кармане презерватив фирмы «Долой аборты».

— Я все видел, Фима, — на всякий случай сообщил Чигиринскому подоспевший Веточкин.

— Надо передать это английскому правительству, — сухо ответил Ефим Яковлевич и, не выдержав, рассмеялся от такого предположения. Затем серьезно кивнул на покойного и произнес: — Мир праху его.

Годы брали свое. Стефан Искра чувствовал их хватку. Нет, шаг его по-прежнему был упруг и стремителен, лицо свежее, а взгляд пристальный и приметчивый. Он по-прежнему был убийствен своей физической силой, мог просчитывать ситуации на несколько шагов вперед, но сам-то понимал, что к нему подошла вплотную и дышит в затылок равнодушная и неизбежная сила по имени Усталость. Слишком много обязанностей появилось у Стефана Искры после исчезновения в арсенале УЖАСа солнечных убийц. Зона ответственности становилась напряженнее из-за того, что двое солнечных, как назло, наиболее молодых и глобально обученных, перешли в режим автономного существования, перестав подчиняться УЖАСу. При удачных стечениях обстоятельств они могли серьезно нарушить сложившийся в мире баланс сил. Все зависело от того, чью сторону они примут. Да, конечно, уникальные подразделения супертелохранителей и суперсолдат были во всех периферийных управлениях МОАГУ. Стефан Искра никоим образом не хотел принижать возможности американской «Осы» или английских «Веселых кельтов», но российские солнечные, в результате экспериментов Алексея Васильевича Чебрака с шизофренией, были сильнее, совершеннее, разрушительнее. Конечно, существовали еще «лунные бабочки», гвардия МОАГУ, Стефан Искра вспомнил о неприметном кураторе при УЖАСе, который вот уже как несколько дней куда-то, к великой радости Ивана Селиверстовича, исчез. Но «лунные бабочки» имели несколько другие полномочия, и МОАГУ не обладало над ними беспрекословной властью. Стефану Искре думалось, что они курировали и само МОАГУ. Впрочем, это не его дело, в любом случае, если станут уничтожать Малышку и Улыбчивого силами «лунных бабочек», это все равно будет большая битва. Спасибо техасскому мустангу, убившему Джентльмена, все меньше неприятностей, хотя и жаль. «Мне жаль, — неожиданно осознал этот фактор Стефан Искра, — мне искренне жаль, что я не могу соскочить с катушек, как мои братья, и погибнуть с ними». Впрочем, Стефан Искра даже на мгновение не допускал, что подобные мысли могут помешать ему исполнять волю Ивана Селиверстовича Марущака беспрекословно. О биочипе «Верность» в себе он не знал, как этого не знал никто из сотрудников УЖАСа, по одной причине: действие биочипа не разрешало помнить о нем своему носителю.

Стефан Искра заглянул в комнату с камином. Там за это время произошли некоторые изменения. Два врача, диагност-терапевт и психиатр, внимательно наблюдали за Алексеем

Васильевичем Чебраком, сидящим в кресле. Он уже не смотрел пустыми глазами в погасший камин и не двигал, дебильно пуская слюну, челюстью, а мирно и крепко спал.

Октавиан Салазар Тредис, осуществляющий наблюдение за впавшим в странное оцепенение полугруппной каталепсии Алексеем Васильевичем Чебраком, после тщательного обследования его нового состояния бросил скептический взгляд на присутствующего здесь же, в загородном доме Чебрака, доктора-психиатра Гашиша и, вытащив из кармана любимый телефон, нажал синюю кнопку.

— Говорите, доктор Тредис, — раздался голос координатора УЖАСа. — Иван Селиверстович приказал соединять с ним в любое время.

— Тогда соедините, — попросил Салазар Тредис и бросил еще один скептический взгляд на равнодушно рассматривающего свои пальцы доктора Гашиша.

— Умер? — с надеждой в голосе спросил у Тредиса Иван Селиверстович Марущак.

— Напротив, — хмыкнул, покачав головой, терапевт, его забавляло местное отношение друг к другу руководителя и опекаемого им великого ученого, — ожил. Я не буду вдаваться в терминологические подробности...

— Ни в коем случае, — пробормотал Иван Селиверстович. — В двух словах и поподробнее.

Салазар Тредис слегка закашлялся, столкнувшись с оригинальной парадоксальностью Ивана Селиверстовича, но продолжил:

— Если ранее он был в психиатрической коме ступорообразной каталепсии беспрецедентного нейрологического параличевидного октанирования воли на уровне агонизирующей стабильности, то сейчас этот фактор по непонятным причинам отступил, и больной, при удовлетворительном состоянии организма, вошел в гораздо более щадящее и мягкое состояние сна с просматриваемыми элементами летаргии.

— Понятно, — мрачным голосом произнес Иван Селиверстович. — Интересно, а как бы выглядели терминологические подробности?

— В двух словах? — Тредис был тот еще фрукт.

— В двух, — подтвердил Иван Селиверстович, — с учетом принятой субординации. Я начальник.

— Если до этого пациент находился в состоянии непонятной судороги, то сейчас он в состоянии непонятного сна.

— Молодец, — похвалил знаменитого доктора Иван Селиверстович. — А что говорит доктор Гашиш?

— Доктор? — изумленно переспросил Тредис, но спохватился: — Гашиш молчит.

— Нет, — вмешался психиатр, — я говорю, вернее уточняю, что физическое состояние больного в обоих случаях было одинаково удовлетворительным.

— Что он там говорит?

— Нет, нет, — успокоил терапевт Ивана Селиверстовича. — Это он спит и во сне какую-то ахию несет.

Промежуточный мир на некоторое время перехватил возвращающееся в свое тело по тотиново-трубчатой магистрали сознание Алексея Васильевича Чебрака. Возвращение хотя и было неприятным, тем не менее не ощущалось таким жутким и безысходным, как втягивание в мир бледных демиургов, людей полной луны. Один из них проникся симпатией к Алексею Васильевичу и отправил его на поверхность укутанным в защитную оболочку затвердевающей асии. Но сразу же за хоружлитно-лунитной оболочкой его остановили представители промежуточного государства.

Я должен уточнить: бледные демиурги призвали на суд в свое огненно-семияичное гнездо в центре земного шара не душу Алексея Васильевича, а сознание. Душу без смерти никто захватить не может, а смерть не находилась в подчинении у демиургов. Рогатые, полутелесные люди полной луны, полубоги, могли многое, но были не способны на

субъективное убийство. В двух словах это означает, что коллективная воля демиургов могла разрушить (впрочем, как и остановить разрушение) Солнечную систему, но конкретное убийство одного статик-раба поверхности означало и самоубийство самого демиурга, ибо — да! — демиурги смертны. Как возникает смерть демиурга и что ей предшествует, не знаю даже я, ваш автор...

...Капсула асии, в которой стонало сознание Алексея Васильевича, пройдя по шершавости тотинового тоннеля через океанную необузданность огненного чрева центра Земли, вошла в многокилометровый слой хоружлитно-лунитной оболочки и сразу же за ней была остановлена людьми промежуточной страны.

— Здравствуй, магистр, — услышал Алексей Васильевич, упакованный своим сознанием в желеобразно подрагивающую капсулу асии. — Я же тебе говорил, что рано или поздно тебе придется признать мою правоту.

Голос был язвительным и даже в какой-то мере издевательским. Все напоминало сновидение, до максимума приближенное к реальности. В сознании Алексея Васильевича вспыхнула доселе неизвестная ему память. Он сразу же вспомнил все и беззвучно, ибо понял, что в этой ситуации звук необязателен, произнес:

— Конечно, кроме констатации своего тщеславия, мой родной брат, агрессивный мистик, не имеет ничего мне сообщить.

— Хи-хи... — Сквозь зеленоватую прозрачность асии Алексей Васильевич увидел маленькое, тонконогое и большеголовое существо с заостренными ушами, с кисточками волос на кончиках и с напоминающей перевернутый месяц усмешкой на морщинистом лице. — Я так рад, что тебя высекли демиурги, уродец. У меня даже появилась надежда на то, что ты поумнеешь. Хочешь, выпрошу для тебя новую оболочку у лазурных лам?

Не удержавшись, Алексей Васильевич похвастался:

— Я сумел перехватить душу умершего. Понимаешь? Сумел.

Урок, как оказалось, впрок не пошел. К Алексею Васильевичу уже начала возвращаться его обычная и наглая самоуверенность.

— Ого. — Лицо собеседника приблизилось вплотную к трепетной оболочке асии. — Bravo, bravo, то есть ты окончательно решил нагадить поверхностным людям? Ты задержал душу, вечную энергию, существа которой не в состоянии объяснить даже ЛПЛ, даже элохимы? И что дальше? Ты так и будешь держать ее в баллоне или в какой-нибудь бутылке, как джинна? В кармане на цепочке? В тумбочке? Мне стыдно, что ты мой брат, оказавшийся негодяем. Оправданием может быть лишь твоя беспросветная глупость. Ты впал в ересь научного открытия, не задумываясь о последствиях. Впрочем, хи-хи, думаю, бледные демиурги тебе все объяснили лучше меня.

— Как вы здесь оказались? — хмуро перебил его Алексей Васильевич.

— Я тебе сейчас все расскажу. — Тронув задрожавшую капсулу асии, карлик без усилий, словно воздушный шарик, понес ее перед собой. — И покажу тоже.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ МИР

Многокилометровая хоружлитно-лунитная оболочка, защищающая огненный семияичный мир демиургов, лемурианцев, олисов и атлантов от душной, ежесекундно рождающей разнообразные формы жизни плоти Земли, до определенного уровня не была бесповоротно монолитной. Ее внешняя, в сторону Луны и Солнца, сторона по всему объемному периметру земного шара являлась вотчиной лазурных лам, а околоприлегающее пространство густо заселялось качественным и самостоятельным человечеством. Здесь, как бы отфильтрованные прошлыми эрами, цивилизациями, эпохами и мировоззрениями, жили уникальные представители рода человеческого, притянутые глубинным миром поближе к себе, обласканные демиургами, обладающие завораживающей гениальностью в обрамлении многочисленных и непонятных для людей поверхности талантов. Здесь уже много поколений проживает народ арийни, ушедший в промежуточный мир много тысячелетий назад, народ агрессивных мистиков, умеющий изменять земное притяжение по своей прихоти. Когда возник этот народ, а возник он в результате геноселекционных манипуляций

демиургов и лемурианцев с жизнью, оказалось, что самый крупный представитель этого народа не превышает десяти сантиметров роста, и демиурги в спешке притянули их к защитному пространству хоружитно-лунитной оболочки. Абсолютно дезориентированная память об этом народе осталась на поверхности земли в виде сказок и легенд о гномах, эльфах, домовых и т.д. и т.п. Надо сказать, что промежуточный мир населяли в основном люди, чье геноформирование и входящий в эти формы код создавались демиургами, лемурианцами, в какой-то малой степени олисами и еще в виде исключения атлантами.

Сильное проявление атлантизма считалось в промежуточном мире болезнью. Прямые потомки атлантов остались на поверхности Земли, и глубинный мир, беря в посредники промежуточный, опекал и контролировал поверхностное, бракованное, человечество. Тем не менее прямые потомки атлантов все-таки попадали в промежуточную страну великих ученых, но попадали лишь избранные, благодаря колоссальному усилию воли и жестокой дисциплине интеллекта. Это были мрачные жрецы племен майя, приблизившиеся к тайне смерти жрецы Древнего Египта, индуистские йоги, маги и пророки Иудеи, племя волхвов ведического проникновения, ранее жившее на Северном полюсе, гардарические племена, некогда обитавшие на территории нынешнего Урала, кровавые интеллектуалы-информационщики Африки (там когда-то жило племя йотс) и Румынии (на этой территории обитало великое племя вурдал и жуткое, но мудрое племя вампи). На всем пространстве промежуточного мира действовал грозный и неумолимый запрет на совокупление. Ошибочность фаллосовагинального размножения стала очевидной после деятельности атлантов. Увеличение количества генов вело к вырождению, что особенно заметно по людям поверхности, которые носят в себе более десяти тысяч генов и, следовательно, столько же информации из прошлого. Если в начале атлантного генотворения новые особи несли в себе не более ста генов и проживали семьсот-девятьсот лет, то по мере увеличения количества генов срок жизни сокращался, а энергетика души становилась более уязвимой.

Промежуточная страна жила в режиме клонирования. Прямое руководство ЛПЛ делало это клонирование почти совершенным. Маг древней Иудеи, попавший в промежуточный мир три тысячи лет назад, в начале XXI века был точно таким же, как и три тысячи лет назад, — великим ученым...

Когда-то, пытаясь облагородить и остановить вырождение поверхностного человечества, атланты семейичного мира, чувствуя свою вину и ответственность, предложили ученым промежуточного государства склонировать эталонные экземпляры для подражания и отправить на поверхность. Ученые взялись это осуществить и, приложив титанические усилия, выполнили заказ. Склонированные эталонные экземпляры устремились в конвульсивный мир поверхности, с негодованием отвергнув мнение глубинных миров о бракованности поверхностного человечества. Глубинный мир стал более снисходителен к статик-рабам, но эталонное клонирование внес в шкалу бесперспективности. Сами бледные демиурги не очень интересовались экспериментами оправдывающихся перед самими собой атлантов. Они были равнодушны к поверхности, хотя и заинтересованы в более чистой душевной энергетике умирающих статик-рабов, которые отлично понимали обновляющую энергетику смерти, хотя и не понимали природу ее возникновения. Смерть была тайной для всех на Земле.

— Зачем тебе нужна душа человеческая, почему ты решил захватить ее?

Сознание Алексея Васильевича уже полностью овладело мыслью, капсула асии вполне подходила ему. Не обращая внимания на оскорбления, он сразу же, еще не видя собеседника, стал защищаться:

— А почему я не должен этого делать? Закон эксперимента еще никто не отменял.

— Задерживая на поверхности энергию умершего, ты ослабляешь мир демиургов, а следовательно, и нас, — проговорил один из арийни. — Если ослабнем мы, то у поверхностных людей исчезнут все шансы на спасение, они попадут в тупик мучительного бессмертия. Ведь ты посягнул на тайну, перед которой трепещут все, включая глубинный мир и прицепившихся к нашему полету элохимов. Ты ведь наших знаний не можешь

помнить, а опираясь на канализационные знания поверхностной науки, только навредишь...

— Тихо! — оборвал собеседника окончательно обнаглевший Алексей Васильевич и, подозвав к себе карлика, спросил у него: — Чем вы сейчас занимаетесь, над чем работаете?

— Хи-хи, глобализацией поверхностного человечества.

Арийни, ничуть не обидевшись, покинул пещеру по одному из примыкавших к ней коридоров, а остальные, их было около десяти, с самого начала не обращали на капсулу никакого внимания.

— Я догадался об этом сам, даже со стертой памятью, — довольно хмыкнул Алексей Васильевич. — А кто сейчас управляет поверхностью, МОАГУ?

— В основном элохимы, есть они и в руководстве МОАГУ, но им скучно этим заниматься, власть довольно-таки тоскливое времяпрепровождение. Они сговорились с иудейскими магами, и те сейчас занимаются кадровыми вопросами, подбирая среди статиков подходящие особи и настраивая их на стремление к власти и лидерству.

— Интересно, зачем демиургам понадобилась глобализация на поверхности?

— Меня не интересует, для чего нужна глобализация статик-рабов, — забликовал полумесяцем улыбки карлик. — Меня лишь интересует, как ее осуществить. Конечную цель знает лишь Ад, лазурные ламы из хорузлитно-лунитной оболочки, ну и, конечно, элохимы.

— Откуда они вообще взялись, эти элохимы? — спросил Алексей Васильевич. — Не пойму их природу.

— Это разведчики из блуждающего межгалактического планетарного облака Рааай.

— Это... — начал было Алексей Васильевич, но карлик резко прервал его:

— Все, время закончилось, возвращайся в свое мясо, урод, и выпусти душу человеческую. Она должна попасть в Ад.

— Зачем? — успел спросить Алексей Васильевич, начиная растекаться блестками по внутренней стороне вращающейся капсуле асии.

— Чтобы ее смог принять Рааай. Пройдя муки, она сможет попасть в Первоисточник радостного созидания ВСЕГО.

— ААААаа!!! — И Алексей Васильевич потерял контроль над своим сознанием.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Российская делегация силовиков вернулась из Техаса на родину слегка удрученной. Ничего новенького у коллег из других стран выяснить не удалось. Лишь Тарас Веточкин не казался огорченным, да и то это отнесли на счет его относительной молодости по сравнению с другими и склонности к оптимизму. Борис Власенко, руководитель делегации, тоже почему-то не казался расстроенным, и постепенно у Игоря Анушева и Геннадия Вельтова из СВР росло подозрение, что ФСБ все-таки узнала что-то интересное и новенькое. Это подозрение усиливалось еще и тем, что Бортников, штатный уфолог ФСБ, почти весь полет проспал, и, судя по лицу, ему снились хорошие сны, он всю дорогу улыбался.

Анушев и Вельтов еще не знали, что неприятный инцидент на ранчо напрямую касается их ведомства, но, вполне возможно, они этого никогда и не узнают.

— Ну как, Тарас, интересный у тебя разговор получился с Чигиринским? — нехотя спросил у Веточкина Игорь Анушев.

— Да так, — столь же нехотя ответил ему Тарас Веточкин. — Я бы не сказал, что его рецепт приготовления фаршированного гуся чем-то отличается от моего рецепта по фаршированной утке, но кое-что все-таки было для меня новеньким.

— Да ты что? — подсел к ним Геннадий Вельтов. — Вот уж никогда не поверю, что тебе можно сообщить что-то новенькое о фаршированной утке.

— Гусь, — Веточкин лениво повернул голову в сторону Вельтова, — он говорил о гусе. Его месяц нужно кормить грецкими орехами, поить молодым вином, размешанным с водой, и не давать двигаться.

— Это не гусь, — грустно произнес Игорь Анушев, глядя на Веточкина, — это все та же фаршированная утка.

— Конечно, — согласился Веточкин. — Кто же вам гуся вот так, за здорово живешь, отдаст?

— А ведь мы в одной команде и служим одному государству, Веточкин, — встал на путь угроз и вызваний к совести Геннадий Вельтов. — Ты обязан поделиться с нами информацией.

— Ну, ты даешь, Гена, — искренне удивился Тарас, глядя на Вельтова. — Я же тебе все по полочкам разложил: берешь гуся, сажаешь в корзину, подвешиваешь, чтобы он не двигался, кормишь орехами и поишь вином с водой, затем запекаешь и съедаешь...

— Что? — неожиданно проснулся Бортников и ясными глазами посмотрел на Бориса Власенко.

— Да тут Тарас внешней разведке пытается объяснить, что фаршированный гусь — это всего лишь слегка модифицированная фаршированная утка.

— А, — успокоенно покивал головой Бортников, готовясь снова заснуть. — Тарас это умеет, он им сейчас все по полочкам разложит.

— На дне океана есть все, что есть на суше: горы, равнины, леса, пустыни, болота, дикие звери и тщательно замаскированная от любопытства человека первозданность. Океана много, его в два раза больше суши. Даже на обжитых людьми пространствах он всегда может преподнести человеку сюрприз такого качества, что как-то скептически начинаешь смотреть на всякие батискафы, батисферы, подводные лодки и прочие суперкрейсера. Океан принимает от человека лишь дерево, весло и парус. Разучившись видеть, опираясь на костыли сложнейших приборов и бороздя просторы насмешливого монстра в ортопедической обуви круизных теплоходов, мы как бы уже и пошли по водам аки посуху...

— Стойте, Стронгин, — остановил академика РАН глава МВД. — Я не академик, но и вы совесть имейте, не считайте меня глупым, с утра до вечера стреляющим по преступникам ментом. Мне нужно то, что можно пощупать руками, войти, поговорить, увидеть. А вы мне вот уже два часа рассказываете, как на дне Марианской впадины в лепешку раздавливает атомную подлодку и все подряд, сделанное руками человека, и что там же живут всевозможные рыбы, вплоть до драконообразных, и что на дне Мирового океана существует цивилизация, превосходящая цивилизацию суши.

— Да, — кивнул академик, — мы тут все второсортные, а они хозяева, они спасли свою ведическую суть, уйдя на дно океана. Они же понимали, что мы будем рваться лишь в небо, а на океаны будем обращать внимание лишь постольку поскольку, поплавать там, рыбки наловить, искусство подпитать и...

— Интересно. — Министр потерял терпение и нажал на кнопку вызова адъютанта: — Хромова ко мне.

Хромов, ожидавший в приемной, тут же появился на пороге кабинета.

— Это академик Стронгин, а это полковник Хромов, знаменитый сыщик. Будете работать вместе по УЖАСу, там много чего интересного можно узнать для океанологии, — представил их друг другу министр.

— Так точно, господин генерал! — Хромов решил не отступать от установок субординации.

— Не ори, — поморщился министр, — ты с господином академиком хотя бы раз разговаривал?

— Да, с виднейшим океанографом, ведущим ученым и руководителем нашего исследовательского судна «Академик Келдыш», членом всех океанографических обществ Земли, замгендиректора ЮНЕСКО и руководителем комитета по экологии океана в ООН Львом Аксеновичем Стронгиным я долго, часто и плодотворно разговаривал.

Министр молча встал, обошел стол, подошел к Хромову, пожал ему руку, затем взглянул на Стронгина и серьезно произнес:

— Будете, Лев Аксенович, в группе Хромова работать. Он у нас не только с океаном на ты, но уже и до Сатаны добирается.

— Кстати, Сатана как явление, — начал Стронгин, — не является вымыслом.

— Все, — положил ему на плечо руку министр, — в коридор, там все и объясните полковнику.

После того как делегации ФСБ и СВР вернулись с провалившейся с треском конференции в штате Техас, в среде силовиков началась повальная мода на представителей научного мира. Ученые в принципе всегда были под крылышком у спецслужб, потому что наука, разведка и армия не мыслят себя друг без друга. Но это отвлечение от темы...

— Значит, так, Бортников, — директор ФСБ строго посмотрел на громадного уфолога, — прикрепляю тебя к Веточкину, и вы хоть об землю расшибитесь, но должны создать, наш, ведомственный, филиал РАН. Семь академиков... — Он почесал висок и решительно продолжил: -...как минимум должны служить нам верой и правдой, днем и ночью.

— А деньги? — осторожно напомнил Веточкин.

— Дадим задание нашим ребятам, — отмахнулся директор ФСБ, — по всему миру насобирают. Смотри, какую интересную штуковину прислал наш агент из Китая. — Он достал из ящика стола фигурку Будды, целиком выточенную из большого сапфира со странным и завораживающе прекрасным черным отсветом внутри. — Самый редкий и дорогой самородок мира. Сначала нашли этот кусок в устье Желтой реки, а затем обнаружили, что внутри его небольшая пустота, в которой находится черный алмаз величиной с голубиное яйцо. Китайцы за этого Будду готовы отказаться от коммунизма, пользоваться тройными презервативами и уйти с нашего Дальнего Востока.

— Это Будда-птица, у нас он называется птица сирий, — заявил Бортников. — Об этой статуэтке упоминалось в легендах тувинского народа эгере, ушедшего тысячу лет назад в джунгли Амазонки и затерявшегося в них. С помощью этого сапфира можно расшифровать «Некрономник», книгу мертвых. Он бесценен и страшен, этот Будда.

— Вот и я говорю, — согласно кивнул головой директор ФСБ, завораживая Будду в газету и засовывая в ящик стола. — Создавайте группу и начинайте брать под контроль весь этот УЖАС на территории России и все непонятные тайны внутри Земли и на поверхности.

— Шеф, — Веточкин слегка смутился, — давай я с Хромовым в контакте буду работать.

— Ничего себе! — возмутился глава ФСБ. — Конечно, работай. Они там какого-то психа-океанолога завели, Стронгина, и ходят вокруг него в приплясе, как дураки с писаной торбой.

— Стронгин крупный специалист, — рассеянно проговорил Бортников, все еще думая о Будде-птице. — Это нам его стоило бы в группу к себе привлечь.

— Ну а я что говорю? — вновь возмутился глава ФСБ. — Я вам только что о чем говорил? Кстати, ты меня слушаешь, Бортников, или мечтаешь о должности главного уфолога в районном управлении ФСБ Ивановской области?

— Шеф, ну вы скажете, — удивился словам начальника Бортников. — У меня этот Будда из головы нейдет. С ним мы многого достигнем или вообще с белого света сгинем. Меня одно лишь удивляет, как такая ценность, хранимая китайцами в сто раз сильнее, чем американцами Форт-Нокс, оказалась у нас?

— Ну и что?. — в свою очередь удивился директор ФСБ. — Я же сказал в начале разговора, что это наш агент из Китая прислал с оказией.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Ты еще долго будешь там прохлаждаться? — удивил вопросом Сашу Старикова Хромов и уточнил: — Ерундой, в смысле, заниматься?

— Да тут дело такое интересное. — Саша смущенно почесал затылок. — Сплошная мистика.

— Да, — Хромов переложил из одной руки в другую трубку телефона, — этого добра и в Москве хватает. Вчера, например, на твоей, кстати сказать, территории бабку пришлось за убиство задерживать.

— Бабку?

— Ага, — Хромов слегка развеселился, — девяносто четыре года, проживает на Мясницкой. Выпрыгнула из окна шестого этажа, жить старушке надоело, и прямо на голову двадцатисемилетнему парню, мастеру спорта по спортивной ходьбе. Парень от перелома шейных позвонков умер сразу, а у старушки даже синяков на теле нет, жива-здоровая.

— И впрямь мистика, — поразился Саша и на всякий случай уточнил: — Это не мой, а Лаптева участок.

— Да какая разница, — отмахнулся Хромов. — Но если через неделю тебя не будет в Москве, ты у меня полгода на бумагах просидишь.

— Я, наверное, сегодня и выеду, — деловито сообщил Саша. — Тут и без меня во всем разберутся, ребята грамотные.

— Я же сказал, через неделю, — остудил его пыл Хромов, — значит, через неделю, а то ты до моей пенсии нескоро будешь бумагами заниматься. И вот еще что, постарайся узнать, известно ли кому в Таганроге о ресторане «Первая скрипка». Мы его скоро бомбить начнем, а то они слишком много ценных продуктов питания всяким темным личностям скармливают.

— Понял, — ответил Саша Стариков. — Опять мистика со всех сторон.

Николай Стромов делал вид, что смотрит телевизор, а сам незаметно наблюдал за женой, которая вернулась к нему сразу же после ареста Найденова, дочка по-прежнему жила у ее родителей. Валентину Стромову нельзя назвать красавицей сногшибательного типа, но ее груди, ягодицы и бедра были такими рельефными, что Николаю постоянно хотелось припасть к этим частям тела щекой и замереть, поглаживая, надолго. Слегка курносый нос, темные и влажные глаза, пухлые губы, красивая шея, а прическу она носила под Лайзу Минелли. Николай Стромов чуть ли не мычал от счастья, когда Валентина входила в комнату. Лишь одно мешало его счастью — недавнее прошлое. От одной только мысли, что совсем недавно ее обнимал, раздевал, целовал Виктор Найденов, Николай приходил в такую ярость, что она его даже пугала. Он готов был встать, взять служебный пистолет, застрелить Валентину и застрелиться сам. А пугало его то, что он получал удовольствие от этих мыслей. «Надо все-таки показаться врачу, — уже не первый раз говорил самому себе Николай, — а то заболею окончательно».

Во всем, что не имело отношения к Валентине, Николай Стромов был волевым и смелым человеком. Он сумел проанализировать свое поведение, странные мысли и странное возбуждение во время полнолуния и пришел к выводу, что его психика требует разговора с врачом.

— Валя! — Николай Стромов зашел к жене на кухню. Валентина, стоя у стола, раскатывала тесто для пирожков. -

Валечка, — он погладил ее по бедру, — Валюшечка, я люблю тебя.

— Дорогой, — выдохнула Валентина, опершись руками о стол, — я тебя тоже люблю.

Она одной рукой поправила на столе кружочек теста, придя к окончательному решению делать пирожки с творогом и повидлом, а не с картошкой, как предполагала до начала сексуального действия на кухне.

Нет, все-таки есть в солнечности юга некая странная одержимость. В полной мере это относится и к югу России. Если миновать Ростовскую область и посетить Краснодарский край, можно найти там станицу Георгиевскую. Когда-то, дабы создать красивое племя русских людей и остепенить казаков, Екатерина Великая, первый и наивный генетик России,

отбирала самых красивых стройных девушек и отправляла в качестве невест в граничащие с мятежной Черкесией казачьи поселения. Казаки от таких жен не отказывались, но не избегали и прекрасных горянок, тем самым продолжая и усвершенствуя селекционные начинания императрицы. Постепенно на Кубани появились женщины необычайно броской красоты и с не менее необычайными физическими данными: высокие, сильные и любвеобильные.

В 1974 году в станице Георгиевской родилась Анастасия Гансовна Величковская, которая к пятнадцати годам вызывала странное, слегка настороженное восхищение даже у видавших виды станичников, не говоря уже о приезжавших из Краснодара начальников, те просто теряли голову от восторга.

Настя родилась в семье с довольно-таки сложными родословными корнями. Отец, Ганс Муслимович Величковский, был немцем с примесью польской и азербайджанской крови, а мать, Лидия Петровна Величковская, в девичестве Шатова, — чистокровной казачкой с обычным для Кубани черкесским присутствием в генах. За Настей замечались некоторые странности. Например, помогая по хозяйству матери, она всегда с охотой соглашалась отрубить голову курице, утке или индюшке, но головы не отрубала, а откручивала, с интересом наблюдая, как из них хлещет кровь. Сама она мясо почти не ела, предпочитая довольствоваться фруктами, молоком и орехами, благо этого добра в доме хватало. Ганс Муслимович был председателем райпотребсоюза, и семья Величковских считалась зажиточной. Второй странностью красавицы Насти была необыкновенная для девушки ее лет физическая сила и продуманное хладнокровие. Однажды пылко влюбленный в нее молодой станичник, кумир местной молодежи, силач и весельчак Егор Бороденко, провожая ее к дому после фильма в клубе, не выдержал и страстно, хотя и нежно, обнял Настю. Настя повернулась к нему лицом, поцеловала, отчего у Егора закружилась голова, а затем методично и деловито сломала ему обе руки, сначала одну, а затем другую. Об этом случае по станице сплетничали долго, но дальше сплетен дело не пошло, Егор Бороденко помалкивал, а позже совсем исчез из станицы, уехав в один из вузов Краснодара.

В шестнадцать лет Настя закончила десять классов и поступила благодаря материальным контактам Ганса Муслимовича с приемной комиссией в Ростовский мединститут, где уже в конце первого курса проявила неподдельный интерес к патологоанатомии, чем завоевала сердца и симпатии специалистов этого направления, а известнейший в своих кругах патологоанатом, профессор Торосов Семен Алексеевич, просто-напросто влюбился в нее. На третьем курсе за Анастасией Величковской числилось столько расчлененных трупов, что ими можно было бы заполнить чуть ли не половину территории средних размеров городского кладбища. Именно в это время Семен Алексеевич и предложил ей руку, сердце и предполагаемое семейное счастье. Настя немного подумала и согласилась, ее родители с радостью одобрили этот брак, а через год счастливого супружества Анастасию Гансовну Торосову выводили в наручниках из устроенного ею в подвале дома морга. Она работала над диссертацией под названием «Особенности строения тела у человека с извращенным понятием об интимной жизни», и бедный профессор пострадал из-за любви к оральному сексу, столкнувшись с неадекватным негодованием своей супруги, сельское мировоззрение которой не было подготовлено к уже явившейся в Россию сексуальной революции. Несчастный патологоанатом был мгновенно задушен и профессионально расчленен руками любящей Анастасии. Следовательно пожал в огорчении плечами и немедленно отправил Торосову на психиатрическую экспертизу. «Похоже на шизофрению», — не совсем уверенно высказались психиатры области и передали Анастасию Торосову в Институт судебной психиатрии имени Сербского. «Врожденная шизофрения», — поставили диагноз в Москве. «Великолепно! — обрадовался время от времени навещавший институт Алексей Васильевич Чебрак. — Просто уникальный экземпляр!»

Радость Алексея Васильевича имела последствия. Через некоторое время пациентка Торосова исчезла из спецбольницы, ее родители с облегчением перекрестились и забыли о ней, а через три года в группе солнечных убийц появилась эмансипированная, элегантная

Малышка, обученная по системе «Черная вдова». Она стала любимицей всей группы и Ивана Селиверстовича в частности.

«Дейли телеграф» опубликовала статью с кричащим заголовком «Прекрасная амазонка на "феррари"». В ней говорилось: «...Полиция штата Аризона попыталась остановить мчавшийся на недопустимо высокой скорости «феррари» при въезде в столицу штата, за рулем автомобиля находилась красавица, в сравнении с которой Шарон Стоун выглядит как пожилая вдова фермера, не умеющая пользоваться косметикой. Когда сержант полиции Стив Комен подошел к остановившемуся «феррари» и потребовал у красавицы водительское удостоверение, он раз и навсегда понял, что красота страшная сила, но воспользоваться этим пониманием ему уже не суждено. Сексапильный монстр в женском образе схватил его через открытое стекло за горло и сразу же на большой скорости тронулся с места. Напарник сержанта, полицейский Дэвид Лонг, придя в себя от изумления, бросился в погоню за «феррари», в смысле совершил один из тех идиотских поступков, которыми славится наша полиция. Как можно угнаться за «феррари», если нет другого «феррари»? Дэвида Лонга поразило то, что девушка держала сержанта одной рукой на весу, а другой управляла скоростной машиной. Полицейский видел, как через несколько сотен метров тело его напарника было без заметных усилий отброшено к обочине окружного шоссе. Только здесь Дэвид Лонг пришел в себя окончательно и, остановившись, доложил о происшествии всем постам, сообщив, в какую сторону направилась очаровательная убийца. А направилась она в сторону федеральной трассы, ведущей к аэропорту. Вернувшись к незадачливому напарнику, Дэвид обнаружил его мертвым, с вырванным кадыком. Лонг готов присягнуть, что чудовищная обаяшка держала Стива за горло двумя пальцами, большим и указательным. В связи с этим редакция задает вопрос сенату, конгрессу и президенту США: не один ли это из тех синтезированных клонов, которых выращивают в некой секретной лаборатории Окриджа, где базируется неизвестная обществу структура «Оса»? Впрочем, редакция газеты уверена, что если в США происходят гадости такого рода, значит, где-то рядом торчат уши ФБР, ЦРУ и, по видимости, Пентагона...»

Этим же вечером все информационные каналы США передали: «...Захвачен пассажирский авиалайнер компании «Пан-Америкэн», направляющийся в Индию. На борту находятся 120 пассажиров. Поражает то, что лайнер был захвачен на земле, и захватила его в одиночку девушка, подозреваемая в убийстве полицейского и владельца «феррари», известнейшего американского ученого. Девушка необычайно красива и, что потрясает воображение, необычайно профессиональна. Прибывший на место происшествия вместе с антитеррористической группой эксперт ЦРУ Соул Клинг порекомендовал не осуществлять захват и отправить самолет туда, куда требует террористка, — в Россию. И вот только что пришло сообщение нашего корреспондента, что девушка привязала к горлу каждого третьего заложника гранату и соединила эти гранаты суперпрочным конструктивным шнуром «У», применяемым взрывниками спецназа. Шнур пропущен через чеку гранат особым способом, и при малейшей опасности девушка успеет взорвать лайнер с заложниками. Президент США принял решение не препятствовать требованиям террористки. Нам же остается только гадать, рука ли это Москвы или метастазы некой жуткой опухоли под именем «Оса» и ее лаборатории по выращиванию киборгов в Лос-Анджелесе и Окридже? Вопрос остается открытым...»

Она летит ко мне, и я встречу ее с цветами. Мы с ней изменим этот мир. Он слишком уныл, суетлив и многолюден, надо его сделать более пустынным. Массовая смерть народов, вот что нужно человечеству. Только на этом пути можно прийти к настоящему пониманию индивидуальности. Господи, до чего же я умен, Господи, как велико твое вхождение в меня и как сладостно! Фу, какой противный запах! Что за кощунство, рядом с самым роскошным и дорогим салоном Москвы продают яблоки, мерзкий плод. Впрочем, вначале я войду в салон и куплю цветы. Мне вот эти и эти, и еще вот эти, напоминающие приоткрытые для поцелуя губы молоденького и сладострастного азиатского мальчика. Для

кого? Для моей невесты, превратившейся в богиню. Почему такие мрачные расцветки? Ты все равно ничего не понимаешь, простушка цветочница. Вот твои тысячи у.е., дурочка. Опять этот гадкий запах и гадкий старикашка с погаными плодами. Ну ладно, поешь свежего, мой малыш в тельняшке. Никто и не обратил внимания, что старик уже мертв и уже счастлив. Чем больше людей вокруг, тем меньше обращают внимания на человека, лежащего на мокром асфальте. Это еще один довод в пользу сокращения человечества. Я иду навстречу любви, мы подарим людям настоящую индивидуальность, взорвем все их атомные станции и ядерные ракеты, выпустим джинна войны, а затем, когда люди в массовом порядке будут встречать свое личное счастье смерти, мы, боги, сольемся в экстазе и создадим наше дитя. Эти идиоты хотят посадить авиалайнер на военном аэродроме в Чкаловске, как будто это им поможет, как будто они смогут нас остановить, как будто могут понять замыслы двух любящих друг друга богов. Ооо! Что за чудный зад у этой дамы, выходящей перед ювелирным магазином из пошлого «кадиллака», зад-шедевр, зад — произведение искусства, таким задом обладают лишь великие оперные певицы и профессиональные поварихи. Я улыбаюсь...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Поль Нгутанба опустил босые ноги на мозаичный пол и сел на краю ложа махараджи под балдахином из голубоватого шелка. Он взглянул на двух смуглых и юных индианок, крепко спавших на необъятных просторах живописно смятого белья из тончайшего батиста. Среди белоснежного батистового хаоса они были похожи на статуэтки из темного радунита, высеченные гениальным, но слегка помешанным на сладострастии мастером. Тринадцатилетняя Вирия лежала поперек ложа, слегка согнув ногу, и ее филигранно выточенные природой ягодицы даже во сне требовали любовного танца. Пятнадцатилетняя Ялика, высший дар жреца розового храма уходящего начала, наполовину затерялась нижней частью тела в покрывалах. Она только что, перед ночью с Полем Нгутанбой, перестала быть образом богини Баст, избираемой из восьмилетних девочек монахами пещерных монастырей древнеегипетского, смешанного с буддийским, культа и прекращающей быть ею после семилетнего поклонения верующих в лореризм индусов. Все семь лет богиню Баст каждую ночь обучали искусству любви самые глубокомудрые и посвященные в тайну чувственности жрицы и жрецы розовой ночи, знавшие все изгибы, завитушки и тончайшие виньетки наслаждения, в котором не присутствует даже намек на разврат: таинственная изощренность — да, европейская извращенность — нет. Ялика поразила всю суть Поля Нгутанбы, примадонной ночи была она, Вирия исполняла лишь роль «подтанцовки», искусно заполняя короткие паузы. Это было восхитительно. Девочку, бывшую образом богини Баст, укладывают лишь в постель элохимов, то есть пришедших с неба... Индуистско-ламаистский и иудаистский миры, в отличие от не знающего ничего остального мира, знали о присутствии нелюдей в мире. Элохимы в отличие от демиургов, пришедших из клио-вселенных, не стали создавать новый порядок, обживать толщу хоружлитно-лунитной оболочки, хотя и получили любезное приглашение от семейичного мира, они остались на поверхности, но послали туда часть своей субстанции, дабы не оставлять Ад без контроля. Оставшиеся на поверхности элохимы, видоизменяющиеся и вечные, тем не менее стали заражаться основными пороками человечества, словно врачи во время эпидемии, и были вынуждены иногда лечиться.

В данный момент Поль Нгутанба прошел курс лечения от тяжелейшего недуга — сладострастия.

Он встал, надел халат, подошел к высокому окну розового храма и стал смотреть на виднеющийся вдалеке купол Тадж-Махала. Поль знал, что Ялику и Вирию скоро заберут монахи. Лечение было мгновенным, как и всякое наслаждение, но весьма тяжелым по действию. «Прощайте, женщины и секс, — вздохнул он, — меня от вас оградили». Поль

понимал, что после ночи любви с бывшей богиней Баст все остальные женщины будут казаться ему в постели липкими, холодными и неприятными рептилиями. «Жестокое, надо сказать, лечение», — подумал он, глядя на серебристую туманность, поднимающуюся над куполом мавзолея.

Поль Нгутанба прибыл в Индию по приказу лазурных лам не только для лечения от сладострастия, а, главное, для общения с белым зеркалом, самым необъяснимым зеркалом Земли. Он слышал о загадочности этого зеркала и из разговоров с лазурными и хранителями буддийских пещерных храмов знал, что оно каким-то образом было окном в Алую вселенную, но объяснить появление этого окна на Земле не мог. Поль Нгутанба знал, что он нелюдь, элохим, прибывший когда-то на Землю с планетарной облачности Рааай, что таким же, как он, был и Клосс Воргман, но далее его знание о своем происхождении путалось, туманилось и обрывалось. Поль считал себя человеком и думал, что все люди — нелюди. Единственным, да и то неубедительным отличием от людей было его полное равнодушие к смерти и посвящение в таинство глубинных миров, хотя ему всегда казалось, что и в таинство его посвятили не полностью. Это были не отличия, а скорее сходства. Среди людей полно равнодушных к смерти, да и допущенных к тайне внутри Земли тоже немало. Поль решительно во всем запутался. У него были мать, отец, ныне покойные, и он их любил, было немного детства, все как у людей. «Черт побери, — подумал он, — ничего не понимаю».

Бывшую образом богини Баст и жрицу розового храма давно уже увели. «Увели мою любовь к женщинам», — тоскливо подумал Поль Нгутанба. В данное время он ожидал проводника, который будет сопровождать его в Непал, затем в горы на территорию блуждающей Шамбалы, чей прототип астрономы видят на Юпитере, но по неведению называют это «красным пятном». Именно там, в Шамбале, Поль должен был предстать перед Белым зеркалом, и он надеялся, что многое для него прояснится.

«Как тело, самый главный грех души, и как святыни Катманду в Непале, так и вход в Шамбалу не поддаются объяснению. Истина чаще всего кроется в ошибочных и напрочь отвергнутых умозаключениях. Ничего так не уводит от познания истины, как путь к ней», — думал Поль Нгутанба, разглядывая величественное достоинство Гималаев. Где-то здесь, рядом, лежало насмешливое пространство Шамбалы, которой придали совершенно комические формы ее земные апологеты. «Буддийский мир всегда был насмешлив, а Будда был великим юмористом, но поверхностные люди так и не поняли, что юмор — самый драгоценный и самый серьезный дар неба».

Полю Нгутанбе пришлось прервать свои размышления, хрустально-серебристо-призрачно-нежный звон окружил его. Шамбала, как всегда, оказалась неожиданной в своем появлении. Проводник облегченно вздохнул и, указав на черный прямоугольный столб, сказал:

— Белое зеркало, иди к нему, меня оно не допустит к себе, убьет.

Поль подошел к обелиску, черный цвет которого вопреки общему мнению радовал и ласкал взгляд. Он стал в шаг от него и, подняв голову, услышал: «...Элохимы, оставшиеся на поверхности Земли, были сформованы по образу и подобию человека живущего и стали ими. Те, кто ушел в хорузлитно-лунитную оболочку, остались самими собою, они хранили информацию об оставшихся на Земле и были связаны с ними серебряными нитями целого. Если умирал статик-раб поверхности, то его душа со всхлипом втягивалась в безжалостное, жуткое, но надежное хранилище семейного мира. Когда «умирал» элохим, серебряные нити притягивали его первообраз, живущий в теле, в хорузлитно-лунитную оболочку и тотчас же отпускали обратно. С душами людей происходило то же самое, но гораздо страшнее и дольше. Все статик-рабы и все люди промежуточного мира после смерти попадают в Ад, откуда редко возвращаются, но, не в пример статикам, промежуточные люди гораздо приспособленнее к нему. Возвращение в жизнь людей поверхности — это милость Ада, ибо жизнь — мягкая форма проявления алогичной действительности. Таким способом

демиурги как бы извиняются за свою вину перед поверхностным человечеством. Элохимы должны исправить положение. Задача посланцев из планетарного облака Рааай в направленно движущееся и сформулированное построение Солнечной системы — это проведение спасательно-ликвидационных работ. Само собой, подразумевается спасение семейичного мира и всего, что он так своевольно сотворил на этой планете, а затем лучом апокалипсиса ликвидируется вся Солнечная система. Формула системы уже давно устарела и требует других решений. Тебе, Поль, нужно развалить полностью систему МОАГУ, но можешь не заботиться о болезненности или безболезненности этого развала в периферийной части, будь лишь деликатен к Тибету и другим большим концентрациям тонких энергий, они облегчат вам работу на заключительном этапе. Сейчас ты элохим, но когда начнешь разговаривать с нами, находясь внутри осанна, станешь просто человеком и... Впрочем, ты все равно не будешь помнить об этом...»

Было тепло. Колокольчики Шамбалы исчезли, утихли, растаяли. Непоседливое информационно-параллельное пространство переместилось в другие места. Вполне возможно, что оно сейчас парит где-нибудь в уютном и холодном районе Тихого океана, вполне возможно, что Шамбала «разгуливает» где-то между Москвой и Санкт-Петербургом, но вероятнее всего, она сейчас дремлет на своем излюбленном месте между первым и вторым дном Азовского моря.

— Все зеркала изобрел Дьявол, он не желает, чтобы человек оставался один на один с собой. — Невозмутимый индус, проводник Поля Нгутанбы, решил усладить обратный путь философской беседой.

— Вы правы, — блеснул Поль своим европейским образованием, ввернув в беседу фразу Кокто. — Зеркалам, прежде чем отразить что-нибудь, следовало бы минуточку подумать.

Поль уже ничего не знал и по-прежнему подвергал сомнению свое элохимство, но ему неожиданно пришла в голову мысль, что человечество не заслуживает такого стабилизирующего мир фактора, как МОАГУ, и поэтому «Карфаген должен быть разрушен», и еще он подумал, что нужно помириться с далай-ламой.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Таганрог пребывал в состоянии потрясения из-за двух обстоятельств. Первое было привычным и касалось всех горожан — на город обрушился ветер, визитная карточка начавшейся осени. Впрочем, южный ветер довольно-таки беспорядочный парень и свои визитные карточки обрушивает на головы горожан, не считаясь с временами года: то под видом осени заявляется весной, то под видом весны разгуливает по улицам почти всю зиму. Второе потрясение настигло город на уровне административного руководства. Прокурора Миронова забрали в Генпрокуратуру и назначили куратором по Южному округу, столицей которого был Ростов-на-Дону.

— Я доволен, — высказался по этому поводу мэр города. — Он хоть и со странностями, но наш кровный земляк.

— Порядка больше будет, — сделал неожиданное заявление гендиректор металлургического завода Сергей Видаш. — А то всякие там «Сильверы», «Альфы» и прочие фирмы московские хотят на наш завод наехать и оттяпать кусок на столичные нужды. — Еще неожиданнее для всех Видаш скрутил кукиш и, показав его кому-то неизвестно-невидимому в небе за окном, добавил: — Вот вам, а не завод.

— Не прокурор, а козел какой-то этот Миронов, — буркнул еле слышным голосом Самсонов.

— Что вы там бормочете себе под нос, Семен Иосифович? — поинтересовался мэр Рокотов.

— Наркотики, — бодро сказал Самсонов, — полкилограмма мои ребята изъяли у

курьера на Старом вокзале. Это для нашего города что атомная бомба для Хиросимы. Конопля прет изо всех дыр, и самая большая дыра со стороны Кавказа, ну и, конечно, возле всей отравы торчат их носы, а вы не можете денег хотя бы на ремонт автопарка выделить, я уже не говорю о новых патрульных машинах.

— Завал, Иосифович, — сразу же потерял интерес к разговору мэр. — Школы до конца не отремонтированы, зима на носу. Строительство, ремонт жилого сектора, опять-таки ремонт дороги, посевная, третье кольцо автодороги вокруг города строить надо, северный завоз... — Тут мэр пришел в себя и, взглянув на Самсонова, строго закончил: — Нету, одним словом, денег, Иосифович, вот смотри. — Он достал из кармана бумажник и показал Самсонову: — Ни копейки.

— Да ладно, для милиции найду средства, — успокоил присутствующих Видаш. — Еще чего не хватало, город наркотикам сдавать. Вот им! — И он снова показал невидимому оппоненту кукиш в окно.

— А что у нас в городе муровец в компании с вашими Басенком и Савоевым по улицам шастает? — спросил главный редактор газеты «Таганрогская правда». — Вам есть что сказать для прессы?

— Они нефть ищут, — охотно поделился своими «секретами» полковник. — А то ни у вас, ни у них машины заправлять нечем.

Дело даже не в том, что Италия глубоко и впервые в жизни задумался о смысловом значении существования на земле, это можно было бы списать на регулярные в последнее время травмы головы. И даже не в том, что он все чаще и чаще стал думать о Боге. Бог популярен среди граждан тюремной ориентации. Редко какой киллер отправится на свою нервную работу без имени Бога, и уж перед тем, как всадить пулю в несчастную жертву, он непременно перекрестится в мыслях, разве только фиксируя контрольным выстрелом завершение работы, киллер забудет на мгновение о его существовании, ибо законы профессионализма требуют особой сосредоточенности в эти секунды. Нет, у Геннадия Кныша по кличке Италия все было по-другому. Он как-то вдруг и сразу решил покаяться, но не перед Богом, а перед оперативником из Орджоникидзево района.

— Что вам от меня надо? — устало спросил он у Степы Басенка и присутствующего здесь же, в кабинете для допросов СИЗО, Саши Старикова.

— Вообще-то все, что мы не знаем о твоей преступной деятельности и что тебе удалось скрыть от следствий в прошлые судимости. Но ладно, — снисходительно махнул рукой Степа Басенок, — черт с ним. Ты вот нашему гостю из Москвы, — Степа каким-то торжественным жестом указал на Сашу Старикова, — расскажи о Хонде, Клунсе и похищенном из его квартиры антиквариате, а после поможешь мне разобраться в некоторых вопросах, связанных с криминальным миром нашего города.

— Вербуете, да? — угрюмо проговорил Италия.

— Вербуем, — охотно согласился Степа Басенок. — Работа такая, людей от людей защищать.

— Я все расскажу — Италия неожиданно почувствовал даже какой-то душевный подъем. — И в дальнейшем буду рассказывать, и...

— И мы сделаем так, что твоим адвокатам, хотя и с трудностями, удастся доказать твою невиновность и добиться освобождения, — хмыкнул Степа. — Хотя у нас на тебя доказательств воз и маленькая тележка.

— Я выйду на свободу, и меня застрелят возле ворот СИЗО, да?

— Может, и застрелят, — не стал отрицать такой возможности Степа, — а может, и не застрелят, может, у тебя инфаркт будет или ты под машину попадешь... Тут ты, Италия, сам решай, от нас никакая информация не уйдет на сторону. — Степа на мгновение задумался и уточнил: — Во всяком случае, мы будем стараться, чтобы не ушла, а ты уж сам плавай в этих водах, в конце концов ты акула, а не малек.

— Ладно, — буркнул Италия. — Что надо?

— В первую очередь — Клунс, — начал Саша Стариков.

— Кто его повесил, я не знаю, и никто из наших не знает. На его хату навел Хонда. Я с ним в оренбургской зоне года три сидел, а Калифорния с ним пару раз на этапе встречался. Когда взяли хату, Хонда сказал, что ему доли не надо, а лишь какой-то свиток, «Некрономник». Я, кстати, сразу заподозрил, что дело нечистое — рукопись надо, а доли не надо. Сую Комбату рукопись и говорю — посмотри. Тот вытащил ее из футляра металлического и стал смотреть. Вижу, мандраж его давит, запихнул все обратно и говорит: ты вор, а я старик, послушай меня, отдай это Хонде, с узкоглазым лучше не ссориться, ну и... — Италия замолчал, отвернувшись, стал смотреть на стену. Оперативники не торопили его, понимали, набивает себе цену. Наконец, после длительной паузы, разочарованный Италия сказал: — Я свиток не отдал, конечно, забрал себе, это Комбат не справится, а я уж как-нибудь бы разобрался. Вырвал листы, штук восемь, из арабской книги XVI века, какой-то Хабибул-чучмек писал, уже два года толкнуть их не могу, и сунул в футлярчик этот. Крышку закрутил, парнишка один рукастый ее запаял и пайку кислотой под цвет футляра в идеале подогнал, кстати, футляр не золотой, но я такого металла не знаю. Отдал я его Хонде, и он свалил с концами, но Клунса он не убивал, зачем ему это нужно? Он бы его тогда сразу убил и забрал этот футляр, с нами хаты не бомбил бы.

— И где этот свиток? — Сашу Старикова вдруг охватило сильное волнение. Так было с ним всегда, когда он чувствовал, что идет по правильному следу.

— Свиток? — самодовольно переспросил Италия, поняв, что его акции растут в глазах оперативников. — Свиток-то... — Он откинулся немного назад, и в это время забитую железом массивную дверь, открывающуюся внутрь, кто-то резко толкнул, и она со всего маху ударила Италию по затылку. Тот сразу же, как мешок с песком, свалился с табуретки на пол.

— Кравчук! — В кабинет заглянул молодой, усатый, с явной печатью деревенского мировоззрения на лице прапорщик-контролер СИЗО. — Кравчука тут не было? — испуганно спросил он у мрачно смотревших на него сыщиков.

— Кравчука, говоришь? — Саша пощупал пульс у Италии и, не обнаружив его, заорал: — Молнией врача сюда! Если его через секунду не будет, то и тебе, и Кравчуку мало не покажется!

Самые лучшие специалисты-балыковеды села Петрушина изготовили сто пятьдесят килограммов разнообразнейшего филейного балыка из осетра, белуги, сазана и нежнейшей сомятины. Два недавно выловленных осетра плавали в фонтане бывшего пионерлагеря «Дружба», который по окончании сезона отдыха служил садком для местных рыбаков, там же резвилась стая из тридцати стерлядей и невесть как попавший в эту высокородную компанию заполошный черномазый бычок весьма крупных размеров. А в другом фонтане, другого, соседствующего с «Дружкой», пионерлагеря «Солнечный», по дну меланхолично променадились отборнейшие, устрашающих размеров раки. А в селе Покровском, чаще всего называемом несведущими людьми Неклиновкой, потомственный мастер гнал знаменитый на всю страну самогон неклиновский перцовый. Ростовская область без этого самогона — как Марья без Ивана, Волга без Руси, молоко без коровы, счастье без несчастья. Если бы правительство России обратило свои взоры на технологию изготовления и качество неклиновского перцового и запустило его в промышленное производство под контролем местных умельцев, где бы было шотландское виски, золотая текила, куда бы скрылась столичная водка завода «Кристалл»? Не буду говорить, где бы они оказались. Да! Одновременно с рыбаками Петрушина, мастерами Покровского бастурмоведы Мокрого Чалтыря, что рядом с южной столицей региона, Ростовом-на-Дону, потеряли покой и сон, дабы триста килограммов заказанной бастурмы были того же армянского качества, какого у грузин бывает вино, определяемое ими оценкой «для себя». Поверьте, это совсем другое, чем «для продажи». И четыре двухсотлитровые бочки вина «для себя» уже транспортировались в сторону Таганрога. И это были не просто вина, это было киндзмараули — одна бочка,

саперави — одна бочка, «Алазанская долина» — одна бочка и, наконец, хванчкара — одна бочка. Наряду с этим в сторону Таганрога, через Москву из Франции, двигались четыреста ящиков бордо урожая 1951, 1953, 1957-го и, для особо капризных, 1949 года. Что, конечно, чистейшей воды пижонство при наличии вина «для себя» из Грузии. Куры, утки, гуси, индюшки, юные и задорные поросята уже были собраны в одном месте и ждали своего смертного часа. Да! Тысячи бутылок разноцветного шипучего донского вина охлаждались в подвале и ждали своего решительного, целебного, утреннего наступления на похмельные головы. Да что же это такое?! Да! Глория Ренатовна Выщух и Самвел Тер-Огонесян готовились к свадьбе.

Даже далай-лама был слегка потрясен, несмотря на тысячелетия мудрости, выглядывающие из-за его спины. Хорузлитно-лунитная оболочка, внутрь которой попал правитель Тибета, позволяла видеть небо. Толщи земли как бы и не существовало, более того, небо из хорузлитно-лунитного пространства выглядело совсем другим, сильно отличающимся от неба, рассматриваемого с поверхности Земли. У далай-ламы, получившего великолепное светское образование и посвященного в самые сокровенные знания Индии, Китая и своей страны, прекрасного астронома, даже закружилась голова от восторга и благоговейного трепета. Он кое-что начинал понимать, увидев, как сама Вселенная приблизила к нему свое лицо. Небо из хорузлитно-лунитной оболочки было гораздо насыщеннее доселе неизвестными далай-ламе звездами и планетами, звезды не походили на звезды, видимые с поверхности, далай-лама увидел даже звезды черного цвета. При этом звезды и планеты окружали его со всех сторон, как будто он стоял на стекле в середине мироздания. Хорузлитно-лунитная оболочка отрицала преграды в контактах с небом, и поэтому куда бы далай-лама ни взглянул, он везде наталкивался взглядом на Вселенную. Луна казалась огромной и близкой, протяни руку, и дотронешься. Он увидел семь спутников, сопровождающих Юпитер, и пульсирующее красное пятно, передвигающееся от полюса к полюсу, да и сам Юпитер как бы пульсировал, как бы дышал, сжимаясь и разжимаясь. Далай-лама вдруг понял, что Юпитер опасная и грозная планета, основная в небольшой Солнечной системе. Отсюда из хорузлитно-лунитного мира как-то лучше понималась и виделась ее миниатюрность, более того, она казалась даже искусственной.

«Как примитивны мысли в сравнении с чувствами», — усмехнулся про себя далай-лама и услышал:

— Это астрономический зал, без навыков в нем нельзя находиться долго. Пойдемте с нами, правитель Тибета, в зал вашей страны, посмотрите Гималаи изнутри, а заодно и объясните нам вашу заинтересованность во встрече с демиургами, ради которой вы применили тяжелую артиллерию, рекомендацию от ламы Горы. — Далай-лама увидел слегка угадываемый и бликующий контур человека, внутри которого клубился серебристый туман. — На поверхности нас иногда называют призраками и страшно пугаются. К счастью, мы бываем там чрезвычайно редко.

За далай-ламой стояла вся мощь ламаистского и индуистского знания. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он лишь поклонился и тихо произнес:

— Я ваш покорный ученик.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ефим Яковлевич Чигиринский все-таки сделал копию бумаг, которые он виртуозно забрал у погибшего псевдоангличанина на ранчо в Техасе, и отдал Тарасу Веточкину, мотивируя свой поступок далеким от интересов разведки доводом:

— Помнишь, Тарас, как мы девушек на Тверской кадрили?

— Допустим, не на Тверской, — усмехнулся Веточкин, — а на улице Горького.

— Эх, — смахнул весьма условную слезу Чигиринский и, протянув Веточкину пакет,

добавил: — Вообще-то это предназначалось вашей Службе внешней разведки, «джентльмен», оказывается, с двойным дном, но им не повезло, повезло тебе и совсем немножко — мне. Даже не знаю, что можно у англичан узнать новенького, кроме сплетен из Букингемского дворца?

— Спасибо, Фима, — взял пакет Веточкин. — А может, не надо? Тебя по головке за это не погладят.

— А кто вообще гладит по головке бедного еврея? — печально проговорил Чигиринский. — А то, что я тебе сейчас отдал, копия вахтенного журнала с английского линкора «Принц Чарлз», увлекательнейшее чтение для разведки...

Разведка разведкой, а дружба дружбой. То, что должна была получить служба внешней разведки, получила ФСБ, видимо, у СВР среди сотрудников не было любителей джаза и девушек с улицы Горького.

— Занятно, — сделали вывод в ФСБ, — даже есть немного новенького, остается только выяснить, не впарил ли нам МОССАД фальшивку?

— С какой стати? — пожал плечами секретарь СБ. — Они с нами в такие игры не играют, это же МОССАД, а не ЦРУ.

Анатолий Валентинович, директор ФСБ, вместе с секретарем Совбеза сидели в его кабинете и, как это ни покажется странным, пили чай.

— Это вы мне говорите, — удивился директор ФСБ, — или просто размышляете вслух?

— Размышляю, — подтвердил его догадку сухощавый секретарь СБ. — Думаю, нам тоже нужно вплотную заняться этими аномальными явлениями в океане.

— Представляю, — изумился глава ФСБ, — прямо вижу, как нам выделяют деньги из бюджета для проверки акватории Тихого океана силами ВМФ России на предмет обнаружения аномалий, напоминающих НЛО.

— Думаешь, не дадут? — спросил у него генерал и сам же ответил: — Конечно, не дадут. А одного «Келдыша» нам хватит?

— Кого? — слегка испуганно взглянул директор на секретаря Совбеза.

— Научное океанографическое судно «Академик Келдыш» нас устроит?...

Из вахтенного журнала линкора «Принц Чарлз»

«00.20. 25 июня 2000 года.

...Непонятное свечение на поверхности океана. Напоминает хаотично мелькающие, идеально круглые пятна света, как будто бы кто-то светит из глубины огромным фонарем. Доложено командованию.

Вахтенный офицер Рэй Стивенсон».

«00.52. 25 июня 2000 года.

...Глубина восемь миль. Служба слежения и оповещения линкора, а также других кораблей сопровождения не фиксирует подводных лодок противника в этом районе. То же самое подтверждает и спутниковая разведка НАТО. Хаотичные пятна света, идеальные круги диаметром около ста метров, продолжают периодически появляться на поверхности. Объявлена полная боевая готовность на линкоре и всех кораблях ВМФ ее величества, находящихся в этом квадрате.

Командир линкора, контр-адмирал Эдвард Льюсингтон».

«1.30. 25 июня 2000 года. †

...Потрясающе!!! Я вижу, как море на несколько миль расцветилось!!! Мы все на линкоре! Хвала господу, что я служу на флоте, видим чудо!!! Чудо!!! Это НЛО!!! Это...»

«1.35. 25 июня 2000 года.

...Я отстранил за чрезмерную эмоциональность вахтенного офицера от вахты. По всей видимости, мы имеем дело действительно с представителями другой цивилизации. Дискообразная полусфера диаметром около пятидесяти-семидесяти метров возникла из океана совершенно беззвучно и почти мгновенно, был слышен лишь легкий хлопок, потом взмыла в небо и исчезла из вида. Точно такой же феномен несколько лет назад был отмечен кораблем Шестого флота США в Атлантике.

Контр-адмирал Эдвард Льюсингтон».

ГРУ опять все подслушало. Эппель Артур Саркисович, довольно потирая руки, ходил по своему кабинету в здании «Аквариума» на Хорошевском шоссе и насвистывал мелодию вальса «Сказки Венского леса», когда зазвонил телефон.

— Да! — весело откликнулся Артур Саркисович и, так как телефон был городским, пошутил: — Президент Соединенных Штатов Армении на связи.

— Эппель! — раздался голос директора ГРУ. — Я сейчас приеду и тебя застрелю, жди меня в приемной.

— А что случилось-то? — всполошился Артур Саркисович. Через пятнадцать минут прибыл директор ГРУ, и Артур

Саркисович вошел к нему.

— Ты зачем прослушиваешь Совет Безопасности? — напрямик спросил у него генерал-полковник. — Тебе больше заняться нечем?

— Я? — по привычке удивился Эппель, но на всякий случай решил изменить тактику: — А вы откуда узнали?

— Ну все, — тихим голосом произнес Николай Олегович Дождь, глава ГРУ, — ты меня ухайдокал, Эппель. Вот тебе бумага, пиши рапорт об отставке. Генерал-лейтенант, а ведешь себя, как курсант-первогодок. Это ты мне должен докладывать, что собираешься «жучки» в СБ ставить, а не я где-то на стороне узнавать.

— Не буду писать, — безапелляционно отказался от такой перспективы Артур Саркисович.

— Правильно делаешь, — успокоил его генерал-полковник. — Я бы и не подписал его. И все-таки зачем ты забросил «ухо» в СБ?

— Но ведь надо быть в курсе всего, — удивленно посмотрел на начальника Эппель, — контроль.

— Понятно. Из ФАПСИ передали, что хотели тебе все уши поотрывать через пять минут после того, как ты их закинул, но секретарь СБ отговорил.

— Правильный парень, — похвалил секретаря Эппель. — А ФАПСИ нам сплошной ущерб по технической части приносит, одних «ушей» уже на два миллиона долларов пообрывали.

— На сколько?! — возмутился генерал-полковник и тут же ошарашил Артура Саркисовича вопросом: — Ты Азию хорошо знаешь?

— Более или менее, — с удивлением ответил Эппель и тут же откорректировал: — Превосходно знаю, я же восемь лет в Афганистане прослужил.

— Тогда будешь рад назначению на должность руководителя всей разведслужбы в Таджикистане.

— Понял! — И в глазах генерал-лейтенанта вспыхнул огонь действия и радости. Не надо быть психологом, чтобы понять, что Эппель Артур Саркисович уже напрочь забыл Москву и ее климат, потому что, глядя в окно кабинета генерал-полковника Дождя, он видел не дождь, морозящий на улице, а знойное пространство вокруг берегов реки Пяндж.

Полковник Хромов и Тарас Веточкин вот уже второй раз приезжали на квартиру Стефана Искры, но не заставали его дома. А телефона у Стефана Искры по принципиальным соображениям никогда не было.

— Загулял генерал-майор, — озабоченно, с нотками тревоги в голосе, пошутил

полковник Хромов. — Вдову, видимо, тридцатилетнюю нашел.

Полковник Хромов, начиная с двадцати одного года, когда его обожгла неумная страсть тридцатисемилетней Арнольдины Васнецовой, терапевта из школы милиции, непоколебимо уверовал, что женщины младше тридцати лет в постели занимаются не любовью, а каким-то непонятным спортом с элементами мечтательного мазохизма.

— Слушай, — повернулся к полковнику Тарас Веточкин, — помнишь, я тебе о засушенной кобре, гардеробщице из Большого театра, рассказывал? Так он погиб, сам себе горло разорвал во время премьеры «Жизели».

— Неужели такая плохая постановка была? — отстраненно пошутил Хромов и добавил: — Непокорно что-то в королевстве УЖАС.

— Надо принимать меры, — решительно перебил его Веточкин, — и начать с поисков Стефана Искры.

— Поискать-то надо, — задумчиво согласился Хромов. Они расположились на заднем сиденье милицейского «форда», направлявшегося в сторону Нового Арбата. — Но ты ведь знаешь возможности этих летающих крокодилов, у них же сплошная фантастика, а не жизнь.

— Крокодилы? — недоуменно уставился на него Тарас.

— Да это я к слову, — махнул рукой полковник. — Ты слышал из информационных программ или у себя на Лубянке, что в Америке самолет с заложниками захватила одна дамочка, топ-модель, в смысле, тощая, глупая, но, говорят, красивая? Не глупая, конечно, если в одиночку захватила, заставила правительство США считаться с собой так, что они не смогли ей препятствовать. Сейчас самолет летит в Россию.

— Ты хочешь сказать, — Веточкин заинтересованно посмотрел на Хромова, — что это УЖАС?

— Именно это и хочу сказать.

— А ты знаешь, — согласился с Хромовым Тарас, — в Техасе мустанг взбрыкнул не вовремя, — он задумался, — или вовремя, не важно, и убил англичанина, который на самом деле не англичанин, работал на СВР и имел какое-то, — Веточкин

опять задумался, — то есть прямое отношение к УЖАСу. Во всяком случае, у него в глазах просматривалось

сдерживаемое волевым усилием безумие, точно такое же, как у гардеробщика и того, с кем мы встретились у Стефана Искры. Помнишь ощущение его взгляда, словно циркулярная пила в миллиметре от лица вращается?

— Помню, — кивнул Хромов. — А я тебе так и сказал, летающие крокодилы. Но откуда ты знаешь, что он, этот убитый копытами, на СВР работал? Если они сами сказали, то врут, с ними вообще нельзя разговаривать, правду все равно не услышишь. Я недавно встретил одного приятеля. В армии вместе служили, а сейчас он в СВР работает. Поговорили, выпили, спрашиваю, давно ли он стал очки носить, а он их снимает, кладет в карман и на голубом глазу заверяет, что никогда в жизни очки, даже солнечные, не носил.

— Да ты что? — удивился Веточкин. — Тебе еще легкий случай попался. Но мне не в СВР это сказали, а один раввин из Хайфы, моссадовец, друг молодости.

— Так, это Чигиринский, я его помню. Для того чтобы соединить «друг», «моссадовец», «еврей», «раввин», недостаточно быть просто евреем, надо сначала пожить в Одессе, перебраться в Киев и устроиться в Москве директором планетария. Как он там? И что рассказывал о СВР?

— Я слегка опоздал, и он первый вытащил у погибшего секретную документацию, вахтенный журнал с линкора «Принц Чарлз», а также зашифрованное спецкодом СВР письмо. Шифр сложный, Чигиринский при мне минут сорок бился над дешифровкой, прежде чем прочитал. Парень в письме, если коротко излагать, посылает всех в нужном направлении и объявляет себя Богом. Мне Чигиринский копии отдал, а вообще-то у него ностальгия по родине.

Хромов нажал на кнопку, и звукоизоляционная стеклянная перегородка опустилась вниз.

— Анатолий, — попросил он водителя, — тормозни у ресторана «Японская кухня».

— Да ты что, полковник? — вскинулся перепуганный Веточкин. — Какая там, к черту, Япония — осьминогов и треску мороженую сырыми жевать да теплой водкой сакэ запивать, что ли?

— А куда? — флегматично спросил Хромов. — В «Савой»?

— В «Савой», — кивнул Веточкин и уточнил: — Ко мне домой, в смысле.

На улице уже стемнело, Москва расцвятилась огнями, становясь в одних местах уютной, в других красивой, в некоторых доброй и умной, но в большинстве мест высокомерной, быдловатой и жестокой.

— Это хотя и милицейская машина, — сказал Хромов, обводя рукой салон «форда», — но не милицейская. На ней хорошо по прямой трассе за преступниками во время съемок фильма гнаться или перед начальством погарцевать, а в оперативном деле она никакая, дрянь, одним словом.

— Ну да, — хмыкнул Веточкин, — «шестерка» в этом деле незаменима.

— Жена дома? — спросил Хромов у Веточкина, когда они поднимались в лифте. — Или как?

— Дома.

— Анюточка, — голубем заворковал Хромов, войдя в комнату. — Сколько лет, сколько зим я тебя не видел. А ты все прекрасна, как не знаю кто. — Хромов был мастером на комплименты.

— Леонид, — весело рассмеялась Анюта Веточкина, красавица с уютными чертами лица, — проходи. Между тобой и комплиментами нет ничего общего. Ты, похоже, с таким же лицом спрашиваешь у бандитов, куда они спрятали награбленное.

— Анюта, — укоризненно проговорил Хромов, — я с ними вообще на эти темы не разговариваю, они мне без слов всю душу наизнанку выворачивают.

Вскоре Хромов и Веточкин сидели за столом на просторной кухне. Перед ними дымились тарелки с горячим пюре и бифштексами в обрамлении зеленого горошка. А также тонко нарезанные лимоны, грибы под названием «опята домашней засолки», нарезанная ветчина, соленые огурцы, салат «оливье» в красивой салатнице и классический запотевший графин с водкой. Анюта Веточкина еще раз пытливым взглядом обвела стол, затем не спеша оделась и стала похожа на «Незнакомку» с картины Крамского.

— Вы тут общайтесь, — произнесла она, — а я поехала в Лужники. Сегодня соревнования ответственные. Часов в одиннадцать мы с Сережей приедем.

— Возьми машину, — заботливо посоветовал Тарас жене, — но будь осторожна на дороге.

— Ну, Тарас, — опять расхохоталась Анюта, — спасибо. Я уже десять лет даже в булочную пешком не хожу, до того привыкла к своей машине.

Она чмокнула мужа в щеку, помахала рукой Хромову и ушла.

— Вот это, я понимаю, жена. — Хромов с удовольствием обвел глазами стол и налил по первой рюмке. — Приготовила, накрыла и ушла к сыну на соревнования, чтобы не мешать мужчинам отдыхать. И где таких выращивают, скажи, Тарас?

— На Украине, — улыбнулся Тарас Веточкин, поднимая рюмку. — В городе Северодонецке Луганской области.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Несмотря на то что в Москве и в мире происходили значительные события, Хромов и Веточкин решили не обращать на них внимания и шли в сторону ресторана «Ивушка», что находился в квартале от дома Веточкина...

— Мы на задание, — сказал Тарас Анюте, только что вернувшейся с сыном домой, и,

подмигнув наследнику, добавил: — Ни минуты покоя с этой работой.

— Встреча с агентурой, — поддержал его Хромов и уточнил: — Очень серьезная встреча.

— Ну-ну, — снисходительно махнула рукой Аня. — Смотрите не заработайтесь.

...Пересчитав деньги, они вошли в ресторан.

— Что будем заказывать? — Вежливо склонился к ним официант.

— Да вроде и есть не хочется, — пробормотал Хромов и, взглянув на Веточкина, сделал неожиданный заказ: — Устрицы в лимонном соке, бутылку кьянти 1992 года и два расстегая по-витебски.

— Извините, — растерялся официант, заметив, что на столе нет меню, — я сейчас. — Он исчез и через мгновение появился с двумя картами меню. — У нас только то, что есть в меню, и, если честно, господа, в Москве всего лишь три ресторана, где подают свежие устрицы, и ни одного, где слышали о витебских расстегаях; даже в самом Витебске нет таких.

— Мудрый ты, я гляжу, — проворчал Хромов, открывая меню. — Зачем нужен ресторан, где нельзя заказать себе устрицы?

— Да, — поддержал его Веточкин, углубившись в изучение типографских данных на оборотной стороне глянцевого книжечки. — Иногда так хочется поесть винно-черепахового супа «Либретто». Зайдешь в ресторан, а там лишь одно вино и ни одной черепахи.

— Господа, — занервничал официант. — Я что, крайний в третьем ряду?

— Да нет, — смиростивился Хромов. — Раз нет устриц и кьянти, то неси водку, но только холодную и немножко, в смысле бутылку, а еще лучше не водку, а текилу золотую, нам друга помянуть надо.

— Текила, — черкнул в блокноте официант и посмотрел на Веточкина: — Вам что?

— Согласен, — кивнул Веточкин головой, — текилу и лимоны.

— Ааа... — начал было официант.

— Вот, — оборвал его Хромов, ткнув пальцем в меню, — не пойму что здесь написано.

— Минуточку, — склонился к меню официант и с недоумением посмотрел на Хромова. — Кофе?

— Да, — поставил точку в разговоре вмешавшийся Веточкин. — Кофе.

Пожав плечами, официант ушел выполнять заказ.

— Что-то тревожно мне, — мрачно проговорил Хромов. — На службу, что ли, позвонить?

Неожиданно в кармане Веточкина завякал мобильник.

— Да, — проговорил он и сразу же подтвердил: — Так точно, подполковник Веточкин. Я знаю, — подтвердил он свою осведомленность невидимому собеседнику и тут же просветил его: — В ресторане «Ивушка». Нет, — пошел он в отказ и твердо добавил: — Я трезв. Со мной друг, полковник, сыщик из МУРа, знаю его сто лет. У меня будет серьезная информация сегодня же.

Хромов с недоумением посмотрел на Веточкина, сделавшего столь громкое заявление. Его недоумение усилилось, когда Веточкин заявил собеседнику:

— Думаю, что через несколько часов...

— Текила, — возник перед столиком официант, — лимоны!

Он аккуратно поставил заказ на столик, а Веточкин, отключив мобильник, аккуратно положил его в карман.

— Кофе сейчас или попозже?

— Сейчас, — махнул рукой Хромов, — в смысле попозже, два раза, с интервалом в полчаса.

— Мы в три обычно закрываемся, — неуверенно проговорил официант, — а сейчас двенадцать.

В это время «проснулся» мобильник Хромова, и он махнул официанту рукой, отсылая его в пространство зала.

— Да! Так точно, господин генерал, ресторан «Ивушка». Да, совершенно верно, мой друг Тарас Веточкин. Я знаю, через три часа встреча с ценным агентом, господин министр, хотя... — Хромов замешкался, — может быть, и через четыре часа.

— Кофе, — возник перед столиком официант и, расставив на столе чашки, доверительно сообщил: — В ресторане «Хинени!» («Вот я!» — иврит), что на той стороне улицы, есть свежие устрицы и, как ни странно, витебские расстегаи. Могу сходить.

— Иди, — рассеянно кивнул задумавшийся Хромов. — Если больше чем на сто баксов наносишь заказов, мои ребята тебе лет десять будут напоминать Витебск с его расстегаями.

— Ну, — поднял рюмку Тарас Веточкин, — светлой памяти полковника Краснокутского.

— Земля ему пухом, — проговорил Хромов и опрокинул огненную влагу мексиканской земли в себя.

Текила, если ее пить сразу же после полуночи, обладает сильным тонизирующим свойством. В человеке активизируется тяга к необоснованным действиям и к содержательным поступкам.

— Мой человек, — сказал Хромов после третьей порции текилы, — засек в «Первой скрипке» новый наркотик.

— Я знаю, — огорошил его Тарас Веточкин, с нескрываемым отвращением разглядывая устриц на блюде. — «Вдохновение» называется, рафинированный героин с добавлением кокаина и вытяжки из южноамериканского гриба тропез. Это наркотик для интеллектуалов неменяемой ориентации.

— Управляющий рестораном стоит за этими грибами, — сказал Хромов и, поморщившись, проглотил устрицу. — По-моему, он сам же и делает этот наркотик, где-то там у него есть лаборатория.

— Наркотик «Вдохновение», — Веточкин с интересом наблюдал за тем, как Хромов поглощает устриц, — не так уж и опасен. — Он придвинул устриц к себе. — Две тысячи баксов доза, массовым он не станет никогда.

— Смотри с ракушками не вздумай их глотать, — предупредил Веточкина Хромов, указывая на устриц. — И вообще, давай выпьем текилы, выкинем этих устриц и пойдем искать Стефана Искру, вдруг найдем...

Пусть читатель не думает, что Хромов и Веточкин только и делают, что пьют, это далеко не так. Мы ведь с ними встречаемся нечасто, а между шотландским виски с армянским коньяком в «Первой скрипке» и вот этой текилой в «Ивушке» — промежуток в несколько месяцев.

— Кстати, — Веточкин посмотрел на часы, — в это время уже прибыл самолет с заложниками и, по всей видимости, красотку допрашивают.

— Ну ты даешь, Тарас, — изумился Хромов. — По всей видимости, не допрашивают, потому что ее не смогли задержать, а скорее всего оказывают срочную медицинскую помощь ребятам из антитеррористической группы. Это же УЖАС.

Они не сговариваясь подняли рюмки с текилой и почти синхронно выпили.

— Ну? — спросил Веточкин у Хромова. — Тронулись?

— Да, — кивнул Хромов, — пора.

— С вас сто условных единиц, — возник перед столиком официант и поинтересовался: — Вам понравилось?

— Нет. — Хромов остановил достающего деньги Веточкина фразой «Ты в следующий раз, еще не вечер» и вытащил из бумажника одиноко дремавшую в нем стодолларовую купюру. — Куража у вас нет в работе и вдохновения в обслуживании...

После полуночи Москва, сбросившая с себя лохмотья суетливости, непохожа на реальный город. Призрачные блики древнего, римского, вавилонского, сфальшивленные началом ХХI века, словно зеленоватые тени кошек, скользили, перебегая от одного дома к

другому, по ее никогда не бывающими до конца безлюдными улицам. После полуночи, ближе к трем часам утра, по Москве передвигаются пешком лишь индивидуальности непонятного качества: бомжи, преступники, психбольные, мелкие представители богемы, перебегающие из одного ночного клуба в другой в поисках халявной выпивки, невостребованные проститутки, не вовремя проснувшиеся алкоголики, бродячие собаки и кошки, телохранители спящей в своих квартирах столичной толпы и патрульные милиционеры. После полуночи, ближе к трем часам ночи, в ресторанах, ночных клубах и едущих автомобилях находятся: негодяи, считающие себя порядочными людьми, порядочные люди, пугающиеся своего негодяйства, уставшие от всего богачи по определению, визжащие от первичной эйфории богачи случайные, волею фортуны на время вытолкнутые из российской бедности, востребованные проститутки высшего класса, которых никому в голову не придет назвать проститутками, те же преступники, те же представители, но уже крупной богемы, те же, но еще не ложившиеся спать, алкоголики высшего света и те же хранители мирового города, глаза и уши государства, оперативники, стукачи, агенты, а также люди, которые боятся оставаться с ночью один на один.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Урок не пошел впрок. Алексей Васильевич Чебрак как был наглым и гениальным, так и остался им. Нет, кое-какие подсознательные воспоминания тревожили его, но он не обращал на это внимания. Ни о демиургах, ни о своем зависшем в промежуточном мире родственнике, само собой, не помнил. Первое, с чего Чебрак начал деятельность по возвращении, было заявление Ивану Селиверстовичу Марущаку:

— Почему вы аннулировали солнечных, не дождавшись моего выздоровления?

— Не твое дело, — вежливо возмутился Иван Селиверстович. — Тем более что ты до сих пор не выздоровел.

— Ну ладно, — решил не обострять отношения Алексей Васильевич, — но все же нужно было подождать.

— Как же, — усмехнулся Иван Селиверстович, — подождать. — Он недобро взглянул на Алексея Васильевича. — Подождать, пока половина земного шара будет в руинах. В данный момент ни тебе, ни мне уже не подконтрольны Улыбчивый и Малышка, самые совершенные. Сегодня ночью в Чкаловском будет совершать посадку захваченный Малышкой в Соединенных Штатах пассажирский самолет с заложниками, сто двадцать человек, что прикажешь делать?

— Не знаю, — равнодушно отстранился от проблемы Алексей Васильевич. — Сделать ничего нельзя, а если они собираются ее задержать, то это их головная боль, не наша. У них ничего не выйдет, тем более что солнечные этого класса имеют одинаковое шизоидное поле с телепатическими проявлениями, усиленными нашим обучением. Они чувствуют и понимают себе подобных. Уверен, Улыбчивый будет подстраховывать Малышку, а тогда все государственные спецназы бесполезны, как современный авианосец в эпицентре ядерного взрыва.

— Ну хорошо, — кивнул головой Иван Селиверстович. — Меня, допустим, это радует в какой-то мере. Не то что они погубят много парней из спецподразделений, это меня как раз-то и огорчает, а то, что непременно придут и убьют вас и меня, если Стефан Искра их не остановит.

— Да вы что?! Зачем же мы здесь сидим? Надо спускаться в лабораторию, вызывать немедленно нужных ассистентов, блокироваться и работать. У меня там два психа в боксах содержатся, к тому же есть идея спаренного клана и есть один сюрприз, я его недавно добыл, не отдал ни Богу, ни черту, страшная энергия, термоядерный синтез отдыхает. Через два-три года создадим новых суперсолнечных и будем защищены. Комфортное жизнеобеспечение лаборатории рассчитано на пять лет, а там они нас не достанут.

— А хо не хо кукареку?! — В гневе и сильном волнении Иван Селиверстович облакал

свою мысль в колючую броню филологического изыска, спаренного со взлохмаченной «сеновальной» метафорой. — У меня твои сюрпризы уже в печенках сидят!

Он резко развернулся вместе с вращающимся креслом к холодильнику, стоящему сбоку стола, открыл его, достал бутылку «Столичной» и двухсотпятидесятиграммовый граненый стакан, налил его до краев и выпил, не закусывая и не морщась. Секунду подумав, налил до краев второй стакан и в том же темпе выпил и его, после чего прямо из вазочки, стоящей в холодильнике, набрал полную ложку черной икры и закусил. Затем, слегка успокоившись, повернулся к Алексею Васильевичу:

— Вид у тебя какой-то бледный после болезни, а я тебя беречь должен. В общем, я твой допуск в лабораторию аннулировал на месяц, съезди в Сочи или еще куда подальше отдохнуть и не беспокойся. Самые опытные ассистенты все будут содержать в нужном порядке. Насчет безопасности не волнуйся, я запросил «лунных бабочек».

— Запросить «лунных бабочек», — неприязненно посмотрел на Ивана Селиверстовича Алексей Васильевич, — еще не значит получить их. Они ведь сами принимают решение, над ними власти нет.

— Значит, у нас судьба такая, — окончательно впал в фатализм Иван Селиверстович. — Чему быть, того не миновать.

Алексей Васильевич Чебрак раздраженно встал и молча покинул кабинет Ивана Селиверстовича, направляясь к вахте в сопровождении трех телохранителей обычного, хотя и высокого класса. По его лицу было видно, что он принял какое-то важное решение.

После того как Алексей Васильевич ушел, Иван Селиверстович откинулся в кресле и сладко заснул. Ему приснилась река Маныч, а еще приснился он сам, только совсем маленьким. Он подсек удочкой какую-то крупную рыбу, и она мощными рывками дергалась в глубине, но почему-то не он ее вытаскивал на берег, а она его втягивала в реку...

— Почему мы их терпим? — спросил начальник службы безопасности ГРУ у директора, показывая ему на стоящее за отдельной оградой здание УЖАСа.

— А их все и везде терпят, — на всякий случай одернул его глава ГРУ. — В мире грядет глобализация, а они пророки ее.

Стефан Искра, отпущенный на выходные Иваном Селиверстовичем Марущаком, на своем видавшем виды «ниссане» ехал по Ярославскому шоссе в сторону Чкаловского военного аэродрома. Он знал, что сегодня вечером сюда прибудет захваченный Малышкой пассажирский самолет с заложниками и что ее непременно будет встречать Улыбчивый. Стефан Искра любил Малышку заботливой любовью учителя...

По негласной традиции, солнечные не применяли друг к другу гипнотические возможности систем, по которым их обучали. Малышка обучалась по системе «Черная вдова». В эту систему входили занятия по манипуляционно-аккордным воздействиям на окружающих. Малышка действовала на мужчин как змея на кролика, как вода на огонь, как смерть на жизнь, устоять не мог никто. Они влюблялись в нее всем сердцем, душой, мыслями, по первому сигналу готовы были стать мужем, бросив семью, карьеру и вообще все на свете. Своей любовью Малышка уничтожила в США сорок человек, среди которых были два сенатора, четыре конгрессмена, начальник агентурного отдела ЦРУ и много ученых. Она охраняла политику воздействия на человечество МОАГУ, и все эти убийства были оправданны, хотя МОАГУ иногда и ворчало на УЖАС, не одобряя методов работы созданного ими солнечного, но в принципе не особо обращало внимания на убийства, лишь передали для Малышки через Ивана Селиверстовича список лиц, которых трогать категорически запрещалось. Малышка помнила этот список наизусть, всего-то пять тысяч человек в Соединенных Штатах.

...Стефан Искра не хотел, чтобы Малышка и Улыбчивый погибли, но был почти уверен, что этого не произойдет. Вряд ли обыкновенные методы сработают в этом случае.

Стефан Искра усмехнулся — захват самолета с заложниками для солнечного не представляет труда, просто шалость. Если бы Малышка была подконтрольной, ей бы уже вклеили выговор и отстранили от службы, наказав бездельем, самым тяжелым наказанием для солнечных убийц. Но Малышка была неподконтрольной и не был подконтрольным Улыбчивый. «Ну и шороху они сегодня наведут, — думал Стефан Искра, медленно двигаясь по шоссе вдоль бетонного забора военного аэродрома. — Устроят избиение младенцев». Он свернул на охраняемую бетонку, ведущую на территорию аэродрома, и через несколько метров был остановлен.

— Ваши документы, — потребовал у него широкоплечий капитан.

— Пожалуйста, — протянул ему удостоверение первого заместителя директора ФСБ Стефан Искра.

— Проезжайте, — козырнул капитан.

Стефан Искра въехал на аэродром и уже через полчаса определил качество сил, прибывших на встречу захваченного самолета. Качество было высоким, но явно недостаточным для встречи Малышки и уже где-то тут рядом находящегося Улыбчивого.

На выезде Стефан Искра притормозил у поста. На этот раз его остановил другой офицер-спецназовец и тоже взял под козырек, пропуская. «Безобразие, — огорченно думал, возвращаясь в Москву, Стефан Искра. — Фамилия первого заместителя директора ФСБ Власенко, а я показываю удостоверение с фамилией Тайрыкурюмов, и хотя бы кто ухом повел. Не я их командир, они бы у меня быстро поняли, что такое служба».

Диспетчерская служба Шереметьева-2 испытала небольшой, граничащий с грандиозным, шок, точно так же как и служба безопасности военного аэродрома Чкаловский, ожидающая самолет с заложниками. Малышка потребовала от командира экипажа, чтобы он садился в Шереметьеве, независимо от того, будет дано разрешение на посадку или нет. Командир экипажа именно так и сообщил Земле: «Даете или нет разрешение на посадку, я все равно сажусь. — Немного подумав, командир добавил: — Как Бог на душу положит». Сразу же поднялась легкая, граничащая с панической, суматоха, и разрешение на посадку дали. Единственные, кто не испытал при этом неудобств, были антитеррористические группы ФСБ и мобильная группа «Молния» ФСО. Изучив уровень профессионализма угонщика, исходя из данных, полученных из США, в ФСБ сразу же поняли, что лайнер совершит посадку не там, куда ему разрешат, а там, где этого захочет террорист, и поэтому силы распределились поровну: часть была готова к выезду в Шереметьево, а часть расположилась на аэродроме в Чкаловском.

В группе «Альфа» ФСБ и среди специалистов «Молнии» присутствовало легкое, граничащее с равнодушием, оживание, похожее на состояние человека, собравшегося на свидание с незнакомкой. Все уже примерно представляли, как выглядит террористка, альфовцы склонялись к варианту «слегка красивее Шарон Стоун», бойцы «Молнии» утверждали, что это «миниатюрная японочка, у которой груди как у Б.Б. в молодости», а журналисты безапелляционно заявляли, что это «старая мымра с накачанными мышцами». И поэтому сообщение командира экипажа было похоже на гром среди ясного неба. Когда самолет коснулся шасси посадочной полосы, он сообщил: «Террорист выпрыгнул из самолета при заходе на посадку, предварительно избавив заложников от гранат». Действительно, гранаты и шнур «У» были сложены в хвостовой части, а люк оказался открытым.

— И вправду, это была груда мышц, а не женщина, — проворчал спецназовец, окинув взглядом гранаты, сложенные в кучу.

Немедленно были подняты силы для прочесывания местности в поисках трупа...

— Нет, не трупа, — отрицательно покачал головой министр внутренних дел. — Нужно искать живую, здоровую и очень красивую женщину, при обнаружении которой тут же лечь на землю и кричать: «Тетенька, я больше не буду».

— Интересная женщина, — восхитился замминистра генерал-майор Егоров. — Вот бы

в жены такую.

Алексей Васильевич Чебрак, несмотря на свою гениальность, был очень предусмотрительным человеком. Иван Селиверстович Марущак совершенно зря предупреждал его об опасности, исходящей от неподконтрольных Улыбчивого и Малышки. Алексей Васильевич лишь делал вид, что не догадывался об этом, на самом деле ему ничто не угрожало. Все солнечные убийцы, кроме Стефана Искры, сотворены им из шизофреников одного с ним демиургова поля. То есть они не испытывали перед ним благоговения, но причинить вред без приказа не могли в силу принадлежности к одному виду. Алексей Васильевич по некоторым признакам, а также благодаря своей ярко выраженной интуиции в какой-то момент почувствовал, что вся структура МОАГУ в общем и УЖАСа в частности будет ликвидирована по инициативе самого МОАГУ. Это говорило о том, что глубинный мир меняет стратегию и стиль общения с поверхностным миром. Поэтому Алексей Васильевич был рад предоставленному отпуску, ему не хотелось участвовать в ликвидационной суматохе и тем более не хотелось столкнуться с «лунными бабочками», которые в отличие от солнечных принадлежали к другому, явно непостижимому виду. И вообще, думал Алексей Васильевич, еще неизвестно, какими методами ликвидируется такая глобальная структура, как МОАГУ.

Сразу же после ухода от Ивана Селиверстовича Алексей Васильевич приехал в свой загородный дом. Переоделся, взял небольшой, но достаточно тяжелый саквояж с деньгами, триста тысяч долларов и сто пятьдесят тысяч рублей, спустился в подвал дома и по низкому, но хорошо укрепленному лазу покинул дом не замеченным находящейся во дворе охраной. А ровно через три часа он уже сидел в плацкартном вагоне поезда Москва — Новороссийск и вел, разворачивая промасленную бумагу с завернутой в ней курицей, беседу с немолодой женщиной, возвращавшийся домой, в село Троицкое Ростовской области, от сына, лежащего в госпитале имени Бурденко после ранения в голову.

— Врачи хорошие, вылечили, даже инвалидности не будет. Говорят, через два месяца домой вернется. Женю его, может, и внуков понянчу. Плохо только, что с работой трудно в селе. Слава Богу, что жив, а там все образуется.

— Да, — печально вздохнул Алексей Васильевич Чебрак, поедая курицу. — Трудно народ живет. За какие грехи нам такое наказание?

Старенький плащ и фуражка Алексея Васильевича висели у изголовья нижней полки, саквояж стоял под полкой. Поезд, отбрасывая север, рвался к югу. В кармане Алексея Васильевича лежали давно им подготовленные, не придерешься, документы на имя Лутошенкова Василия Алексеевича, медика по образованию, с десятилетним стажем работы, по специальности хирурга, и ехал он в Ростов-на-Дону для работы и жительства, ибо по состоянию здоровья ему строго противопоказаны московский климат и московская суета.

Шикарный «пульман» с затемненными и звуконепроницаемыми стеклами мчался, вызывая восхищение и зависть владельцев других автомобилей, по направлению к Москве со стороны Шереметьева-2. В салоне «мерседеса» находились трое молодых мужчин. Их лица, одежда и разговор выдавали людей очень богатых, жестоких, развращенных и подлых.

Алимар Бакетов, тридцатилетний владелец семидесяти заправочных станций Москвы и Подмосковья, и его компаньон и двоюродный брат, двадцатипятилетний Рафик Гурджанов, только что встретили в аэропорту Юрия Ивановича Ноту, тридцатипятилетнего киллера, бывшего биатлониста, прилетевшего из Франции, где он месяц отдыхал в Ницце, транжиря, в основном на женщин, деньги, полученные за убийство крупного предпринимателя из Якутии, прилетевшего, на свою голову, в Москву по делам. Разговор мужчин был легким, непринужденным и совсем не касался серьезных тем. Салон «пульмана» — это целый мир; раздельная система кондиционирования, электрическое регулирование задних сидений, бар, DVD-плеер с телевизором.

— Я у нее спрашиваю, — захлебываясь от смеха, говорил Рафик Гурджанов, — а ты

можешь шпагат сделать прямо на мне? А она отвечает — надо попробовать. Ну, я скажу, класс!

— Серьезно, что ли? — оживился Юрий Нота, развалившийся на заднем сиденье со стаканом красного вина в руке. — Шпагат — это оригинально, надо сегодня девочку вызвать в сауну.

— А что, французенки не оригинальны? — поинтересовался Рафик.

— Знаешь, — усмехнулся Нота, — слухи о сексапильности французенок сильно преувеличены, мне там негритоска понравилась, а не французенка. Вот это было нечто. К тому же я во Франции пришел к выводу, что лучше москвичек женщин нет, со всех сторон мастерицы — золотые руки.

— Смотрите, — оборвал беседу Алимар Бакетов. — Таких вы точно во Франции не встретите.

Он плавно притормозил у обочины возле голосующей девушки.

— Мне в Москву, — улыбнулась Бакетову девушка, и тот мгновенно и по-настоящему влюбился.

— Пожалуйста, госпожа, садитесь. — Алимар открыл заднюю дверцу и, повернувшись к>Note, резко проговорил: — Сядь нормально и не вздумай руки распускать, поотрываю.

О женщины! Бич мужской солидарности. С Юрием Ивановичем Нотой нельзя было так разговаривать, но Алимар Бакетов, даже понимая, что совершил ошибку, пошел на ее повторение:

— И разговаривай с дамой вежливо, без мата и сальностей.

— Спасибо, — улыбнулась девушка, садясь на сиденье, и сразу же воскликнула: — Как здесь красиво!

«Я на ней женюсь, чего бы это мне ни стоило», — подумал Алимар Бакетов, трогаясь с места.

«Я бы на такой женился, — подумал Рафик, не в силах отвести восхищенного взгляда от слегка смущенной вниманием девушки. — И всю бы ее в меха, шелка и драгоценности укутал».

«Ничего себе девица. — Зло, потрясенно и болезненно пульсировал желанием и мыслью Юрий Нота. — Зацеловать бы такую до смерти».

Ни одному из этих желаний не суждено было сбыться. Их убили так быстро, что даже выражение лиц не успело измениться. У Алимара Бакетова лицо было умиленным и слегка сосредоточенным, у Рафика Гурджанова — восхищенным, а у Юрия Ноты — похотливым. Их безжизненные тела лежали далеко от обочины, в подлеске, а «мерседес» быстро двигался по направлению к Москве. Но вот в его движении появилась нервозность, и он резко остановился перед стоящим прямо на шоссе человеком. Дверца распахнулась, и стройная, гибкая, стремительная фигура девушки встала возле автомобиля.

— Я шел к тебе навстречу, богиня, — сказал мужчина.

— А я летела навстречу тебе, мой бог, — ответила ему Девушка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

— Мне недавно подарили сборник стихов, — брезгливо скривил губы Поль Нгуганба. — Статики считают поэзию квинтэссенцией ассоциативной мудрости.

— Стихи? — равнодушно переспросил Клосс Воргман и нехотя поинтересовался: — Ну и как тебе эта квинтэссенция мудрости?

— Это не мудрость, — Поль Нгуганба выковырял с полки сборник стихов и бросил его на пол, — а ее эпилептический припадок.

— О Боже! — вскинул руки Клосс Воргман. — Какое откровение, Поль, можно подумать, ты не знал о том, что поверхностное искусство, музыка и литература — всего лишь истерика недоносков, трясущихся в предчувствии смерти. Нам не об этом нужно думать, Поль, а о том, как быстро ликвидировать МОАГУ, нам нужно решить дальнейшую

судьбу наших сотрудников. Ты стал слишком рассеянным после встречи с Белым зеркалом. Попробуй встретиться с лазурными, — Клосс Воргман неожиданно расхохотался, — они ведь выполняют для тебя роль психотерапевтов. Меня они почему-то, и слава Богу, к себе не зовут. Как-нибудь сообщи им при встрече, что ты нелюдь.

В словах Клосса Воргмана отсутствовали акценты обиды на лазурных лам за то, что они его к себе не звали, он был сосредоточен на работе. Разрушить структуру МОАГУ хотя и сложно, но можно, если бы не одно «но». В этой структуре существовала служба безопасности, так называемые лунные бабочки, непредсказуемая, не понятная и не подвластная никому сила.

— Клосс, — задумчиво разглядывая самого себя в большом, старинном, в бронзовой оправе зеркале, позвал Воргмана Поль Нгутанба. — Зачем ты постоянно, как статик-раб, упоминаешь имя Бога? Для поверхностных это безопасно, но тебе-то нельзя попадать под закон «Не упоминай все».

— Спасибо, что предупредил, — ехидным голосом поблагодарил его Клосс Воргман, но неожиданно побледнел, откинулся в кресле и застыл.

— Ну вот, — усмехнулся Поль Нгутанба, нагибаясь и подбирая брошенный им на пол томик стихов. — И тебя позвали лазурные ламы.

Непонятное вкупе с неприятным началось для Чарлза Витсмера, официального руководителя отдела обобщений пресс-службы МИ-6 Великобритании и неофициального командира отряда спецназа «Веселые кельты», вечером и продолжилось утром. Вечером неприятность приняла облик мисс Салли, его супруги, которая сказала:

— Чарли, пора бы тебе потревожить наш любимый неприкосновенный счет в «Сити-Банк».

— Да ты что, дорогая?! — чуть не грохнулся в обморок Чарльз Витсмер. Сама мысль об этих деньгах, которые помогут превратить мечты в реальность: вилла по выходе на пенсию, путешествия, новая машина, даже две, и лошади, лошади, лошади, — грела его душу. — Зачем, дорогая? Мы же получаем четырнадцать тысяч фунтов в год, разве этого мало?

— Ты забыл, львиную долю этой суммы мы отстегиваем английскому правительству в виде налогов! — пыталась вразумить его мисс Салли.

— Но ведь не голодаем же, — вполне резонно проговорил Чарльз Витсмер и внимательно посмотрел на жаркое — разговор о деньгах возник во время ужина — и среднего качества бутылку вина. — Если бы ты знала, что творится в Бангладеш! Эти бездельники умирают от голода прямо в обеденное время.

— Мне осточертел твой английский аскетизм, во всем мире называемый скупостью! — вдруг взорвалась, впервые за пятнадцать лет совместной жизни, мисс Салли. — Мне осточертело носить по три года одно и то же платье, осточертело готовить на ужин это проклятое жаркое и пить это паршивое вино. Осточертело, что наш мальчик не может лишний раз пригласить свою девушку в кино и на танцы, осточертела эта жизнь с человеком, у которого в банке лежат восемнадцать миллионов фунтов стерлингов, а он водит свою жену во второсортный ресторан один раз в год на день рождения. К черту, Чарли!

— Но «Плаз» совсем не второсортный ресторан, — робко возразил Чарльз Витсмер, — там очень прилично готовят.

— Все, — устало произнесла мисс Салли. — Я уйду. — Она сняла передник, и Чарльз Витсмер с ужасом увидел, что жена заранее приготовилась к уходу. — Надеюсь, без меня тебе будет спокойней, а мальчик сам выберет, с кем ему оставаться.

В дверь позвонили. Это был шофер такси.

— Вызывали, мэм?

— Да. — Салли указала на два больших чемодана в прихожей.

— Может, остановишься, Салли? — дрогнувшим голосом спросил Чарльз Витсмер. Разведчик, командир грозного спецназа английского филиала МОАГУ, умеющий вести

выигрышный бой в самых экстремальных ситуациях и выводить из этого боя своих бойцов живыми, почувствовал, как его глаза наполняются слезами. Только сейчас он понял, что самое страшное оружие на земле — это женщина.

— Нет, — холодно и беспощадно ответила Салли, натягивая на руки перчатки. — К черту, Чарли! — Мисс Салли не вела бы себя так, если бы не нашла мужчину, готового оплачивать ее новые платья и даже служанку для нового дома.

— Салли! — горестно вскинул руки Чарлз Витсмер, но дверь за женой уже закрылась.

«Ну и ладно, — сразу же успокоился Чарльз Витсмер, начиная поедать уже остывшее жаркое, — осточертела ты мне».

Утром неприятности усилились. Более того, приняли трагический оттенок катастрофической необратимости. В «Сити-Банк» вежливый управляющий лишь пожимал плечами и с подозрением посматривал на Чарлза Витсмера, которого он лично, в присутствии президента банка и двух клерков, три дня назад уговаривал не переводить все свои деньги на счет индийского бизнесмена в Непале.

— Но вы не вняли нашим уговорам, сэр. Мы проверили, деньги на счет бизнесмена пришли и тут же исчезли. Прошу нас извинить, но вы обанкротились, или, как любят говорить русские, лопухнулись.

Чарлз Витсмер никаких операций по переводу денег в Непал не осуществлял, ничего не подписывал, но все подписи были на месте и подтверждены графологической экспертизой. Президент банка и два клерка, не говоря уже об управляющем, подтвердили, что сэр Чарлз Витсмер деньги перевел.

Именно таким кошмарным способом МОАГУ начало ликвидационную кампанию своей деятельности, и со своими людьми оно поступало жестоко, сразу же бросая их в «глубокое место» — или тони, или живи, выплывая как можешь. Лишь один российский УЖАС представлял для МОАГУ сложность. Если другим подразделениям мира достаточно было перекрыть финансовый поток и отключить их руководству спецсвязь для того, чтобы они деморализовались и разбежались, то российский УЖАС благодаря биочипам «Верность», вживленным каждому сотруднику управления неутомимым экспериментатором Алексеем Васильевичем Чебраком, и благодаря мощному управленческому таланту Ивана Селиверстовича Марущака был по-прежнему грозной силой, способной призвать к ответу и МОАГУ...

— Зачем, ну зачем, — казнил себя Поль Нгуганба, — я разрешил им экспериментировать, как будто бы забыл, что это все-таки не Англия, а Россия? Придется обращаться к «лунным бабочкам».

Но какотреагируют «лунные бабочки», Поль Нгуганба не знал, ибо их возникновение на Земле было непонятным не только для него, но и для лазурных лам и бледных демиургов. Они были тайной для всех.

А между тем в Европе и Америке продолжали звучать выстрелы, которые просто в принципе не могли остаться незамеченными. Буквально в один день ушли из жизни, проделав пулевые отверстия в своих висках, Майкл Флин, руководитель службы космического слежения ЦРУ, Джанинг Вельт, замдиректора ФБР, и Роберт Страу, директор Центра парапсихологии при ЦРУ, а также Готлиб Браун, начальник компьютерно-информационного отдела ЦРУ. Пресса Соединенных Штатов тотчас же заговорила о заговоре против демократии, который был раскрыт в недрах спецслужб. «Вашингтон пост», солидная газета, вдруг вышла с передовицей, сообщающей о том, что все высокопоставленные чиновники-самоубийцы были участниками засекреченной конференции в штате Техас, на которой присутствовали представители всех мировых спецслужб. Скандал стал разгораться еще больше, когда упомянутый в перечне фамилий участников конференции генерал Солимон Джагер, руководитель отдела аномальных

явлений Пентагона, тоже предпринял попытку самоубийства, но промахнулся, пуля прошла в сантиметре от головы. Так как в служебном пистолете генерала был всего лишь один патрон, он предпринял попытку отравления, выпил четыре флакона таблеток, которые обнаружил в ящиках своего стола. Когда сотрудники вломились в кабинет, то увидели на столе четыре пустых флакона из-под дрожжевых таблеток для очистки пищевода и бледного, но гордого своим поступком Солимона Джагера. Его немедленно доставили в госпиталь, где выяснилось, что даже не требуется промывка кишечника, ибо генерал сразу же пошел в туалет и отправил все таблетки в унитаз, для чего они и предназначались. После такого позора генерал Солимон сразу же по выходе из туалета ласточкой выбросился из раскрытого окна своей палаты, но, на его несчастье, палата оказалась на первом этаже, и он прямо в больничной пижаме упал на лужайку перед входом в госпиталь под ноги только что примчавшихся сюда фотожурналистов, а также телеоператоров Си-эн-эн. Снимки лежащего посреди зеленой лужайки генерала в сине-золотистой пижаме обошли почти все газеты мира, а кадры были показаны в дневных и вечерних хрониках Си-эн-эн. Солимон Джагер в одночасье стал знаменитостью и, вовремя проявив изворотливость, заработал на этом кучу денег. Тем не менее это был лишь небольшой эпизод разрастающегося скандала. Вскоре пришли вести из Англии: покончил жизнь самоубийством — выстрелом в голову — Чарлз Витсмер, руководитель отдела обобщений пресс-службы МИ-6, который тоже, как оказалось, был участником конференции в штате Техас. С этого момента пресса впала в экстаз. Все газеты мира стали выходить с кричащими заголовками: «Демократию предавали в Техасе!», «Руки прочь от Техаса», «Заговор спецслужб, мировая закулиса», «Провокация русских», «Запад ищет врага в России, не замечая его в своем заду». Негодование общественности приняло угрожающие формы, когда донеслись вести из Франции. Люсьен Гримари и Леже Кони, взявшись за руки, спрыгнули с крыши десятиэтажного дома по Рен-Пигль, да так неудачно, что Люсьен Гримари в конвульсивной попытке остановить падение схватился рукой, на уровне седьмого этажа, за ворот пиджака вышедшего на балкон и глядевшего вниз, облокотившись на перила, Леонара Гуджибека, алжирского террориста, только два часа назад снявшего в этом доме квартиру, и захватил его с собой в вечность. Но больше всех не повезло Клоду Ануци, владельцу бистро, припарковавшемуся прямо на месте падения троицы; мертвым все до лампочки, а он всего лишь неделю назад приобрел в рассрочку красавца «бентли», который после того, как на него с высоты десятиэтажного дома упали два разведчика и один террорист, превратился в уродо...

В Германии самоубийств не было, но по какой-то неясной причине арестовали двух чиновников секретного БНД.

Конгресс, а вместе с ним и сенат США начали расследование...

— Кто слил информацию о конференции, коллега? — срочно позвонил президент США Президенту России.

— Вы имеете в виду конференцию в Давосе? — поинтересовался у него Президент России.

— В Техасе, — угасающим голосом проговорил первый американец.

— Мы не сливали, — быстро отреагировал первый россиянин и профессионально добавил: — Мы, а по всей вероятности, и вы, о такой конференции не знаем.

— Нет, ну пропали у тебя деньги, сделай другие, — удивлялся в своей Хайфе Ефим Яковлевич Чигиринский, просматривая прессу, сидя на веранде в деревянном кресле, в плавках и черной шляпе. — Зачем подымать такой шум?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Вот такие дела, брат Стефан, — задумчиво проговорил Иван Селиверстович Марущак и ткнул пальцем в сторону некогда ярко светящегося стенда-карты, выложенного из драгоценных камней на стене своего кабинета. — Отключило нам МОАГУ все лампочки

и само испарилось. Благо, — Иван Селиверстович тяжело поднялся и подошел к большому, почти во всю стену, книжному шкафу, — мы не европейцы, стреляться из-за денег не будем...

Иван Селиверстович уже знал о чередке громких и, на его взгляд, недостойных для солдата самоубийств, прокатившихся среди руководителей силовых подразделений МОАГУ США и, Европы. Он поколдовал возле книжного шкафа, и тот медленно раздвинулся. В проеме оказалась еще одна дверь — стальная, с цифровым кодом.

— Вот, — кивнул головой Иван Селиверстович, — стоит неверно установить одну цифру, и все тут, — он обвел рукой кабинет и самодовольно посмотрел в окно на территорию ГРУ, — и в

глубине, я имею в виду лабораторию и подходы к ней, взлетит к чертовой матери.

Иван Селиверстович стал набирать код на двери. Стефан Искра стоял рядом и равнодушно наблюдал за его действиями. Раздался щелчок, и дверь стала открываться, сдвигаясь вправо. Стефан Искра хмыкнул, толщина двери достигала метра.

— Пойдем, — радушно пригласил Иван Селиверстович Стефана и первым шагнул в комнату за дверью. — Посмотрим, как тут у нас дела.

Дела в большой, напоминающей подвальный мини-спортзал комнате, как оказалось, были в полном порядке.

— Деньги они, видишь ли, в банке держали, — презрительно процедил Иван Селиверстович, его сильно задел и даже оскорбили позорные действия западных коллег, — как какие-то клерки с высокой зарплатой. Смотри. — Он повернулся к Стефану Искре, указывая на гору плотных мешков, занимающих дальний угол помещения. — В каждом мешке по пятьдесят миллионов долларов, тяжелые мешочки, надо сказать, и их здесь два десятка.

— Миллиард долларов, — флегматично уточнил Стефан Искра.

— Миллиард, — подтвердил Иван Селиверстович. — Как знал, что пригодится, двадцать лет воровал у МОАГУ, — покачал он головой, — сколько воды уже утекло, Бог ты мой.

Сокрушение Ивана Селиверстовича длилось недолго, через мгновение он стал говорить со Стефаном Искрой тоном приказа:

— МОАГУ бросило свою деятельность и бросило нас. Все эти деньги должны, и ты проследишь вместе с нашими финансовыми координаторами за этим, распределиться между нашими сотрудниками с учетом их квалификации и стажа, естественно, это относится и к пенсионерам. Ты, Стефан, ну и я, естественно, проходим по высшей квалификации, но мне эти деньги вряд ли понадобятся, — туманно выразился Иван Селиверстович и объяснил: — Задницу ими подтирать, что ли? Я же их двадцать лет в руках не держал, забыл, как пользоваться ими, ну да ладно. — Он снова перешел на приказной тон: — Деньги должны быть застрахованы от конфискации, позаботишься об этом. Мне придется всех сотрудников засветить перед ФСБ, теперь это не только наше право, но и обязанность. Тебя это не касается, Стефан, тем более что тебя и так все хорошо знают. Как там твои друзья Хромов, Веточкин и Миронов?

— Хорошо, все в порядке, — ничуть не удивился осведомленности Ивана Селиверстовича Стефан Искра.

Иван Селиверстович отвернулся от денег и указал на сооружение посередине помещения, напоминающее перевернутый стакан чуть выше человеческого роста:

— Это мой индивидуальный вход в подземную лабораторию. — Ничего не объясняя, он достал из кармана мобильник и нажал синюю кнопку.

— Я слушаю, Иван Селиверстович! — Даже по голосу чувствовалось, что координатор стоит по стойке «смирно».

— С этого момента и до моего особого распоряжения все команды Стефана Искры воспринимать беспрекословно. Если особого распоряжения не будет в течение двух недель, значит, он командир управления навсегда. Приказ довести до всего личного состава

немедленно.

— Есть довести немедленно! — рявкнул координатор.

— Ну вот, Стефан, и все, — повернул голову в сторону стареющего, но все еще грозного солнечного убийцы Иван Селиверстович. — Принимай командование. А я спущусь в лабораторию, наведу последний шухер. Ассистентам я велел разойтись, подопытных психов по моему приказу подняли на поверхность и выпустили на улицу, они уже, по всей видимости, давно в «Белых столбах». Полуфабрикатные клоны я сейчас уничтожу и отключу биочипы «Верность», вживленные этим уродом, Алексеем Васильевичем, во всех наших сотрудников, в том числе и в тебя, Стефан.

Стефан Искра никак не выразил свое отношение к этому сообщению. Биочип «Верность» еще не был отключен и не давал ему права на возмущение и сомнение. Он лишь спросил:

— А где находится Чебрак?

— По моим агентурным данным, он сел в поезд Москва — Новороссийск с поддельными документами и неподдельными деньгами. Едет в Ростов-на-Дону работать хирургом, сволочь, но черт с ним, каждый спасается по-своему, я не имею права судить его, да и ты не суди. Он в принципе мужик хороший, несмотря на то что гад приличный... — Парадоксальность суждений не оставила Ивана Селиверстовича в покое. Он по-прежнему был оригинален. — Как я тебе уже говорил, биочипы начну отключать через три дня, а твой сразу же. За три дня ты должен выполнить все наши финансовые обязательства перед сотрудниками и исчезнуть. Езжай, Стефан, на Маныч, построй коттедж и лови там рыбу удочкой.

— Да нет, — улыбнулся Стефан Искра, — меня почему-то в Чебоксары тянет, я туда поеду.

— Чебоксары? — удивился Иван Селиверстович и, что-то вспомнив, закивал головой. — Ах да, ну конечно, Чувашия, родина. Ну, Чебоксары так Чебоксары, тебе из этих кошельков, — Иван Селиверстович вновь кивнул на мешки, сваленные в углу, — тысяча пятьсот положено, а с моими миллион. Хватит с головой, Чебоксары тебя на руках носить будут.

— А что будет с Малышкой и Улыбчивым, что с ними делать? — задал наконец-то мучивший его вопрос Стефан Искра.

Иван Селиверстович подошел к индивидуальному лифту в подземную лабораторию и остановился.

— А что с ними делать? — Лицо его стало дружелюбным и благостным. — Пусть гуляют ребята. Я над ними власти не имею. МОАГУ отстранилось от всего, им все до лампочки, так что и «лунные бабочки» вне нашей связи. Тебя ребята не тронут, а я, — Иван Селиверстович кивнул на лифт, — забункеруюсь и буду жить в лаборатории. Так что пусть живут и любят друг друга. Силовики России, конечно же, знают о них, но это значения не имеет. Что они могут с ними сделать?

— Ничего, — согласно кивнул головой Стефан Искра и, печально глядя на Ивана Селиверстовича, спросил: — Мы уже не увидимся, командир?

— Нет, — спокойно сказал Иван Селиверстович, — мы уже никогда не увидимся. Чем заниматься и как поступать, ты знаешь. Мы с тобой зеркально будем сворачивать дело в эти три дня. Ты на земле, а я под землей. Через три дня здание должно быть опечатано, а ты уже будешь ехать в свои Чебоксары. — Иван Селиверстович неожиданно оборвал все объяснения и перевел разговор в режим «приказ — выполнение». — Генерал-майор, вам ясно задание?

— Так точно! — мгновенно среагировал Стефан Искра.

Маруцак приставил электронный ключ к глазку в дверце лифта, и она приоткрылась, демонстрируя кабину спуска, инкрустированную красным деревом, с глубоким мягким креслом посередине.

— Три дня! — предупредил Иван Селиверстович, вступая в кабину лифта. — Через три дня начинаю щелкать тумблерами.

— Я все сделаю, командир, — уверенно проговорил Стефан Искра.
— Знаю, — усмехнулся Иван Селиверстович, — что ты все сделаешь.
Лифт запахнулся и, мягко вздрогнув, ушел вглубь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Солнечные убийцы, как и всякое талантливое произведение, были штучным товаром, авторской работой гения Алексея Васильевича Чебрака. Используя непредсказуемые всполохи шизофрении, постоянно освещающие лабиринты алогичного подсознания шизофреника, и свои разработки в области расшифровки генетического кода, он смог как бы разбудить в солнечных то, что изначально заложено в человеке природой, и то, о чем он напрочь забыл. Алексей Васильевич «убедил» каждую мышцу солнечных в совершенстве. Он не погнушался вживить в их тело более семи десятков нервных окончаний обезьяны. Получая самую сокровенную информацию со всего мира, используя свои знакомства (с подачи МОАГУ) с черными колдунами Габона и оккультистами ассоциативно-рефлексивного направления, он находил в телах солнечных такие места, за которые современная медицина многое бы дала. Так, Алексей Васильевич в последних моделях солнечных сумел заменить несколько хрящевидных дисков позвоночника на слегка «отредактированные» им диски леопарда, а в затылочной части черепа, рядом с биочипом, удалил участок мозга и на его место вживил участки донорского мозга, взятого с лобной части мозга двух других, нечаянно умерщвленных во время лоботомии шизофреников с диагнозом «ядерный психоз» — мужчины и женщины. Малышке был вживлен мужской участок, Улыбчивому — женский. Биочипы, вживленные в последние модели солнечных, отличались более сложными функциями по сравнению с типовыми «Верность», они всю запредельную энергию двойного безумия, вспыхивающего в психике Малышки и Улыбчивого, аккумулировали в двусмысленный позитив, настраивающий их тело на суперсовершенство действия. Именно такими были Улыбчивый и Малышка.

— Ты любишь драгоценности? — спросил похожий на Пьера Ришара мужчина у хрупкой красивой девушки.

— Иногда, — смутилась девушка, глядя на мужчину так, как смотрит мусульманская женщина на своего мужа, которого она не только уважает, но и безумно любит вдобавок. Это было так отчетливо, что почти весь обслуживающий персонал ювелирного магазина-салона «Злата Прага», расположившегося по соседству с рестораном «Прага» на Старом Арбате, обратил на них внимание.

Мужчина и девушка подошли к витрине.

— Вот это колечко мне нравится, — ткнула девушка пальцем в золотое кольцо, усыпанное мелкими бриллиантами. Таким колечком можно со ста метров пробить через глаз череп. Неплохое, во всяком случае, красивое оружие.

— О женщины, — нежно улыбнулся ей «Пьер Ришар». — Все бы вам милыми забавами тешиться. — Он кивнул продавцу: — Дайте даме колечко, она желает быть вооруженной, хотя в этом и нет никакого смысла.

— Пожалуйста, — отодвинул продавца в сторону неожиданно появившийся управляющий магазином, который в отличие от зрителя зала сразу угадал в этих посетителях небрежность и благодущие, свойственные очень богатым людям, в грош не ставящим человеческую жизнь. Управляющий произнес «пожалуйста» именно тем тоном, каким нужно говорить с такими людьми. — Не желаете ли посмотреть другие модели?

— Не надо, — даже не взглянула на него девушка, надевая кольцо на палец.

— Возьми, — бросил перед управляющим пачку долларов мужчина, даже не подумавший подходить к обменному пункту в самом салоне.

— Приходите еще, — расшаркался в ответ управляющий.

Если выбирать между рестораном «Прага», стоящим перед входом на Новый и Старый Арбат, и рестораном «Японская кухня» на Старом Арбате, лучше всего выбрать ресторан «Царский двор», который отделен от этих двух труднопереходимой чертой субординационной респектабельности.

— Все рестораны дерьмо, — сказала Малышка Улыбчивому, — хотя бы уже по той причине, что у них есть нечто общее с туалетами общего пользования. В дешевых ресторанах все сидят в ряд без перегородок, а в дорогих это отдельные кабинки, но тоже плотно прижатые друг к другу.

— Это естественно, любимая, — сказал ей Улыбчивый. Они стояли и рассуждали о ресторанах не возле ресторана, а возле здания Московского института вирусологии имени Ивановского, которое внимательно рассматривали.

— Что у нас здесь? — Малышка погладила Улыбчивого по щеке. — Еще один сюрприз для большого города?

— Да, в этом институте есть музей, в котором собрана Государственная коллекция вирусов. В ней прописаны знаменитые «убийцы», они могут за несколько недель уничтожить половину человечества.

— Как интересно! — восхитилась Малышка и внимательно посмотрела на проходящего мимо них к входу в институт солидного мужчину, только что покинувшего салон дорогого «лендкрузера». — Мы их выпустим на свободу?

Мужчина после ее взгляда растерял всю свою солидность и через каждые два шага стал оглядываться на Малышку. В конце концов, споткнувшись на середине лестницы при входе, упал и скатился, не успев вскочить, в лужу у ее основания.

— Не отвлекайся, любимая, — хмыкнул Улыбчивый, наблюдая эту сцену. — Отпусти его, пусть идет. Да, мы их выпустим через некоторое время, но вирусы первой, самой опасной группы патогенности хранятся в Сергиевом Посаде, хотя это и не имеет значения.

Мужчина вскочил и с досадой стал рассматривать свое дорогое пальто светлых тонов, ставшее грязным. Он вернулся к «лендкрузеру», снял пальто, забросил его в салон, предварительно вытерев им свои туфли, и вновь направился к лестнице в одном костюме сногшибательно дорогого покроя. Малышка, глядя ему в затылок, усмехнулась, и мужчина, не выдержав, вновь оглянулся перед самой дверью, которую в этот момент открыл кто-то из сотрудников, желая пропустить его. Мужчина стал на шаривать вслепую, не отрывая взгляда от девушки, ручку двери и, не удержав равновесия, упал в проем, половиной туловища войдя все-таки в институт, а половиной оставшись на улице, показывая Малышке и Улыбчивому подошвы дорогих туфель.

— Но всем этим, — потеряла Малышка интерес к мужчине, — мы займемся позже, после медового месяца.

— Да, тебе нужно срочно забеременеть.

Иван Селиверстович Марущак шел на глубине восьмьсот метров по тайной лаборатории УЖАСа, плотно заполненной совершеннейшей техникой. Он подошел к медицинскому отсеку. Боксы были пусты, но он почувствовал взгляд сзади и медленно повернулся лицом к вольеру с полуфабрикатными клонами. Те выстроились в ряд, прижимаясь лицами к неразбиваемому стеклу вольера, и пустыми, с исходящим из бездны идиотизма блеском, глазами смотрели на него. Иван Селиверстович внимательно рассмотрел свой клон. «Какая мерзость, — встретился он взглядом со своей молодой копией, — какая мерзость эта наука».

Вольер представлял собой стеклянный квадрат с подведенной к нему системой жизнеобеспечения. Пищу клоны получали в виде витаминизированно-сбалансированной смеси. Этим занимались ассистенты, но сейчас лаборатория была пуста, и клоны, несмотря на младенческие улыбки, выглядели обеспокоенными. «Проголодались черти», — добродушно подумал Иван Селиверстович и, сначала нажав на кнопку, зашторивающую стекла вольера, отключил систему жизнеобеспечения, перекрыл доступ воздуха и запустил в

ставший могилой стеклянный квадрат мгновенно убивающий газ, по прихоти создателей названный «Приятель».

Покончив с этим, он стал обходить всю лабораторию. Смерть полуфабрикатов не беспокоила его совесть, а лишь расстроила, как расстраивают повара на кухне испорченные продукты, которые приходится выбрасывать. Иван Селиверстович подошел к пульту блокирующей системы и соединился с охранным пунктом на глубине триста метров. Ему никто не ответил. «Искра на высоте, — улыбнулся Иван Селиверстович, — уже распорядился покинуть пост». Он нажал на пульте под надписью «Вход. Консервация» кнопку... И тотчас же по всей длине входа в лабораторию в стенах раскрылись небольшие отверстия и оттуда густо посыпались маленькие, напоминающие гомеопатические, белые шарики. Выпадая из отверстий, они постепенно увеличивались, набухали, и через несколько минут вход перестал существовать, его словно бы залили крепчайшим бетоном.

— «И в терем тот глубокий, — напевал Иван Селиверстович, нажимая кнопку «Выход. Консервация», — шахтеры не пройдут».

Не стало и выхода. Белые шарики, замуровавшие вход и выход, ничего не испортили, все технические средства были мягко окутаны и как бы дремали в смазке воздушной прослойки, за которой шла монолитная непробиваемая стена из вещества «Лизонька», изобретенного одним аргентинским, контролируемым МОАГУ, малоизвестным ученым. Существовали на пульте и кнопки с надписью «Вход. Расконсервация» и «Выход. Расконсервация», но они не интересовали Ивана Селиверстовича. Он направился к своему кабинету, самому основному из девяти, самому потаенному.

На стене висела знаменитая картина Ван Гога «Ирисы», и, подойдя к ней, Иван Селиверстович усмехнулся. Ван Гог был подлинным, копией любовались в Лувре. Иван Селиверстович повернул картину влево и вправо, покачал ее, словно маятник, и остановил. Изображение дрогнуло, как бы заволокло туманом, и перед глазами Ивана Селиверстовича забликовало зеркало, в котором отразилось его настоящее лицо, лицо элохима, имеющего статус контролера, владеющего прямым контактом с лазерными ламами.

— Тебе придется прийти к нам. — Иван Селиверстович молчал, говорило его изображение. — Но прежде выпусти захваченную этим бракованным айрини энергию души.

— А куда я после этой смерти попаду? — спросил Иван Селиверстович, выслушав свое изобретение.

— Вот видишь, зараза поверхности действует даже на контролера. Ты стал любопытным, то есть заразился незнанием. Любопытство — удел примитивных, познающих мир методом тыка. Впрочем, что это я, прости меня, воин. После смерти ты будешь некоторое время в хорузлито-луните лечиться.

— Я рад, — спокойно проговорил Иван Селиверстович. — До встречи. — Он провел перед зеркалом рукой и вместо своего изображения увидел огненно-змееносную красоту вангоговских «Ирисов».

Выйдя из кабинета, Иван Селиверстович направился к кабинету Алексея Васильевича Чебрака. Легко открыв дверь, он знал код сейфовой двери, сразу подошел к вакуумной камере и пульту возле нее. Адаптированное к окружающей среде антивещество сатурнита вокруг вакуумной камеры пульсировало от противоестественного для него адаптирования. Иван Селиверстович открутил металлический колпачок над кнопкой снятия адаптации и нажал кнопку.

— ОоооиййОоооо!!!

Раздался визг, вспышка, молниеносная улыбка смерти, рождение клубящегося огня на всем пространстве лаборатории и серебристо-расплавляющийся контур невозмутимо стоящего в огне Ивана Селиверстовича Марущака...

В этот день немногочисленные гуляющие по Красной площади гости столицы и совсем уже редкие москвичи, в основном фотографы, а также крепкие ребята из ФСО наблюдали необъяснимый феномен. Под нудным, холодным дождем с мокрым снегом влажные булыжники Красной площади мгновенно высохли и в течение нескольких минут оставались

сухими, пока изумившийся зимний дождь не намочил их вновь. В здании ГУМа неожиданно стало жарко и душно.

«То они топливо экономят, — проворчал главный менеджер ГУМа в адрес коммунальных служб, — а то разом все дрова в топку побросали». Но больше всего суматохи было в кремлевском подразделении мастеров по уходу за главными часами страны на Спасской башне. Впервые за всю историю в неурочный час пробили куранты. Лишь один человек, помощник коменданта Кремля, услышав парадоксальный вскрик курантов, поднял к небу лицо и загадочно усмехнулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Город Таганрог состоит из маленьких, но навечно сплавленных в одно монолитное целое кусочков разных, порой взаимно исключаящих друг друга, мировоззрений, и этим он ничем не отличается от Москвы, Ростова-на-Дону, Тамбова, итальянского Рима, украинского Северодонецка, английского Лондона и израильского Тель-Авива, но тем не менее небольшое отличие от всех этих городов у Таганрога есть. Это город непрозвучавших пророчеств, неприснившихся снов и тайных, еще не обретших контуров откровений.

— Степан. — Саша Стариков с тоской рассматривал город сквозь стекло оперативного «жигуленка» и видел морось нудного промозглого дождя и наглое проявление южной осени. — Тебе не надоело жить в этой дыре, существование которой оправдывает лишь лето и море?

— Понятно, — хмыкнул Степа Басенок, — в Москву парня потянуло, ностальгическая ломка началась.

— А я бы, — неожиданно бросил руль и повернулся к ним Слава Савоев, — если бы где и жил, так только в Голливуде, там женщины красивые, или на Чукотке, там людей мало, и они нормальные.

— Эй! — отреагировал Саша Стариков.

— Э-э-э! — поддержал его Степа Басенок.

— Автопилот, — успокоил их Слава Савоев, вновь схватившись за баранку, и, резко выворачивая ее влево, избежал столкновения с асфальтным катком. — Мог бы еще и в Москве жить, но ну ее, там экология плохая, дышать нечем.

Они ехали домой к Геннадию Кнышу. Сам Италия лежал в реанимации в тяжелом и, как объяснил врач, почти безнадежном состоянии. Оперативники чувствовали себя виноватыми в случившемся, но старались не обращать на это внимания. Цинизм — основное анестезирующее средство для профессиональных борцов с цинизмом общества. Если бы не было цинизма, то в мире остались бы одни высокодуховные, совестливые люди, разбивающие друг другу лица и головы в борьбе за еще более качественную высокодуховность и правильно ориентированную совесть.

— И что мы будем делать в доме Италии? — неизвестно у кого поинтересовался Степа Басенок. — Опять обыскивать?

— Поговорим с его женой, — неуверенно высказался Саша Стариков. — Может, она что-нибудь новенькое вспомнила.

— Или, например, в Италии, — продолжал гнуть свою линию Слава Савоев. — Идешь себе в белом костюме, в должности окружного комиссара по Сан-Ремо, а тебе навстречу Виолетта Блум в купальнике.

— Кто это такая? — Равнодушно поинтересовался Саша Стариков, продолжая смотреть на город через стекло.

— А черт его знает, — столь же равнодушно пожал плечами Слава Савоев, сворачивая в переулок, где находился дом Италии. — Но звучит потрясающе. Виолетта Блум в купальнике — сплошная эротика.

Он остановился возле особняка Италии, с кованой оградой вокруг палисадника,

единственного проявления художественного вкуса, приткнувшегося к бездарно построенному, большому и демонстративно богатому дому...

Сатанисты, сектанты и ученые по танатологии многое бы отдали за свитки, заполненные магическими, напоминающими вычерченные жесты, буквами «Некрономника» — книги мертвых. Леонид Кузьмич Клунс, повешенный в таганрогской роще Дубки, по странному стечению обстоятельств этими свитками обладал и еще при жизни отчетливо понимал, что это обладание выйдет ему боком. Вышло, как оказалось, не боком а шеей, петлей и дубовой веткой...

Леонид Кузьмич Клунс был сатанистом, главой московской секты «Воины Антихриста», члены которой в основном состояли из молодежи мажорного происхождения, отвергнутых рыночной экономикой ученых предпенсионного возраста и свихнувшихся на почве сексуальной неудовлетворенности девиц, склонных к истерическому проявлению интеллекта-поэзии. Леонид Кузьмич делал со своей паствой все, что ему хотелось, они почитали Клунса за тень Дьявола и совершали при этом обычную для всех сатанистов ошибку, считая Дьявола самостоятельной фигурой, хотя на самом деле он и есть самая главная тень Земли — тень Бога. Леониду Кузьмичу несли дары, совершали ради него жертвоприношения, не менее трех юных прихожанок каждую ночь согревали его постель.

Секта «Воины Антихриста» возникла двести лет назад, и возникла почему-то не в христианской стране, а в джунглях Вьетнама, среди мыонгов. Во Вьетнаме и находятся в нынешнее время верховные жрецы секты, носящие на шее отличительный знак — золотую черепаху. Именно такой черепахи был удостоен на пике своей славы Леонид Кузьмич Клунс. Ему вручил ее Чоши Ли, бывший капитан освободительной армии, во время вьетнамо-американской войны приехавший по делам в Москву и забывший уехать из нее. Это его вместе с Тассовым убили автоматной очередью неподалеку от ВВЦ, и, как оказалось, Тассов в этом жестоком шоу был случайным пассажиром...

Хонда в те далекие годы был еще не Хондой, а Шон Тинем, а членом секты стал со дня своего рождения. Его вера в людей, носящих на шее золотую черепаху, была безоговорочной, поэтому, ограбив и убив московского коллекционера корейского происхождения, он отдал Чоши Ли самые ценные вещи: свиток «Некрономника», кривой крест, символизирующий неизбежность и круговоротность проклятия, сделанный из прожилочного золота, и ритуальную чашу Бафомета из голубой глины, покрытой литурийской сверхпрочной эмалью. Собственно говоря, Шон Тинь и приехал в Россию для того, чтобы забрать эти предметы у коллекционера-корейца любым способом. Он выбрал убийство и ограбление.

«Некрономник» и предметы сатанинского культа попали в руки москвича неисповедимыми путями Неудачи, принявшей в самом начале образ Везения. В семидесятые годы он был первым и, по всей видимости, единственным диггером. В те годы за спуск в подземные тайны Москвы можно было утратить свободу лет на пятнадцать с последующим поражением в правах. Канализационными, природными и чуть ли не археологическими путями, где передвигаясь во весь рост, где согнувшись, где ползком, а где и прорывая новые, то есть хорошо-засыпанные землей старые ходы, он умудрился добраться до Кремля и ходить под ним беспрепятственно. Однажды коллекционер наткнулся на скрученные и толстые корни дерева над головой. Став под ними, он почувствовал приятное головокружение и непонятную, парадоксально-угрожающую радость, он стал хихикать и приплясывать, чувствуя, что магическая корневая аура всячески поощряет его на впадение в экстаз шаманизма, и неожиданно провалился еще глубже под землю. Над его головой был центр территории Кремля, а точнее, Грановитая палата, а вокруг подвальные и белые стены какого-то ушедшего в небытие здания. Кореец московской национальности мало того что был фанатичным коллекционером «предметов старины былинной», но еще и кандидатом археологических наук, поэтому сразу понял, куда провалился: это была пропавшая библиотека Ивана Грозного. В нишах-сотах лежали многочисленные свитки, береста,

папирусы, деревянные дощечки с ведическими письменами, книги, написанные на выделанной шкуре теленка и уложенные в массивные шкатулки, и более привычные для глаза, на бумаге и под тяжелой с золотыми обручами обложкой. А еще в нишах лежали золотые и серебряные чаши, подносы, ларцы, предметы всевозможных культов. Коллекционер выбрал себе странной конфигурации крест, красивую ценную чашу работы литургийских мастеров и неброский цилиндр из желтоватого металла. Уложив выбранные предметы в рюкзак, он с помощью спелеологических приспособлений сумел через шесть часов выбраться на поверхность, оказавшись в районе заброшенного пустыря...

Несколько дней после подземного путешествия коллекционер отдыхал у себя на даче в Мамонтовке, а когда вернулся и зашел на пустырь, оказалось, что он зачищен бульдозерами, засыпан щебенкой, закатан асфальтом и окружен забором с железными воротами посередине, над которыми можно было прочесть надпись «Автобаза № 4. Филиал». На площадке стояли четыре грузовика, одна начальственная «Волга» и автобус для мазохистов «Кубань»...

Прошли годы. Коллекционер уже был членом Академии наук, когда к нему пришел Шон Тинь и убил во время ограбления, передав крест, чашу и металлический цилиндр на временное хранение Чоши Ли. Но временность затянулась на много лет благодаря вышедшему на его след Хромову. Шон Тинь отправился по этапу в Мордовию. В лагере у него напрочь исчезла вера в людей и какая-либо привязанность к Вьетнаму, что и неудивительно: в России обрусевают все кому не лень. В конце концов Шон Тиню удалось заинтересовать собой ФСБ, и те, немного подумав, выпустили его, строго наказав: «Следи за Черкизовским рынком, там полно твоих земляков, и самое главное, не забывай об информации, добывай ее в поте лица». Мелочь, конечно, для масштабов ФСБ, но что поделаешь, там работают люди, склонные к любознательности, надо заметить, весьма изощренной.

После тюрьмы Шон Тинь начал поиски Чоши Ли, но тот уже был мертв — не нашел в себе достаточных сил устоять перед хлестким обаянием автоматной очереди. Тассов Ананий погиб с ним не потому, что был ученым, работающим на ГРУ, а потому, что оказался соседом по лестничной площадке. Чоши Ли пригласил его «попробовать настоящей вьетнамской кузни», но по пути они встретились с «товарищем» «АКМ», который, приветствуя вьетнамского друга, не захотел обойти вниманием и Тассова, промежду прочим мазнув приветом и его...

Чоши Ли, контролировавший до Шон Тиня вьетнамскую диаспору Черкизовского рынка, тоже доверял людям золотой черепахи и поэтому хранил кривой крест, чашу Бафомета и «Некрономник» у своего единоверца, Клунса Леонида Кузьмича. Леонид Кузьмич так хорошо осознал долларовую стоимость раритета, что не пожалел пообещать тридцать тысяч долларов киллеру, которым оказался примкнувший к секте «Воины Антихриста» контуженый спецназовец, если тот устранит Чоши Ли. После выполнения заказа спецназовец пришел к Леониду Кузьмичу за расчетом, и тот, протянув ему чашу Бафомета с вином, произнес:

— Святое черное причастие, выпей.

Спецназовец был не просто контуженым, а сильно контуженным, он выпил и сразу умер. Леониду Кузьмичу ничего не стоило объяснить двум крепким прихожанам, что солдат умер от счастья и его следует так закопать, чтобы никто и не нашел. Через некоторое время Клунс вспомнил о малой родине и стал тяготиться жизнью в Москве, чувствуя себя дискомфортно: слишком, на его взгляд, в ней было много азиатов, и все чаще они попадались ему на глаза. Немного поразмышляв, Леонид Кузьмич свернул дела и, велев своей пастве ждать его возвращения, уехал в Таганрог. К этому времени ФСБ уже вовсю интересовалась сектой и Клунсом. Дав ему уехать, ФСБ накрыла прихожан, выяснила судьбу убитого спецназовца, привязала его отпечатки к отпечаткам, обнаруженным на прикладе

грубияна и хама «АКМ», убившего Тассова и

Чоши Ли, и, немного подумав, отправила Шон Тиня, теперь уже Хонду, в Таганрог, покупать Клунса на предмет «раритетного антиквариата, принадлежащего государству»... Вся беда Хонды была в том, что во время ограбления квартиры Клунса он, уже захватив нужное и даже положив цилиндр с «Некрономником» в карман, посмотрел в зеркало, висящее в углу комнаты, тусклое, старинное, в позеленевше-бронзовой оправе. С этого момента он уже не контролировал себя, а ФСБ контролировала его. Хонда, влекомый каким-то странным и сладким зовом, оказался на пустынном берегу Азовского моря и бросил цилиндр в круг света, родившийся где-то в глубине. В то время Улыбчивый и получил задание найти убийцу Тассова и всех, кто имел к этому отношение, но он уже вышел из-под контроля УЖАСа. Далее все можно связать воедино: смерть коллекционера-корейца, смерть Чоши Ли, смерть Клунса, смерть Шон Тиня, смерть державшего в руках цилиндр — он умер в реанимации — Италии.

Нельзя живым держать в руках «Некрономник»!!!

...Супруга Геннадия Кныша все-таки кое-что вспомнила. Она заинтересовала Сашу тем, что поведала о неких древних свитках, хранящихся у Италии. Саша Стариков заинтересовался этими свитками как-то очень уж сильно и безбоязненно. Степа Басенок после беседы со свидетелем Светланой Анатольевной Кныш скептически пожал плечами:

— Прямо не знаю, что и сказать. Тайник у Италии, исходя из показаний его супруги, где-то на металлургическом заводе, ориентировочно — в мартеновском цехе. — Он посмотрел на своего столичного друга и задал ему конкретный вопрос: — Ты веришь в эту лабуду? Мартеновский цех, полно народу, и тайник вора в законе... Это же не фильм Хичкока.

— Я не верю, — ответил Саша Стариков, — но проверить надо,

«Рыиий!» — неожиданно вскинулся спавший у его ног Пуаро и с тревогой посмотрел на хозяина.

— Вот, — Саша погладил пса, — устами младенца глаголет истина.

«Рыи-ий!» — отмахнулся от этого утверждения сенбернар, но его, как и всех в мире собак, никто из людей не понял...

Мартеновский цех металлургического завода — теплое, в смысле горячее, место.

— Ну-у, — протянул Саша Стариков, — вряд ли мы здесь что-нибудь найдем.

Но они нашли. В раздевалке цеха, в шкафчике под номером шестнадцать рабочего Григорьева, вот уже больше месяца не выходившего на работу из-за полученной производственной травмы. Свитки лежали, как бы в подтверждение истины «самое заметное место — это самое незаметное», в кармане его рабочего костюма. Григорьев был двоюродным братом Италии и спрятал свитки по его просьбе, абсолютно не ведая об их ценности, но чувствуя в них криминальность. Светлана Кныш слышала обрывки разговора Италии с Григорьевым и сообщила об этом оперативникам, то есть Степе Басенку. Он ей нравился.

Саша с непонятным для самого себя волнением стал доставать из цилиндра рукопись... Но в это время сующий всюду свой любопытный нос Пуаро выхватил ее из рук Саши и, зажав в зубах, бросился из раздевалки.

— Стой! — закричал Саша. — Отдай обратно!

Но Пуаро уже мчался к распахнутому зеву мартеновской печи.

— Стой! — Саша почти догнал пса. — Пуаро, не будь собакой! — кричал он.

Но Пуаро ею остался. Он прыгнул вместе с рукописью прямо в раскрывшиеся створки мартеновской печи и мгновенно — никто и не понял как — растворился в огне... «НЕЛЬЗЯ, — гласит древняя мудрость, — ЖИВЫМ ЗНАТЬ ТАЙНУ МЕРТВЫХ...» Как жаль, что люди не собаки.

— Что хоть было там, в этой рукописи? — огорченно спросил подоспевший Степа

Басенок у потрясенного смертью Пуаро Саши Старикова.

— Книга мертвых, — ответил Саша, — но она не стоит даже когтя Пуаро.

— Не расстраивайся так сильно, — растерянно проговорил Степан и, пытаясь сгладить свою бестактность, добавил: — Вот порем и выясним, что это там за писатели, из-за которых гениальные собаки в огонь прыгают.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Стефан Искра облегченно вздохнул и стал уничтожать бухгалтерские файлы УЖАСа. Миллиард долларов жизнеутверждающими ручейками гарантированно растекся по счетам сотрудников некогда могучего управления. Теперь оставалось последнее — засветить всех этих сотрудников перед спецслужбами России...

Профессор права и юридической независимости МГУ Суланов Лотар Гаврилович оборвал на полуслове ректора университета потрясающей фразой:

— Все, — для убедительности взглянул на часы, — ваше время истекло, я должен срочно идти в ресторан.

— Чего? — протонародно удивился ректор, но, вспомнив о своей воспитанности и интеллекте, добавил: — Можете там и оставаться, я расторгаю с вами договор...

— О Господи! — схватился за голову министр во время заседания правительства. — Елки-палки!

— В чем дело? — встревоженно посмотрел на него премьер. — Утюг забыли выключить?

— Да нет, — смутился министр, — выйти надо часиков на пять.

— Идите, — махнул рукой премьер. — От вас все равно никакого толку нет...

— Зачем нужны мне эти опыты?! — возмутился трижды лауреат Государственной премии, академик РАН, вирусолог, бросая в камеру со штаммами редких и опасных вирусов окурок. — Пойду лучше в кабак, выпью как следует.

— Я пойду, — угрюмо сказал начальник отдела аналитических разработок ГРУ, вызванный для доклада в кабинет командующего российской разведкой, — что-то голова разболелась.

— Куда? — равнодушно поинтересовался у него глава СВР.

— Мне в ресторан, в «Первую скрипку» надо...

— Понятно, — вздохнул командующий. — И тебя, стервеца, УЖАС завербовал. Ладно, — вздохнул он еще раз, — иди, коль такое дело...

— Все, — отошел от операционного стола Михаил Лутоненко, — будет жить.

— Вы сейчас куда, Миша? — кокетливо поинтересовался у Лутоненко талантливейший, но по всем признакам голубой ассистент. — Вам попутчик нужен?

— Я на гулянку, — строго, но не грубо одернул его Лутоненко. — В смысле в ресторан и без попутчиков тоже, в смысле...

Такого москвичи еще не видели, хотя кто-кто, а москвичи столько всего перевидали, что уже — и давно — видеть ничего не хотят... Между кинотеатром «Россия» и рестораном «София», возле невзрачных железных ворот с надписью «АО "Фарминмет"», стояла странная очередь машин и людей. Поражала не столько очередь, сколько ее контрастность: за невзрачной «копейкой» пристроился роскошный «кадиллак» с двигателем «Норшстарт В8» мощностью 452 л.с., системой ночного видения и бортовым компьютером, а за «кадиллаком»

скромно грустила робкая «ГАЗ-24», в хвост которой пристроился вальяжный «роллс-ройс», этакий сибарит среди бедных и богатых хамов. Люди безлошадные, медленнодвигающиеся в очереди в самый престижный ресторан Москвы категории «Герцог» под названием «Первая скрипка», были известными и высокодуховными. Впереди грустно и понуро высился куратор Генеральной прокуратуры Миронов, которого, к счастью, заметил выехавший для визуального осмотра странной очереди Хромов.

— Миронов, — окликнул его полковник, — ты что здесь делаешь?

Хромов, хорошо знакомый с рестораном «Первая скрипка», находившимся в оперативной разработке МУРа, сразу же обратил внимание, что во всех, кто стоял в очереди, видны контуры неестественности, они напоминали стадо баранов. «Неужели и здесь УЖАС?» — подумал он и почему-то сразу же вспомнил об операции в Склифе, ибо увидел в очереди и Михаила Лутоненко.

— О! — обрадовался Миронов, выходя из очереди. — Леонид! Здравствуй, а я вот решил водки хорошей выпить в ресторане, но не думал, что здесь такая очередь.

— Конечно, — задумчиво предположил Хромов, — водки. Да ты садись ко мне в машину, Сергей Анатольевич, я тебя отвезу в такое место, где водка в сто раз лучше, чем здесь.

— Не-е, — протянул Миронов, опасливо поглядывая, как бы не заняли его место в очереди. — Я лучше здесь.

— Понятно, — неизвестно кому сообщил Хромов и махнул рукой находившимся рядом с его «фордом» патрульным. Когда те подошли, он указал на Миронова и приказал: — В наручники этого и в КПЗ до моего приезда.

Игорь Баркалов и Алексей Ласточкин получили команду «полная боевая готовность» почти одновременно, хотя и в разных местах: Ласточкин в это время выводил свое такси на маршрут, а Игорь раздраженно протирал половинкой лимона серебряные вилки...

— Слава тому, кто наверху, — пробурчал вслух Игорь, увидев, как на его пейджере зажглась надпись: «Не забывай надевать теплые носки. Мама».

— Машина сломалась, — заявил Ласточкин уже занявшим места в салоне обескураженным пассажирам. — Прошу получить деньги обратно и покинуть салон.

— А что случилось? — спросил у него хмурый и, судя по лицу, невыспавшийся мужчина. — Я автослесарь, могу помочь.

— Мотор украли, — доверительно сообщил ему Ласточкин. — Открываю капот, а там пусто, лишь записка лежит — «Мотор».

— Умник, — буркнул мужчина и добавил для убедительности: — Хренов.

— Стой там и не двигайся! — предупредил управляющего Игорь Баркалов, держа в руке «ПММ» (пистолет Макарова модифицированный).

Управляющий, Резван Мусалиевич Валиев, остановился и с презрительным удивлением посмотрел на Игоря.

— В чем дело?

— Портфель на пол и руки за голову! — не стал вдаваться в подробности Игорь.

— Странно все это, — пожал плечами управляющий. — Я к тебе так хорошо относился...

Увидев, что ресторан находится под контролем любознательных ребят из МУРа, невежливых парней из группы захвата и скептически настроенных людей из ФСБ, Игорь сосредоточил свое внимание на успевшем юркнуть в подсобку управляющем и последовал за ним. Резван Мусалиевич уже успел открыть потайной ход в обложенной кафелем стене подсобки и намеревался с портфелем в руке уйти через него.

— Что в портфеле? — спросил Игорь, продолжая держать управляющего на мушке. — Деньги?

— Наркотики у него там вдохновенные, — услышал Игорь голос Хромова позади себя.

— А это, надо понимать, вход в его лабораторию. Резван Мусалиевич у нас кандидат химических наук, стервец, одним словом.

Игорь оглянулся на голос Хромова, и в тот же момент управляющий ринулся в проем потайного хода.

— Стой! — кинулся за ним Хромов и тут же подхватил вылетевшее из проема оторопелое и вполне недвижимое тело Резвана Мусалиевича.

Игорь не зря увлекался диггерством, он уже давно показал Ласточкину все подземные подходы к ресторану вообще и к лаборатории управляющего в частности.

— По-моему, кисть вывихнул, — пожаловался Игорю и Хромову Ласточкин, выходя из глубины потаенного хода. — Прямо на кулак набежал, дурак какой-то.

Хромов положил управляющего на пол и обошел подсобку.

— Одень его в наручники, — посоветовал он Игорю и, подойдя к двери в стене, заглянул туда, поморщившись. Затем он подмигнул оперативникам и ухмыльнулся: — Вам, а мне тем более, надо очередное звание присваивать.

Игорь Баркалов и Алексей Ласточкин стали капитанами, а Хромов по-прежнему прозябал в полковниках, но не обращал на это внимания.

— Мое генеральство неизбежно, как после ночи утро. Полковник был просто фанатик самоуверенности, и поэтому люди ему доверяли.

Алексей остался в Москве, а Игорь, отклонив в сторону все, и даже очень перспективные, предложения, засобирался в Таганрог.

— Может, останешься в Москве? — спросил у него министр внутренних дел, вручая благодарность от МВД. — Прописку я гарантирую вместе с комнатой в общежитии, а там, глядишь, и квартиру получишь.

— Да нет, — улыбнулся министру Игорь. — Я лучше домой.

— Молодец, — не мог сдержать ответной улыбки министр. — Я о тебе буду вспоминать иногда, при случае.

— Выпей залпом, Сергей Антонович. — Хромов поставил перед Мироновым полный стакан водки. — Лучше этой водки в Москве не найти. На «Кристалле» специально для Интерпола изготавливают.

Миронов после трехчасового нахождения в номере был похож на приговоренного к двадцати годам лишения свободы вора-рецидивиста, уже отбывшего половину срока.

— Черт его знает. — Он потер подбородок, пододвигая к себе стакан. — По-моему, в меня бесы вселились.

— Я знаю, — успокоил его Хромов. — Сейчас почти во всех кабинетах МУРа одержимых допрашивают. Ты пей, Сергей Антонович, и не забивай себе голову.

— Ага. — Миронов залпом осушил стакан водки и постучал себя пальцем по темени. — Моя голова забита полностью.

— Дай-ка я посмотрю, — вдруг заинтересовался Хромов, вставая с места и направляясь к Миронову, — как тебя прооперировали.

Он внимательно рассмотрел, аккуратно раздвигая волосы на голове, послеоперационный шов и, отходя от Миронова, пробормотал:

— Надо морду набить.

— Кому? — удивленно посмотрел на него Миронов.

— Ну-у, — смутился Хромов, — я, конечно, не имею в виду весь коллектив Склифа, но одному, Лутоненко, надо набить точно или наоборот. — Он умел очерчивать свои слова парадоксальной четкостью и ясностью.

— А где Тарас? — спросил у Хромова Миронов, и по его лицу было видно, что стакан «кристалловской» для Интерпола подействовал на него благотворно, он перестал выглядеть как вор-рецидивист.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Война России в Чечне напоминает преступление, совершаемое в состоянии аффекта и превышение самообороны одновременно. Войны были, есть и будут в обозримом будущем. История человечества зиждется на непрекращающейся ни на один день войне. В тот момент, когда войны исчезнут, наступит трагический мир тоскливой любви друг к другу, человечество ввергнется в бездну благополучия. Колбаса из Бытия будет способствовать укреплению иммунной системы и способствовать долголетию, исключая разумные пределы. Но я отвлекся...

— Весь этот участок, — сержант ткнул пальцем в сторону проселочной дороги неподалеку от леса, — надо

проскочить на максимальной скорости. Это для того, чтобы снайпер не успел прицелиться. Так что будьте готовы к ухабным телодвижениям.

— Хватит тебе предупреждать, — разозлился Веточкин. — Включай форсаж, и на взлет, а то мы и к вечеру в Гудермес не попадем...

...Веточкин прибыл в Ханкалу вчера вечером и нос к носу столкнулся с Лапиным, своим коллегой, другом и начальником краснодарского УФСБ.

— Какого черта! — обрадовался небритый камуфляжный Лапин. — Веточкин, ты ли это?!»

— Я, — заверил Тарас Веточкин, обнимая его. — А ты что, совсем одичал? Что забыл в Ханкале?

— Я здесь со следственной группой и нашим спецназом, в общем, по делу, а ты, видимо, проверяющий, чтоб меня разорвало.

— Нет, я здесь следственная группа и спецназ в одном лице. Мне надо допросить двух задержанных в Гудермесе иорданцев и по результатам допроса решить, переправить их в Лефортово или оставить здесь, в смысле расстрелять на месте по законам военного времени. На них крови по самое горло.

— Ага, — кивнул Лапин. — Если их сразу же после боя хлопцы не расстреляли, а взяли в плен, все становится сложнее. Кстати, колонна на Гудермес пойдет через два часа, я с тобой поеду, а пока пошли ко мне, дело есть.

— В смысле за встречу? — на всякий случай поинтересовался Веточкин и добавил: — У меня «Столичная» из Москвы.

— Здорово, — обрадовался Лапин. — А у меня «маде ин третий дом с краю возле горы». Прежде чем в желудок попадет, полчаса в горле колом стоит.

— Да ты что? — изумился Тарас Веточкин и глубокомысленно произнес: — Надо попробовать.

— А куда же ты денешься? — удивился Лапин. — Сегодня же вечером, в крайнем случае завтра, будешь считать, что «кристалловская» водка встречается лишь во сне и в фантастических романах.

— ...Ты откуда, сержант? — спросил Веточкин у напряженно осматривающего местность десантника.

— Из Таганрога, — ответил сержант. — Кракол моя фамилия, а зовут Славой.

Российская, но активно враждебная земля бросалась под колеса мчавшегося на всей скорости бронетранспортера. Несмотря на то что это была равнинная часть Чечни, присутствие гор ощущалось повсеместно. С одной стороны дороги местность была холмисто-овражной и часто подступающей близко к дороге, а с другой — клочковато-лесистой. Колонна состояла из четырех грузовиков с продовольствием, медикаментами и горючим и двух бронетранспортеров сопровождения. Некоторое время, в самом начале пути, над ними барражировал вертолет, но затем исчез. В головном БТРе находились Веточкин и

пятеро десантников, возглавляемых сержантом Краколом, вооружение было обычным: «АКМ», ручной пулемет, РГД-5, ножи, два гранатомета и прочие игрушки убийственного предназначения. Лапин вместе с другими десанниками находился в замыкавшем колонну бронетранспортере. Вскоре, сразу же после того, как вертолет перестал сопровождать колонну, показался первый блокпост. На его бетонных плитах белой краской было начертано: «Осторожно, менты!», чуть пониже и помельче приписано: «Пропуска предъявлять только в условных единицах» — и подпись: «Геращенко».

— Шутники, — крикнул сквозь шум двигателей сержант. — Блокпост пунктом обмена валюты называют.

— Куда? — спросил подошедший капитан у Веточкина. — Там впереди туман, и вообще корявый рельеф, переждите здесь.

— Нее-аа, — нарушил все субординации сержант. — Нам в Гудермес срочняком надо. Мы поедem, а вы вместо нас туман переждите.

— Смелый, — процедил капитан сквозь зубы и объяснил Веточкину: — Они все такие, голубые в беретках, пули чеченской не боятся, всегда к бою готовы.

Веточкин строго посмотрел на капитана, но сразу же успокоился, вспомнив о взаимоотношениях между армией и МВД.

— Я сейчас как шарахну, капитоза кусая, прикладом промеж рог, — рассвирепел сержант, передергивая затвор «АКМ», — так тебя, козла, даже мама родная не узнает!

Вслед за сержантом передернули затворы остальные десантники, а пулемет на БТРе слегка вздрогнул и уставился на ворота блокпоста.

— Затворы у вас должны быть передернуты, — процедил капитан, — салаги.

— Отставить! Пропускайте колонну, капитан, мать вашу за ногу!

Веточкин еще никогда не видел Лапина в такой ярости. На шее висит автомат, лицо похуевшее и небритое, глаза покрасневшие от недосыпания и местной водки.

— Ну и видок у тебя, Тарас, — бросил он на ходу Веточкину и гаркнул на сержанта: — Что стоите, поехали!

— Впереди опасно. В такой туман засада будет на все сто процентов. — Капитан махнул рукой омоновцам, и те подняли тяжелый шлагбаум.

— Ну, значит, им не повезет, — весело крикнул сержант, усаживаясь поудобнее на отрицающем все удобства БТРе, и, перевирая, процитировал, тыча пальцем себя в грудь: — Ведь это наш туман, и он поможет нам.

— Ты не ухарись, а следи за дорогой, — одернул сержанта Лапин и, запрыгнув на броню к Веточкину, сообщил ему: — Вот он, наш, сугубо российский пофигизм: вот пуля пролетела, и ага...

Рявкнул БТР, тронулся с места, и вскоре колонна, проследовав мимо блокпоста, утонула в тумане.

Капитан угрюмо посмотрел вслед скрывающемуся в молочной непроглядности замыкающему бронетранспортеру и приказал подошедшему к нему молоденькому лейтенанту.

— Останешься за командира, а я с отделением Малова пойду за ними, чует мое сердце, напорются они все-таки на засаду.

Напоролись. Бой начался не в ложине, где туман был плотным и почти непроницаемым, а сразу же на взгорье. Обычная тактика — обстрел из гранатомета головного бронетранспортера и автоцистерны с горючим в середине колонны. Почти мгновенно десантники, Веточкин и Лапин спрыгнули с брони и, заняв круговую оборону, открыли огонь по зарослям с двух сторон дороги. Нелепо выглядел лишь один Тарас Веточкин со своим служебным, хоть он и назывался «мишенькой». Десантник, молчаливый парень из Пскова, сосредоточенно и прицельно ведущий огонь из «АКМ» рядом с Веточкиным, вдруг выматерился и устало положил голову на землю рядом с прикладом. «Гадство!» — разозлился Веточкин и, взяв автомат убитого, стал столь же сосредоточенно и

столь же прицельно вести огонь по боевикам. Он видел краем глаза, как Лапин и сержант, посигналив друг другу руками, разделились. Лапин бросил в заросли с интервалом в три секунды две гранаты, и сразу же после взрывов сержант скрылся в кустарнике, обходя нападавших с фланга. Позади колонны бой был более интенсивным. «Человек сорок, видимо, — подумал Веточкин и снял с убитого запасные магазины и две РГД-5, а увидев какое-то движение спереди нападавших, швырнул туда гранату. — Скушайте горяченького...»

Слава Кракол, Вячеслав Александрович Кракол, гвардии сержант десантных войск, сын Глории Ренатовны Выщух, не был трусом. Не был трусом и Асламбек Мутушев из селения Старые Атаги, сын Молауди Мутушева, бывшего когда-то председателем колхоза «Память Ильича» в Учхой-Мартановском районе, а теперь похороненного на глубине двух метров по мусульманскому обычаю. Его застрелили просто так, мимоходом, от делить нечего выпустили в сторону селения очередь из автомата из проезжающей мимо машины с военнослужащими, и она весело нарисовала красные точки на теле Молауди Мутушева. Поэтому Асламбек с неизъяснимым удовольствием погружал нож в горло Славы. Погружал медленно и со сладострастием, даже не обратив внимания на то, что сержант не стал бессмысленно дергаться в агонии, наоборот, последнее мгновение жизни он посвятил смерти, смог слабеющей рукой выдернуть чеку гранаты у пояса. Взрыв убил не только Славу Кракола и Асламбека Мутушева, но и погрузился полусантиметровым стальным осколком в висок Салауди Авторханову, шестнадцатилетнему подростку, который носил на шее ожерелье из отрезанных и нанизанных на веревочку гяурских ушей.

— Прощай, сержант! — Тарас Веточкин бросился на землю, перекатился и, увидев поворачивающийся в его сторону ствол «АКМ» в руках боевика, убил его из своего «АКМ».

Позади колонны выстрелы еще более участились и стали охватывать обширную площадь. Веточкин услышал неподалеку мат Лапина и вдруг почувствовал слабое, но быстро усиливающееся жжение в левом бедре.

— Ранили, — без всякого энтузиазма прошептал Тарас. Он увидел выскочившего к нему капитана ВВ с блокпоста и успел подумать, теряя сознание: «Менты подросли».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Оказывается, Земля видится голубой не только из космоса, но и изнутри.

Бликующий и странно зеркальный контур человека — человека ли? — не удивил далай-ламу. Он был чужд удивлению.

— Пойдем, — сказал лазурный лама, — в конце концов ты должен знать, что знал всегда, во все свои реинкарнации.

Понятие «пойдем» в толще хорузлитно-лунитной оболочки в корне отличалось от такого же понятия на поверхности Земли. Лазурный лама как бы отобразил в своей зеркальности нужное пространство, и у далай-ламы создалось ощущение, что они остались на месте, а пространство хорузлита стало двигаться им навстречу. Ощущение было бы полным, но интенсивность бликования лазурного лама показывало, что движутся все-таки они. Неожиданно для самого себя далай-лама понял, что он уже не телесен, а, как и лазурный лама, контурен и зеркален...

Не объяснимое словами действие хорузлитно-лунитной оболочки можно охарактеризовать одним словом — безмятежность. Этого никогда не понять людям поверхности, но попробовать можно. Представьте, что вы абсолютно защищены от суеты, от забот о хлебе насущном, от страха, тревоги, неудовлетворенности. Вы точно знаете, что вас не обидят, не ударят и не убьют. Знаете, что вас любят. Вы не ведаете о скуке, не терзаетесь думами о смерти. Вам не приходится задумываться о здоровье, ибо вас не облегают со всех сторон самый коварный и подлый предатель — тело человеческое. Вы... в общем, представили, а теперь забудьте — это грубая профанация сути.

...В хоружлитно-лунитной оболочке все по-другому, никаких аналогов на поверхности земли подобрать невозможно.

— Вот и Гималаи, — обратился к далай-ламе лазурный. — Взгляни на них изнутри.

Гималаи изнутри были красивы. Далай-лама увидел нечто красное с голубым и разноцветно-лучеобразно-пронзительным. Какая-то подмигивающая прозрачная яркость, наполненная упругой стремительностью. Оказывается, символы имеют зримую и невероятно чистую огранку, далай-лама видел это и даже понимал, хотя и не смог бы объяснить природу своего понимания. Так он вдруг увидел Будду, ярким контуром прочерченного — этакая пульсообразная графика — внутри горы Кайлас. Будда был обнаженной женщиной, стоящей с широко расставленными ногами, и между ног у него был ослепительный свет.

— На поверхности не понимает сути никто, — вошли в далай-ламу слова, — кроме тех, кто обязан это понимать.

Хоружлитно-лунитная оболочка как бы служила постаментом для Гималаев, между ними не было прослойки, и когда далай-лама увидел Эверест изнутри, это оказалось лишь конусообразное пространство, наполненное нежной, живой и золотисто-светящейся пылью.

Нельзя сказать, что далай-лама был полностью готов к пониманию увиденного, в глубине души он понимал, что этого понять невозможно, но вера, ее энергетический акцент, помогала ему.

— Миром правят элохимы, — охрусталенные слова вошли в мысли высокопоставленного священника, — среди которых одни знают о своем внеземном происхождении, а другие нет. Ты не знаешь об этом, правитель Тибета.

— Я, — далай-лама увидел, как по зеркальному контуру лазурного ламы забликовали серебряные капельки, напоминающие дождь, и тотчас же исчезли, — элохим?

— И только поэтому ты правитель Тибета, но не задумывайся об этом. На земле ты просто статик-раб и даже не вспомнишь о своем элохимстве.

Возможности хоружлитно-лунитной оболочки потрясали. Находясь в ней, можно было, лишь бы возникло желание, увидеть подробность поверхности и толщи над хоружлитно-лунитом, а можно было окинуть одним взглядом огромное пространство, словно из космоса. Какие-то голубоватые, в зеленых искорках, потоки пронизывали Гималаи, сплетались в единое русло неподалеку от Монголии и почти под прямым углом широкой и водопадной спиралью опадали в хоружлит.

«Что это?» — подумал далай-лама.

— Это неиссякаемые потоки смерти, — певучая мелодия образов возникла в далай-ламе, — потоки энергетики непрерывно умирающих статиков Индии, Непала, Тибета, Сиккима, Монголии и России, а ниспадание спирали в хоружлитно-лунитную оболочку — дорога в Ад через нее.

Далай-лама обратил внимание на то, что со стороны хоружлита постоянно устремляются в бездну поверхности огненные, излучающие отчаяние, всполохоискры, внося в безмятежность и грандиозность, открывающиеся взору из хоружлитно-лунитной оболочки, легкий фон дисгармонии.

— Это будущие младенцы, — пропело молчание, — возвращение жизни из первичности Ада в его вторичность.

— А какое отношение имеет к Гималаям Россия? — мысленно задал вопрос далай-лама.

— Она воздействует на весь статический мир поверхности и даже на промежуточный мир качественного человечества. Россия расположена на эрогенной точке земного шара. Впрочем, ты все это отлично знаешь, правитель Тибета, и всегда знал, просто сейчас тебе это ни к чему.

— А какова природа смерти?

— Ее присутствие и всевластие прекрасны. Смерть — путеводная звезда в бесконечности — это цель. Статики и мы лишь сталкиваемся с прикосновениями смерти, но

еще никому, кроме нескольких единичных особей из статик-рабов, не удалось остаться в ней навсегда, все возвращаются в уродство жизни. У элохимов и демиургов, конечно, другие отношения со смертью, а единичные статики, ушедшие в смерть навсегда, по всей видимости, и не статики, а обыкновенная агентура, внедренная ею же — Смертью. Но хватит об этом, правитель Тибета. Пройдем в нейтральный зал, я познакомлю тебя с тобой.

По зеркальному контуру лазурного вновь забликовали серебряные струи непонятного дождя и резко исчезли.

Человечество любит пощекотать себе нервы необыкновенным и мистическим. Зеркала и кошки всегда были объектами шизоидной любви, всегда были не до конца понятными. В зеркалах и кошках присутствует нечто ироничное и отстраненное, какая-то уютная чужеродность. Христианство и мусульманство в своих истоках запрещали смотреться в зеркало под страхом отлучения от веры. А кошки то обожествлялись, то подвергались гонениям, особенно в Европе средних веков. Их сжигали на кострах инквизиции вместе с еретиками. «Антикошкизм» иногда достигал уровня антисемитизма. Они — зеркала и кошки — до сих пор вызывают наше недоумевающее непонимание.

Зеркала, завешиваемые полотном в доме умершего. Зеркала, поставленные друг перед другом с зажженной свечой посередине, дорога в параллельность. Зеркала в ночь перед Рождеством. Зеркала, подносимые ко рту умирающего. Разбитое зеркало — к смерти, оно разбивает образ на два автономных образа. Зеркала и кошки...

— В нейтральном зале, правитель Тибета, ты пройдешь через волнистое Зеркало и станешь лазурным. — Прохладный ручей слов влился в далай-ламу. — Тогда ты все увидишь и все поймешь.

Пространство хорузлита вновь забликовало им навстречу.

«Зеркало, — подумал далай-лама, — это бездна».

— Это Зеркало, — зашептало вокруг него пространство, — это Зеркало, это око, это ОНО... Войди в Зеркало, элохим, утони в нем на время.

Далай-лама вошел в Зеркало, не сомневаясь, и оно тут же выдохнуло элохима, лазурного ламу, отделив его от наивно-грубого существования в оболочке далай-ламы.

«Ах вот оно что, — улыбнулся лазурный далай-лама, — все понятно». По его контуру промелькнули серебряные капли информационного дождя. Это означало, что кто-то на поверхности Земли взглянул на себя в зеркало, и оно сняло с него, мгновенно проанализировав, сформулировав и отправив в хорузлитно-лунит, информацию. Это означало, что где-то на поверхности Земли в глаза человека внимательно посмотрела кошка.

Зеркала и кошки, разведка хорузлитно-лунитного государства.

Все изменилось. Лазурный далай-лама, подхваченный потоком абсолютно нового понимания, само собой, уже не был далай-ламой, он стал элохимом в первоисточнике. Только сейчас он понял, что един в двух ликах: далай-лама, оставшийся в пещере ламы Горы, и он, ставший лазурным, суть одно целое. Огромный вал космического, созерцательного и добродушного знания обрушился на новоявленного лазурного...

«Цель определена и ясна, но на пути к ней масса вмешательств. Проблема Луны по-прежнему неразрешима и непонятна. Ад нетерпелив, но благоразумен и мудр». Поток сознания лазурного ламы проходил через медитационные видения далай-ламы, и то, что лазурный далай-лама воспринимал как естественность, было для земного далай-ламы откровением.

Оказывается, для того чтобы спасти лучшую часть поверхности человечества, нужно упаковать его души в капсулу Ада. Это жестоко, но необходимо... Нужно прекратить проявления индивидуальности в человечестве. Глобализация: «одна Земля, одно общество, одна вера и мысль» — неизбежна. Иначе мы не сможем проскочить через туманность агрессивных, взаимоисключающих друг друга галактик системы Апокалипсиса. Перед входом в эту туманность энергия душ должна быть под хорузлитом, в семейном мире. И

все-таки непонятна роль Луны, каким образом она смогла войти внутрь СИСТЕМЫ?... Было трудно, статик-рабы сопротивлялись тысячи лет неизбежному. Благо, мы сумели выделить из их среды агентов влияния и создать из них промежуточное государство. По мере надобности мы отсылаем на поверхность гениев, и эта тактика оправдала себя полностью. Самую большую опасность представляло ведически-рунное мироощущение. Кстати, оно обладало так до сих пор и не понятой нами силой, которая поддерживалась чьей-то волей извне. Мы так и не обнаружили эпицентр этой воли. Но рунный ведизм возник во время переполоха в среде элохимов и обитателей Ада. Это был день, когда приблизилась Луна. Она хотя и непонятна, но благотворна. Ад и Рааай благодаря ей воспаряли. Но все-таки, как она прошла сквозь защитный слой СИСТЕМЫ?... Да. Ведизм возник в день Луны, но источник, его питающий, мы не обнаружили. Пришлось создавать культуру, лепить государственности, разделять по национальному признаку, уговаривать демиургов изъять с поверхности атлантов и спрятать в глубинах Мирового океана цивилизацию, которую создали лемурианцы и олисы. Сейчас они обследуют состояние здоровья статиков с помощью своей идиотской техники. Статик-рабы обзывают ее НЛО... Целые тысячелетия пришлось создавать Будду, Иисуса Христа и пророка Магомета, затем стало легче, осталось последнее, рывок к счастью — генетика. Клонирование в среде статиков неизбежно, по мере тиражирования, с каждой новой копией, энергетика созидания все реже и неохотнее будет вовлекаться в круговорот рождений, и настанет день, когда душа останется в Аду, а мясо оболочек станет долговечным, механически-счастливым, добрым, инерционно оптимистичным и радостным. И таким оно будет недолго, тысячу лет, пока СИСТЕМА не приблизится к агрессивной туманности галактик Апокалипсиса. Чтобы проскочить их без потерь, Ад должен выплеснуть основную часть энергии, добытой им из специально для этого выращенного человечества. И уже за Апокалипсисом мы оставим Ад в клии-вселенных, а сами, забрав с собою оставшиеся души статик-рабов и все души качественного человечества, вернемся домой, в Рааай. Души, выплеснутые в галактиках Апокалипсиса, конечно, погибнут, но не безвозвратно, в безначалии нет безнадежности. И все-таки почему так тревожит нас Луна? Кто ее прислал в СИСТЕМУ?...

Лазурный образ далай-ламы приносил медитационному далай-ламе в пещере отшельника объяснительное понимание сути, но совсем не само понимание, которое нельзя понять, находясь в склизлой и достаточно подлой оболочке человеческого тела. И поэтому понимание, входящее в далай-ламу, было неполным, неточным и грубым.

...Океан, оказывается, покрывает всю Землю. Суша, все материки, континенты, острова — на самом деле обелиски, воздвигнутые на фундаменте океана. Там, на дне его, начинается околоторузитно-лунитное пространство демоностатического происхождения, особая среда для цивилизации серафимоносных, творение лемурианцев и олисов.

Луна видна на хорузлите всегда, она огромная и полная для нас...

«И ты, Клосс Воргман», — вздохнул в пещере ламы Горы земной далай-лама, следя в медитации за путешествием в недрах Земли своего небесного отражения.

...Лазурный далай-лама видел лежащих в странных саркофагах людей, лица которых напоминали вырванную из контекста концепцию отражения, и понимал, что эти люди-нелюди были больны. Он отчетливо видел, как Клосс Воргман мучительно входил в лазурность. Его лечили радикальными методами. Саркофаги-изоляторы, словно барокамеры для водолазов, поднявшиеся из глубины, были установлены над точками Ада, через которые мудрецы-полубоги семьяичного мира осторожно вытягивали из вернувшегося с «поля» элохима бациллы разрушения, подхваченные им от поверхностного человечества. Клосс Воргман время от времени напоминал дугу электросварки, то наполняясь мутной зеркальностью, то превращаясь в красноватую, неприятную (для земного далай-ламы) вспышку. Лазурный далай-лама видел, как в хорузлит вплыл и скрылся в карантинной изоляции саркофага Поль Нгуганба, и понимал, что элохимы и демиурги — Ангелы и Бесы — сняли свой надзор за развитием науки поверхностного мира, убрали МОАГУ. Выпустили джинна. (На языке айрани «джинн» означает «умственно отсталый ангел». — *Авт.*)

Лазурный далай-лама, то и дело погружаясь в исчерпывающую информацию о поверхностном человечестве, знал, что власть на Земле, во всех без исключения государствах поверхности, принадлежит элохимам. Люди никогда не правили людьми после того, как элохимам удалось обуздать ведическо-руническое знание, делающее статик-рабов почти приближенными энергией душ к элохимам. Теперь главная задача элохимов заключалась в спасении душ людей, то есть в глобализации человечества: следовало рывком вырвать из них всю энергетику, «обесточить» и отправить ее хаотическую силу в хранилища Ада, окончательно забыв о мясных, пожирающих друг друга, оболочках...

«Ого, — даже медитативное состояние не смогло удержать ужас земного далай-ламы, — невероятно жуткий рев силы в недрах земли».

«До чего же беспокойный у нас груз, — усмехнулся лазурный далай-лама, — пляшут они там, что ли?» Он знал, как велика превышающая в грандиозное количество раз термоядерный синтез сила, хранимая Адом, и знал, сколь бессильна эта сила перед пространством безначалия...

Земной далай-лама вздрогнул от изумления. Этого не мог ожидать даже он, ожидающий чего угодно.

Лазурный далай-лама вошел, скорее, вплыл в рубку — через него просверкали омываемые серебряным дождем информации двое выходящих лазурных — и подошел к главному экрану хоружитно-лунитного мира. Океан выполнял роль линзы, насыщаемой лунными сатан-лучами. Лазурный далай-лама смотрел на сопло главного двигателя, более известного на Поверхности Земли под именем Солнце, и тревожно, вместе со всеми гражданами хоружитно-лунитного государства, думал: «Как смогла Луна войти внутрь СИСТЕМЫ, почему дальняя система защиты в сатурново-урановом отсеке ничего не заметила, почему промолчал отсек Юпитера? Кто ты и кто тебя послал, Луна?»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Саша Стариков никогда не жаловался на недостаток силы, но сумку в тамбур пассажирского вагона поезда Одесса — Москва он внес с большим трудом.

— Что там, ребята, — шутливо рассердился Саша, — свинец местного разлива?

— Пирожки в дорогу, — объяснил Степа Басенок.

— И прочая мелочь, — подтвердил Слава Савоев, с какой-то странной настороженностью оглядываясь по сторонам. — Дары моря и продукция местных ликероводочных заводов.

Николая Стримова опять не было. По словам Славы Савоева, «этот салага осуществляет обзор местности по его заданию. Полковник Самсонов, прощаясь с Сашей Стариковым в своем кабинете, показал ему бумагу из главка, которая удовлетворяла просьбу подполковника Абрамкина о переводе его из Сочи в таганрогское УВД».

— И что это такое? — Лицо у Самсонова было обескураженным. — Он настолько ненормальный, что может даже подсидеть меня, и у меня, как назло, ни замминистра знакомого, ни мафии приличной под рукой нет, чтобы его заказать. — Самсонов умел шутить, когда это было нужно.

Слава Савоев, находящийся в этот момент в кабинете Самсонова, решил эту шутку поддержать:

— Его можно утопить, он плавать не умеет.

— Понятно, — согласился с ним Самсонов. — Вот сейчас москвича проводишь на поезд и возвращайся, я тебя за такие советы в КПЗ, на баланду пошлю. Спасение лишь в одном — ты приводишь в наручниках стервеца, что посылки почтовые ворует с поездов во время разгрузки, а я рву приказ о твоём переводе в КПЗ.

— Да это пацаны действуют, — расстроился Слава, — «на хапок» работают. Схватят с электрокара во время выгрузки и делают ноги.

— Пацаны не пацаны, — Самсонов зачем-то открыл сейф и посмотрел туда, — а ловить все равно надо. Кстати, Абрамкин плавает как дельфин. — Самсонов усмехнулся и, не выдержав, все-таки добавил: — Особенно под душем.

— ...Ну все. — Саша пожал руку Степе Басенку и Славе Савоеву. — До встречи. Как только в Москву попадете, сразу ко мне, а вашего Баркалова я завтра же разыщу и вручу ему благородную неклиновскую, не знаю только, выдержит он ее или нет.

— Ага, — вдруг загадочно высказался Слава Савоев, вглядываясь в конец перрона. — Ееес! — заорал он и тут же замолчал, напустив на себя начальственную солидность.

Николай Стромов подводил к провожающим «пацана» лет под сорок, в наручниках и с бандеролью за пазухой. Судя по одеянию, это был классический бомж, который еще в юности отпустил бороду и «бродягой пошел по Руси».

— Молодец, — похвалил Стромова Слава Савоев. — Можешь идти домой, я сам арестованного раба свободы в отделение доставлю.

— До свидания, — попрощался Николай с Сашей. — Понравилось у нас?

— Очень, — улыбнулся Саша, пожимая руку Стромову. — Поезд медленно тронулся, и он быстро заскочил в тамбур, крикнув на прощание: — До встречи!

— Ладно, — довольно проговорил Слава Савоев. — Пошли, раб свободы, теперь будешь выбритым и сытым.

— Да нет, начальник, — гоготнул бомж, показывая миру беззубый рот. — Это вы рабы, а не я, я великий и свободный гражданин Вселенной.

— Вот всегда они такие, бомжи, — огорчился Степа Басенок, закрывая за «гражданином Вселенной» заднюю дверь патрульной «канарейки». — Сейчас выяснится, что он или псих-больной, или бывший доктор наук.

— Рабы не мы! — продолжал орать внутри машины бомж. — Мы не рабы! — орал он на всю привокзальную площадь.

Полная луна, словно си-минорная нота, беззвучно звучала над загородной психиатрической больницей Дарагановка. Леня Светлогоров стоял возле окна и смотрел на призрачное равнодушие поля, освещаемого странным светом загадочного светила. В больнице Лене нравилось. Во-первых, ему выделили одноместную палату, которую Самвел Тер-Огонесян заполнил всякой удобной бытовой пошлостью: диван-кровать, стол, два кресла, холодильник, транзистор, от телевизора Леня категорически отказался. Ему разрешалось ходить по больнице и территории вокруг нее беспрепятственно и в любое время. Он был сыт, одет и свободен. «Акуна матата — никаких проблем». Радость и необъяснимое наслаждение тихо входили в душу и тело Лени Светлогорова. Это нежные, вкрадчивые изгибы лунной шизофрении завораживали его иллюзией детства и счастья, обвиваясь кольцами вокруг информационного пространства в Лене, и он видел, как в си минор лунной светомузыки стали врываться аукающие мажорные ноты. Луна звучала светом, похожим на шепот: «ШииВаааШииВааа», а внутри этого призрачного шепота ему виделись всполохи огня, напоминающие выкрики. Он не знал, что это контуры шизофрении, бессрочная каторга для непонятого пророчества.

В палату к Лене заглянула дежурившая в ту ночь Екатерина Семеновна Хрущ и сразу же, профессионально насторожившись, спросила:

— Вы почему не спите, Светлогоров?

— Полная луна, — объяснил ей Леня, ткнув пальцем в сторону молчаливой ноты неба. — Я никогда не сплю в первую ночь полной луны.

— А-а, — понимающе зевнула Екатерина Семеновна. — У меня тоже в полнолуние тараканы всякие по голове бегают.

— По голове? — удивился Леня Светлогоров, но не обернулся, продолжал смотреть в окно.

— В мыслях, — исправила свою ошибку Екатерина Хрущ, — внутри головы.

Она настороженно смотрела на спину Лени и говорила всякую чушь, чтобы заставить

его повернуться к ней лицом. Но Леня не обернулся, и Екатерина Семеновна ушла, равнодушно подумав: «В конце концов, он в психушке, пусть пошизует вволю, среди нормальных такое удовольствие трудно дается».

Яркоцветная, визжащая радость обрушилась на Леню Светлогорова. Луна вплотную приблизила свое лицо к лицу Лени и подмигнула ему. Шизофрения вздрогнула и стала медленно, по-удавьи, сжимать свои кольца, уплотняя счастье и радость в Лене Светлогорове до непереносимой концентрации, до взгляда за предел, до познания истины, то есть до того момента, когда жизнь становится серым прошлым, а смерть — лучезарным и вечно непорочным будущим...

«Вот раззевалась, — думала Екатерина Хрущ, сделавшая обход больницы и возвратившаяся в сопровождении санитаря. — Надо вздремнуть». Проходя мимо палаты Лени Светлогорова, она толкнула дверь и заглянула внутрь. Леня висел в проеме окна на фоне полной луны, заглядывающей в окно. Радостная, веселая змея Шизофрения сжала до предела свои сладостные кольца и унесла Леню Светлогорова в нечто далекое от фальшивого и коварного обаяния жизни.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Внеочередное совещание Совета безопасности началось в 10 часов утра. В это декабрьское утро в Москву вошла зима и расположилась в ней окончательно.

— Я бы не назвал задержанных возле ресторана «Первая скрипка» агентами неприятельской стороны, — сказал директор ФСБ и коротко взглянул на другого директора из Ясенева-2. — Это даже не люди, а зомби, у всех в затылочной части имеются одинаковые послеоперационные шрамы, все подверглись насилию, у каждого в голове чип. Кстати, очень интересный момент. Наша медицина, по-моему, этим не занимается. Хотя как сказать... — Директор ФСБ замолчал и, посмотрев на руководителя ГРУ, добавил: — Среди задержанных пятнадцать человек известных врачей, самых лучших в России.

— Кхм, — кашлянул директор ФСБ. — А что мы вообще знаем об УЖАСе?

— Действительно, — недоумевающе взглянул на него председатель СБ, — что вы о нем знаете?

— Все, — невозмутимо ответил директор ФСБ, — и даже более того. УЖАС представляет интересы Тибета, а точнее, странной организации с международными замашками. Китай, например, делает вид, что никакого МОАГУ на территории Тибета нет, точно такой же вид делает Индия...

— Точно такой же вид делаем и мы, — вмешался министр внутренних дел и, осторожно посмотрев в сторону председателя СБ, добавил: — И все остальные страны мира делают вид, что никакого МОАГУ нет.

— А вы откуда это знаете? — с подозрением посмотрел на министра директор СВР. — У вас же Министерство внутренних дел?

— Это мои люди разрабатывали УЖАС, — напомнил ему министр и, неохотно посмотрев в сторону директора ФСБ, добавил: — Ну и ФСБ на нашей территории помогла.

— Ну, знаете... — возмутился глава ГРУ. — Они все-таки на нашей территории квартировались, это мы их держали под контролем.

— Их держали под контролем, а мне «ухо» в кабинет забросили. Интересно знать, почему?

— Я уже говорил вам, — спокойно ответил глава ГРУ, — по ошибке.

— Ну что нам делать с задержанными? Там почти половина лучших профессионалов России разного рода деятельности, от суперсолдат до медиков и ученых. Такими людьми не разбрасываются. — Председатель СБ обвел взглядом силовиков, среди которых скучал один штатский, министр иностранных дел. — У кого какие предложения?

— Расчистить и взять на государственную службу, — предложил директор ФСБ.

— По моим данным, — вдруг заговорил министр иностранных дел, — МОАГУ расформировалось, самоликвидировалось. Такое ощущение, что грядет нечто грандиозное, перед чем все государства земного шара будут бессильны...

— Антихрист явится, — развеселился глава ГРУ, — всадник на белом коне.

— Ха-ха-ха, — передразнил его министр иностранных дел. — Вы смеетесь над самым несмешным и самым неотвратимым.

— Это у меня нервное, — отмахнулся от него разведчик, не желающий ссориться с министром.

— Вообще-то, — заговорил директор СВР, — людей с чипами нужно обследовать, и вполне возможно, что чипы можно не удалять, а переориентировать.

— Во дает Михалыч, — восхитился директор ФСБ. — Он из них агентов для себя хочет сделать. Переориентировать — значит перевербовать.

— Не вижу в этом ничего плохого, — пожал плечами директор СВР.

— Надо доложить президенту, — внес предложение министр иностранных дел.

— Так и сделаем, — поднялся с места председатель СБ, давая понять, что совещание закончено, и внимательно посмотрел в сторону министра иностранных дел, почувствовав, как в его мыслях заискрилась неоспоримая истина: «Миром правят элохимы».

— Й вот еще что, — властно, громко произнес председатель СБ, заставив силовиков обратить на него внимание. — Вы не должны забывать, что миром правим МЫ.

Хромов был безапелляционен и настойчив.

— Я к подполковнику Веточкину, — поставил он в известность медицинскую сестру, вытащил из полиэтиленового пакета белый халат и, оборвав рассуждения медсестры о распорядке дня, спросил: — В какой он палате?

— В третьей, — ответила, сдаваясь, сестра. — И вообще, вы второй, у него уже есть один посетитель.

— Посмотрим, что за посетитель. — В белом халате полковник Хромов был похож на многоопытного, преуспевающего хирурга. — Как он вам представился? — строго спросил он у женщины.

— Так же, как и вы, — с иронией проговорила медсестра. — Никак.

— Наш человек, — уверил ее Хромов, открывая дверь, ведущую в стационарное отделение военного госпиталя, и объяснил: — В смысле проверить надо на вшивость этого посетителя.

В двухместной палате Веточкина действительно был посетитель, и звали его Стефан Искра.

— Бог ты мой! — воскликнул Хромов. — Стефан, где тебя черти носили?! — Он окинул взглядом бледного, но вполне бодрого Веточкина, полусидевшего-полулежавшего в кровати, и остался доволен осмотром.

— Дела навалились, — с усмешкой стал оправдываться Стефан Искра, — ликвидацией УЖАСа занимался. — Стефан кивнул головой на Тараса Веточкина. — Теперь вот агитирую его бросить все и уехать в Чувашию.

— Да у вас там одни чуваша. — Полковник Хромов стал выгружать на прикроватную тумбочку содержимое пакета: яблоки, коньяк, две банки черной икры, водку, кусок осетрового балыка, минеральную воду, сок и квадратную бутылку-штоф с неклиновской перцовой. Затем сел на стул и, указывая на тумбочку рукой, сообщил: — При потере крови это просто необходимо, мне врач твой так и сказал, можно и нужно под хорошую закуску.

— Открой тумбочку. — Веточкин рассмеялся. — Стефан хотя и держит нас за дураков, прикидываясь алкоголиком, но напитки подбирать умеет, правда, сейчас это может плохо кончиться. Анюта вот-вот придет, так что наливай скорее, Леонид.

Хромов разлил водку по стаканам, найденным в тумбочке, и раздал их.

— Я пью по-настоящему, — предупредил всех Стефан Искра, — за то, чтобы Бог простил Россию.

— За погибших ребят, — хриплым голосом подтвердил слова Стефана Тарас Веточкин.
— Пусть земля им будет пухом.

— За них, — приподнял Хромов стакан, и они выпили.

Через некоторое время в палату вошел на костылях сосед Веточкина, майор, пилот-вертолетчик. Выпили снова. Хромов сообщил, что у Миронова отпустило в голове и он разломился, чувствует себя в роли куратора хорошо, но пока лежит в Склифе, скоро придет в гости. Выпили за Миронова.

— Это я всех расщелкал. — По-настоящему выпивший Искра напоминал тяжелый бульдозер, мчавшийся со скоростью «фerrари» по федеральному шоссе в Рязанской области.
— В смысле поотключал.

Выпили за отключенные чипы. Вспомнили о выдающихся особенностях неклиновской перцово́й. Выпили за Неклиновку и стали интенсивно закусывать черной икрой и балыком.

— Это мой самый талантливый оперативник Саша Стариков из Таганрога привез, — сообщил Хромов место жительства черной икры и балыка. — Он там всю преступность за три недели искоренил.

Выпили за искоренение преступности. В палату вошел посмотреть на своего больного перед уходом домой военврач, полковник и хирург. Выпили за медицину, налив полковнику неклиновской, и тот без всякого притворства выпил ее, не поморщившись. Затем Стефан Искра заспорил с Хромовым, кто больше сделает отжиманий от пола, и Хромов, отжавшись двести пятьдесят раз, с довольным видом оглядел присутствующих. Полковник медслужбы хотя и не спорил, но тоже закуражился и отжался от пола сто двадцать раз. Лицо Веточкина приняло решительное выражение, но вовремя взглянувший на него Хромов отговорил его от участия в состязании. Стефан Искра отжался триста раз, но отжимался на одной руке, вытянув ноги параллельно полу.

— Не может быть! — воскликнул военврач и, залпом опрокинув в себя полстакана неклиновской, засомневался: — Хотя все возможно в этом мире.

Выпили за возможности. Затем пришла Аня, вытащила из тумбочки все спиртные напитки и, выйдя из палаты, вручила их двум угрюмо бродившим по коридору прапорщикам ВДВ из категории выздоравливающих.

— Если что, — уверили ее десантники, — только свистните, мы придем, и на кого покажете, тому и голову оторвем.

— Хромов, — укоризненно покачала головой Аня, возвращаясь в палату, и, не выдержав, рассмеялась: — Когда вы уже утомитесь?

— Гляди, — кивнул Хромов на уснувшего Тараса. — А ты говорила, что даже снотворное не помогает ему заснуть.

— Глубокий здоровый сон, — констатировал Стефан Искра. Тарас Веточкин крепко спал, и лицо его было не бледным, а розовым.

Ученые поверхностного мира делятся на две категории. Первая — это бракованные особи, выселенные из промежуточного, околохоружитного мира за слишком явное проявление в них атлантизма, вторая — внедренная в среду

статик-рабов агентура качественного человечества, которая вкупе с «дефективными» учеными первой категории и создала науку в ее современном виде. Среда статик-рабов, склонных к ведизму, ученых не воспроизводит...

Волею демиургов и элохимов население срединного государства, состоящее из одного миллиарда качественных людей и живущее вот уже тысячи лет в режиме клонирования, не теряет душевной силы в своих повторениях. Душа умершего жителя середины, а живут они 300-400 лет, не уходит в хранилища и круговоротные потоки семияичного мира, а мягко и нежно подвергается светоносному обмыванию в хоружитно-лунитной оболочке, в специальных, недоступных даже лазурным ламам, ответвлениях и бережно возвращается в копию тела, делая его неповторимым.

...Ученые поверхности не ведают о своей агентурной роли, они от всей души считают

себя людьми среди людей, хотя где-то в глубине души и осознают свою провокаторскую суть, которая, впрочем, их умалает и даже возвышает в собственных глазах.

— Земная кора состоит из семи больших плит и двенадцати малых толщиной сто километров. Эти плиты, как льдины, дрейфуют вдоль великих разломов, сталкиваясь, сокрушая друг друга, и тогда на поверхности возникает озноб землетрясений, а при слишком сильном столкновении плит меняются магнитные полюса Земли, в результате чего и гибли прошлые цивилизации и, если я не ошибаюсь, мамонты. — Юрий Аркадьевич Кривицкий, профессор МГУ по статистичной литосферной сейсмической амплитуде возмущений приблизительного понимания, посмотрел на аудиторию, состоящую из пятидесяти добросовестных студентов физико-математического факультета, сглотнул слюну, он утром не завтракал, и продолжил: — Последняя смена полюсов, если брать во внимание тибетские рунофицированные источники, произошла 13 тысяч лет назад...

— И тогда погибли мамонты?! — выкрикнул вопрос с места любознательный, чем-то взволнованный и явно с похмелья студент физико-математической ориентации.

— Болван, — удовлетворил его любопытство Юрий Аркадьевич. — Тогда погибла Атлантида, ну а следующая смена полюса, опять-таки по утверждениям из Поталы... — Он снисходительно окинул взглядом студентов. — Потала, для тех, кто не знает, а вы все не знаете, — это резиденция далай-ламы. Так вот, это смещение произойдет в феврале 2031 года.

Юрий Аркадьевич посмотрел на часы, а студенты застыли в ожидании, когда он назовет точное время этого неприятного события.

— Я не болван! — вдруг возмутился сообразивший, в чем дело, студент.

— Но согласитесь, молодой человек, — Кривицкий уже взял портфель и направился к выходу, — вы и не мамонт.

Профессор покинул аудиторию, а студент, порывшись в сумке, достал банку пива и с явным выражением счастья на лице выпил ее не отрываясь. Затем он посмотрел на свои часы и пробормотал еле слышно:

— Во-первых, не в феврале 2031 года, а десятого августа 2088 года, в девять часов утра по московскому времени.

Хоружлитно-лунитное государство спасателей из облачности Рааай не стало задерживать такого профессионала, как Поль Нгутанба, без работы и отправило его в мир статиков, в хмельную и любознательную среду российского студенчества. Но это уже другая история.

Играй, музыка, играй. Счастье — оно ведь зарождается вопреки всему, оно кратковременно, как теплый летний дождь, как красивая и грустная мелодия.

Самвел Тер-Огонесян был в классическом светло-сером костюме, дополненном крапчатым галстуком в тон и белой рубашке. Он, конечно, понимал, что Таганрог не Морской Чулек, что в русском городе армянин не может рассчитывать на массовую радость окружающих по поводу своей свадьбы, но Самвел Тер-Огонесян был коренным таганрожцем и с высоты своего маленького, но самоуверенного и солидного роста видел, что свадьба его удавалась и вполне претендовала на самую богатую и самую размахистую свадьбу города. Эхма! Самвел даже сплясал русскую вприсядку, дожидаясь, пока привезут невесту и они проследуют в загс. Глорию Ренатовну Выщух привезли в длинном красном вагоне-лимузине. Неизвестно где, но родственники Самвела из Морского Чулека и Ростова-на-Дону достали этот новенький и совершенно неуместный для старинных улиц города лимузин и подарили его молодоженам. Ох уж эта армянская душа! Она требует размаха в подарках и величественной необъятности в формах женщины. Глория Ренатовна полностью соответствовала канонам женщины, которую армянин должен ввести в свой дом хозяйкой. Платье Глории Ренатовны было из французской тафты нежнейшего цвета чайной розы, на тонких бретельках, струящееся до земли и изредка открывающее узкие туфли вишневого цвета. На плечах — накидка драгоценного мехового качества, а на шее мелким

переливающимся дождем струилось кольцо японского серого жемчуга.

— Совсем еще девочка, — запричитали местные старушки из тех, что жить не могут без регулярного созерцания массовых и радостных свадебных зрелищ. — За басурмана выходит на свою погибель, пропадет на чужбине.

— Да вы сдурели, старые перечницы, — осадил причитающих такая же перечница, — какая чужбина. Это же сын Оганесяна, вы что, девки. Они тут спокон века живут, да и ты, Танька, сама же сохла по Оганесу, а теперь сына его басурманом называешь...

Играй, музыка. Счастье и радость — это всего лишь щелчок мгновения. Звучите, Медные трубы. Литавры бейте, скрипки смейтесь и плачьте. Духовой оркестр, басы, баритоны, валторны, трубы, тромбоны — вальс! Играй, музыка, играй. Ты, как и счастье, недолговечна.

— Что за черт? — застопорил Степа Басенок оперативный «жигуленок». — Свадьба, что ли?

Он и Игорь Баркалов ехали к дому Игоря. Степа только что встретил его на вокзале. Новоявленный капитан был рад возвращению в город.

— Фу ты черт, — хлопнул себя ладонью по лбу Степа. — Сегодня же Самвел и Глория Ренатовна в загсе расписываются.

— Смотри, смотри, — Игорь показал пальцем, — кого это там Савоев тащит?

Степа и Игорь выскочили из «жигуленка» и поспешили к Славе Савоеву, тащившему за низ кителя рвущегося к свадебной процессии майора из военкомата.

— Да не рвись ты, Семенович, — шипел Слава Савоев, крепко держа майора. — Не пори горячку, давай все обсудим вначале.

— Я обязан сообщить об этом сразу же, — вырывался майор. — У меня приказ.

— В чем дело, Слава? — Игорь и Степа на всякий случай жестко взяли майора за локти. — Что произошло?

О, Игорь вернулся! — коротко обрадовался Слава и, тотчас же помрачнев, махнул рукой: — Да не держите вы его. Покажи им, Семеныч, — попросил он майора, и тот протянул Славе и Игорю похоронку на сына Глории Ренатовны.

— Вот послали меня сообщить и выразить соболезнование, неизвестно на кого злясь, сообщил майор.

— Давай завтра, а, Семеныч? — просительно проговорил Слава. — Я с тобой вместе пойду.

— Вот ведь гадство. — Майор устало махнул рукой, развернулся и направился в сторону автобусной остановки, отказавшись от предложения Степы довезти его к военкомату.

Играй, музыка, играй. Счастье и радость мотыльково-мгновенны. Сильнее, литавры, ну же, басы и баритоны! Играй вальс, раз-два-три, раз-два-три, духовой оркестр. Сегодня, сейчас играй! Завтра, только завтра наступит очередь маршей Шопена.

ЭПИЛОГ

Дул сильный, ровный, без порывов ветер. Ковыль приазовской степи почтительно и привычно склонился перед ним. Небо было звездным и полнолунным. Одиноким, добротным и большой дом из кирпича стоял почти у самого края степи, там, где она плавно вливается в седое загадочное Азовское море. Дом был окружен высоким каменным забором с деревянными, на две створки, воротами и калиткой в них. Полная луна над степью была огромной и почему-то мелодичной — она звучала.

Мужчина и женщина стояли на берегу, на почти незаметной глазу границе, где кончается степь и начинается море.

— Ну что, — улыбнулся мужчина, — он шевелится?

Мужчина, похожий на Пьера Ришара, положил руку на уже наполнившийся новым повторением жизни живот женщины.

— Да, — тихо ответила женщина, прижавшись щекой к плечу мужчины, — он уже требует свободы и даже иногда пытается петь.

— Мы назовем его Сергеем, — сказал мужчина и стал смотреть на луну.

— Или Анной, — тихо, даже как-то потаенно, проговорила женщина и чему-то своему, сокровенному, едва заметно улыбнулась.

Именно в эту ночь мужчине и женщине посчастливилось наблюдать редчайший, вызывающий яростные споры в среде ученых природный феномен, длящийся доли минуты, — вспышки на луне. Вдруг в центре луны расцвели, словно бы ярко-зеленые бабочки распахнули сложенные крылья, точки, быстро увеличиваясь, и вдруг, как будто вспорхнув, оторвались от поверхности луны и изумрудным дождем осыпались на землю.

— Красиво, — вздрогнувшим голосом произнес мужчина.

— Словно лунные бабочки полетели к цветам земли, — восхитилась женщина...

Но это уже другая история.

P.S. Мировая клон-эпопея

Начало 50-х гг. В Америке получена первая в мире клонированная лягушка из ядра клетки лягушачьего зародыша.

1981 г. В Колумбийском университете получены три клонированных человеческих эмбриона. Впоследствии их развитие было приостановлено.

1987 г. В Университете имени Дж. Вашингтона разделили клетки человеческого зародыша и клонировали их до стадии 32 клеток. Однако зародыши были уничтожены.

1997 г. Появление овечки Долли.

Чикагский ученый Ричард Сид объявляет о намерении открыть клинику по клонированию людей.

1998 г. Разработана европейская конвенция о правах человека и биомедицине, запрещающая проведение опытов по клонированию людей.

В Японии «способом овечки Долли» клонировано два теленка-близнеца.

Доктор Сид ведет переговоры о создании лаборатории по клонированию человека в Японии, где нет запрета на эту деятельность.

1999 г. Американская частная биотехническая компания объявила, что ей удалось клонировать человеческий эмбрион, который до уничтожения прожил 12 дней.

2000 г. В Великобритании снимаются законодательные ограничения на клонирование человека с целью производства запасных органов...

В Японии вводятся законодательные ограничения на любые опыты по клонированию людей.

Декабрь 2000 г. В Китае создана овца с генами человека.

XXI век — МИРОМ ПРАВЯТ ЭЛОХИМЫ!!!